

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 5 (112) • 2016

ISSN 2227-7315

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.Н. Сенякин	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
С.Б. Аникин	доктор юридических наук, доцент
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Н. Новгород)
А.Г. Блинов	доктор юридических наук, доцент
Н.Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Беларусь)
Е.В. Вавилин	доктор юридических наук, профессор
Н.А. Власенко	доктор юридических наук, профессор (Москва)
С.В. Ворошилова	доктор юридических наук, доцент
Т.А. Григорьева	доктор юридических наук, профессор
А.И. Демидов	доктор философских наук, профессор
Т.В. Заметина	доктор юридических наук, доцент
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора)
В.Т. Кабышев	доктор юридических наук, профессор
В.А. Летяев	доктор юридических наук, профессор (Казань)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор
Н.И. Матузов	доктор юридических наук, профессор
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор
Л.А. Савченко	доктор юридических наук, профессор (Украина)
В.С. Слобожникова	доктор политических наук, профессор
С.Б. Суровов	доктор социологических наук, профессор
В.А. Труханов	доктор политических наук, профессор
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Москва)

Журнал включен
Высшей аттестационной комиссией
Министерства
образования и науки РФ
в Перечень российских
рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть
опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
ученой степени
доктора и кандидата наук

Учредитель —
Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
образования
«Саратовская государственная
юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490
в каталоге агентства «Роспечать»

Цена для подписчиков — 451 руб.,
в розничной продаже — свободная.

Электронная версия размещена
на официальном сайте
Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Саратовская государственная
юридическая академия» по адресу:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>

E-mail: vestnik2@ssla.ru

Редактор, корректор
Т.Ф. Батищева

Верстка **Е.С. Сидоровой**

Журнал зарегистрирован Управлением
разрешительной работы в сфере
массовых коммуникаций
Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
13 февраля 2012 г. ПИ № ФС77-48565.

Подписано в печать 25.10.2016 г.
Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 22,75. Уч.-изд. л. 20,1.
Тираж 950 экз. Заказ 467.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», 2016

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 5 (112) • 2016

ISSN 2227-7315

EDITORIAL BOARD:

I.N. Senyakin	Doctor of Law, Professor (<i>Chief Editor</i>)
S.B. Anikin	Doctor of Law, Associate Professor
V.M. Baranov	Doctor of Law, Professor (N. Novgorod)
A.G. Blinov	Doctor of Law, Associate Professor
N.L. Bondarenko	Doctor of Law, Professor (Belarus)
A.I. Demidov	Doctor of Law, Professor
B.S. Ebzeev	Doctor of Law, Professor (Moscow)
T.A. Grigorieva	Doctor of Law, Professor
O.V. Isaenkova	Doctor of Law, Professor (<i>Deputy Chief Editor</i>)
V.T. Kabyshev	Doctor of Law, Professor
V.A. Letyaev	Doctor of Law, Professor (Kazan)
N.S. Manova	Doctor of Law, Professor
N.I. Matuzov	Doctor of Law, Professor
E.V. Pokachalova	Doctor of Law, Professor
L.A. Savchenko	Doctor of Law, Professor (Ukraine)
I.V. Shesteryakova	Doctor of Law, Associate Professor (<i>Deputy Chief Editor</i>)
L.G. Shapiro	Doctor of Law, Associate Professor
V.S. Slobozhnikova	Doctor of Political Sciences, Professor
S.B. Surovov	Doctor of Social Sciences, Professor
V.A. Trukhanov	Doctor of Political Sciences, Professor
E.V. Vavilin	Doctor of Law, Professor
N.A. Vlasenko	Doctor of Law, Professor (Moscow)
S.V. Voroshilova	Doctor of Law, Associate Professor
T.V. Zametina	Doctor of Law, Associate Professor

The journal is included by
**Higher Attestation Commission
of Ministry of Education and Science
of the Russian Federation**
to the Russian list of reviewed
journals, where major
scientific dissertations
and thesis results
are to be published

Founder

Federal State
Budget Educational Institution
of Higher Education
“Saratov State Law Academy”.
410056, Saratov, Volskaya, 1.

**E-version is located
on the official site
of Federal State Budget
Educational Institution
of Higher Education
“Saratov State Law Academy”**
(<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>)

E-mail: vestnik2@ssla.ru

The journal is registered by Censorship Office
in the Sphere of Mass Communication
of Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom,
Information Technologies
and Mass Communication
February 13, 2012. ПИ № ФС77-48565.

© Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
“Saratov State Law Academy”, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 11 **Арзамасов Ю.Г.**
Нормативистская теория права: уроки истории
- 18 **Катин В.И.**
Церковь и власть в России: политические уроки и выводы
- 23 **Суменков С.Ю.**
Исключения в праве как юридические средства: вопросы теории и практики
- 29 **Телегина В.А.**
Информационная безопасность и информационная защита судей в современной России
- 34 **Абрашин И.А.**
К вопросу об общетеоретическом понимании бланкетных нормативно-правовых предписаний
- 39 **Баранова М.В.**
Теоретико-методологические аспекты исследования функций правотворческого процесса: постановка базовой проблемы функциональной характеристики опережающего законоотвательства

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- 54 **Цыбуленко З.И.**
Новое в Гражданском кодексе Российской Федерации об исполнении обязательств
- 60 **Бабаков В.А.**
Теория механизма осуществления гражданских прав в концепции гражданско-правовой защиты публично-правовых образований
- 64 **Зайцев О.В.**
К проблеме модернизации системы источников гражданского права
- 68 **Кожокаръ И.П.**
Понятие, формы, объекты и субъекты предупреждения дефектов механизма гражданско-правового регулирования
- 73 **Менис Е.В.**
Договор аренды земельного участка: общие и специальные существенные условия
- 78 **Аббасова А.М.**
Договор об учреждении права застройки
- 83 **Дубнова Д.К.**
Эскроу счет в российском праве
- 86 **Мирошник М.А.**
Соотношение права на защиту и принуждение в гражданском праве
- 91 **Пудовкина О.В.**
Проблемы определения и классификации правового режима недвижимого имущества
- 96 **Рой А.А.**
Особенности гражданской правоспособности публично-правовых образований
- 100 **Фомин Е.М.**
Пользование и владение нанимателя в арендном правоотношении: анализ гражданского законодательства России и Италии

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

- 105 **Лощинина Е.И., Сенякин И.Н.**
Госпитализация гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, в недобровольном порядке: сравнительный анализ норм Кодекса административного судопроизводства РФ и ранее действующих норм Гражданского процессуального кодекса РФ

- 110 Ионова Ю.А.**
Хронодискретное моногеографическое сравнительно-правовое исследование института доказывания в исковом производстве по вопросу освобождения от доказывания обстоятельств, подтвержденных нотариальными актами
- 115 Семенова Е.А.**
Институт отмены усыновления как хронодискретный моногеографический институт права

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- 119 Разгильдиев Б.Т., Насиров Н.И.**
Достоинство и честь человека и их уголовно-правовая охрана
- 126 Шляпникова О.В., Сидорова Н.А.**
Проблемы в правовом регулировании отбывания наказания осужденными беременными женщинами и женщинами, имеющими малолетних детей, в исправительных учреждениях на территории Российской Федерации
- 131 Крылов Н.Г.**
К вопросу о содержании понятия «насилие» в российском уголовном праве
- 136 Чёрный А.М.**
Международно-правовые и национальные инструменты предупреждения торговли людьми

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

- 142 Садчиков М.Н.**
Контроль как критерий налогово-правового статуса контролируемой иностранной компании
- 146 Швецова И.В.**
Понятие и содержание правоотношений по предоставлению, использованию и возврату бюджетных кредитов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДОРЕСУРСНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

- 149 Боголюбов С.А.**
Совершенствование российского аграрного, земельного и экологического права: саратовский вклад
- 152 Пандаков К.Г., Волкова Т.В.**
70 лет кафедре земельного и экологического права
- 155 Устюкова В.В.**
Проблемы применения нового порядка изъятия земельных участков сельскохозяйственного назначения в связи с их неиспользованием
- 159 Бринчук М.М.**
Научная обоснованность как принцип экологического права
- 162 Тимофеев Л.А.**
Вопросы совершенствования организационно-правового обеспечения товарного рыбоводства на федеральном уровне
- 167 Волкова Т.В.**
Необходимость межотраслевого подхода к исследованию отношений в сфере управления земельными ресурсами и защиты прав на землю
- 170 Чмыхало Е.Ю.**
Об эффективном использовании земель: проблемы правоприменения
- 177 Абанина Е.Н.**
Ограничение пребывания граждан в лесах в целях обеспечения экологической безопасности
- 181 Куликова О.В., Попкова В.А.**
Экологизация в сфере обращения с отходами производства и потребления как мера обеспечения экологической безопасности Саратовской области
- 187 Сорокина Ю.В., Агаренков С.В.**
Модернизация понятийного аппарата как путь к совершенствованию государственного механизма охраны окружающей среды
- 191 Плотникова Ю.А., Тарасова Е.А.**
Эколого-правовая составляющая энергетического сотрудничества Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе

- 197 **Агапов Д.А., Ганюхина О.Ю.**
О некоторых аспектах современного правового регулирования генетически модифицированных организмов в России
- 201 **Устинова А.Н.**
Правовое регулирование восстановления природных ресурсов в контексте требований международного права

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- 206 **Бичехвост А.Ф.**
Политические представления в раннем христианстве
- 211 **Коновалов И.Н.**
Новый этап антинаркотической политики в современной России (региональные аспекты)
- 215 **Купин В.Н.**
Геополитический фактор современных трансграничных демографических вызовов и миграционных угроз: теоретико-методологический аспект
- 219 **Труханов В.А.**
Ответственность субъектов регионального политического процесса

ЯЗЫК. ПРАВО. ОБРАЗОВАНИЕ

- 222 **Родионова О.С., Шишканова Л.П., Калинина М.Г.**
К вопросу о работе над лексикой при подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации (немецкий язык)
- 227 **Денисов В.Н., Кирюшкина Т.В.**
Комплексный подход для достижения коммуникативной цели обучения иностранному языку в неязыковом вузе
- 230 **Игнаткина А.Л.**
Лингвокультурные аспекты формирования английской общественно-политической терминологии
- 235 **Максимова С.Ю.**
Особенности отрицательных конструкций в афроамериканском социально-этническом диалекте
- 239 **Кузнецова Ю.А.**
Концепт *witness* при обозначении лиц: особенности репрезентации в общелитературном языке и подъязыке права
- 243 **Ильичева Е.Г.**
К вопросу о характере связи компонентов в полипредикативных синтаксических единицах
- 246 **Волгина Е.В.**
Гендерная метафора в юридической терминологии

РЕЦЕНЗИИ

- 250 **Колесников Е.В., Плотникова И.Н.**
Рецензия на монографию: Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. – М.: Норма: Инфра-М, 2016. – 240 с.
- 254 **Хижняк В.С., Лядацева-Ильичева М.Н.**
Рецензия на монографию: Кодан С.В., Февралёв С.А. Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII—начало XX в.)». – М.: Юрлитинформ, 2014. – 288 с.

ПЕРСОНАЛИИ

- 258 К юбилею Владислава Игоревича Пороха

ИНФОРМАЦИЯ

- 259 В диссертационных советах

CONTENTS

THEORY OF STATE AND LAW

- 11 Arzamasov Yu.G.**
Normativistic theory of law: lessons from history
- 18 Katin V.I.**
The Church and the State in Russia: political lessons and conclusions
- 23 Sumenkov S.Yu.**
Exceptions within law as legal means: questions of theory and practice
- 29 Telegina V.A.**
Information protection and information security and of judges in modern Russia
- 34 Abrashin I.A.**
To the question of the general theoretical understanding blanket legal regulation
- 39 Baranova M.V.**
Theoretico-methodological aspects of the functions of law-creating process: setting-up the basic problems of functional characteristics of forestalling legislation

CIVIL LAW

- 54 Tsybulenko Z.I.**
New in the Civil Code on the Implementation of Obligations
- 60 Babakov V.A.**
The theory of the mechanism of realization of civil rights in the concept of civil law protection of public legal entities
- 64 Zaytsev O.V.**
The issue of modernization of system of civil law's sources
- 68 Kozhokar I.P.**
The concept, forms, objects and subjects of defects prevention mechanism of civil-law regulation
- 73 Menis E. V.**
The lease contract of land: general and specific essential conditions
- 78 Abbasova A.M.**
The Treaty establishing building rights
- 83 Dubnova D.K.**
Escrow account in Russian law
- 86 Miroshnik M.A.**
The ratio of the right to the protection and enforcement in civil law
- 91 Pudovkina O.V.**
Problems of definition of the legal regime of real estate
- 96 Roi A.A.**
Features of civil legal capacity of public legal entities
- 100 Fomin E.M.**
Use and possession by lessee in leasehold legal relationship: analysis of civil legislation of Russia and Italy

CIVIL PROCESS

- 105 Loshchinina E.I., Senyakin I.N.**
Hospitalization of a citizen in a medical organization providing psychiatric care, involuntary: a comparative analysis of the norms of the Code of administrative procedure of the Russian Federation and the previously existing norms of the Civil procedural code of the Russian Federation

- 110 Ionova Yu.A.**
Chrono-discretionary mono-geographic legal comparative research on institution of proof in litigation pursuant to proof exemption of circumstances affirmed with notarial instruments
- 115 Semenova E.A.**
Institute for the abolition of adoption as chronicity manoeuvrability Institute of law

CRIMINAL AND PENAL LAW

- 119 Razgildiev B.T., Nasirov N.I.**
Dignity and honor of a personality and their legal protection
- 126 Shlyapnikova O.V., Sidorova N.A.**
Gaps in the legal regulation of punishment convicted pregnant women and women with young children in correctional institutions on the territory of the Russian Federation
- 131 Krylov N.G.**
To a question about the content of the concept of «violence» in the Russian criminal law
- 136 Cherny A.M.**
Policy instruments under national and international law to legal of prevent man trafficking

FINANCIAL, BANKING AND CUSTOMS LAW

- 142 Sadchikov M.N.**
Control as an element of controlled foreign company
- 146 Shvetsova I.V.**
Concept and the content of legal relationship on granting, use and return of the budgetary credits

THE MAIN DIRECTIONS OF RUSSIA NATURAL RESOURCE POLICY IN THE TRANSITION TOWARDS SUSTAINABLE DEVELOPMENT

- 149 Bogolyubov S.A.**
Perfection of the russian agrarian, agrarian and ecological right: the Saratov contribution
- 152 Pandakov K.G., Volkova T.V.**
70 years of the Department of land and ecological law
- 156 Ustyukova V.V.**
Problems of application of the new order of withdrawal of the ground areas of agricultural purpose in connection with their non-use
- 159 Brinchuk M.M.**
Scientific validity as the principle of the ecological law
- 162 Timofeev L.A.**
Improving the organizational and legal support of commodity fish culture at the federal level
- 167 Volkova T.V.**
Necessity of interdisciplinary approach to the searching of relations in the sphere of land resources management and protection of land rights
- 170 Chmihalo E.Yu.**
The effective use of land: problems of enforcement
- 177 Abanina E.N.**
Limitation of citizens' stay in the woods in order to ensure the environmental safety
- 182 Kulikova O.V., Popkova V.A.**
Greening in the treatment of industrial and municipal waste as a measure to ensure the environmental safety of the Saratov region
- 187 Sorokina Yu.V., Agarenkov S.V.**
Modernization of conceptual apparatus as a way to perfection state mechanism of environmental protection

- 191 **Plotnikova Ju.A., Tarasova E.A.**
Ekologo-pravovaya the component of the energy cooperation of the Russian Federation in the asia-pacific region
- 197 **Agapov D.A., Ganyuhina O.Yu.**
Some aspects of the modern legal regulation of genetically modified organisms of Russia
- 201 **Ustinova A.N.**
Legal regulation of the restoration of natural resources in the context of international law requirements

POLITICAL PROCESS: HISTORY AND MODERNITY

- 206 **Bichekhvost A.F.**
Political views in early christianity
- 211 **Konovalov I.N.**
New stage of counter-narcotics policy in modern Russia (regional aspects)
- 215 **Kupin V.N.**
Geopolitical factor of modern demographic challenges and threats to global migration and national security
- 219 **Trukhanov V.A.**
Responsibility of subjects of regional political process

LANGUAGE. LAW. EDUCATION

- 222 **Rodionova O.S., Shishkanova L.P., Kalinina M.G.**
The problem of studying german lexicon when teaching translators in the sphere of professional communication (the german language)
- 227 **Denisov V.N., Kiryushkina T.V.**
Complex approach to attaining the communicative aim of teaching a foreign language in a non-linguistic higher school
- 230 **Ignatkina A.L.**
Linguistic and cultural aspects of english political terminology formation
- 235 **Maksimova S.Yu.**
Features of negation in african american vernacular english
- 239 **Kuznetsova Yu.A.**
The concept *witness* denoting persons: specifics of representation in the sublanguage of law and in the common literary language
- 243 **Ilyicheva E.G.**
To the issue of connection type in polypredicative syntactic units
- 246 **Volgina E.V.**
Gender metaphor in legal terminology

REVIEWS

- 250 **Kolesnikov E.V., Plotnikova I.V.**
Review of the monograph: Kruss V.I. Constituonalization of Law: theory basics. – M.: Norma: Infra-M, 2016. – 240 p.
- 254 **Khizhnyak V.S., Lyadascheva-Ilicheva M.N.**
Book review: Kodan S.V., Fevraley S. A. Local law of national regions of Russian Empire (the second part of XVII-the beginning of the XX century). – M.: Yurlitinform, 2015. – 288 p.

PERSONALITIES

- 258 **To the birth anniversary of Vladislav Igorevich Porokh**

INFORMATION

- 259 **In Dissertation Councils**

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Ю.Г. Арзамасов

НОРМАТИВИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА: УРОКИ ИСТОРИИ

В статье рассмотрены как положительные стороны нормативистской теории права Г. Кельзена, так и отрицательные. Отмечается, что сильнейший удар теория нормативизма получила в ходе Нюрнбергского процесса над немецкими фашистскими преступниками, что подтверждает анализ норм законов и правоприменительной практики нацистской Германии. Формулируется вывод о необходимости закрепления требований, предъявляемых к содержанию нормативных правовых актов.

Ключевые слова: нормативистская теория права, нормативизм, нацистское законодательство, система норм права, законы, нацификация, требования, предъявляемые к нормативным правовым актам.

Yu.G. Arzamasov

NORMATIVISTIC THEORY OF LAW: LESSONS FROM HISTORY

The article describes the positive and negative aspects of the normativistskoy theory of right by G. Kelzen. It is noted that a severe blow to the theory normativism received during the Nuremberg trial of German fascist criminals. This confirms the analysis of the provisions of laws and law enforcement practices of Nazi Germany. It is concluded that, in order not to repeat the negative lessons of history associated Nazification, in the national laws governing the creation of laws procedure should establish requirements for the content of normative legal acts.

Keywords: normativistskaya theory of law, normativism, Nazi laws, the system of legal norms, laws, Nazification, the requirements for regulatory legal acts.

Правовые системы многих стран, входящих в романо-германскую правовую семью, как ее в свое время определил Рене Давид¹, живут и развиваются в основном под влиянием «чистого учения о праве» австрийского ученого Г. Кельзена². Так, например, сегодня уже ни у кого не вызывают сомнения такие понятия, как: «законность»³, «юридическая сила»⁴, «иерархия норм права»⁵, «правопорядок»⁶. Данные понятия прочно вошли в научный обиход как ученых, юристов практиков, различных государственных служащих, так и обывателей.

Под влиянием «чистого учения о праве», т.е. теории нормативизма, отечественные правоведы стали больше уделять внимания таким явлениям, как коллизии в праве⁷, гарантии законности⁸, формированию четкой и стройной системы законодательства⁹.

© Арзамасов Юрий Геннадьевич, 2016

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Несомненно, с данной концепцией тесно связано также широкое распространение в современном мире идей верховенства международного права над национальным законодательством государств, учреждение институтов конституционного контроля (создание специального органа конституционной юстиции впервые было предусмотрено в Конституции Австрии 1920 г., которую отредактировал сам Г. Кельзен). Многие системы законодательства как европейских, так и азиатских стран, построены на основе той самой пирамиды норм, которую предложил Г. Кельзен, и отличаются от его предложений только отдельными незначительными штрихами, подчеркивающими особенности той или иной формы правления и национальных правовых систем.

Несомненно, что Г. Кельзен — один из самых ярких представителей нормативизма, поскольку он предложил понимать под правом «совокупность правил поведения». С данным концептом сегодня соглашаются представители разных правовых школ и направлений. Однако в своих суждениях Г. Кельзен часто ассоциировал право и с государственным порядком. «Ведь считается само собой разумеющимся, что собственный государственный принудительный порядок есть право»¹⁰.

Говоря об учении Г. Кельзена, следует отметить, что, несмотря на то, что в СССР марксисты молча взяли на вооружение нормативистскую теорию права, они критиковали Г. Кельзена за то, что в представленной им иерархии, а точнее пирамиде норм права, отсутствовал экономический базис. Если бы Г. Кельзен в своих работах указал, что право базируется на экономике и вытекает из нее, то они бы признали учение Г. Кельзена полностью, безоговорочно. Однако буржуазный характер, вернее, основа, концепт этого учения не позволил им сделать этого, поскольку такой шаг означал бы полное признание буржуазной правовой теории, что не только противоречило марксистско-ленинскому учению, но было и не безопасно в условиях сталинского тоталитарного режима.

Остановимся на выявлении основной идеи учения Г. Кельзена. Проведенный анализ показывает, что основные идеи нормативистской теории Г. Кельзена заключаются, прежде всего, в том, что исходным является представление о праве как о системе (пирамиде) норм, направленной на регулирование общественных отношений, где на самом верху находится основная (суверенная) норма, принятая законодателем. Данная норма — это определенная идея, основа, от которой исходят нормы права. Причем каждая низшая норма черпает свою законность в норме более значительной юридической силы. Так, из «грунд нормы» вытекают нормы конституции, затем нормы обыкновенного закона, далее следуют акты правительства, акты министерств и ведомств, индивидуальные акты. К последним относятся решения судов, договоры, предписания администрации, которые тоже должны соответствовать основной конституционной норме и всем иным нормам, а также нормам, обладающим большей юридической силой.

Г. Кельзен считал, что юридическая наука должна изучать «право в чистом виде», в не в связи с политическими оттенками, т.е. право должно быть полностью независимым от политиков, их решений, политических партий и т.п. Данная идея хороша сама по себе, но на практике она довольно трудно реализуема. Однако как определенный стандарт (эталон) она может вызвать одобрение.

Между тем вся история государства и права подтверждает то, что право часто выступало лишь средством, определенным инструментом в руках публичной власти и господствующих слоев населения (граждан Древнего Рима, российских

помещиков, современных олигархов и др.), инструментом реализации определенных замыслов, целей, программ, вида государственной политики и т. п.

Таким образом, мы видим, что положительных сторон у нормативизма Г. Кельзена достаточно. Но есть ли слабые места в данном учении? Если да, то в чем они проявляются?

Во-первых, следует отметить, что в теории Г. Кельзена осуществлен большой крен к формальной стороне, т.е. форма преобладает над содержанием нормативных документов. Такое положение вещей, несомненно, приводит к правовому дисбалансу, что влечет за собой иной раз даже полное игнорирование его содержательной стороны¹¹. По мысли Г. Кельзена, «... для чистого учения о праве характерна выраженная антиидеологическая направленность»¹², которая представляет позитивное право свободным от всякого смещения с «идеальным» правом¹³.

Во-вторых, все акты государства признаются правовыми, т.е. легитимными, правильными, не требующими сомнения в их пробельности, законности и т. п. «Всякое государство, — писал Г. Кельзен, — ... есть правовое государство в том смысле, что оно представляет собой правопорядок»¹⁴.

В-третьих, Г. Кельзен довольно критически относился к социологии права. В этой связи М.В. Антонов отмечал, что «чистая теория права Ганса Кельзена в истории теоретического правоведения XX в. является наиболее показательной и последовательной попыткой очистить науку о праве от чужеродных ей элементов, в число которых австрийский правовед включал методы естественных и социальных наук»¹⁵.

В-четвертых, у Г. Кельзена преувеличена роль законодателя, который может закрепить в нормативных документах возможность применения не только устаревших правил поведения (например, консервативных обычаев), но и противоправных действий, произвола, возможность ущемления прав и свобод человека и гражданина.

Поговорим об этом более подробно. Сильнейший удар теория нормативизма получила, когда проходил Нюрнбергский процесс над бывшими немецкими преступниками. Весь парадокс заключался в том, что, с точки зрения нормативистской теории, фашистских преступников нельзя было судить, т.к. в свое оправдание последние говорили, что они солдаты и выполняли законы и подзаконные акты Германии.

Что это были за законы? Какие нормы они закрепляли?

Чтобы ответить на данный вопрос, проанализируем нормативные акты, принятые в Германии с апреля по декабрь 1933 г. и частично практику их применения. Данный период времени в истории Германии взят нами для анализа не случайно, поскольку именно в это время наблюдается активное упрочение власти НСДАП и проводится политика т.н. «нацификации» всех сфер жизни общества. Так, например, 10 апреля 1933 г. был принят Закон «О допущении к занятию адвокатурой». В соответствии с данным нормативным документом евреи отстранялись от защиты обвиняемых как на предварительном расследовании, так и в дальнейшем, т.е. во время судебного разбирательства. Помимо прочего, они лишались также права приобретать членство каких бы то ни было государственных профессиональных объединений юристов¹⁶. Фактически данный Закон способствовал тому, что из юридической профессии устранились неугодные Гитлеру евреи.

Далее на основании Закона от 26 апреля 1933 г. «О засорении чуждыми элементами германских школ и университетов» была введена процентная норма для евреев в школах и университетах, в чем также проявляется дискриминация по национальному признаку¹⁷.

2 июня 1933 г. произошло увольнение еврейских зубных техников из поликлиник на основании предписаний фактически антиправовых норм Закона «О допущении врачей к работе в больничных кассах». 5 июля 1933 г. в Германии произошла отмена пособий для молодоженов, если один из партнеров был не арийцем. Данная норма также свидетельствует о проявлении дискриминации в отношении, главным образом, евреев и цыган. Еще один факт дискриминации по национальному принципу. 22 сентября 1933 г. в Германии происходит утверждение Государственного отдела культуры, куда был открыт доступ лишь для арийцев. С 29 сентября 1933 г. от крестьян стали требовать доказательства их арийского происхождения.

4 ноября 1933 г. был принят Закон «О главных редакторах». На первый взгляд, казалось бы, безобидный сам по себе акт, но он закрепил вопиющие антиправовые нормы, согласно которым пресса определялась не просто как «государственное средство просвещения и воспитания». Запрещалось евреям или лицам, состоящим с ними в браке, редактировать и выпускать немецкие газеты. Результат не заставил себя ждать. Исторические факты свидетельствуют, что в период с ноября 1933 г. по июль 1934 г. число ежедневных газет в нацистской Германии сократилось с 2703 до 1128, а еженедельных журналов на 40%, число ежемесячных журналов сократилось на 45%¹⁸.

Как видим, имело место ущемление прав не арийцев не только в нормах данных актов, но и на практике. При этом при регулировании отношений, возникающих между евреями и другими не арийцами в нацистской Германии, государством с утверждающимся ярко выраженном фашистским режимом, применялись совершенно разнообразные средства и методы дискриминации народов и народностей как от различных правовых запретов и ограничений, принятия и реализации антиеврейских законов, так и до физического насилия, погромов и даже геноцида отдельных народов.

Важным, с точки зрения правового анализа, представляется рассмотрение Закона от 7 апреля 1933 г. «Об упорядочении управленческого аппарата», который разрешал увольнять государственных чиновников, не являющихся «... из-за своей прежней политической деятельности благонадежными и на которых нельзя положиться в том, что они полностью посвятят себя службе государству»¹⁹. Результатом практической реализации данного Закона стала тотальная нацификация, т.е. утверждение нацистской доктрины, идеи в системе других общепринятых концептов, теорий и идеологий управленческого аппарата, т.к. лица, не разделяющие нацистскую идеологию, к занятию ответственных постов попросту не допускались.

Аналогичные нормы принимались и в области регулирования политической системы. Так, Закон «Против образования новых партий», принятый 14 июля 1933 г., практически обеспечил политическую гегемонию НСДАП, благодаря чему нацистская партия почти полностью заполнила политическое руководство в Германии, напроць не только оттеснив, но и фактически устранив политических конкурентов и приобретя тем самым особый статус единой правящей партии, т.е. в тех условиях политической системы Германии, НСДА стала единственной

действующей легальной структурой политической системы. Итог — в Германии была установлена однопартийная система.

Таким образом, менее чем через 5 мес. после назначения на пост рейхсканцлера Германии у Гитлера появилась возможность констатировать свершившийся факт: «Партия стала государством». Впоследствии это получило законодательное оформление в виде принятия Закона от 1 августа 1934 г. «О верховном главе Германской империи», закрепивший за Гитлером уже статус пожизненного главы государства, который согласно нормам обладал исключительным правом назначать своего преемника. Также нормативно верховный глава был наделен правом принимать присягу на верность у солдат, чиновников и имперских министров. Таким образом, фактически он приобрел все формальные функции и необходимые атрибуты полноценного национального лидера²⁰, которые по сути были схожи с полномочиями императора.

В соответствии с Законом от 14 июля 1933 г. «О народном голосовании» 19 августа 1933 г. в Германии состоялся референдум по вопросу о поддержке режима и лично Гитлера. Для нас, живущих в т.н. демократическом обществе и в полной мере осведомленных о разрушительной деятельности нацизма во время Второй мировой войны, его результаты попросту шокируют, т.к. из 94% явившихся на избирательные участки человек более 38 млн, т.е. практически 85% одобрили концентрацию в руках Гитлера всей государственной власти и более того его античеловеческие методы реформирования Германии²¹.

Как отмечает Д.А. Кошелев в гл. IV. «Содержание и структура правовой системы нацистской Германии» Краткого очерка германского национал-социалистического права (1933–1939), «начало 1934 г. ознаменовалось принятием еще одного нормативного акта, имеющего принципиальное значение для изучения национал-социалистического права — Закона от 30 января 1934 г. «О переустройстве империи». Его принятие было приурочено к первой годовщине прихода Гитлера и НСДАП к власти и представляло собой своеобразный итог прошедшему периоду. Этот Закон упразднял всю систему местного самоуправления, созданную и юридически закрепленную Конституцией 1919 г., с одновременной передачей империи всех «прав верховенства областей». Таким образом, принцип федерализма — не самый удачный для Германии — оказался заменен принципом жесткого унитаризма, для внедрения которого была введена новая государственная должность имперского наместника в землях, имевшего самые широкие полномочия в деле управления землей»²².

Пиком националистического законодательства стали т.н. Нюрнбергские расовые законы, два закона расистского содержания — «Закон о гражданине Рейха» и «Закон об охране германской крови и германской чести». Согласно ст. 2 «Закона о гражданине Рейха» гражданином Рейха может быть лишь тот, кто обладает «германской или родственной ей кровью и кто своим поведением доказывает желание и способность преданно служить германскому народу и Рейху». Такая формулировка фактически означала лишение немецкого гражданства, в первую очередь евреев и цыган.

Не отступали от анализируемых норм и ведомственные подзаконные акты, которые способствовали внедрению античеловеческих норм на практике. Так, например, в приложении к специальному приказу оперативного отдела Генерального штаба германской армии за № 43761/41 отмечалось: «Все имеющиеся у русского гражданского населения валяные сапоги, включая и детские валенки,

подлежат немедленной реквизиции. Обладание валяными сапогами запрещается и должно караться так же, как и неразрешенное ношение оружия» (за которое, по германским инструкциям, виновные расстреливаются на месте).

Из материалов Нюрнбергского процесса стало известно, что данный приказ реализовывался на практике следующим образом. Так, при отступлении из села Терентьево Мало-Ярославецкого района Московской области немцы остановили на улице 73-летнего крестьянина Юргова Г. П., 70-летнюю Чибисову А. и 12-летнего Сергеева В., стащили с них полушубки и валенки, а затем расстреляли²³.

Фашистские преступники же на Нюрнбергском процессе хором говорили, что они выполняли законы, приказы и т.п. Ведь все они были солдатами и за неподчинение могли быть наказаны по военным законам своего государства. Они считали, что одного этого якобы достаточно, чтобы любое решение Нюрнбергского трибунала признать несправедливым. Впрочем, подобные аргументы сразу же были отвергнуты, поскольку §47 германского Военно-уголовного кодекса четко указывал, что солдат вправе отказаться от выполнения любого преступного приказа, кроме случаев, когда ему было неизвестно о злом умысле командира.

С 30 сентября по 1 октября 1946 г. Нюрнбергский трибунал зачитывал приговор нацистам, согласно которому 12 подсудимых были приговорены к смертной казни через повешение. Это были такие высшие чины гитлеровской Германии: В. Геринг, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, И. фон Риббентроп, В. Кейтель, Г. Франк, В. Фрик, Ю. Штрейхер, Ф. Заукель, А. Йодль, А. Зейсс-Инкварт.

Учит чему-либо история? Последние события, связанные с Украиной, свидетельствует о том, что нет, поскольку там имеют место явные процессы нацификации.

В этой связи, чтобы не повторить уроки истории фашистской Германии, в национальных законах, регламентирующих процедуру создания нормативных правовых актов, во избежание принятия норм, ущемляющих права и свободы человека и гражданина, следует закрепить ряд специальных требований, предъявляемых к содержанию нормативных правовых актов. Так, например, в новом проекте Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» следует закрепить не только требования, предъявляемые к нормативным правовым актам как с точки зрения соблюдения правил нормотворческой юридической техники, так и следующие требования, предъявляемые к содержанию нормативных правовых актов, в частности:

- 1) соответствие общепризнанным международным документам о правах и свободах человека и гражданина;
- 2) в нормативных правовых актах не должно содержаться норм, ущемляющих или ограничивающих законные права и интересы человека и гражданина;
- 3) соответствие нормативных правовых актов Конституции, законам и другим актам высших органов государственной власти;
- 4) соответствие нормативных правовых актов реальным общественным отношениям и общепризнанным моральным нормам;
- 5) соблюдение органом государственной власти своей компетенции²⁴.

Также следует проводить мониторинг не только проектов нормативных правовых актов и уже действующих актов²⁵, но и мониторинг идей, поскольку те или иные идеи, как мы проследили на примере анализа норм законов нацистской Германии, утвердившейся в Европе идеи нормативизма, могут иметь как положительные, так и негативные черты.

¹ См.: Рене Давид, Камилла Жоффре-Спинози. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М., 2009. С. 27–29.

² См., например: Кельзен Г. Общее учение о государстве. Берлин, 1925 // Революция права. М., 1928. № 2. С. 149–152; *Его же*. Судебная гарантия Конституции (Конституционная юстиция. Ч. 2. Окончание) // Право и политика. М., 2006. № 9. С. 5–18; *Его же*. Чистое учение о праве и аналитическая юриспруденция / пер. с англ. А.А. Краевского // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. СПб., 2011. С. 432–453; *Его же*. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / пер. М.В. Антонов; сост. М.В. Антонов. СПб., 2014.

³ См.: Арзамасов Ю.Г. Законность ведомственных нормативных актов. Барнаул, 2002; Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992; Ведяхин В.М., Ефремов А.Ф. Политические гарантии законности // Правоведение. 2000. № 3; Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3; Лисюткин А.Б. К понятию законности // Правоведение. 1993. № 5; Малейн С.С. Законность в условиях переходного периода // Теория права: новые идеи. М., 1995.

⁴ См., например: Гранат Н.Л. Источники права // Юрист. 1998. № 9. С. 6–12; Кузнецова О.А. Юридическая сила общепризнанных принципов и норм международного права в российской правовой системе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 3. С. 4–10.

⁵ Наиболее полно проблемы иерархии источников и норм права были исследованы В.А. Толстиком. См.: Толстик В.А. Иерархия источников российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

⁶ См., например: Казаков В.Н. Правомерное поведение и правопорядок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

⁷ См., например: Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984; Звезков В.П. Международное коллизионное право. М., 1998; Ерпылева Н.Ю. Коллизионные нормы в современном международном частном праве // Законодательство и экономика. 1998. № 2; Тихомиров Ю.А. Коллизионное право: учебное и научно-практическое пособие. М., 2000; Матузов Н.И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. 2000. № 5.

⁸ См.: Борисов В.В. О гарантиях законности // Вопросы теории государства и права: Новые идеи и подходы: межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2000. № 2(11). С. 36–41.

⁹ См.: Шебанов А.Ф. Система отраслей законодательства: основания построения // Правоведение. 1976. № 4; Поленина С.В. Система права и система законодательства в современных условиях // Правоведение. 1987. № 5; Бобылев А.И. Современное толкование системы права и системы законодательства // Государство и право. 1998. № 2; Ермоленко С.В. Система законодательства Российской Федерации: Вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006; *Его же*. Система права и система законодательства: сравнительный анализ // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 3.

¹⁰ Чистое учение о праве Ганса Кельзена: К XIII конгрессу Международной ассоциации правовой и социальной философии (Токио, 1987): сборник переводов / пер. С.В. Лёзова; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович. М., 1987. Вып. 1. С. 98.

¹¹ О законодательном дисбалансе см.: Сенякин И.Н., Фомин А.А., Никитин А.А. и др. Законодательный дисбаланс / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов, 2013; Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов, 2015.

¹² Чистое учение о праве Ганса Кельзена: К XIII конгрессу Международной ассоциации правовой и социальной философии (Токио, 1987): сборник переводов / пер. С.В. Лёзова; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович. Вып. 1. С. 143.

¹³ См.: Там же. С. 143.

¹⁴ Там же. С. 153.

¹⁵ Антонов М.В. Социологические мотивы учения о праве Ганса Кельзена // Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г.Ф. Шершеневича): материалы VI Международной научно-практической конференции: в 3 ч. / отв. ред. О.В. Кузьмина, Е.Л. Поцелуев. Т. 2. Иваново, 2012. С. 184–198.

¹⁶ См.: Гейден К. История германского фашизма / пер. с нем. Ф. Капелюша и А. Риша; предисл. И. Дворкина. М.; Л., 1935. С. 364–365.

¹⁷ См.: Там же. С. 365.

¹⁸ URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-152375.html> (дата обращения: 22.06.2016).

¹⁹ В материалах Нюрнбергского процесса анализируемый закон называется «Закон о восстановлении профессиональной гражданской службы» // Нюрнбергский процесс: в 8 т. Т. 2. С. 109.

²⁰ См.: URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1182034&subID=100075267,100075272> (дата обращения: 22.06.2016).

²¹ См.: URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1182034&subID=100075267,100075272> (дата обращения: 22.06.2016).

²² URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1182034&subID=100075267,100075272#text> (дата обращения: 22.06.2016).

²³ URL: <http://svpressa.ru/post/article/99581/> (дата обращения: 22.06.2016).

²⁴ Подробнее о требованиях, предъявляемых к нормативным правовым актам, см.: Нормография: теория и методология нормотворчества: учебно-методическое пособие / под ред. Ю.Г. Арзамасова. М., 2007. С. 108–129; Арзамасов Ю.Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России. М., 2013. С. 352–365.

²⁵ О данных видах правового мониторинга см.: Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. Мониторинг в право-творчестве: теория и практика. М., 2009; *Их же*. Концепция мониторинга нормативных правовых актов. М., 2011.

В.И. Катин**ЦЕРКОВЬ И ВЛАСТЬ В РОССИИ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ УРОКИ И ВЫВОДЫ**

В статье обобщаются формы взаимоотношений Русской православной церкви и Российского государства; анализируются их природа и сущность на всем протяжении становления и развития. Значительное внимание уделяется современному состоянию церковно-государственных отношений; перспективам дальнейшего их развития.

Ключевые слова: власть, государство, клерикализм, партнерство, право, религия, Русская Православная Церковь, церковь, церковно-государственные отношения.

V.I. Katin**THE CHURCH AND THE STATE IN RUSSIA:
POLITICAL LESSONS AND CONCLUSIONS**

The article summarizes the relationship of the Russian Orthodox Church and the State in Russia, examines the nature and essence of all over their formation and development. Places much emphasis on the current state of Church-State relations, singled out by their features. Emphasis focuses on the prospects for further development of relations between the Russian State and Church, which, in the opinion of the author, not possible without accounting for both lessons and conclusions drawn from experience, to avoid repeating the mistakes of the past.

Keywords: power, state, clericalism, partnership, right, religion, Russian Orthodox Church, church, church and state relations.

С момента оформления христианства в качестве официальной религии Римского государства, становления и развития ее институциональности до настоящего времени среди правоведов, философов, политологов, представителей других общественных наук не прекращается дискурс о взаимодействии и взаимоотношении церкви, христианской в частности, и власти.

На наш взгляд, суть исследуемой политологической проблемы сводится к поиску той «золотой середины», которая позволит, наконец, приблизиться к определению того, где и как эти общественные силы, оказывающие двойное влияние на подданных государства, смогут взаимоуравновешиваться; существуют ли пределы их невмешательства в дела друг друга, насколько осуществляется их взаимопроникновение (идеологическое, политическое, ментальное и т.д.); каковы перспективы дальнейшего сосуществования этих сущностей. К отмеченным проблемам вплотную примыкает вопрос о причинах политизации отношений между церковью и государством, обусловленности феномена ее трансформации в актор политики.

При всей, казалось бы, простоте поставленных проблем, они, тем не менее, при их декодировании приобретают сложный характер. Сложность их объясняется тем, что церковно-государственные отношения затрагивают актуальные вопросы человеческого бытия, экономические, политические, социальные, правовые и многие другие интересы различных страт населения, церковных и политических организаций, как, впрочем, и все то, что касается политики. Для России эта проблематика более чем актуальна.

© Катин Виктор Ильич, 2016

Кандидат культурологии, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин (Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии); e-mail: vkatin1405@mail.ru

Особенностью христианизации России в его православном (византийском) варианте явилось то, что принятие новой религии произошло «сверху», по инициативе государственной власти. Ее распространение также осуществлялось при самом активном участии властей.

В течение всего периода церковно-государственных отношений в России складывались различные формы их интеракции. Одна из них получила название *симфонии церкви и государства*. «Государство при симфонических отношениях с Церковью ищет у нее духовной поддержки, ...а Церковь получает от государства помощь в создании условий, благоприятных для проповеди и для духовного окормления своих чад, являющихся одновременно гражданами государства», — отмечается в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви (далее РПЦ)»¹. Однако симфония даже в Византийской империи не существовала в абсолютно чистой форме. На практике она подвергалась нарушениям и искажениям. Церковь неоднократно оказывалась объектом цезарепапистских притязаний со стороны государственной власти.

Русские государи на момент принятия христианства и его распространения являлись язычниками (погаными, от лат. *paganus* — языческий). В язычестве имел место институт жречества и он был отделен от власти². Принятие христианства способствовало установлению в древнерусском государстве более гармоничных отношений между церковной и государственной властью. Вместе с тем канонические нормы симфонии также нарушались (царствование Ивана IV Грозного, церковно-государственный конфликт царя Алексея Михайловича с патриархом Никоном, приведший к реформированию РПЦ).

В т.н. синодальную эпоху искажение симфонической нормы в течение двух столетий церковной истории связано с явно прослеживаемым влиянием протестантской доктрины территориализма и государственной церковности на российское правосознание и политическую жизнь, внесенной в их ткань тогдашними российскими властями под влиянием западноевропейских религиозных архетипов. Церковь по существу была *огосударствлена* и получила компетенции государственного духовного органа.

Попытку возродить симфонию в новых условиях, когда Российская империя пала, предпринял Поместный Собор РПЦ 1917–1918 гг. В декларации Собора, предшествующей его Определению об отношении церкви и государства, требование большевистской власти об *отделении церкви от государства* сравнивается с пожеланием, чтобы «солнце не светило, а огонь не согревал»³. Но пришедший к власти коммунистический режим в соответствии со своими политическими установками и целями переломил ситуацию в свою пользу. Церковь отделяется от государства и фактически исключается из жизни общества.

В России институт отделения церкви от государства внедрялся революционно-террористическим путем в ходе реализации большевиками леворадикальной марксистской идеологии, изначально впитавшей в себя антирелигиозные идеи Великой французской революции, которые отрицали роль церкви в обществе, считали ее регрессивным явлением, исповедовали атеизм и в будущем предполагали в результате усиленной материалистической пропаганды отмирание религии. «Для Церкви это обыкновенно влечет за собой стеснения, ограничения в правах, дискриминацию или прямые гонения»⁴.

В современной России церковь официально отделена от государства, которое Конституцией РФ провозглашено светским⁵. Однако это не мешает, например

РПЦ, как составной части гражданского общества активно вести свою религиозную и общественную деятельность. Церковь получила право юридического лица, может открыто транслировать свою позицию по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики государства. Не участвуя непосредственно в политическом процессе и государственном строительстве, церковь, тем не менее, через своих прихожан, оказывает влияние на все ветви государственной власти. В средних школах введен курс православной культуры, во всей стране, в т.ч. в вузах, армии и исправительных учреждениях открываются новые православные храмы, в вооруженных силах формируется институт военных священников и т.д.

Все это дает основание некоторым авторам (М.Е. Добрускин, Ж.Т. Тощенко и др.) делать выводы о возрождении в современной России политики *клерикализма*⁶. Вопрос весьма спорный. Классическая форма клерикализма предполагает широкое использование политической властью возможностей религии и церкви (идеологических, духовных, воспитательных, пропагандистских, материальных и пр.) для усиления их воздействия на все сферы общественной жизни, но при этом власть исходит, прежде всего, из своих собственных государственных интересов, целей и задач.

Что касается России, то свое влияние на общество церковь оказывает в рамках действующего российского законодательства⁷, которое никак нельзя назвать клерикальным. Оно не дает любой религиозной конфессии никаких преимуществ. РПЦ, например, прямо запрещает священнослужителям участвовать в деятельности какой-либо из ветвей власти. И если российская власть, опираясь на действующее законодательство о свободе совести и религиозных объединениях, позволяет церкви расширять сферы своей канонической и общественной деятельности, то это еще не является свидетельством того, что в стране уже проводится политика клерикализма.

Исходя из накопленного опыта строительства взаимоотношений церкви и государства в нашей стране, который имеет как позитивные так и негативные стороны и последствия, этим двум важнейшим институтам общества следует извлечь для себя определенные выводы и усвоить надлежащие уроки. Если этого в очередной раз не будет сделано, то в будущем церковь, государство и российское общество в целом рискуют вновь повторить уже допущенные в прошлом ошибки.

Для церкви не существует вопроса о том, какие политические выводы и уроки необходимо извлечь ей из всего процесса ее взаимоотношения с государством. Постановка этого вопроса для нее выглядит абсурдной. Она позиционирует себя вне политики. Само ее земное бытие подсказывает ей, что необходимо придерживаться известной формулы «кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф 22, 21). Однако церковь так или иначе встроена в ткань общества. Игнорировать общество, государственную власть она не может. Ее каждодневная внецерковная (внеканоническая) деятельность протекает в постоянном контакте с обществом и властью различного уровня. И как это не звучит прямолинейно, объективно государство никогда не оставит церковь «в покое», без своего влияния на нее. При этом в разное время могут быть различными глубина и протяженность государственного воздействия на церковь. Следовательно, церкви тоже необходимо определяться, делать для себя выводы и извлекать уроки из взаимоотношений с государством и властью.

Истоки взаимоотношений церкви и государства известный русский политолог И.А. Ильин видел в древнерусской православной традиции. Она «верно и глубоко

разрешала вопрос о соотношении церкви и государства — в разделении их сфер и в органическом согласовании их целей и их усилий; в обоюдной независимости их организации, при взаимном непосягании и невторжении»⁸.

По нашему мнению, для церкви в условиях России наилучшей формой ее деятельности является автономия, прежде всего духовная (религиозная).

Одним из важнейших уроков для церкви должна стать ее приверженность к исполнению законов, установленных в государстве, и уважение к властям. Учение апостолов, отцов церкви указывает именно на такой способ ее мирского существования. Церковь должна быть законопослушной, к этому она призывает и своих единомышленников. Правом непослушания властям она может воспользоваться лишь в том случае, если они проводят антицерковную и антихристианскую политику. Но это ее право — исключение из правил.

Сама сущность и цели христианской веры, приобретенный собственный опыт общественного бытия настоятельно указывают церкви на ее воздержание от непосредственного участия в политическом, в т.ч. избирательном, процессе⁹. Непосредственное участие церкви в политическом процессе рано или поздно поставит ее перед задачей нести бремя политической (если не большей) ответственности перед обществом за свои действия; церкви нельзя позволить «втянуть» себя в политику.

В то же время церковь как составная часть гражданского общества должна иметь право свободно выражать свое мнение по всем вопросам внутренней и внешней политики государства, но никогда ни играть роль оппозиционной силы.

Несмотря на то, что церковь призвана «пасти чад своих», постоянно заниматься их духовным воспитанием, ей от природы присущ статус духовного пастыря, но по отношению к внецерковному (светскому) обществу она не может принимать на себя никаких идеологических и воспитательных функций. Этот тот соблазн, от которого церкви надо всячески уклоняться. Быть воспитателем в этой ситуации — значит лишний раз выступать в роли некоего «духовного раздражителя», искусственно создавать почву для всевозможных обвинений в правильности методов и эффективности «воспитательной работы», усиливать идеологическую конфронтацию в обществе. Это противоречит самой сущности христианства, его догматам.

Большие возможности для общественной деятельности церкви дает ее социальное служение, понимаемое нами в широком смысле как работа для пользы всего общества. В сотрудничестве церкви и государства, их партнерстве (по-церковному — «соработничестве») раскрывается сущность современного понимания светскости государства в отличие от недавно практиковавшегося государственного подхода к принципу светскости, когда церковь и традиционные конфессии фактически ущемлялись в своих правах.

Симфонические отношения церкви и государства, огосударствление церкви также должны уйти в прошлое. Симфония во взаимоотношениях с государством может иметь место, если государство признает православную веру в качестве официальной религии. Огосударствление церкви может привести к расколу общества. В современных условиях России это недопустимо.

Российское государство должно и впредь рассматривать церковь как часть гражданского общества. На этой основе должны строиться все государственные концепции и правила, включая законодательство, которые касаются отношений государства и церкви. В условиях России фундаментом церковно-

государственных взаимоотношений является конституционное положение, провозглашающее Российское государство светским. Оно занимает по отношению ко всем религиозным объединениям нейтральную позицию невмешательства в их канонические дела, вопросы и проблемы.

Вместе с тем государство, ограничивая свое вмешательство во внутрицерковные дела, оставляет за собой право на осуществление контроля за церковью только в рамках Конституции и действующего законодательства о свободе совести и религиозных объединениях¹⁰. В основном это касается деятельности церкви как юридического лица, у которого есть свой круг компетенций и ответственности.

Современное Российское государство отказалось от практики преследования людей за их религиозные убеждения. Со стороны государства ограничения в сфере свободы совести и вероисповеданий могут допускаться лишь с целью защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Одновременно власть на законодательном уровне обязана принимать меры, направленные на противодействие оскорблению религиозных чувств и убеждений граждан.

Очень важным уроком, имеющим большое значение для дальнейшего демократического развития церковно-государственных отношений в России, является недопущение со стороны государства проведения политики клерикализма или атеизма, использования иных принципов, которые имеют религиозную окраску или направленность. Прислушиваться к голосу (мнению) церкви по тем или иным вопросам внутренней и внешней политики — право государства, а не его обязанность.

В условиях мультиконфессиональности страны государство обязано обеспечивать равенство всех религиозных конфессий перед законом, принимать меры по недопущению конфликтов на религиозной почве. Для государственных служащих следует установить правило, согласно которому им запрещается во время проведения официальных мероприятий демонстрация ритуалов и атрибутов, связанных с их религиозной принадлежностью.

Разработчики проекта «Концептуальные основы государственно-церковных отношений в Российской Федерации» предлагают в целях обеспечения координации и управления отношениями государства с религиозными объединениями образовать федеральный государственный орган по делам религиозных объединений, который, по их замыслу, на государственном уровне будет заниматься вопросами вероисповедной политикой¹¹. В прошлом подобные государственные органы уже действовали (Российская империя, СССР). При всех благих намерениях создание и функционирование таких органов апостериори и неизбежно приведет к государственному вмешательству в дела церкви. В настоящее время при Президенте и Правительстве РФ работают советы и комиссии по взаимодействию с религиозными объединениями, решения которых носят рекомендательный характер. Этим вполне можно и ограничиться.

Церковь и государство, несмотря на их различную природу и способы реализации своих целей, сосуществуют и взаимодействуют в реальных условиях земного бытия, поэтому они призваны делать все необходимое для сбалансирования интересов верующих и неверующих граждан, религиозных объединений и этноконфессиональных групп во имя поддержания социального мира и согласия в российском обществе.

¹ См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. 2-е изд. М., 2008. С. 56.

² См.: *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии / пер. М.К. Рыклина. *Frezer J.G.* The Golden Bough. London, 1923. М., 1980. URL: <http://www.frezer.org/chapter02.html> (дата обращения: 22.12.2014).

³ *Цыпин В.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. Московская Патриархия. Издательский дом «Хроника», 1994. С. 19.

⁴ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. 2-е изд. С. 59.

⁵ См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных изменений от 21 июля 2014 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

⁶ См.: *Добрускин М.Е.* О социальных функциях церкви (на материалах Русской православной церкви) // Социологические исследования. 2002. № 4; *Тощенко Ж.Т.* Теократия: фантом или реальность? М., 2007.

⁷ См.: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39, ст. 4465.

⁸ *Ильин И.А.* Почему мы верим в Россию. М., 2006. С. 575.

⁹ См.: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39, ст. 4465.

¹¹ См.: Концептуальные основы государственно-церковных отношений в Российской Федерации. URL: <http://state-religion.ru> (дата обращения: 03.02.2015).

С.Ю. Суменков

ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПРАВЕ КАК ЮРИДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье анализируется инструментальный подход к исключениям из правил. Отстаивается авторская точка зрения, согласно которой исключения относятся к особым юридическим средствам, аккумулирующим в себе характерные качества исключений, что предопределяет их специфику и постановку целей.

Ключевые слова: исключение, юридическое средство, механизм правового регулирования, норма права.

S.Yu. Sumenkov

EXCEPTIONS WITHIN LAW AS LEGAL MEANS: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

In the article, the instrumental approach to the exceptions within law is analyzed. The author insists on the fact that exceptions belong to the special legal means. Such means accumulate in themselves characteristic qualities of exceptions, which predetermines their specificity and target setting.

Keywords: exception, legal means, mechanism of legal regulation, rule of law.

Квинтэссенция существования исключений в праве заключается в том, что они, при всей своей внешней противоречивости по отношению к правилам, не противостоят последним, не подрывают их положения, а, напротив, вместе с правилами направлены на полноценное урегулирование общественных отношений. Сама необходимость в исключениях обусловлена социальной модернизацией и, как следствие, усложнением общественных отношений, потребностью в сочетании коллективных и личных интересов, с чем объективно не справлялись

© Суменков Сергей Юрьевич, 2016

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и политологии (Пензенский государственный университет)

единые для всех правила. Для регламентирования многочисленных и разнообразных связей между субъектами, удовлетворению их интересов социум нуждается не только в правилах, но и исключениях из них. Средства-исключения концентрируют в себе отличительные признаки исключений, что придает этому инструментарию специфический характер. В качестве иллюстрации последнего можно привести заседание Священного синода Русской православной церкви, на котором рассматривался вопрос о порядке выдвижения священнослужителями своих кандидатур на выборах и о недопустимости их участия в деятельности политических партий. По итогам обсуждения члены Синода первым пунктом постановили, что «иерархи и священнослужители не могут выдвигать свои кандидатуры на выборах в любые органы представительной власти любых стран и любых уровней (общегосударственные, региональные, местные)»¹.

В то же время представляется весьма интересным и п. 4 этого документа, который гласит: «В исключительных случаях, по соображениям крайней церковной необходимости, когда нужно противостоять раскольническим или иноконфессиональным силам, стремящимся использовать выборную власть для борьбы с Православной Церковью, Священный синод или синод самоуправляемой Церкви определяет лиц для участия в выборах в органы государственной власти и в индивидуальном порядке преподает на это благословение»².

Цитируемый пункт является средством, которое может быть реализовано представителями РПЦ «по соображениям крайней церковной необходимости». В этом средстве настолько ярко отражаются черты категории «исключения», что позволяет говорить об их синтезе и о наличии самостоятельного подвида средств социального регулирования: средстве-исключении.

К признакам, характеризующим средство-исключение, на наш взгляд, можно отнести следующие: 1) *употребление специальной терминологии* (в частности — «исключительный случай»); 2) *сочетание необходимой абстрактности* (исключительность случая) *и предельно возможной конкретности* (в частности, «противостояние раскольническим или иноконфессиональным силам»); 3) *преобладание диспозитивного начала*: делегирование усмотрения нужности реализации средства соответствующему субъекту («соображения необходимости», а также указание на Священный Синод или Синод самоуправляемой Церкви, который дает благословение на участие в выборах); 4) *строго индивидуальный подход при реализации* (индивидуальный порядок преподания благословения); 5) *обозначение целей* (противостояние тем религиозным элементам, не входящим в РПЦ и стремящимся использовать выборную власть для борьбы с Православной Церковью); 6) *закрепление в социальной норме и выражение в какой либо объективной форме* (в решении Священного Синода РПЦ).

По нашему мнению, все эти качества присущи и юридическим средствам-исключениям, ибо в них, что вполне естественно, органически отражаются свойства, присущие всем исключениям, в т.ч. задействованным в правовой сфере. Иное дело то, что юридические средства-исключения находят свое закрепление в нормах права. Подобная фиксация порождает общеобязательность, распространенность на неопределенно широкий круг субъектов, рассчитанность на многократное применение и (что, пожалуй, самое главное) включение средств-исключений в механизм правового регулирования (далее — МПР).

Общепризнанный подход к МПР, основанный на том, что он представляет собой совокупность юридических норм³, априори обуславливает вопрос о наличии в этой совокупности не только исключений, но и правил (а точнее, наоборот).

Алгоритм здесь таков: а) МПР — это совокупность юридических средств; б) в число юридических средств входят средства-исключения; в) исключения могут быть только из правил, соответственно, если есть исключения, значит обязательно должны быть и правила, из которых, собственно, и делаются исключения; г) МПР включает в себя юридические средства, представляющие собой правила и исключения.

В правовой сфере и правила, и исключения находят свое выражение в юридических нормах.

В свою очередь К.В. Шундигов, характеризуя структуру МПР, называет в качестве его первого звена юридическую норму⁴. Однако нельзя согласиться с ученым, утверждающим, что понимание нормы права как юридического средства «позволяет законодателю охватить одним лаконичным правилом поведения десятки, сотни и тысячи схожих жизненных ситуаций и отношений, возникающих ежедневно в реальной жизни»⁵.

Подобное заявление, на наш взгляд, есть типичное проявление правового идеализма. Правило как стандарт, образец, модель регулирования общего характера не в состоянии охватить бесконечную палитру разнообразных фактических обстоятельств поразительно огромного числа разнородных казусов и участвующих в них субъектов. Сама эталонная природа права («рамы», как его фигурально называл С.С. Алексеев⁶) объективно не допускает учета и соответственно упорядочивания жизненных ситуаций, каждая из которых во многом уникальна.

Для минимизации проблем, детерминированных неизбежной шаблонностью правовой регламентации, и необходимы исключения из правил.

По нашему мнению, если понимать МПР как совокупность юридических средств, то отправными, исходными средствами как раз и выступают правила и исключения из них. Как уже отмечалось, наряду с нормами-правилами существуют (что вполне естественно) и нормы-исключения. При этом правила и исключения служат особыми юридическими средствами. Они выступают в качестве первичных, базовых инструментов, о которых говорит К.В. Шундигов, характеризуя комплексность каждой отдельной юридической нормы⁷.

Нами предлагается следующая конструкция: а) юридические средства фиксируются в норме права; б) нормы права выражаются в виде правил либо исключений; в) все юридические средства (вне зависимости от названия, целеполагания и функциональной принадлежности) представляют собой либо правила, либо исключения.

Следует особо отметить, что понимание исключений в качестве исходного элемента юридического средства вовсе не умаляет их значения. Оценка исключений в качестве «строительного материала», из которого складывается определенное средство, не означает отсутствие самостоятельности данного феномена. На наш взгляд, уникальность исключения как раз и заключается в том, что, с одной стороны, из исключений и формируются те или иные юридические средства; с другой — исключение объективируется как автономное средство, занимающее собственное место в МПР.

Редкость (пропорционально правилам) реализации исключений в МПР не обозначает отнесения их к т.н. неосновным (вспомогательным) юридическим

средствам. Исключения не обслуживают правила, а выступают в качестве самостоятельного юридического средства, обладающего специфической природой, особенностями реализации, направленности на достижение тех целей, которые могут быть достигнуты только при использовании данного средства⁸.

Средства-исключения должны действительно оставаться исключением; их использование допустимо лишь тогда, когда исчерпан потенциал правил и единственно возможным способом достижения цели является применение такого средства, как исключение. Предельно четко об этом сказано в одном из Постановлений Пленума Верховного Суда РФ: «В исключительных случаях, как единственно возможное в конкретных условиях с учетом обстоятельств совершенного преступления и данных о личности, заключение под стражу может быть применено в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления средней тяжести»⁹.

Восприятие исключений как средств-инструментов, фиксированных в норме права и выражающихся в нормативном акте более чем обоснованно. В свою очередь возможность существования исключений в виде средств правореализации вызывает некоторые сомнения. Консолидируясь с мнением о том, что в триаде «средство — цель — результат» обязательно должен присутствовать акт правореализации¹⁰, стоит лишний раз подчеркнуть: данный акт связан с использованием предоставленных в законодательстве инструментов. При проекции этого тезиса на исключения напрашивается вывод: средством-исключением выступает нормативный акт, в котором фиксируется норма, содержащая исключение. Например, постановлением Городищенского районного суда Пензенской области от 11 февраля 2013 г. б/н признано законным проведение следователем Городищенского МСО СУ СК РФ по Пензенской области К. обыска без судебного решения в жилище гр. М в ходе расследования уголовного дела, возбужденного по ч. 1 ст. 111 УК РФ¹¹. В ходе судебного заседания суд согласился с доводами следствия, заключающимися в том, что обыск проводился как неотложное следственное действие по уголовному делу о расследовании особо тяжкого преступления; необходимость его производства возникла в выходной день, в сельском населенном пункте, значительно удаленном от места нахождения суда; существовала реальная возможность невозможной утраты предметов и вещей, имеющих значение для уголовного дела и возможность гр. М. скрыться от органов следствия. Тем самым суд посчитал действия следователя К. соответствующими ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

Приведенный пример позволяет утверждать, что средством-исключением служит не правоприменительный акт (постановление следователя) и даже не акт судебной власти (выполняющий, скорее, функцию судебного контроля), а нормативный акт (ч. 5 ст. 165 УПК РФ), точнее, содержащаяся в нем норма, фиксирующая правомочие следователя в исключительных случаях проводить обыск без санкции суда.

Само по себе постановление следователя К.¹² исключением не является. Это классический правоприменительный акт, издание которого допустимо только потому, что существует исключение, закрепленное в соответствующем нормативном акте. Это нормативно объективированное исключение и есть то средство инструментального характера, позволяющее, в частности, неотложно проводить обыск, обеспечивая цели расследования и добиваясь социально полезного результата в виде торжества законности и правопорядка.

«Получая наиболее полную информацию о ситуации, — пишет А.В. Малько, — оценивая и контролируя правомерность выполнения предварительных условий (юридических фактов), правоприменитель находит для урегулирования конкретного общественного отношения соответствующие средства, воплощающиеся в индивидуальном решении»¹³.

Действительно, бессмысленно спорить о том, что не будь постановления следователя, не был бы проведен (по крайней мере законно) своевременный обыск и расследование уголовного дела было бы затруднено. Речь идет не об отрицании средств правореализации, а о расстановке приоритетов вообще и по отношению к тому, что может считаться средством-исключением в частности. Очевидно, что доминирующее значение имеют средства-инструменты, поскольку обладают нормативным характером. При этом исключениями могут быть только средства-инструменты, поскольку именно они устанавливают исключительные положения. Средства правореализации выступают не более чем средствами реализации (чаще всего применения) исключений.

По нашему мнению, признавая значение средств правореализации, не стоит все же гиперболизировать их роль. Правоприменительные средства не могут и не должны создавать ни правил, ни, тем более, исключений из них. Их миссия (и она представляется чрезвычайно важной) — практическое внедрение в жизнь нормативных установок. Не следует также преувеличивать конкретизирующий потенциал средств правореализации. Безусловно, они имеют индивидуально определенный характер, но, по крайней мере, в «привязке» к исключениям, их казуальность непосредственно обуславливается исключительными предписаниями. Так, проанализированное выше постановление следователя Городищенского МСО СУ СК РФ по Пензенской области является предельно конкретным. Однако эта конкретика генерирована более чем абстрактным понятием «исключительный случай». Фиксация данного термина не только квалифицирует норму как исключение, но и легальным образом предоставляет следователю возможность усмотреть в той или иной ситуации исключительность случая и применить соответственно ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Тем самым феноменальная способность исключения сочетать абстрактное и конкретное естественным образом отражается и на средствах их реализации. Аналогичным образом обнаруживается распространение еще одного свойства исключений: обусловленность их появления наличием правил.

Как уже отмечалось, постановление о производстве обыска без санкции суда есть обычный правоприменительный акт. Однако обычность здесь не обозначает обыденности.

Очевидно, что в общем массиве постановлений должны преобладать те, которые изданы на основе правил, а не исключений. В противном случае само правило о необходимости получения санкции суда теряет смысл, деградирует, что, в свою очередь, приводит к дисбалансу как в законодательстве, так и правоприменительной практике, к созданию условий для произвола и умаления роли судебной власти.

Базовый характер исключений подтверждается не только тем, что они наряду с правилами являются первичными элементами, из которых, собственно, и состоят все юридические средства, но и своеобразием дихотомии «правило-исключение». Детерминированность исключения правилом не обозначает подчинения и поглощения последним исключения. Наоборот, исключения превосходят правила в

случае возникновения их конкуренции. Подобное объясняется точно подмеченной И.Н. Сенякиным закономерностью, согласно которой специальные нормы (в частности исключения) имеют преимущество перед общими¹⁴.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить следующее.

Во-первых, исключения входят в инструментальный компонент социальной сферы.

Во-вторых, юридические средства-исключения фиксируются в нормах права, что позволяет включать их в МПР. Нормы права представляют собой правила либо исключения, что обуславливает дуалистическую роль последних в МПР: с одной стороны, исключения (наряду с правилами) являются первичным, базовым компонентом, из которых складываются все юридические средства; с другой — исключения выступают в качестве автономной группы юридических средств.

В-третьих, исключения существуют только как средства-инструменты, т.е. при закреплении их в нормативном акте. В этом и проявляется нормативный характер средств-исключений, обуславливающий невозможность их создания на уровне реализации или толкования права.

В-четвертых, средства-исключения предназначены для обеспечения тех процессов и разрешения таких целей, которые могут быть достигнуты только за счет исключений как уникального юридического средства.

Таким образом, исключение — основное юридическое средство инструментального характера, аккумулирующее в себе качества исключений и потому являющееся единственно возможным способом достижения определенных целей.

¹ Журналы заседания Священного Синода от 4 октября 2012 года. Журнал № 93 // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения: 07.09.2015).

² Там же.

³ См., в частности: *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 30.

⁴ *Шундилов К.В.* Механизм правового регулирования: учебное пособие. Саратов, 2001. С. 57.

⁵ Там же.

⁶ См.: *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 247.

⁷ См.: *Шундилов К.В.* Указ. раб. С. 58.

⁸ Подробнее об этом см.: *Суменков С.Ю.* Целевое предназначение исключений в праве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 5 (69). С. 30–33.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» // Российская газета. 2009. 11 нояб.

¹⁰ См.: *Малько А.В.* Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. 1999. № 2. С. 7.

¹¹ См.: Архив Городищенского районного суда Пензенской области.

¹² См.: Архив Городищенского МСО СУ СК РФ по Пензенской области. Уголовное дело № 12110180.

¹³ *Малько А.В.* Указ. раб. С. 7.

¹⁴ См.: *Сенякин И.Н.* Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007. С. 57–60.

В.А. Телегина

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ЗАЩИТА СУДЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются причины и последствия информационных атак на органы судебной власти и судей. Формулируется вывод о том, что эта проблема затрагивает сферу национальной безопасности Российской Федерации, нарушает конституционное право на обеспечение человека и общества достоверной и полной информацией, представляет угрозу социальной стабильности и государственным устоям. Отмечается актуальность этого вопроса, необходимость научного исследования и поиск правовых путей решения.

Ключевые слова: судебная система, правовое государство, правосудие, информационная безопасность, информационная защита, правовое регулирование, правовые гарантии.

V.A. Telegina

INFORMATION PROTECTION AND INFORMATION SECURITY AND OF JUDGES IN MODERN RUSSIA

This article discusses the causes and consequences of information attacks on the judicial authorities and judges. It is concluded that this problem affects the sphere of Russia's national security, violates the constitutional right of person and society to receive reliable and comprehensive information, and it may foment social conflicts and break up the foundations of the state. It is noted that this issue is urgent, and it is necessary to carry out an academic research and find legal solutions.

Keywords: rule-of-law state, judicial system, justice, information security, information protection, legal regulation, legal guarantees.

В числе важнейших форм работы по повышению уровня правосознания граждан, формирования доверия к правосудию можно назвать информационную открытость и взаимодействие со средствами массовой информации. В этом направлении проделана огромная работа. Сегодня все суды имеют свои официальные сайты, на которых публикуются вступившие в законную силу судебные решения. Регулярно проводятся пресс-конференции, где журналисты могут задать вопросы по интересующим общество правовым вопросам, наиболее резонансным делам, высказать конструктивные критические замечания и получить на них ответы. Пресс-служба суда размещает пресс-релизы, обзоры судебной практики, разъясняет новеллы законодательства, взаимодействует со СМИ. Необходимо признать, что повышается уровень профессионализма журналистов, освещающих судебную деятельность. Понимая взаимную ответственность судов и СМИ за стабильность общественных процессов, формирование уважения к праву, признание правового государства как единственного возможного пути демократического развития, журналисты работают в соответствии с Конституцией РФ, Федеральным законом «О средствах массовой информации» (в ред. от 5 апреля 2016 г.)¹, соблюдая нормы журналистской этики.

Однако современная действительность обозначила новую проблему в системе взаимодействия со СМИ. Она затрагивает различные стороны правового регу-

© Телегина Валентина Александровна, 2016
Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и муниципального права (Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева); e-mail: tel-va61@mail.ru

лирования обеспечения независимости судей, особенно их информационной защиты и связана с участвовавшими явлениями попыток вмешательства в судебную деятельность в корыстных интересах, умышленной дискредитации судей и судебной системы РФ. Такие материалы противоречат правовым и конституционным нормам и никакого отношения к профессиональной журналистике не имеют. Более того, анализируя происходящие сегодня информационные атаки на государственных и политических деятелей России, общественные движения, государственные институты, можно предположить, что клеветнические публикации в адрес судей и судов также носят заказной характер и направлены на подрыв авторитета государственной власти.

Подобные информационные атаки на суды стали носить не единичный, а системный характер, что вызывает тревогу на высшем государственном уровне. Это подтверждает выступление Президента страны В.В. Путин на Всероссийском совещании судей РФ 16 февраля 2016 г. Он отметил, что «проигравшие в судебном процессе нередко продолжают состязаться и после вступления решения суда в законную силу, организуют давление на суд по всем каналам, включая заказанные информационные кампании, не жалеют эпитетов и черных красок не только в отношении конкретного судьи или суда, но и всей судебной системы». Президент также подчеркнул, что «подрывать авторитет суда, судебной власти, а часто это делается в корыстных интересах, недопустимо»².

Сегодня этот вопрос приобретает особую актуальность, т.к. затрагивает понятие информационной безопасности, которая входит в систему национальной безопасности Российской Федерации и захватывает различные сферы жизнедеятельности общества и государства, в т.ч. и такую важнейшую сферу, как правосудие.

В соответствии с положениями разд. IV «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³ одним из основных показателей, необходимых для оценки состояния национальной безопасности, являются удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в т.ч. от преступных посягательств. Содержание ст. 18 Конституции РФ прямо указывает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и обеспечиваются правосудием. Для того чтобы судебная власть могла эффективно защищать законные права и интересы любых субъектов, ряд статей гл. 2 Основного Закона посвящены основополагающим принципам осуществления правосудия, а в гл. 7 закреплены основы гарантий независимости судей и их обязанность подчиняться только Конституции РФ и федеральному закону. Эти конституционные нормы значимы не только для судебной власти, но и для человека и гражданина, общества, государства. Они призваны не допустить дестабилизации общественных отношений, обеспечить разрешение конфликтов только правовым путем, содействовать обеспечению национальной безопасности России.

Следует отметить, что понятие «информационная безопасность» давно вышло за рамки привычного обеспечения безопасности самой информации. В результате эволюции к основным целям информационной безопасности общества были отнесены обеспечение человека и общества достоверной и полной информацией. А к объектам, которым следует обеспечить информационную безопасность, были отнесены различные информационные ресурсы, в т.ч. средства массовой информации. Следовательно, информационные войны в отношении судебной

власти ведутся объектами вопреки утвержденной Стратегии безопасности государства. Нарушается понятие целостности информации, т.е. достоверности и полноты освещения судебной деятельности. Учитывая преднамеренность распространения ложной, искаженной информации на большую аудиторию, такие действия можно расценивать как внутреннюю угрозу, направленную на подрыв общественно-политической стабильности в государстве.

Несмотря на существующие правовые гарантии независимости, в отношении судов и судей стали применяться классические методы ведения информационной войны: искажение информации от откровенной лжи до дезинформации, подтасовка фактов, частичное освещение, подача информации в определенном виде и т.д. Показательно, что давление ведется в связи с конкретными делами, затрагивающими коммерческие интересы. Вопреки положениям Конституции РФ без следствия и судебного решения, в отдельных программах граждане и судьи предполагались виновными, заслуживающими высшей меры наказания. Презумпция невиновности при этом становится презумпцией виновности. От судей требуют пояснений, приглашают для участия в программах по делам, которые еще не были предметом рассмотрения в суде, заведомо зная, что судья не имеет право давать такие комментарии. Освещается это как отказ в сотрудничестве, с дальнейшими угрозами подготовки новых фильмов и материалов. Под информационным давлением и шантажом судьям указывают на необходимость принятия определенного решения. Расценивать подобное можно только как давление на суд.

Несомненный интерес в этом вопросе представляет позиция Европейского Суда по правам человека. Проанализировав практику этого Суда по вопросам СМИ и интересам правосудия, А.К. Соболева отмечает важные моменты соотношения критики судебной власти в СМИ и проявлений неуважения к суду. Так, например, в решении по жалобе «Sunday Times» против Соединенного Королевства Суд указал, что если участники судебного процесса будут подвергаться псевдосуду в средствах массовой информации, это может иметь пагубные последствия для суда как надлежащего и единственного места разрешения правовых споров, что недопустимо. Именно поэтому «обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия» включено в п. 2 ст. 10 Европейской конвенции по правам человека⁴. Следовательно, давление на суд противоречит и международному законодательству, ратифицированному нашей страной.

Учитывая, что в соответствии со ст. 5. Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 5 февраля 2014 г.)⁵ суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции РФ и закону, в сложившейся ситуации закономерным представляется вопрос о достаточности правовых мер информационной защиты судей. Видимо, новые реалии требуют пересмотра существующих гарантий их независимости.

Поднимая вопрос о необходимости создания Совета судебной власти для отстаивания ее интересов и формирования стратегии развития, судья Конституционного Суда РФ М.И. Клеандров отмечает, что сегодня «очень далеким от совершенства (если не признать его полностью несуществующим) является механизм защиты чести, достоинства и деловой репутации судьи, как и репутации отдельных судов и всей судебной системы в целом. Зачастую некоторые СМИ, отдельные граждане и «творческие коллективы» доходят до прямых оскорбле-

ний судей и судов, и это уже точно невозможно квалифицировать как критику судьи (суда) тем более конструктивную. Само понятие «неуважение к суду» у нас фактически формализовалось лишь в уголовном судопроизводстве, да и то в предельно узком значении⁶. Существующий механизм защиты предполагает, что судья в этом случае может: в частном порядке обратиться в соответствии со ст. 152 ГК РФ о защите чести и достоинства в суд, в Следственный комитет РФ для возбуждения уголовного дела по ст. 298.1 «Клевета»; осветить фактические обстоятельства дела пресс-службой суда на сайте и в СМИ. Все это растягивается на длительное время, в течение которого судья и его семья остаются один на один с мощнейшим давлением и угрозами.

Положения ст. 51 Федерального закона «О средствах массовой информации» запрещают использовать права журналиста в целях распространения слухов под видом достоверных обращений, фальсификации общественно значимых сведений. Однако они не являются сегодня препятствием для журналистов, готовящих заказные материалы с целью дискредитации любого человека, в т.ч. и представителей судебной власти. Сумма оплаты за заказные материалы, многократно превышает штрафные санкции, поэтому механизм ответственности, предусмотренный КоАП РФ за подобные нарушения, неэффективен.

На сегодняшний день в соответствии с ч. 5 ст. 57 Федерального закона «О средствах массовой информации» редакция, главный редактор телеканала не несет ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство граждан, если они содержатся в авторских произведениях, идущих в эфир без предварительной записи. Такие авторы могут не являться штатными сотрудниками, поэтому их тексты не подлежат редактированию. Сетка телеэфира предоставляется им на условиях договора. Телевизионный канал выпускает их программы без проверки на достоверность. Некоторые авторы таким положением безнаказанно пользуются, злоупотребляя свободой массовой информации и правами журналистов. При этом размещение недостоверных, клеветнических материалов отражается на репутации канала и его штатных журналистах, которые являются высокопрофессиональной командой, для которой этические, моральные и законодательные нормы журналистики служат непреложной основой.

Журналисты России вообще не считают подобные явления журналистикой и дают им справедливую оценку. Так, например, еще 30 мая 2005 г. Большое жюри Союза журналистов России, а также его эксперт — судья Конституционного Суда РФ в отставке Т. Морщакова в Решении № 44 дали единственно возможную правовую оценку и рекомендации в подобной ситуации⁷. Однако автор, в отношении которого было вынесено решение, его просто проигнорировал.

Общество также тревожит сложившаяся ситуация. Следует обратить внимание на Российскую общественную инициативу о необходимости внести изменения в ст. 13.15 КоАП РФ — «Злоупотребление свободой массовой информации». При этом указывается, что средства массовой информации в целом и журналисты в частности сегодня не несут должной ответственности за распространение недостоверных сведений. Ложь подрывает доверие к СМИ. Свобода слова должна быть не только свободной, но и честной. Необходимо ввести ответственность за достоверность информации для исключения ее заведомого искажения. Многие СМИ и журналисты спокойно публикуют заведомо ложную информацию, т.к.

никакого наказания, после признания ее недействительной в судебном порядке им не грозит⁸.

Понимая повышенную опасность лжи в СМИ, направленной против правосудия, полагаем, что в случае, установленном судом или контролирующим органом, неоднократного злоупотребления свободой массовой информации и умышленном размещении недостоверной информации в отношении судей и судебной системы, необходимо предусмотреть дисквалификацию автора. Она должна устанавливаться на определенный срок, без права размещения им своих материалов. Также следует рассматривать вопрос о приостановлении деятельности средства массовой информации, размещающего подобную информацию. Только тогда, соответствующие авторы перестанут представлять интерес для заказчиков.

Не случайно информационной безопасности уделяется со стороны государства повышенное внимание. Предложенный Советом Безопасности РФ для обсуждения проект новой редакции «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»⁹ обозначает в качестве целей в области государственной и общественной безопасности укрепление государственного суверенитета, поддержание политической и социальной стабильности в обществе, реализацию основных прав и свобод человека и гражданина, а также защиту критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Поэтому ведение информационной войны в отношении судов и судей можно расценивать как определенный вызов обществу и государству. Деятельность представителя СМИ, который демонстрирует нарушение Конституции РФ, игнорирует обязанность соблюдать законы своей страны, формирует у граждан понимание возможности безнаказанности такого поведения — это не просто информационная война. Это угроза, направленная на подрыв доверия граждан к правосудию, государственной власти и дестабилизацию внутри страны. Демонстрация такого поведения через телевизионные средства вещания и сети Интернет еще больше повышает уровень такой опасности.

Если общество понимает, что решения должны приниматься в соответствии с законом, оно должно постепенно прийти и к осознанию нетерпимости к попыткам воздействия через СМИ на судью с целью получения удобного кому-то решения. Это показатель уровня правосознания и зрелости общества. А профессия судьи сегодня требует не только высокого уровня знаний, этических начал, но и очень высокой психологической устойчивости, мужества. Он вынужден жертвовать не только собой, но своими близкими. Нужен ли обществу запуганный или растоптанный судья за то, что осмелился противостоять давлению и действовал в строгом соответствии с законом? И.Ю. Носков, затрагивая различные аспекты соотношения общественного мнения и решения судьи, обоснованно считает, что общественное мнение может быть искусственно сформировано определенными лицами для своей выгоды¹⁰. При этом сегодня практически не существует действенного правового механизма информационной защиты судьи. Нет соответствующих полномочий для быстрой и эффективной защиты и у органов судейского сообщества.

Назрела насущная необходимость постановки вопроса об информационной угрозе и информационной защите судей в современной России как одного из важнейших условий осуществления справедливого правосудия. При этом информационная защита должна, прежде всего, быть направлена на предотвращение

противоправных попыток воздействовать на судей и суды, установление правового механизма обязательности исполнения установленных норм в этой сфере. Изложенный материал является дискуссионными и представляет интерес для ученых различных отраслей права.

¹ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7, ст. 300; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 15, ст. 2056.

² URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51343> (дата обращения: 07.08.2016).

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1, ч. II, ст. 212.

⁴ См.: *Соболева А.К.* «Авторитет и беспристрастность судебной власти» в толковании Европейского Суда: СМИ и интересы правосудия // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 4.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1, ст. 1; 2014. № 6, ст. 551.

⁶ *Клеандров М.И.* О Совете судебной власти Российской Федерации. М., 2016. С. 56.

⁷ См.: Решение № 44 Большого жюри Союза журналистов России по обращению обозревателя «Новой газеты» Л.В. Никитинского по поводу авторской телепрограммы А.В. Караулова «Момент истины». Дата принятия: 30 мая 2005 года. URL: [// www.presscouncil.ru](http://www.presscouncil.ru) (дата обращения: 20.06.2016).

⁸ См.: Российская общественная инициатива. URL: [//www.roi.ru/21272/](http://www.roi.ru/21272/) (дата обращения: 20.06.2016).

⁹ См.: Официальный сайт Совета безопасности РФ. URL: [// http://www.scrf.gov.ru](http://www.scrf.gov.ru) (дата обращения: 24.06.2016).

¹⁰ См.: *Носков И.Ю.* Общественное мнение и решение судьи по делу // Российский судья. 2014. № 7. С. 45.

И.А. Абрашин

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ БЛАНКЕТНЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ ПРЕДПИСАНИЙ

Статья посвящена рассмотрению бланкетного способа изложения правовых норм как приема юридической техники. Анализируются технико-юридические и логико-структурные особенности бланкетных нормативно-правовых предписаний.

Ключевые слова: норма права, бланкетное нормативно-правовое предписание, юридическая терминология, юридическая техника.

I.A. Abrashin

TO THE QUESTION OF THE GENERAL THEORETICAL UNDERSTANDING BLANKET LEGAL REGULATION

The article is devoted blanket method of presentation of legal norms as an admission of legal technique. Analyzes the technical and the legal and logical-structural features blanket regulatory requirements.

Keywords: norm of law, blanket legal instruction, legal terminology, legal technique.

По своей отраслевой научной принадлежности вопрос о способах изложения нормы права в статьях нормативных правовых актов входит в компетенцию общей теории права, юридической техники. Однако анализ современных научных публикаций показывает, что проблематикой «бланкетных норм» наиболее активно занимаются, в частности, ученые уголовно-правовой специализации, в чьих работах присутствуют актуальные теоретические обобщения, прикладные рекомендации¹. В отраслях гражданского, трудового, административного, нало-

© Абрашин Илья Александрович, 2016
Аспирант кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: pnr@ssla.ru

гового права бланкетное содержание нормы права рассматривается, как правило, применительно к конкретному частному случаю или примеру из практики.

Вместе с тем отсутствие общетеоретических обобщений о содержании и функциональном назначении бланкетного приема, отсутствие универсального определения бланкетного нормативного предписания, отсутствие разработанных юридических конструкций и правил бланкетного формулирования нормы права имеют существенные негативные проявления. В доктрине — это неверные или спорные умозаключения исследователей, в правотворчестве — низкое качество нормативных правовых актов и как следствие — затруднения в эффективной правореализации, размытость и неопределенность правоприменительного механизма. В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на одном из аспектов в изучении рассматриваемого феномена — терминологических особенностях вербального закрепления понятия «бланкетные нормативные правовые предписания».

Юридическая область знаний вербально представлена системой устоявшихся, общепринятых, унифицированных и надлежаще оформленных юридических терминов — терминологией. Значение юридической терминологии трудно переоценить: а) она относится к числу объединяющих факторов, позволяющих создавать единое информационное поле в силу того, что именно система терминов содействует информационному взаимопониманию и взаимобмену на национальном и межнациональном уровнях, обеспечивает определенную совместимость нормативных и иных правовых документов²; б) понятия и термины выступают важнейшим средством формирования и элементом содержания научных теорий, законов и положений, представляют собой одну из центральных составных частей науки и техники³; в) термины и язык права в целом определяют во многом характеристику структуры знания, степень его четкости, точности, непротиворечивости; г) отражает специфику содержания общественных отношений; д) юридическая терминология (и владение ею) выступает критерием развитости, организованности, качества законотворческой деятельности и законодательства, юридической практики и др.

Анализ современных публикаций о бланкетном способе изложения нормы права обнаруживает следующую, по нашему мнению, доминирующую тенденцию, а именно — активизацию использования в научной юридической литературе термина «бланкетная норма»⁴.

В правоведении сформировалось два основных мнения о структуре нормы права: два лагеря ученых соответственно выделяют либо два, либо три структурных элемента нормы. Дополнительно можно привести позицию С.С. Алексева, отмечавшего, что концепция трехчленной структуры нормы права существенным образом обедняет научно-теоретические представления о праве, изложение права по нормам «с тремя элементами» приведет к испарению значимых моментов в содержании правового регулирования, к устранению из правовой материи нормативных правовых обобщений, выражающих достижение юридической культуры⁵. Безусловно, необходимо продолжать исследование свойства структурности нормы права, его истоков, формы выражения, используя как имеющиеся разработки ученых, так и новые аргументированные подходы. На данный момент «примерить» указанные два подхода возможно словами Л.С. Явича, который видел истоки критики трехчленной структуры законодательных норм в «смещении вопроса о логической структуре норм с их словесным выражением

в соответствующих актах»⁶. Мы также разделяем вывод А.Г. Безверхова о том, что противопоставлять нормы права положениям законодательства недопустимо, несмотря на частое несовпадение отображения элементов нормы в статьях закона, различность логического структурного содержания норм и их текстуального закрепления.

Основываясь на сказанном, мы будем придерживаться мнения, что исходная логическая структура нормы права, учитывая системный характер права, предполагает наличие трех элементов: гипотезы, диспозиции и санкции. Данная юридическая конструкция выступает моделью материального мира, позволяя органично перевести пространство и время, в котором мы находимся и действуем, в правовую плоскость.

Норма права будучи частью позитивного права воспринимается и несет содержательную нагрузку, прежде всего, как правило поведения, общеобязательное, формально определенное, установленное и обеспеченное государством, регулирующее общественные отношения путем установления субъективных прав и юридических обязанностей⁷. Таким образом, сама норма права, ее содержание и логическая структура бланкетными быть не могут. Как правило поведения норма полностью сформирована, завершена и может быть поэлементно найдена в системе законодательства. Прибегая к буквальному толкованию описанной ситуации, мы можем сделать вывод о некорректности употребления термина «бланкетная норма». И хотя большинство представителей научного сообщества, практикующих юристов понимают о каком явлении идет речь, строго говоря, употребление данного термина является логической, технико-юридической ошибкой.

О.В. Лазарева и Н.И. Сухова, говоря о входящих в состав юридической лексики словах, терминах и их видах, указывают на существование профессионализмов (в т.ч. и юридических), которые представляют собой «словарь» определенной группы людей, объединенных общими интересами и деятельностью, чаще всего используются в устной речи⁸. Вышеприведенный анализ структуры нормы права, особенностей ее изложения и понимание выражения «бланкетная норма», встречающееся в современной научной литературе, позволяет отнести его к профессионализмам. Разработанные и опубликованные в учебниках, ежегодниках и статьях правила юридической техники указывают на нежелательность использования в текстах федеральных законов и иных нормативных правовых актах профессионализмов, жаргонизмов, диалектизмов, иноязычных слов.

В связи с этим можно предложить уточнить редакцию Постановления Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (в ред. от 18 июля 2015 г.)⁹, заменив фразу «наличие бланкетных и отсылочных норм...» на формулировку «наличие бланкетного и отсылочного нормативно-правового предписания».

Несколько иначе нам представляется вопрос о бланкетности отдельных элементов нормы права: гипотезы, диспозиции, санкции. По нашему мнению, допустимо и верно называть их бланкетными и вот почему. Элемент юридической нормы, называемый гипотезой, указывает на определенные фактические обстоятельства, при наступлении которых вступает в действие ее диспозиция. Гипотеза нормы обеспечивает диалектическое взаимодействие общего и отдельного. В результате этого осуществляется привязка определенного абстрактного

варианта поведения к конкретному жизненному случаю, к категории субъектов, месту и времени¹⁰. Субъект, его интерес и волеизъявление, выражающиеся в определенном поведении, существующие в определенном месте и времени, составляют содержание предмета правового регулирования. С одной стороны, предмет правового регулирования служит критерием деления права на отрасли, с другой, через содержание предмета правового регулирования устанавливаются фактические и юридические межотраслевые связи права. Также за возможность и правильность употребления словосочетания «бланкетная гипотеза» говорит отсутствие установленной, закрепленной схемы или конструкции данного элемента, предопределяющего обязательность наличия и связи. Безусловно, описание и формальное закрепление гипотезы нормы права происходит в рамках правотворческого процесса, законодатель устанавливает (описывает) обстоятельства времени и места совершения того или иного деяния. Однако в силу разнообразия, сложности, многофакторной зависимости явлений действительности законодатель в некоторых случаях прибегает к форме «бланка» в формулировании гипотезы. В качестве примера можно привести следующие формулировки гипотезы: «В случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, обязанность по исчислению суммы налога может быть возложена на налоговый орган или налогового агента» (ст. 52 НК РФ).

Наиболее часто в литературе упоминается о бланкетных диспозициях норм правил поведения¹¹. Диспозиция представляет собой такой элемент юридической нормы, который содержит само правило поведения, адресованное участникам правоотношений. По мнению В.К. Бабаева, «диспозиция — это сердцевина, стержень юридической нормы-правила поведения, потому она иногда в литературе и сводится только к диспозиции. Однако состоять из одной диспозиции юридическая норма не может. Лишь в сочетании с гипотезой и санкцией, которые группируются вокруг нее, диспозиция обретает свою жизнь, приобретает свои регулирующие способности». Автор особо подчеркивал, что «диспозиция в уголовно-правовой норме прямо в большинстве случаев не выражена, но легко устанавливается логическим путем посредством анализа гипотезы, подробно описывающего признаки запрещенного законом деяния»¹². Итак, диспозиция как элемент юридической нормы закрепляет возможное, должное, необходимое или не разрешенное поведение. Тем самым диспозиция посылает волевой импульс отдельной норме права, а через нее и само право приобретает волевой характер, поскольку посредством уяснения содержания диспозиции адресату доносится официальное мнение государственной власти о желательности, нежелательности или недопустимости определенных правоотношений.

Бланкетная диспозиция характеризуется законодательной отсылкой к нормам права этой или иной отрасли и закрепляющему их законодательству в общем, не конкретизируя место нахождения уточняющих, наполняющих содержание диспозиции действий, явлений, фактов. Необходимо отметить, что практически в каждой отрасли мы можем встретить нормы с бланкетной диспозицией, которые изобилуют примерами отрасли уголовного, налогового, экологического, административного права.

Рассматривая бланкетность отдельных элементов юридической нормы, мы пришли к выводу, что и гипотеза, и диспозиция могут быть бланкетными и в законодательстве есть тому масса подтверждений. Если же говорить о санкции как о завершающем логическую цепочку элементе, то бланкетной санкция быть

не может даже в случае ее позитивного содержания, поскольку отражая вид и меру правовых последствий реализованной диспозиции должна оставаться, на наш взгляд, внутри отрасли, очерченной предметом правового регулирования. Следует отметить, что аспект «бланкетных санкций» напрямую затрагивает важные правовые принципы: законности, определенности, и этой проблематике необходимо уделить отдельное внимание¹³. Однако, как верно заметил О.Г. Соловьев, в изложении санкции может быть в завуалированном виде использован отсылочный прием изложения нормы: к примеру, для определения минимального размера штрафа, срока обязательных работ, ограничения свободы и лишения свободы, установленных за совершение «простого» состава кражу, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, следует обратиться к ряду положений ст. 46, 49, 53, 56 и 88 УК РФ¹⁴.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что качество нормативных текстов непосредственно зависит от правильности выбора терминов, от их способности лаконично, но верно и адекватно передать состояние окружающей правовой действительности (ее признаки). Юридический документ и составляющий его содержание текст должны отвечать требованиям и правилам юридической техники, дабы соответствовать определенным стандартам качества. Бланкетные нормы, хоть и известный любому юристу феномен, однако же в письменной деловой речи и в юридической науке предпочтительна формулировка «бланкетные нормативно-правовые предписания», ведь, как уже отмечалось, термин есть отражение содержания понятия.

¹ См.: *Пикуров Н.И.* Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиции уголовного закона (с конкретизацией запрета в административном праве): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982; *Пшупий Р.М.* Бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы: доктринальное понимание, законодательные подходы к конструированию и проблемы применения (на примере главы 22 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015; *Волженкина В.М.* Применение норм международного права в российском уголовном процессе. СПб., 2001.

² См.: *Комарова Ю.А.* К проблеме структурно-содержательного описания терминологии языка науки (на материале терминологии английской системы образования) // *Филология и человек.* 2007. № 4. С. 77.

³ См.: *Хакиева З.У.* Место терминологии в лексической системе языка // *Современная филология: материалы Международной научной конференции* (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа, 2011. С. 211.

⁴ См.: *Михайлова И.А.* Бланкетные нормы в уголовном законе и их применение органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; *Сельский А.В.* Бланкетные нормы в уголовном законодательстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

⁵ См.: *Алексеев С.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права. М., 2010. С. 224.

⁶ *Явич Л.С.* Социализм: право и общественный прогресс. М., 1990. С. 48.

⁷ См.: *Байтин М.И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 245.

⁸ См.: *Лазарева О.В., Сухова Н.И.* Юридическая техника: учебник. Саратов, 2015. С. 97.

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 10, ст. 1084; 2015. № 30, ст. 4604.

¹⁰ См.: *Нормы советского права* / под ред. М.И. Байтина и В.К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 103.

¹¹ См.: *Демин А.В.* Бланкетное правотворчество в сфере налогов и сборов: общая характеристика, проблемы, тенденции // *Юридическая техника.* 2011. № 5. С. 155.

¹² *Нормы советского права* / под ред. М.И. Байтина и В.К. Бабаева. С. 104–105.

¹³ Подробнее об этом см.: *Демин А.В.* Принцип определенности налогообложения. М., 2015.

¹⁴ См.: *Соловьев О.Г.* Правотворческие приемы конструирования уголовно-правовых норм: понятие, виды, значение // *Актуальные вопросы борьбы с преступлениями.* 2015. № 1. С. 7.

М.В. Баранова

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНКЦИЙ ПРАВОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ПОСТАНОВКА БАЗОВОЙ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

В статье рассматривается проблема исследования функций правотворческого процесса как основы функциональной характеристики опережающего законодательства. Проводится теоретико-методологический анализ правотворчества с позиций осуществляемых в его рамках направлений деятельности (функций). Устанавливается необходимость более глубокой и всесторонней разработки проблемы правотворческих функций. Предлагается дефиниция понятия функции правотворческого процесса.

Ключевые слова: право, правотворчество, опережающее правотворчество, функции правотворческого процесса, правообразующая воля, субъекты правотворчества, методология, структурно-функциональный анализ, системный подход, теория познания, опережающее отражение, аксиологический подход, моделирование, прогнозирование, мониторинг, юридическая техника.

M. V. Baranova

THEORETICO-METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE FUNCTIONS OF LAW-CREATING PROCESS: SETTING-UP THE BASIC PROBLEMS OF FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF FORESTALLING LEGISLATION

The author considers the problem of study of the functioning of law-creating process as the foundation of functional characteristics of forestalling legislation. Theoretical and methodological analysis of legislation in the context of directions of the activity (functions) has been carried out. Necessity for deeper and more versatile elaboration of the problem of law-creating functions is emphasized. The article offers a definition of the concept of the problem of law-creating functions.

Keywords: law, legislation, forestalling legislation, functions of law-creating process, law-forming will, subjects of law-creation, methodology, structural-and-functional analysis, systems approach, cognitive theory, reflection, forestalling reflection, axiological approach, modelling, forecasting, monitoring, juridical technique.

Правотворческий процесс — это сложная деятельностная система, в результате динамики (функционирования) которой происходит конструирование (сотворение) позитивного права, выражаемого в определенных формах (законах и иных нормативных актах, прецедентных решениях судебной и административной власти, нормативных договорах, юридико-доктринальных положениях и некоторых других) и нацеленного на решение тех или иных социальных, политических, экономических, культурно-воспитательных и иных задач. В отличие от спонтанного правообразования правотворчество — это, как правило, рационально организованная деятельность компетентных властных инстанций,

призванных управлять социальными процессами путем принятия соответствующих правовых актов (актов всеобщего действия).

Естественно, как и любая система, состоящая из тех или иных элементов, система правотворческой деятельности предполагает осуществление необходимых (обусловленных объективным предназначением правотворчества создавать позитивное право) функций как общего характера (функция правосозидания), так и специального характера (например, познавательная функция, программно-прогностическая функция, аксиологическая функция), выполнение которых имеет значение для реализации основного функционального требования, заложенного в правотворческом процессе. И это вполне очевидно. Следует заметить, что, несмотря на столь явную предметно-исследовательскую составляющую данного феномена под названием «правотворческий процесс», в теории права проблематике функций правотворчества (правотворческого процесса) внимания (за исключением отдельных работ¹) практически не уделялось.

Во многих изданиях² при освещении проблем правотворчества авторы ограничиваются указанием на понятие этого явления, его принципы (в соответствии с которыми правотворческий процесс должен осуществляться), виды и стадии, но фактически ни слова не говорится о том, какие функции должны (или могут) реализовываться в ходе данного процесса (если не иметь в виду некоторые косвенные указания на те направления деятельности, которые осуществляются в ходе правотворческого процесса (планирование и пр.)), что не совсем понятно, хотя это можно объяснить тем, что, по всей видимости, само правотворчество стало принято расценивать как одну «заглавную» функцию, как характерный вид деятельности государства, связанный с созданием действующего права. Такое хрестоматийное суждение, взятое из работ К. Маркса, думается, во многом предопределило этот стереотип, не вызывая стремления со стороны юридической науки, субъектов правотворческой практики более детально посмотреть на этот вид юридической деятельности: «Законодательная функция есть воля не в ее практической, а ее теоретической энергии. Воля не должна здесь утверждать себя взамен закона: ее роль в том именно и заключается, чтобы открыть и сформулировать действительный закон»³. В этом высказывании, при всей справедливости того, что субъекты правотворчества не должны проявлять субъективизм и волюнтаризм, подменяя объективные основания права своими предпочтениями и конъюнктурными соображениями, дается указание на законотворчество как некую единую целостную функцию, что, возможно, и стало неким мыслительным препятствием для дальнейшей дифференциации общей законодательной функции на уровни и подвиды. В этой связи резонно констатировать: на определенном этапе развития гуманитарной, в частности юридической, науки не было достаточных методологических возможностей (функциональный анализ и пр.) развивать эту проблематику более интенсивно и целенаправленно.

При отсутствии деятельностной системы правотворческого процесса, необходимого набора функций (общих и специальных, основных и вспомогательных, функций первого, второго и других по очередности порядков) происходит «обеднение» с точки зрения теории предмета исследования этого явления. С другой стороны, это крайне негативно сказывается и на правотворческой практике, поскольку если не очевидно то, какие непосредственно направления работы должен (или может) осуществлять правотворец (выступая субъектом правотворческого процесса), то и предъявлять какие-либо возражения (претензии) на счет

качества и эффективности результатов правотворческой деятельности вряд ли возможно, с чем, собственно, и приходится сталкиваться обществу в настоящее время (когда имеет место законодательная инфляция). Не случайно столь безграничную активность к постоянным изменениям «правил игры», осуществляемым в рамках властного нормотворчества, иронически сравнивают с «принтером», печатающим (штампующим) все новые и новые нормативные акты, что часто не только не улучшает ситуацию в экономике (других сферах), но и приносит довольно ощутимые издержки⁴), правотворческие ошибки (дефекты)⁵, кризисные явления в праве⁶ в целом и пр.).

Этим и другими обстоятельствами определяются своевременность и значимость постановки данной проблемы, на фоне которой могут быть синтезированы как общетеоретические, так и юридико-технические аспекты, связанные с правотворческим процессом и повышением его эффективности. К раскрытию таковой целесообразнее всего приступать, освоив понятийно-категориальный и общий методологический ряд, который сопутствует изучению функций современного правотворческого процесса.

Термин «функция» (от лат. *functio*, основное значение — выполнение) применяется в различных областях знаний (физиологии, где он означает проявления жизнедеятельности животного или растительного организма, его органов, тканей и клеток, осуществляемые в процессе постоянного и непрерывного взаимодействия организма с внешней средой⁷; математике, физике, где при изменении одной величины изменяется другая⁸ и т.д.). В гуманитарную науку данный термин пришел главным образом благодаря становлению и развитию системного подхода (как отмечается в литературе по теории систем, несмотря на то, что системные идеи появились еще в античности, системная наука стала развиваться только во второй половине XX в. благодаря трем основным научным достижениям — тектологии (теории организаций) А.А. Богданова, общей теории систем Л. фон Берталанфи и кибернетике Н. Винера⁹; с первых шагов становления системного мышления оно осознавалось как программа познавательной деятельности, имеющей «всеобщий характер»¹⁰), где «функция» определяется как «такое отношение зависимости между частями (компонентами) и целым, при котором любая форма проявления части направлена (подчинена) на сохранение и поддержание целого. Функция есть свойство частей системы обеспечивать сохранение и воспроизводство целого в каком-либо из его проявлений; в теории Р. Мертона так называются наблюдаемые объективные последствия, которые способствуют адаптации и приспособлению данной системы»¹¹.

Следует заметить, что один из основоположников системного подхода Л. фон Берталанфи воспринял понятие функции не столько в лейбницевско-математическом, сколько в биолого-органическом смысле. Р. Мертон дает прямую отсылку на его работу, где термином «функция» обозначаются «жизненные или органические процессы, рассматриваемые с точки зрения того, какой вклад они вносят в сохранение организма»¹². Применительно к социуму (социальным системам) функции (иногда их обозначают как социетальные функции) рассматриваются как «совокупность вкладов в самодостаточность социума, обеспечивающих его самосохранение (включая безопасность) и саморазвитие как целого в ответ на его внутренние потребности и внешние вызовы»¹³.

Если синтезировать некоторым образом известные трактовки этого понятия, то можно установить, что функция — это то, что осуществляется (выполняется)

системой деятельности в целом или ее отдельными структурными элементами с целью сохранения системного целого, его воспроизводства и эффективного решения тех задач, которые система призвана выполнять в рамках более широкого системного контекста (для функций правотворческого процесса, реализация которых позволяет данному процессу как системе профессиональных действий и компетенций, направленных на создание права, осуществляться в целом с надлежащим эффектом. В качестве такой внешней системной среды выступают система права и правовая система и их функциональные направления, система государственной власти, государственная система и их функции). Как отмечает В.П. Реутов, функция общественного явления — это роль, которую оно играет по отношению к целому, характер системы определяется природой целого, по отношению к которому осуществляется данная функция¹⁴).

Функция в теории государства и права (думается, это понимание немногим отличается от исходно установленного) «означает направление, предмет деятельности того или иного политико-правового института, содержание этой деятельности, ее обеспечение»¹⁵. Именно в этом смысле можно говорить о функциях правотворческого процесса, понимая под таковыми направления деятельности, осуществляемой в процессе правового творчества, создания правовых актов всеобщего действия (актов, содержащих юридические нормы), т.е. то, что должен выполнять правотворческий орган, чтобы «на выходе» имел место тот результат в виде правотворческого решения, который будет в полной мере выражать «правообразующую волю» и будет способен проявлять творческую (главным образом научно обусловленную (при надлежащем подходе к процессу правового творчества)) энергию в практике правового регулирования общественных отношений. Раскрывая содержание правообразующей воли, Ю.А. Тихомиров отмечает: «Воля служит переводу источников права (экономических, социальных, духовных и др.) в реальные правовые регуляторы. Воля формирует тот нормативный концентрат, который ложится в основу прежде всего законов и иных правовых актов. Именно в ней выражены интересы структур и социальных слоев, уполномоченных принимать правовые акты и «одушевлять» другие формы права. Это стремление урегулировать отношения и решить проблемы, это готовность и способность к преодолению пассивности и противодействия со стороны других структур и слоев, это готовность реализовать усилия и подчинить деятельность достижению результатов (предвидимых в праве)»¹⁶. С точки зрения структурно-функционального подхода, правообразующую волю можно рассматривать в качестве «аргумента», по отношению к которому любая функция в контексте правотворческого процесса выступает производной (зависимой) величиной, направлена на то, чтобы выразить свойства исходного аргумента и «сработать» именно так, как ориентирует исходное аргументативное основание, т.к. правотворчество — «это государственная деятельность, в результате которой воля государства возводится в закон, в нормы права»¹⁷, в самом широком смысле правотворчество — это деятельность, направленная на создание правовых норм¹⁸.

Вообще поиск ответов на вопросы о том, что представляют собой функции правотворческого процесса, чем они предопределяются, в какой системе и последовательности должны осуществляться, какие из них являются главными (основными), какие носят вспомогательный характер, какие проявляют себя непосредственно, а какие имеют, скорее, латентный (неявный) характер, следует проводить в соответствии с принципами научной преемственности, объ-

ективности, плюрализма и аргументированности теоретических положений, а также опираясь, прежде всего, на прочную и адекватную избранному предмету методологическую основу. Разработка методологии исследования функций правотворческого, особенно опережающего, процесса предстает, таким образом, начальным и принципиальным этапом исследования.

Примем за основу понимание «методологии» в качестве системы «принципов формирования и практического применения методов познания и преобразования действительности»¹⁹. В этом случае фиксируется и момент познания, исследования, измерения, изучения действительности, и момент ее практического изменения; объектом методологического исследования становится и сам процесс познания, и практическая реализация его результатов. Относительно изучаемого предмета (исследования функций правотворческого процесса) под методологией соответственно следует понимать «знание» о том, как правильным и оптимальным образом организовать познавательный процесс, какие использовать методологические приемы и способы с тем, чтобы наиболее «рельефно» отразить в научной теории сущность функций правотворческого процесса, их предназначение, специфику отдельных видов и другие стороны и грани этой проблемы²⁰.

Методология представляет собой не только наиболее сложный, но фактически авангардный сектор научного знания. Она ведает тем инструментарием, с помощью которого ученые ведут свои изыскания. Как отмечает А. Кураев, «в науке принято демонстрировать не только пойманную щуку, но и удочку, и наживку, на которую она была поймана»²¹. Методология в этом отношении представляет собой сферу превентивных усилий научной мысли. Она призвана настраивать исследователей на предельно внимательное и ответственное отношение к тем категориям, принципам и методам, с помощью которых ученый рассчитывает на продуктивность своих изысканий. Если усмотреть в методологии разновидность теоретической оптики, позволяющей рассматривать объект в нужных ракурсах и высвечивать в нем различные содержательные грани, то на первое место выдвигается задача содержания и исправности имеющегося аналитического инструментария²².

Чтобы методология правильно «заработала», необходимо адекватно охарактеризовать исследуемый предмет. Э. Гуссерль справедливо утверждает, что метод исследования должен определяться предметом. «Истинный метод, — пишет он, — вытекает... из природы подлежащих исследованию предметов, а не из наших заранее составленных суждений и представлений»²³. Для адекватности методологического подхода к исследованию, указывал С.Л. Франк в «Очерке методологии общественных наук» (1922 г.), надо прежде всего определить совокупность общих формальных свойств объекта исследования. Только изучив данные свойства, исследователь может браться за определение правил, приемов и подходов, то есть определять методологию²⁴.

Итак, представим рабочее определение функций правотворческого процесса с целью более четкого установления последующего методологического ряда (методологических уровней, подходов и отдельных методов научно-правового исследования предмета в виде функций правотворческого процесса). Под функциями правотворческого процесса следует понимать обусловленные правообразующей волей, требующей выражения в позитивном праве, спецификой правотворческой работы направления профессиональной деятельности, осуществляемой в рамках системных параметров правотворческого процесса (непосредственно субъекта-

ми правотворческой компетенции (прежде всего, депутатами законодательных (представительных) органов власти), а также привлекаемыми к участию иными лицами (специалистами в определенных научных областях, в частности, учеными-юристами)), по познанию содержания искомой воли, оценке на предмет юридической значимости отдельных его компонентов, а также преобразованию в формально определенные правовые установления, и которые в системе (посредством последовательной реализации соответствующих направлений правотворческой работы) позволяют достичь необходимого правотворческого результата в виде правовых актов нормативного характера, нацеленных на решение текущих проблем правового регулирования и на перспективу.

Сформулированным определением понятия (признаем, что оно несколько громоздко) во многом охватываются те основные аспекты проблемы функций правотворческого процесса, необходимость исследования которых и обуславливает соответствующую систему познавательных приемов и методов.

Во-первых, речь идет в прямом смысле о функциях, осуществляемых в рамках процесса правового творчества, что органично в части методологии предполагает выведение на передний план функционального подхода как общенаучного метода правовых исследований, использование потенциала которого способно проявить сущностные свойства правотворчества как динамического процесса, выяснить процесс функционирования элементов данной деятельностной системы, определить специфику каждого из направлений осуществляемой в его рамках деятельности, установить функциональную связь между функциями, подфункциями процесса правотворчества²⁵.

Функция — это система действий, направлений деятельности сложной системы (суперсистемы) и совокупность сложноорганизованных средств достижения ее целей. Как верно отмечает О.А. Гаврилов, характеризуя значение структурно-функционального подхода для анализа динамики правовых процессов, понятие «функции приобретает все большее значение в системе методологических средств юридической науки»²⁶, подчеркивая изменчивый характер функций в нормативных системах, среди которых либо появляются новые (обусловленные меняющимися условиями жизни (например, в качестве фактора таких изменений фигурирует научно-технический прогресс)), либо происходит их дифференциация, возникают функции второго и третьего рядов, подфункции²⁷. Это влияет на изменения в структуре системы, появляются новые структуры и модернизируются уже существующие, обеспечивающие реализацию данных функций (для справки: понятия «структура» и «функция» как две абстракции, выделяемые из общего общественного процесса, одним из первых разработал представитель социальной антропологии А.Р. Рэдклифф-Браун²⁸; «структура» относится к какому-то организованному порядку компонентов, или черт, культуры; «функция» относится к взаимосвязи между социальной структурой и процессом социальной жизни, к роли, которую структура играет в согласованности и сохранении социального целого²⁹). Для совершенствования системы правотворческого процесса понимание этих закономерностей крайне важно и актуально с учетом перманентно осуществляемой модернизации сфер правового воздействия, приемов и способов правотворческой техники. Как отмечает О.А. Гаврилов, «структурно-функциональный анализ призван раскрыть и проанализировать активный, функциональный аспект сложных социальных

систем, изучить и промоделировать сам процесс функционирования исследуемых систем...»³⁰.

Функция характеризует системный объект с позиций его деятельного, активного начала, это как раз тот вектор исследований, на который необходимо ориентироваться, изучая сложные динамические системы (в данном случае — правотворческий процесс, его элементы). Функциональный подход при исследовании правотворческого процесса эвристически значим, прежде всего, потому, что данный процесс призван решать комплекс теоретико-практических задач (правотворческое познание юридической реальности, закономерностей социально-правовой жизни, выявление правового содержания в материи социальной жизни, перевод протоправовых предпосылок в формальные юридические предписания и др.). Кроме того, социально-правовая жизнь, экономические реалии, научно-техническая сфера находятся в постоянном изменении, что, естественно, отражается и на характере, и содержании правотворчества в государстве, соответственно требует держать в поле зрения вопрос о функциональных изменениях в структуре правотворчества. Проблема функций правотворчества также приобретает особое значение в плане понимания последнего как действующей (функционирующей) системы, включающей различные подсистемы (правопознавательную, оценочную (аксиологическую), прогностическую, проектировочную, мониторинговую), каждой из которых может быть свойствен свой набор функциональных характеристик. Посредством изучения соответствующих функций системы правотворческого процесса охватываются, помимо прочего, и проблемы целеполагания, способов достижения целей функционирования (внутрисистемных и ориентированных вовне), связей функций правотворческого процесса с функциями права, правовой системы общества, функциями государства и политической системы общества и пр. Как верно рассуждает В.М. Баранов, ценность функционального анализа права определяется тем, что он открывает широкие возможности для рассмотрения динамики права, более глубокого раскрытия механизма правового регулирования³².

Во-вторых, в связи с тем, что сам правотворческий процесс — это своего рода деятельностная система, элементный состав которой задает определенные функциональные направления, в каждом из сегментов (например, на уровне функционирования отдельных комитетов законодательных собраний), на каждой из стадий процесса правотворчества (функции предпроектной стадии)), использование системного подхода представляется крайне важным.

В целостной системе методологии и мировоззрения системность играет важную роль одного из ведущих принципов интеграции научного знания. На его основе создается возможность для осуществления системного подхода к анализу объективных системных образований — объектов исследования³³.

На первых порах системный подход обычно называли «системно-структурным», и он нередко действительно сводился к структурному анализу. Отсюда и понятие «структурализм», точно обозначившее эту фазу истории системных исследований (К. Леви-Стросс, Ю.М. Лотман). После этого стала осознаваться необходимость связать структурный анализ с функциональным подходом (о развитии метода структурно-функционального анализа в зарубежной науке³⁴). И это произошло, с одной стороны, в т.н. «теории функциональной системы» (П.К. Анохин), а с другой — в «структурно-функциональной» концепции социолога Т. Парсонса³⁵.

Системно-структурный подход, потребность использования которого в настоящее время существенно возрастает, предполагает познание исследуемого как органически целостного образования, а также характеристику автономных качеств объекта с точки зрения присущего ему внутреннего строения, «вклада» его компонентов в формирование целостных свойств системы. Целесообразность и необходимость применения данного метода в правовой науке достаточно обстоятельно обоснованы в работах отечественных ученых³⁶.

Системное мышление является отличительной чертой современной науки. Трудно представить себе ту область научных исследований (знаний), где бы широко не использовался системный подход. В науке он получил особое распространение и на определенном этапе послужил альтернативой многим течениям и направлениям, претендующим на изучение (познание) каких-либо сторон бытия, которые требуют обобщенной и объективной оценки. Не стала исключением в этом плане и правовая наука, где теория систем сыграла важную методологическую роль³⁷.

Система — это комплекс, образующий целостное единство как внутри себя, между элементами, так и с внешней средой, способный производить новые, недостающие элементы и связи, а также порождающий новые качества целого, не сводимые к свойствам его частей³⁸.

Значение системного подхода для анализа правовых явлений не вызывает сомнений, т.к. он позволяет рассмотреть их в целостном единстве, установить связи между ними. С теоретико-методологической точки зрения, «системные разработки в области права отражают одновременно два взаимосвязанных и разнонаправленных объективных процесса дифференциации и интеграции юридических знаний — системный анализ наиболее сложных комплексных образований и синтез разноплановых явлений в единый комплекс на основании объединяющего их свойства»³⁹.

В контексте настоящего исследования с помощью системного (системно-структурного) подхода (в связи с функциональным анализом) можно будет установить связи, обеспечивающие функциональное единство и взаимодействие всех элементов правотворческой системы. Как справедливо замечает Т.Н. Радько, право в целом является динамическим явлением, поэтому, познав его структуру или структуру отдельных элементов, мы еще не познаем его динамические свойства; и в этом случае метод структурного анализа уже недостаточен, здесь более эффективен функциональный метод, «который изучает взаимозависимость элементов, их взаимодействие, взаимоизменение»⁴⁰. По мнению А.Ф. Черданцева, наличие в системе функциональных связей — непременное условие ее существования и внутреннего единства (системного баланса)⁴¹. Использование собственно системного подхода применительно к исследованию функций правотворческого процесса позволит выявить их систему, взаимосвязанные подсистемы (группы) функций первого, второго, третьего и прочих порядков — основные и неосновные (вспомогательные), постоянно реализуемые и текущие (временные), функции содержательно-правового и формально-юридического плана.

В-третьих, в связи с тем, что одной из ключевых характеристик (сторон) системы функциональных направлений деятельности правотворческого процесса выступает познавательная стратегия (функция правотворческого познания), то особо значимым в этом аспекте методологическим ресурсом станет теория познания (гносеология, эпистемология) в своих традиционных (теории отражения

и опережающего отражения как проявления декартовской субъект-объектной познавательной парадигмы) и обновленных (например, эволюционная эпистемология) формах.

Исследование различных социальных факторов, обуславливающих потребность в нормативно-правовом регулировании соответствующих общественных отношений, выявление и учет при формировании правовых норм многообразных интересов социальных и национальных образований, общностей и общества в целом, а также ряд других сходных задач могут быть решены и решаются в рамках реализации функции правотворческого познания, от качества которого зависит «приближенность» законодательства к реальной жизни, его способность не только выражать насущные потребности развития, но и смотреть вперед — на перспективу, комплексно реагируя на запросы социально-правовой жизни, управляя соответствующими социально-правовыми процессами. Как отмечает Д.А. Керимов, «познавательная функция законотворчества — не описание, объяснение или систематизация соответствующих явлений, а изучение в целях выработки нормативно-правовых предписаний для практического поведения и деятельности»⁴².

Теория отражения — это краеугольный камень традиционной для отечественной науки теории познания, которая, как отмечается в правовой литературе, имеет «важное значение для дальнейшей разработки, в частности, проблем правообразования»⁴³. Основы диалектико-материалистической теории отражения были заложены К. Марксом и Ф. Энгельсом. В ходе дальнейшей научно-философской разработки теория познания в данном варианте была поднята на новую ступень В.И. Лениным (данную теорию нередко называли именно «ленинской»⁴⁴). Эта теория лежала в фундаменте всей марксистско-ленинской философии и соответственно — гуманитарной (в т.ч. юридической) науки.

Принцип отражения считался (и во многом сегодня считается, в полной мере он не оспорен и ему еще не пришло взамен что-то настолько убедительное, чтобы данный подход вытеснить из познавательного арсенала науки) основополагающим элементом материалистической теории познания, исходящей из признания первичности внешнего мира и воспроизведения его в человеческом сознании. Понятие «отражение» входило в само определение диалектического, последовательного материализма. При этом не без основания считалось, что материалистическая диалектика в силу всеобщности и универсальности ее законов и категорий выступает как мировоззренческо-теоретическая и логико-познавательная основа для юридической науки, что, раскрывая материалистическое понимание всеобщих форм бытия и универсальных законов объективного мира, она определяет исходные познавательные позиции правоведения. Исследования, выявляющие суть диалектико-материалистического познания в правоведении, прочно утверждали в нем соответствующие принципы познания. Как указывалось в литературе, правоведение получало «опору в реальной логике социального прогресса», ориентировалось на «преобразующую практическую деятельность»⁴⁵.

Действительно, теория отражения, несмотря на существующую критику данного принципа (а также вышедшего из него принципа опережающего отражения) в философской литературе по теории познания⁴⁶, в контексте понимания функции правотворческого познания может сыграть достаточно значимую методологическую роль. По меньшей мере, в ходе экстраполяции содержательных

сторон рассматриваемого познавательного приема в область правовой теории функций правотворческого процесса могут быть установлены возможности и пределы правотворческого познания, а в процессе верификации положений этой традиционной теории познания — приняты или отвергнуты те или иные ее постулаты, а в дополнение к подтвердившим свое значение могут быть призваны те положения, которые разрабатываются в современных эпистемологических практиках⁴⁷.

Следует в определенной степени согласиться с мнением Д.А. Керимова, который отмечает, что в методологическом багаже отечественного правоведения отсутствует сколько-нибудь подробная разработка теории отражения объективной реальности в праве. Между тем эта теория может сыграть чрезвычайно важную методологическую роль, ибо законодательство суть не что иное, как отражение и чаще всего опережающее отражение объективной реальности, направляющее ее развитие, а правильное решение проблемы отражения (равно как и опережающего отражения) будет способствовать дальнейшему совершенствованию правотворчества⁴⁸. Поэтому применение потенциала этой теории в изучении функций правотворческого, в т.ч. опережающего процесса, на наш взгляд, всячески оправдано. Некоторые суждения по этому поводу нами уже выдвигались⁴⁹ и хочется надеяться, что они помогут в более глубоком представлении функции прогнозирования правотворческого процесса⁵⁰. При реализации функции прогнозирования правотворчества на основе синтеза практики и науки нередко создаются документы концептуального характера, предопределяющие дальнейшее развитие законодательства в государстве⁵¹, конечно, потребуются разработка и применение методик социально-правового прогнозирования⁵².

Правотворческое познание предполагает использование комплекса методов эмпирического уровня, связанных с изучением реальных фактов, прямых проявлений в социально-правовой жизни правообразующих тенденций и закономерностей (наблюдение, опрос, эксперимент), т.е. конкретно-социологических методов правовых исследований⁵³. Эмпирические исследования — необходимый этап познания. Данные непосредственных наблюдений, будучи обобщены логическими и статистическими средствами, образуют эмпирические факты науки⁵⁴, которые обобщаются далее абстрактным мышлением в научные понятия и законы — логические конструкторы теорий⁵⁵.

Во многом коррелирует с этими мероприятиями функция правового мониторинга, которая также может и должна осуществляться субъектами правотворческой деятельности с целью изучения практики применения действующего законодательства и выработки понимания того, какие необходимо производить усовершенствования (с учетом использования соответствующих методик правового мониторинга⁵⁶). На этой эвристической основе может осуществляться моделирование права (системы правовых норм), т.е. осуществление функции правового моделирования, что соответственно вызывает потребность в изучении и применении методики моделирования в праве, навыков создания правовых моделей⁵⁷, которые могут послужить основой последующих нормативных правовых предписаний, юридических конструкций и в целом нормативного законодательного материала.

Понятие «моделирование» охватывает как момент отражения (сфера детерминизма), так и момент творчества (сфера свободы), поэтому в области реализации правотворческих функций оно особенно применимо, поскольку правовое

творчество по своей сути и функциям стремится как к познанию объективной правовой реальности, так и к тому, чтобы активно (но в пределах, ограниченных естественной и социальной обусловленностью) и непосредственно воздействовать на развитие человеческих отношений. Как верно отмечает А. Нашиц, «понимание правотворчества как деятельности по моделированию, включающей отражение, но не ограничивающейся им, позволяет нам увидеть единство момента отражения и момента регулирования, предвосхищения, проектирования, иными словами, единство необходимости и свободы в области правотворчества»⁵⁸. При этом, реализуя данную правотворческую функцию, необходимо учитывать разнообразное число факторов, которые находятся в основе будущих правовых построений, руководствоваться определенными теоретико-методологическими предпосылками, а также научно обоснованными критериями выбора оптимальных правовых решений⁵⁹.

На решение именно в этом ключе задач правотворчества указывает и судебная практика высших судебных инстанций. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2016 г. № 13 по делу о проверке конституционности пункта 18 части 1 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Нерюнгринский район», касающейся вопросов местного значения и перераспределения соответствующих обязанностей (сфер ответственности) по их решению между теми или иными уровнями муниципальных образований, содержатся важные требования к законодателю, призванному на своем уровне максимально грамотно и четко регламентировать данные аспекты, чтобы в дальнейшем не возникало известных коллизий компетенций, правовой неопределенности. Приведем эту правовую позицию полностью: «При реализации правотворческих задач в сфере регулирования общих принципов организации местного самоуправления, включая установление правовых основ компетенции муниципальных образований, законодатель, обладающий достаточно широкой свободой усмотрения, призван при наполнении вопросов местного значения конкретным содержанием учитывать как объективные обстоятельства развития местного самоуправления, включая социально-культурные, финансово-экономические, организационные и иные институциональные факторы публично-территориальной самоорганизации населения, так и необходимость наиболее эффективной реализации на местном уровне задач, которые ставит перед собой государство в области социального, экономического, экологического, культурного и иного развития.

При этом, однако, он не может действовать произвольно — принимаемые им решения во всяком случае должны быть согласованы с конституционными основами разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации и обеспечивать осуществление возложенных на местное самоуправление публичных задач с использованием необходимых источников доходов.

Одновременно законодатель, будучи связан вытекающим из конституционного принципа равенства всех перед законом требованием формальной определенности правовых норм, должен стремиться к тому, чтобы компетенция муниципальных образований была определена ясным, четким и непротиворечивым образом, в том числе с точки зрения используемой законодателем юридической терминологии, а соответствующее правовое регулирование позволяло бы раз-

граничить вопросы местного значения, решение которых возложено на органы местного самоуправления, и вопросы государственного значения, решение которых возложено на федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также обеспечивало бы взаимосогласованную регламентацию полномочий органов местного самоуправления нормативными правовыми актами различной отраслевой принадлежности»⁶⁰.

В-четвертых, познание правотворческих факторов и последующее моделирование нормативных правовых предписаний (их системы) не может не сопровождаться оценкой данного протоправового содержания на предмет юридической значимости, необходимости включения в структуру действующего, поэтому очевидно проведение в рамках правотворческого процесса аксиологической функции, понимание специфики которой потребует использование потенциала аксиологического подхода в правовых исследованиях. Как справедливо отмечает А. Нашиц, «переход от сущего к должному, от факторов, воздействующих на формирование права, к праву, от «данного» к «сконструированному» осуществляется не только путем познания. Знания, полученные в результате изучения социальной действительности, требующей правового регулирования, подвергаются затем оценке, которая обуславливает, в свою очередь, выбор законодательных решений. Познавательная сторона должна обязательно дополняться аксиологической и волевой стороной»⁶¹.

Ценностный подход проявляется и в построении правовых институтов, и в порядке расположения норм, и в их формулировках. Изменение ценности объектов правового регулирования обычно влечет за собой изменения в системе законодательства (исключение отдельных норм, изменение места их расположения, изменение санкций и др.)⁶². Вместе с тем это не должно становиться результатом какой-либо произвольной и необъективной оценки. Речь, безусловно, должна идти об оценке, соответствующей всем необходимым критериям и принципам общечеловеческого и специально-научного характера⁶³. Верное замечание по этому поводу делает Ю.Ю. Ветютнев, говоря о том, что, несмотря на то, что критерии оценки, само собой, могут нести в себе значительную долю субъективизма, тем не менее, «для познания права, и в особенности для его целенаправленного развития, жизненно необходимым является хотя бы относительный консенсус сообщества в отношении основных ценностей»⁶⁴. В ином случае какая-либо согласованная и перспективная деятельность социальных субъектов (в т.ч. в контексте коммуникации власти и общества в сфере правотворчества) практически невозможна, поскольку нет оснований для принятия общепризнанных решений.

В-пятых, формализация правового содержания в текстах нормативных актов предполагает осуществление комплекса юридико-технических функций, для адекватной оценки и характеристики которых в контексте рассматриваемой проблематики требуется применение методологии юридической (и непосредственно — правотворческой) техники. Формирование содержания и определение формы различных правовых норм может считаться еще одной «стороной законодательной деятельности, имеющей технический или специализированный характер». И здесь, конечно, необходимо следовать определенным правилам, без соблюдения которых все ранее пройденные этапы и реализованные правотворческие функции могут потерять свое значение и снизить, что называется, коэффициент полезного действия. «Решения технического порядка должны быть

приведены в соответствие с решениями по существу и посредством этого — с нашедшими в них свое отражение потребностями общественного материального и духовного развития»⁶⁶.

Методы правотворческой техники (правотворческие методы, методы систематизации и учета правовых актов, методы толкования) разрабатываются наукой юридической техники (или воспроизводятся путем восприятия из других юридических и неюридических областей знания (например, лингвистики)) и имеют важное практическое (прикладное) значение — «выступают научной основой совершенствования действующего права»⁶⁷, и от того, насколько совершенны с этой точки зрения нормативные правовые акты, эффективны различные правовые механизмы, зависит состояние всей правовой системы⁶⁸.

Разработка правил правотворческой техники (по установлению организационных форм деятельности субъектов правотворческого процесса; по регулированию вопросов организации законоподготовительной деятельности; по составлению законопроектов, включая вопросы стиля, языка, логики и структуры нормативных актов и пр.) — это сложный процесс, требующий разрешения большого количества теоретических и практических вопросов, разработки и применения методологического инструментария⁶⁹.

Кроме разработки самих правил юридической техники, требуется еще ответить на вопросы о том, каким образом организовать всю работу соответствующих субъектов по применению данных правил в конкретной правотворческой практике, на каких этапах (тактических или перспективных) вводить те или иные юридические средства в механизм правового регулирования, а это уже вопросы т.н. юридической технологии⁷⁰.

Все вышеизложенное намечает контуры достаточно широкой и сложной по количеству охватываемых методологических уровней и приемов картины, освещающей процесс исследования функций правотворческого процесса. Представленная методологическая картина, кроме того, может быть дополнена рядом иных общенаучных методов, например, процессологией — учением о функционировании управляющей системы, где отражается динамика процесса управления, технология операций управления, формализация управления. В целом, как представляется, это есть вполне оправданная методологическая «иерархичность», полиструктурность, определяемая изначально сложностью проблемы функций правотворческого процесса. Для успешного исследовательского поиска в обозначенной предметной области в перспективе потребуются глубокая проработка если не всех, то основной части перечисленных методологических срезов и подходов, равно как и собственно проблемы функций опережающего правотворческого процесса.

¹ См., например: *Реутов В.П.* Функции и структура правотворчества (стратегический аспект) // Юридическая техника. 2015. № 9; *Скакун О.Ф.* Теория государства и права: учебник. Харьков, 2000.

² См.: *Правотворчество в СССР* / под ред. А.В. Мицкевича. М., 1974; *Шебанов А.Ф.* Правотворчество в СССР // Советское государство и право. 1975. № 12; *Халфина Р.О.* Проблемы советского правотворчества // Советское государство и право. 1980. № 11; *Научные основы советского правотворчества* / под ред. Р.О. Халфиной. М., 1981; *Поленина С.В.* Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996; *Ильин А.В.* Оптимизация правотворческой деятельности в современной России (Вопросы теории и практики) / под ред. С.А. Комарова. СПб., 2005; *Москалькова Т.Н., Черников В.В.* Нормотворчество: научно-практическое пособие. 2-е изд., доп. и испр. М., 2014; *Марченко М.Н.* Теория государства и права. М., 1996; *Общая теория права и государства* / под ред. В.В. Лазарева. М., 1996; *Теория государства и права: курс лекций* / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997; *Комаров С.А.* Общая теория государства и права. М., 1998; *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права: учебник. М., 2003; *Сырых В.М.* Теория государства и права. М., 2007; *Власенко Н.А.* Теория государства и права: учебное пособие. 2-е изд., перераб., доп. и испр. М., 2015.

- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 359.
- ⁴ См.: *Зубков И.* Выключите принтер // Российская газета. 2016. 27 мая.
- ⁵ См.: *Поленина С.В.* Правотворческие ошибки в свете факторного анализа законодательства // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы Международного научно-практического круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / под ред. В.М. Баранова, И.М. Мацкевича. М., 2009; *Херсонцев А.И.* Дефекты правотворчества и качество законодательных актов // Российский юридический журнал. 2007. № 1.
- ⁶ См.: *Власенко Н.А.* Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8.
- ⁷ См.: *Функции* // Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. Т. 45. М., 1956. С. 644–645.
- ⁸ См.: *Леваков А.А., Пыжкова Н.В., Черенкова Л.П.* Начала анализа в наглядном изложении / под ред. Ю.С. Богданова. Минск, 1982. С. 30–31.
- ⁹ См.: *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию: Социальная системология. М., 2003. С. 10.
- ¹⁰ См.: *Каган М.С.* Наследие Л. фон Бергаланфи и проблема применения системного подхода в сфере гуманитарного знания // Системный подход в современной науке. М., 2004. С. 53.
- ¹¹ *Резник Ю.М.* Указ. раб. С. 507–508.
- ¹² *Bertalanfy L. von.* Modern Theories of Development. N.Y., 1933. P. 9ff. Цит. по: *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Структурно-функциональный анализ в современной социологии: Информационный бюллетень ССА / общ. ред. и вступ. ст. А.Г. Здравомыслова. М., 1968. № 6. Вып. 1, 2. С. 86.
- ¹³ *Лапин Н.И.* Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 23.
- ¹⁴ См.: *Реутов В.П.* О функциях права и правового регулирования // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 136.
- ¹⁵ *Венгеров А.Б.* Теория государства и права: учебник для юридических вузов. М., 2002. С. 164.
- ¹⁶ *Тихомиров Ю.А.* Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010. С. 113.
- ¹⁷ *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 5.
- ¹⁸ См.: *Лукьянова Е.Г.* Некоторые проблемы правотворчества в современной России // Правоведение. 2007. № 6. С. 159.
- ¹⁹ *Методологические проблемы социального познания: сборник научных трудов / отв. ред. В.И. Куценко.* Киев, 1987. С. 4.
- ²⁰ Подробнее об этом см.: *Трофимов В.В.* Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2009. С. 58–131; *Придворов Н.А., Трофимов В.В.* Правообразование и правообразующие факторы в праве. М., 2012. С. 61–134.
- ²¹ *Кураев А.* Конфликт или союз случаен в отношении веры и науки / Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. Дух, душа и тело. Б.м., 2001. Цит. по: *Бачинин В.А.* О двух парадигмах социологического мышления // Социологические исследования. 2004. № 8. С. 124.
- ²² См.: *Бачинин В.А.* Указ. раб. С. 124.
- ²³ Цит. по: Новые направления в социологической теории / под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1978. С. 301.
- ²⁴ См.: *Матвеева Н.Ю.* Методология социального познания в русской религиозной философии // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 64.
- ²⁵ См.: *Радько Т.Н.* Методологические вопросы познания функций права. Волгоград, 1974. С. 72–77; *Его же.* Функции социалистического права // Советское государство и право. 1977. № 5. С. 55; *Его же.* Теория функций права. М., 2014. С. 26–32.
- ²⁶ *Гаврилов О.А.* Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М., 1993. С. 52.
- ²⁷ См.: *Гаврилов О.А.* Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. С. 52–53; *Казьмин И.Ф.* Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М., 1986. С. 63–64.
- ²⁸ *Radcliffe-Brown A.R.* Structure and Function in Primitive Society. L., 1952.
- ²⁹ См.: *Бакли У.* Структурально-функциональный анализ в современной социологии // *Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1969. С. 277.
- ³⁰ *Гаврилов О.А.* Математические методы в социально-правовом исследовании. М., 1980. С. 21–22.
- ³¹ См.: *Лубенченко К.Д., Матюхин А.А.* О функциональном подходе к исследованию социалистического права // Методологические и теоретические проблемы юридической науки / под ред. М.Н. Марченко. М., 1986. С. 6.
- ³² См.: *Баранов В.М.* Поощрительные нормы советского социалистического права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1978. С. 70.
- ³³ См.: *Лисеев И.К.* Системная познавательная модель и современная наука // Системный подход в современной науке: сборник статей / отв. ред. И.К. Лисеев, В.Н. Садовский. М., 2004. С. 73.
- ³⁴ Подробнее об этом см.: *Бакли У.* Указ. раб. С. 272–297.
- ³⁵ См.: *Каган М.С.* Указ. раб. С. 61.
- ³⁶ См.: *Сырых В.М.* Метод правовой науки (основные элементы, структура). М., 1980. С. 122–123; *Матузов Н.И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 54–56; *Тиунова Л.Б.* Системные связи правовой действительности. СПб., 1991. С. 9–21.
- ³⁷ См.: *Придворов Н.А., Трофимов В.В.* Правообразование и правообразующие факторы в праве. М., 2012. С. 111–125.
- ³⁸ См.: *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию: Социальная системология. М., 2003. С. 322–323.
- ³⁹ *Тиунова Л.Б.* Указ. раб. С. 48.
- ⁴⁰ *Радько Т.Н.* Методологические вопросы познания функций права. С. 82.
- ⁴¹ См.: *Черданцев А.Ф.* Системообразующие связи права // Советское государство и право. 1974. № 8. С. 11.

⁴² Керимов Д.А. Культура и техника законоотворчества. М., 1991. С. 25–26; *Его же*. Методологический аспект правотворчества // Вопросы философии. 1975. № 5. С. 110.

⁴³ Проблема методологии и методики правотворения / под ред. Д.А. Керимова и др. М., 1974. С. 14.

⁴⁴ Ленинская теория отражения и современность. София, 1969; Ленинская теория отражения и современная наука: Теория отражения и обществознание. София, 1973.

⁴⁵ Методологические проблемы советской юридической науки / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1980. С. 7, 17.

⁴⁶ См.: Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 8, 108; *Его же*. Субъект, объект, познание. М., 1980.

⁴⁷ См.: Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. М., 2002; *Ее же*. Эпистемология ценностей. М., 2007.

⁴⁸ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001. С. 101.

⁴⁹ См.: Баранова М.В. Опережающее правотворчество как стратегический ресурс и тактическое средство государственного управления в современной России // Юридическая техника. 2015. № 9: Стратегия, тактика, техника законоотворчества (взаимосвязь, инновационные достижения, ошибки); *Ее же*. Культурные пределы опережающего правотворчества // Юридическая техника. 2016. № 10: Законотворческая, интерпретационная, правоприменительная техника в контексте культуры и межкультурной коммуникации.

⁵⁰ См.: Федорченко А.А. Прогнозирование как функция правотворчества: приближение к объективным тенденциям правообразования // Правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики: сборник научных статей РАП. М., 2010.

⁵¹ См.: Концепция развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2010.

⁵² См.: Гаврилов О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М., 1993; Шушаева Т.А. Прогнозирование в международном правотворчестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016.

⁵³ Трофимов В.В. Социологические исследования закономерностей правовой жизни общества как научная основа определения тактики и стратегии правовой политики государства // Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики / под ред. А.В. Малько. М., 2016.

⁵⁴ В отечественной науке позитивный опыт эмпирических исследований связан с масштабной научной работой, которая проводилась в течение 80-х гг. XX в. сектором общей теории и социологии права ИГП АН СССР совместно с секторами институтов АН союзных республик. См.: Поленина С.В., Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Куманин Е.А., Леванский В.А. Исследование социальных факторов законодательной деятельности союзных республик // Правоведение. 1981. № 3.

⁵⁵ См.: Спиридонов Л.И. Методологические проблемы теоретического и конкретного социального исследования // Человек и общество. Ученые записки Ленинградского ун-та. Вып. III / под общ. ред. Б.Г. Ананьева и Д.А. Керимова. Л., 1968. С. 96.

⁵⁶ См.: Правовой мониторинг: научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова, Д.Б. Горохова. М., 2009; Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. Мониторинг в правотворчестве. Теория и методология. М., 2009.

⁵⁷ См.: Правовые модели и реальность / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М., 2015.

⁵⁸ Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 81.

⁵⁹ См.: Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 112–115.

⁶⁰ Российская газета. 2016. 11 мая.

⁶¹ Нашиц А. Указ. раб. С. 86.

⁶² См.: Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 99.

⁶³ См.: Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации: материалы Международной научно-теоретической конференции (4–6 декабря 2008 г.): в 2 т. / под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. М., 2009; Сапун В.А. Инструментальная ценность и свойства российского права (в контексте концепции Н.А. Придворова) // Проблемы формирования нового российского права и новой российской государственности: на пути движения к «чистому золоту права»: сборник материалов I Всероссийской научной конференции. К юбилею профессора Н.А. Придворова (5 февраля 2015 г.) / отв. ред. и авт.-сост. предисл. В.В. Трофимов. Тамбов, 2015; Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права / под ред. Н.И. Матузова. Саратов, 2004.

⁶⁴ Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. М., 2013. С. 3–4.

⁶⁵ Нашиц А. Указ. раб. С. 97.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009. С. 33.

⁶⁸ Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 10; *Ее же*. Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление. СПб., 2009; Бачило И.Л. О методологии и юридической технике законоотворчества // Государство и право. 2006. № 6; Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2008; Лисюткин А.Б. Юридическая техника и правовые ошибки // Государство и право. 2001. № 11.

⁶⁹ См.: Законодательная техника / под ред. Д.А. Керимова. Л., 1965. С. 4–5.

⁷⁰ См., например: Карташов В.Н. Юридическая техника, тактика, стратегия, технология (к вопросу соотношения) // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. Т. 1; Власенко Н.А. Законодательная технология: (Теория. Опыт. Правила): учебное пособие. Иркутск, 2001.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

З.И. Цыбуленко

НОВОЕ В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Статья посвящена анализу изменений и дополнений, внесенных Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», в частности в гл. 22 части первой Гражданского кодекса РФ, регулирующую общие положения об исполнении обязательств.

Ключевые слова: исполнение обязательства; недопустимость одностороннего отказа от исполнения обязательства; срок и место исполнения обязательства; исполнение альтернативного и факультативного обязательства; встречное исполнение обязательства.

Z.I. Tsybulenko

NEW IN THE CIVIL CODE ON THE IMPLEMENTATION OF OBLIGATIONS

This article analyzes the changes and additions made to the Federal Law of 08.03.2015, № 42-FZ of Chapter 22 of the Civil Code, which regulates the general provisions on the execution of obligations.

Keywords: performance of an obligation; the inadmissibility of unilateral refusal to fulfill obligations; time and place of performance; alternative and optional execution of obligations; counter performance obligations.

С 1 июня 2015 г. вступили в силу изменения и дополнения в ГК РФ, внесенные Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ в главу «Общие положения об обязательствах». В данной статье предполагается рассмотреть изменения и новые правила, касающиеся правового регулирования отношений по исполнению гражданско-правовых обязательств с целью изучения, анализа и оценки этих изменений с точки зрения оказания ими содействия надлежащему исполнению названных обязательств.

Прежде всего, следует одобрить решение законодателя о дополнении ст. 307 ГК РФ положением о том, что в процессе возникновения, исполнения обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывать права и законные интересы друг друга, оказывать необходимое содействие для достижения цели обязательства, предоставлять друг другу необходимую информацию. В ней отражены требования принципа добросовестности в гражданском

© Цыбуленко Зиновий Иванович, 2016

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и семейного права (Саратовская государственная юридическая академия)

праве России (п. 3 ст. 1 ГК РФ), приобретающего теперь и качество одного из принципов исполнения обязательств, а также закреплен в качестве такового и принцип сотрудничества сторон при исполнении обязательств. Представляется, что осуществление на практике требований названных принципов может способствовать надлежащему исполнению гражданско-правовых обязательств.

Важными представляются дополнения, предусмотренные в ст. 307.1 ГК РФ, направленные на уточнение порядка применения общих положений об обязательствах. Согласно названной статье общие положения об обязательствах должны применяться:

а) к договорным обязательствам в тех случаях, если иное не предусмотрено правилами об отдельных видах договоров, закрепленными ГК РФ и иными законами, а при отсутствии таких специальных правил — общими положениями о договоре;

б) к обязательствам вследствие причинения вреда, неосновательного обогащения общие положения об обязательствах (настоящий подраздел) применяются, если иное не установлено соответственно правилами гл. 59 и 60 ГК РФ или не вытекает из существа соответствующих отношений;

в) к требованиям, возникшим из корпоративных отношений, а также связанным с применением последствий недействительности сделки.

Таким образом, в нормах указанной статьи закреплено положение о том, что при применении норм гражданского права специальные нормы имеют преимущество перед общими нормами, которые применяются тогда, когда отношения не урегулированы специальными нормами.

Улучшают нормы ГК РФ, регламентирующие общие положения об обязательствах, и положения, закрепленные в ст. 308.1 и 308.2 ГК РФ, в которых дается определение понятий альтернативного и факультативного обязательств.

Подраздел 1 ГК РФ об общих положениях об обязательствах дополнен ст. 308.3 ГК РФ, направленной на усиление защиты прав кредитора по обязательству. В силу этой статьи при неисполнении должником обязательства кредитор имеет право в судебном порядке требовать исполнения обязательства в натуре, если ГК РФ, другими законами или договором не предусмотрено иное либо не вытекает из существа обязательства. На случай неисполнения такого решения суд по требованию кредитора может присудить в его пользу денежную сумму (п. 1 ст. 330 ГК РФ) в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ). Кроме того, применение кредитором мер защиты своих прав согласно п. 1 ст. 308.3 ГК РФ не освобождает должника от ответственности за нарушение обязательства.

Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ ГК РФ дополнен ст. 309.1, посвященной соглашению кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику. Данная статья предусматривает возможность заключения между кредиторами одного должника по однородным обязательствам названного соглашения, в том числе об очередности их удовлетворения и о непропорциональности распределения исполнения. При этом стороны этого соглашения обязаны не совершать действия, направленные на получение исполнения от должника.

Если в нарушение условий указанного соглашения между кредиторами один из них получит от должника исполнение, оно должно быть передано кредитору по другому обязательству согласно условиям такого соглашения. К кредитору,

передавшему полученное от должника исполнение другому кредитору, переходит требование последнего к должнику в соответствующей части.

По общему правилу, закрепленному в ст. 309.2 ГК РФ, расходы на исполнение обязательства несет должник, если иное не установлено законом, иными правовыми актами или договором либо не вытекает из существа обязательства, обычаев или других обычно предъявляемых требований.

В соответствии с уточненной редакцией ст. 310 ГК РФ односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий по общему правилу не допускаются, кроме случаев, установленных ГК РФ, иными законами или правовыми актами. С другой стороны, одностороннее изменение условий обязательства или односторонний отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, допускается в случаях, предусмотренных ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором.

В случае, если исполнение обязательства связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами, право на одностороннее изменение его условий или отказ от его исполнения может быть предоставлено договором лишь стороне, не осуществляющей названной деятельности, кроме случаев, когда законом или иным правовым актом установлена возможность предоставления договором такого права другой стороне.

Право на односторонний отказ от исполнения обязательства или на такое изменение условий обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, закрепленное ГК РФ, иным законом, правовым актом или договором, может быть обусловлено по соглашению сторон необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне обязательства (ст. 310 ГК РФ).

Статья 312 ГК РФ дополнена п. 2, уточняющим порядок исполнения обязательства надлежащему лицу. Согласно п. 2 ст. 312 ГК РФ в случае, когда представитель кредитора действует на основании полномочий, содержащихся в документе, который совершен в простой письменной форме, должник имеет право не исполнять обязательство данному представителю до тех пор, пока не получит подтверждения его полномочий от представляемого, в частности до предъявления нотариально удостоверенной доверенности, за исключением случаев, указанных в законе, либо случаев, когда письменное уполномочие было представлено кредитором непосредственно должнику или когда полномочия представителя кредитора закреплены в договоре между кредитором и должником.

Рассматриваемым законом в ст. 313 ГК РФ в новой редакции уточнен порядок исполнения обязательства третьим лицом. На основании этой статьи кредитор должен принять исполнение, которое предложено за должника третьим лицом:

а) если исполнение обязательства возложено должником на указанное третье лицо;

б) если должник не возлагал исполнение обязательства на третье лицо, однако должником допущена просрочка исполнения денежного обязательства или такое третье лицо подвергается опасности утратить свое право на имущество должника вследствие обращения взыскания на него.

Вместе с тем исполнение, которое предложено за должника третьим лицом, кредитор не обязан принимать, если из закона, иных правовых актов, условий

обязательства или его существования вытекает обязанность должника исполнить обязательство лично.

Если в соответствии со ст. 313 ГК РФ возможно исполнение обязательства третьим лицом, оно вправе это сделать также посредством внесения долга в депозит нотариуса или произвести зачет с соблюдением правил, предусмотренных ГК РФ для должника.

К третьему лицу, которое исполнило обязательство должника, переходят права кредитора по обязательству. В тех случаях, когда права кредитора по обязательству перешли к третьему лицу в части, они не могут быть использованы им в ущерб кредитору (п. 5 ст. 313 ГК РФ). При исполнении третьим лицом обязанности должника, не являющейся денежной, оно должно нести перед кредитором ответственность, предусмотренную для данного обязательства за недостатки исполнения вместо должника.

В новой редакции ст. 314 ГК РФ уточнены правила о сроке исполнения обязательств. Согласно этой норме если обязательство устанавливает или дает возможность определить день его исполнения либо период, в течение которого оно должно быть исполнено, обязательство подлежит исполнению в этот день или соответственно в любой момент в пределах такого периода.

Если в обязательстве не указывается срок исполнения и в нем отсутствуют условия, которые позволяли бы определить такой срок, а также в случаях определения его моментом востребования, обязательство подлежит исполнению в 7-дневный срок со дня предъявления кредитором требования о его исполнении, если обязанность исполнения в другой срок не предусмотрена законом, иными правовыми актами, условиями обязательства или не вытекает из обычаев либо существа обязательства. При непредъявлении кредитором в разумный срок требования об исполнении такого обязательства должник наделяется правом потребовать от кредитора принять исполнение, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, условиями обязательства или не вытекает из обычаев либо существа обязательства.

В обновленной редакции ст. 316 ГК РФ более точно сформулированы правила о месте исполнения обязательств. Теперь в силу названной статьи исполнение должно производиться:

а) по обязательству о передаче земельного участка, здания, сооружения или другого недвижимого имущества — в месте нахождения такого имущества;

б) по обязательству о передаче товара или иного имущества, которое предусматривает его перевозку, — в месте сдачи имущества первому перевозчику для доставки его кредитору;

в) по другим обязательствам предпринимателя передать товар или иное имущество — в месте изготовления или хранения имущества, если это место было известно кредитору в момент возникновения обязательства;

г) по денежному обязательству об уплате наличных денег — в месте жительства кредитора, а если кредитором является юридическое лицо, — в месте его нахождения в момент возникновения обязательства;

д) по денежному обязательству об уплате безналичных денежных средств — в месте нахождения банка (его филиала, подразделения), обслуживающего кредитора, если иное не предусмотрено законом;

е) по всем другим обязательствам — по месту жительства должника или, если им выступает юридическое лицо — по месту его нахождения.

В изложенном порядке должно исполняться обязательство в тех случаях, когда место его исполнения не определено законом, иными правовыми актами или договором, не явствует из обычаев либо существа обязательства.

Если после возникновения обязательства место его исполнения изменено вследствие изменения места жительства должника или кредитора, сторона, от которой зависело такое изменение, обязана возместить другой стороне дополнительные издержки, а также принять на себя дополнительные риски, обусловленные изменением места исполнения обязательства.

Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ ГК РФ дополнен ст. 317.1 о порядке исчисления процентов по денежным обязательствам. В соответствии с этой статьей кредитор по такому обязательству, в котором сторонами выступают коммерческие организации, имеет право на получение с должника процентов на сумму долга за период пользования денежными средствами, если иное не предусмотрено законом или договором. При отсутствии в договоре условия о размере процентов их размер определяется ставкой рефинансирования Банка России, действовавшей в соответствующие периоды.

Условие обязательства, предусматривающее начисление процентов на проценты, является ничтожным, за исключением условий обязательств, которые возникают из договоров банковского вклада или из договоров, связанных с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности.

В измененной редакции ст. 318 ГК РФ более четко сформулированы правила об увеличении сумм, выплачиваемых на содержание гражданина. Согласно данной статье сумма, которая выплачивается по денежному обязательству непосредственно на содержание гражданина, в т.ч. в возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, либо по договору пожизненного содержания, должна увеличиваться пропорционально повышению определенной в соответствии с законом величины прожиточного минимума, если иное не предусмотрено законом.

ГК РФ дополнен ст. 319.1, закрепляющей порядок погашения требований по однородным обязательствам. В соответствии с правилами этой статьи, когда исполненное должником недостаточно для погашения всех однородных обязательств его перед кредитором, исполненное должно засчитываться в счет обязательства, которое назвал должник при исполнении или сразу после исполнения. При отсутствии указания должника о том, в счет какого из однородных обязательств осуществлено исполнение, и при наличии среди них обязательств, по которым кредитор имеет обеспечение, исполнение засчитывается в пользу обязательств, по которым кредитор не имеет обеспечения.

Если должник не указал, в счет какого из однородных обязательств осуществлено исполнение, и иное не предусмотрено законом или соглашением сторон, преимуществом обладает то обязательство, срок исполнения которого наступил или наступит раньше, либо, когда в обязательстве нет срока исполнения, то обязательство, которое возникло раньше. Если сроки исполнения обязательств наступили одновременно, исполненное засчитывается пропорционально в погашение всех однородных требований.

Важные изменения, уточняющие порядок исполнения альтернативного обязательства, внесены в ст. 320 ГК РФ. Согласно этой статье теперь если должник по такому обязательству, обладающий правом выбора, не сделал этого в определенный срок, в т.ч. путем исполнения обязательства, кредитор наделяется правом по

своему выбору потребовать от должника совершения соответствующего действия или воздержаться от этого.

Если право выбора по альтернативному обязательству принадлежит кредитору или третьему лицу и они не сделали выбор в установленный для этого срок, должник вправе исполнить обязательство по своему выбору.

В ст. 320.1, которой дополнен ГК РФ, уточнен порядок исполнения факультативного обязательства. В силу этой статьи, если к определенному сроку должник по такому обязательству не приступил к основному исполнению, кредитор вправе потребовать основного исполнения обязательства.

К обязательству, которое предусматривает совершение должником одного из двух или нескольких действий, применяются правила об исполнении альтернативного обязательства, если оно не может быть признано факультативным обязательством.

Статья 327 ГК РФ дополнена следующими правилами:

а) по соглашению между кредитором и должником может быть установлена обязанность должника исполнить обязательство по передаче денег или ценных бумаг путем внесения долга в депозит нотариуса;

б) в любое время до получения кредитором денег или ценных бумаг из депозита нотариуса либо суда должник вправе потребовать возврата ему таких денег или ценных бумаг вместе с доходами по ним. В случае возврата должнику произведенного им исполненного по обязательству он не считается исполнившим обязательство.

ГК РФ дополнен новыми правилами о возможности обусловленного исполнения обязательства, которые закреплены в ст. 327.1 ГК РФ, согласно которой исполнение обязанностей, осуществление, изменение и прекращение определенных прав по обязательству, возникшему из договора, может быть обусловлено совершением или несвершением одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных обстоятельств, предусмотренных договором, в т.ч. полностью зависящих от воли одной из сторон.

В измененной редакции ст. 328 ГК РФ уточнен порядок встречного исполнения обязательства. В соответствии с правилами этой статьи при непредоставлении обязанной стороной определенного договором исполнения обязательства либо при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что такое исполнение не будет осуществлено в установленный срок, сторона, которая должна производить встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от его исполнения и потребовать возмещения убытков. Встречным признается исполнение обязательства одной из сторон, которое обусловлено исполнением другой стороной своих обязательств.

В тех случаях, когда исполнение обязательства, установленного договором, осуществлено частично, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения в части, соответствующей непредоставленному исполнению. Если по условиям обязательства предусмотрено встречное исполнение, то ни одна из сторон не вправе требовать по суду исполнения, пока не предоставит положенного с нее по обязательству другой стороне.

Приведенные правила должны применяться, если законом или договором не предусмотрено иное.

Таким образом, изложенные измененные и новые правила ГК РФ об исполнении обязательств направлены на улучшение гражданско-правового регулирования названных отношений, усиление защиты прав сторон обязательств, учет их взаимных имущественных интересов. Остается надеяться, что реализация указанных норм ГК РФ на практике будет способствовать надлежащему исполнению гражданско-правовых обязательств, осуществлению субъективных гражданских прав, более полному удовлетворению имущественных потребностей участников гражданских правоотношений.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10, ст. 1412.

В.А. Бабаков

ТЕОРИЯ МЕХАНИЗМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В КОНЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В статье предпринята попытка наложения теоретической модели механизма осуществления и защиты гражданских прав на формируемую концепцию гражданско-правовой защиты государства, что позволяет рассмотреть в качестве элементов данного механизма субъективные права и юридические обязанности, опосредующие соответствующие правоотношения, находящие свое выражение и легальное закрепление в конкретных правовых нормах.

Ключевые слова: механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей, гражданско-правовая защита государства, логическая структура нормы права, связь субъективных прав, обязанностей и ответственности.

V.A. Babakov

THE THEORY OF THE MECHANISM OF REALIZATION OF CIVIL RIGHTS IN THE CONCEPT OF CIVIL LAW PROTECTION OF PUBLIC LEGAL ENTITIES

The article is an attempt to overlay a theoretical model of the mechanism of realization and protection of civil rights, generated the concept of civil protection of the state and can be considered as elements of the mechanism of subjective rights and legal duties relating to the corresponding legal relationship, finding expression and legally binding in specific legal norms.

Keywords: mechanism of realization of civil rights and duties, civil protection of the state, the logical structure of the law, the relationship of subjective rights, duties and responsibilities.

Согласно классической теории осуществления и защиты гражданских прав, сформулированной в цивилистике, основы гарантированного осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей должны составлять механизмы их непосредственной реализации¹. В этой связи представляется возможным наложение теоретической модели механизма осуществления и защиты гражданских прав на формируемую концепцию гражданско-правовой защиты государства,

© Бабаков Владимир Алексеевич, 2016

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и международного частного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vladbabakov@yandex.ru

что предполагает выделение основных ее элементов, стадий и принципов. Элементами рассматриваемого механизма являются субъективные права и юридические обязанности, опосредующие соответствующие правоотношения, находящие свое выражение и легальное закрепление в конкретных правовых нормах; юридические факты; способы осуществления прав и исполнения обязанностей; формы осуществления. В то же время осуществление прав и исполнение юридических обязанностей невозможно без четкой регламентации гражданско-правовой ответственности за их неисполнение, что в рамках системного анализа делает последнюю не просто необходимым элементом рассматриваемого механизма, а элементом, непосредственно влияющим на динамику развития отношений и обеспечивающим устойчивость системы правовой регуляции.

С проблематикой участия государства в гражданском обороте и эффективностью такого участия сопряжены два следующих важных аспекта: общество несет неоправданно большие издержки в связи с зачастую неэффективным расходованием государственных финансовых и материальных ресурсов, о чем, в частности, свидетельствуют отчеты Счетной палаты РФ, регулярно выявляющей многомиллиардные суммы неэффективных трат². С другой стороны, государство вынуждено изыскивать немалые компенсационные средства для возмещения разного рода претензий к нему, обусловленных опять-таки неэффективной работой органов власти, в т.ч. законодателя, различных структур госаппарата и муниципальных органов, не исключая прямые злоупотребления и иные проявления деликтного характера, в широкой и разносторонней сфере правоотношений, подпадающих под действие гражданско-правовой регламентации.

На эффективность регулирования социально-экономических отношений влияет множество факторов различной природы, среди которых важная роль отводится качеству нормативно-правовой, законодательной базы такого регулирования. Низкий уровень ответственности, характерный для современного состояния различных структур и звеньев госаппарата и муниципальных органов, в немалой степени обусловлен аморфностью, пробельностью, а то и фактическим отсутствием конкретного нормативного закрепления правил поведения субъектов правового регулирования в юридической норме и его соответствующей правовой оценки. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть логическую структуру нормы права не только с позиций формально-структурного анализа, где так или иначе неизбежно отвлечение от конкретного круга исследуемых явлений, но, прежде всего, со стороны генезиса и логики движения на базе методологического синтеза институционального и аксиологического подходов, исходящего из детерминации органического единства ценностей и институтов.

Юридическая норма — такое правило поведения, выраженное в законе, которое выступает критерием необходимо-должного (обязанность) и возможно-должного (субъективное право) общественно-требуемого поведения. При анализе логической структуры нормы права традиционно выделяют гипотезу, диспозицию и санкцию, соответственно указывающих условия действия нормы, раскрывающих характер поведения субъектов права, и негативные последствия ее несоблюдения.

Однако можно констатировать, что среди ученых-правоведов не обнаруживается однозначно детерминированных оценок относительно устойчивости самих элементов логической структуры правовой нормы, которая по характеру регуляции конкретного правоотношения, находящей выражение в нормах за-

конодательных и иных правовых актов, именуется в литературе регулятивной или охранительной.

Традиционная формальная трактовка логической структуры нормы права не позволяет внутренне непротиворечиво и последовательно раскрыть динамику процесса формирования и развития нормы права, при том что последняя — продукт синтеза, взаимодействия права и обязанности в конкретных условиях и в общем случае носит сложный характер, преследуя реализацию конкретной цели, достижение определенного регулятивного функционала как результирующей ряда составляющих³.

Е.А. Суханов и В.С. Ем справедливо отмечают, что на стадии осуществления субъективного права имеет место «проблема субъекта», в частности проблема ответственности за осуществление субъективного права в противоречии с его назначением вопреки общественным интересам⁴. Взаимокорреляция прав и обязанностей субъектов, которая усматривается на всех стадиях и этапах в динамике развития любых, а не только гражданско-правовых отношений, тем более с точки зрения достижения реального результата, лишь подтверждает, что «регулятивная» правовая норма без «охранительной» — это полунорма, как и наоборот: осуществление штрафных, карательных и т.п. санкций без мер соответствующей предварительной регуляции правоотношений не отвечает фундаментальным посылам идеологии права.

Стоит ли говорить, что немалое число норм отечественного законодательства не отвечает этой формуле. Едва ли может быть императивным нормативное предписание, не подтвержденное санкцией либо содержащее отсылку к гипотетическому нормативному акту, который подчас не только не разработан, но даже не поставлен в повестку нормотворческой работы. В результате складывается парадоксальная ситуация, когда правонарушение есть, а реальная ответственность отсутствует. Отсюда следующий аспект видения: более целесообразной и непротиворечивой представляется возможность такой логической конструкции правовой нормы, носящей (конструкции) универсальный характер, в которой, не исключая присутствия необходимых юридических фактов и иных требований, гипотеза соответствует субъективному праву (свободам, законным интересам, легитимированным обществом ценностям), а юридическая обязанность в диспозитивной части выступает как условие реализации или защиты этого права.

Диалектика логики позволяет взглянуть на предлагаемую имплицативную связку и в обращенном виде: если право, то обязанность — если обязанность, то право.

В частности, там где речь идет о правонаделении субъекта властными полномочиями, о властных институтах, сам анализ природы власти, ее исторического генезиса, в т.ч. правосудия как проявления одной из ее сущностных форм, приводит к выводу, что в процессе постепенного конституирования власти, обретения ею легитимности в (гражданском) обществе, ее функционирование в большей степени должно определяться обязанностью, а не правом⁵. И соответствующие правомочия (полномочия) должны предоставляться не более чем для эффективного исполнения обязанностей. Такая констатация и соответствующий подход в практике правореализации в большей мере отвечают и существу используемой законодателем нормативной конструкции «злоупотребления служебным положением».

Вышеизложенное, таким образом, позволяет сделать вывод о том, что логически непротиворечивая норма права, отвечающая требованиям имплицативной связи юридических прав и обязанностей и в практике правореализации позитивному результату (положительному эффекту, требованию реального осуществления субъективного права де-юре и де-факто), при разработке законодательства может и должна конструироваться только в системной связи с существующим нормативно-правовым полем, учитывая соразмерность социальных целей и юридических средств их достижения, с учетом беспробельности связи материально-правовых и процессуальных норм, возможностей разностороннего ресурсного обеспечения и влияния других факторов⁶. Иное, как свидетельствует практика, приводит не только к противоречивости толкования отдельных положений и норм, в т.ч. правоприменителем, но и снижению императивности права в правосознании и культуре правоотношений субъектов права, снижению их ответственности за свои действия.

Именно к такому выводу «подводит» нас теория механизма осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей, экстраполированная на сферу участия публичных образований в гражданских отношениях, прежде всего, потому, что нами разделяется и понимание данного механизма как основанного на единстве разнородных составляющих, что связано со сменой состояний права (обязанности), объективации и субъективации права и обязанности. Это изменение состояний субъективного права определяет динамику его осуществления как единый целостный процесс, позволяющий соответственно оперировать понятием стадии осуществления права и исполнения обязанности.

Рассматривая механизм гражданско-правовой защиты государства как юридическую конструкцию⁷, а именно находящуюся в структурно-функциональном единстве совокупность юридических средств, способов, алгоритмов возможных и (или) обязательных действий участников гражданских правоотношений и должностных лиц государственных органов (включая суд), направленных на минимизацию рисков и издержек государства при участии последнего в гражданском обороте, можно утверждать, что базовым детерминантом в нем выступает именно необходимость правового «самоограничения» государства. Это означает, что в рамках гражданского оборота в соответствии с ГК РФ, при четкой нормативной определенности правосубъектности государства императивность велений последнего в правовом поле по всей вертикали власти должна демпфироваться как обязательной взаимокорреляцией юридических прав и обязанностей сторон гражданских правоотношений, так и соответствующей ответственностью, отвечающей требованиям фундаментального принципа права — эквивалентности. Важно отметить, что последовательная реализация принципов действия рассматриваемого механизма обеспечивает и более надежную защиту всех участников гражданских правоотношений.

¹ См.: *Вавилин Е.В.* Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. Саратов, 2012. С. 113.

² Например, глава Счетной палаты РФ С. В. Степашин по результатам аудиторских проверок за 2012 г. констатирует: «Больше всего потерь на госзакупках — почти триллион рублей» // Российская газета (Неделя). 2013. 24 янв.

³ В соответствии с известной гегелевской триадой «тезис-антитезис-синтез» «обязанность и право, через опосредование, переходят друг в друга и сливаются между собой» (*Гегель Г.* Соч. М., 1956. Т. 3. С. 295). А Н.И. Матузов переносит тезис на сугубо правовую материю: «Объективное право не может быть реализовано иначе как через субъективное право, а последнее не может последовательно осуществляться, использоваться без опоры на позитивное» (*Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 90).

⁴См.: *Суханов Е.А., Ем В.С.* Предисловие к работе: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 11.

⁵См.: *Бабаков В.А.* Гражданская процессуальная обязанность. Саратов, 2001. С. 4, 18 и др.

⁶По сути о том же ведет речь и Е.В. Вавилин, характеризуя механизм осуществления гражданских прав в широком смысле (см.: *Вавилин Е.В.* Указ. раб. С. 112 и др.).

⁷Содержательная характеристика соответствующего понятия, включающая модельность, логическую структурированность, конвенциональность, правотворчески-правореализационный потенциал, дается в работе: *Баранов В.М.* Юридическая техника: курс лекций. Н. Новгород, 2015. С. 363–375. У С.С. Алексеева это «своеобразное построение прав, обязанностей, ответственности, типовая схема, модель, «скелет» и принципы действия, на которых построен данный «юридический материал» (см.: *Алексеев С.С.* Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 8: Учебники и учебные пособия. М., 2010. С. 214).

О.В. Зайцев

К ПРОБЛЕМЕ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ИСТОЧНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В статье исследуется вопрос о необходимости и возможности модернизации системы источников гражданского права. Анализируются предпосылки этой модернизации; прогнозируются возможные позитивные и негативные ее последствия.

Ключевые слова: источники права, прецедент, локальные правовые акты, индивидуальные правовые акты, судебная практика, судебный акт.

O.V. Zaytsev

THE ISSUE OF MODERNIZATION OF SYSTEM OF CIVIL LAW'S SOURCES

This article is about necessary and possibility of modernization of civil law's sources system. The author analyses backgrounds and positive and negative effects of it.

Keywords: sources of law, precedent, local acts, individual acts, court decision, court practice.

Развитие права и экономики на современном этапе требует осмысления традиционных правовых явлений и конструкций, незыблемость которых представлялась довольно ясной и всеми признаваемой идеей. К таким явлениям всегда можно было отнести категорию «источник права». Если мы проанализируем развитие гражданского законодательства России за последнее столетие, то, несмотря на кардинальные социально-экономические и политические потрясения, определение понятия «источник права» оставалось стабильным и в целом соответствовало основам континентальной правовой системы. Однако в последнее время все чаще говорят и пишут о современном кризисе источников права, «который образно изображают в виде „развороченного пейзажа“, где нормы права выскакивают неведь откуда, в любой момент и движутся во всех направлениях»¹.

Требования стабильности гражданского оборота диктуют необходимость выработки четких и единых позиций относительно не только понимания сущности используемой в праве и науке гражданского права терминологии, но и в подходах в систематизации источников права.

© Зайцев Олег Владимирович, 2016

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий Высшей школой правоведения (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); e-mail: oleg@zaytsev.pro

В юридической литературе понятие «источник права» используется в двух различных значениях: 1) как материальный источник права (источник права в материальном смысле); 2) как формальный источник права (источник права в формальном смысле), как внешняя форма выражения права. Под «материальным источником права» подразумеваются причины образования права, т.е. все то, что порождает (формирует) позитивное право, — те или иные материальные или духовные факторы, общественные отношения, природа человека, природа вещей, божественный или человеческий разум, воля бога или законодателя и т.д.². Именно развитие отдельных факторов, оказывающих значительное воздействие на позитивное право, становится одной из причин, позволяющих ставить вопрос о проблеме модернизации источников гражданского права.

Таким образом, необходимо уточнить, что, к счастью, это, все-таки, нормы закона «...выскакивают неведь откуда, в любой момент и движутся во всех направлениях», поскольку само право является более стабильным институтом, чем закон, во всяком случае на современном этапе развития российской экономики и правовой системы.

Традиционный взгляд на исследуемый нами объект закрепил следующий подход к понятию источника права. Это именно определенная форма выражения только правовой нормы, служащая для отделения источника права от иных форм правовых актов, которые порождают, прекращают или изменяют конкретное правоотношение. В романо-германской правовой системе, к которой относится и российская правовая система, правоприменительная практика пока не является традиционным источником права, порождающим новую правовую норму. Таким не является и судебный акт, который создает право между сторонами, хотя он и служит выражением государственной воли. И даже авторитетная модель применения права — решения высшей судебной инстанции по конкретному делу, выступающая рекомендуемым эталоном, не может быть отнесена к числу источников права в смысле именно создания нормы, а не ее толкования. Необходимо подчеркнуть, что здесь речь идет об источниках права именно в «формальном» смысле, т.е. в форме закрепления правовых норм.

Справедливости ради следует отметить, что созданная Высшим Арбитражным Судом РФ конструкция «вновь открывшихся и новых обстоятельств» в определенном смысле уникальна в мировой практике, т.к. привнесла новое в осознание системы источников права.

Источник права есть внешняя форма установления содержания правовой нормы государством (по поручению государства или с санкции, одобрения государства). Известно, что право возникает только как результат действия государственных органов. Следовательно, любой правовой нормативный акт исходит от государства или одобрен им, т.е. носит государственный характер. Однако развитие частно-правовых отношений в обществе, явная тенденция к унификации правовых институтов различных правовых систем, стремление к расширению свободы волеизъявления в праве привели к появлению новых теоретических концепций, пытающихся включить в систему источников гражданского права различные индивидуальные акты³, судебную практику и пр.

В теории права уже давно высказываются идеи о необходимости разграничения понятий и выделения наряду с источниками права также источников т.н. «естественных» прав — любые явления социальной действительности, в т.ч. судебные решения, договоры, локальные акты и т.д. — не будучи источниками

объективного права, порождают субъективные права участников правоотношений⁴. В рамках теоретических исследований отмечалось наличие разных подходов к определению системы источников права. В частности, возможность применения системной методологии к исследованию этого явления, по мнению ученых, допустима лишь в контексте «широкого правопонимания, связанного, в числе прочего, с признанием существования не только формальных источников как оснований общеобязательности конкретных правоотношений и признания отдельных прав субъектов, но и содержательных источников формирования и изменения как права в целом, так и различных его элементов»⁵. В общей теории права становится очевидным факт возникновения двух различных тенденций в развитии: с одной стороны, формальных основ построения системы источников права, а с другой, «эволюции реально действующих источников»⁶. Для исследователя, остающегося на традиционных, прежде всего, позитивистских взглядах, такое представление может оказаться не верным и ошибочным, однако было бы не меньшей ошибкой не воспринимать активное распространение подобных взглядов.

В отличие от теории права система источников гражданского права в некоторой степени представлялась явлением статичным, не подверженным существенным изменениям. Это объяснялось связью российского гражданского права с континентальной правовой системой, необходимостью закрепления в правовой системе неких «аксиоматичных» правил, определяющих основы частно-правового регулирования.

Однако в последнее время вопрос об источниках гражданского права становится актуальным и значимым. Наиболее часто обсуждается необходимость официального признания источником права судебных решений, решений высших судебных инстанций, договора, локальных нормативных актов и пр. Отчасти сам законодатель порождает сомнения в возможности сохранения традиционных подходов, например, определив в п. 5 ст. 52 Гражданского кодекса РФ положения о регулировании корпоративных отношений внутренними регламентами и иными внутренними документами юридического лица. Как показывает практика, холдинговая структура взаимоотношений многих юридических лиц придает внутренним документам управляющей или иной головной компании статус источника правовых предписаний. Увеличивается число случаев, когда внутренние локальные акты организации путем включения в текст договора приобретают обязательную силу для контрагентов. Отнести подобные акты к источникам гражданского права возможно только путем изменения системы координат, в которой рассматривается данный правовой институт.

Попытки модернизации системы источников гражданского права обосновывают значимость источников гражданского права как отражения социально-правовой действительности, усложнения регулируемых отношений, необходимости более оперативного регулирования гражданского оборота⁷. В связи с этим особая роль отводится решениям судов, начиная от отдельных решений по конкретным делам и заканчивая обобщениями судебной практики высшими судебными инстанциями. При этом доводы сторонников подобных взглядов достаточно разнообразны — от определения особого статуса Конституционного Суда РФ (который, несомненно, существует) до обоснования наличия ситуаций, «когда за решениями суда вполне логично было бы все же признать значение источников действующего права, когда в судебных решениях осуществляется аналогия права путем применения общих гражданско-правовых принципов»⁸.

Формирование единообразной судебной практики, которой занимаются высшие судебные инстанции, является следствием наличия принципа правовой определенности и функций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ⁹. Однако выполнение функциональных обязанностей на примере деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ фактически вылилось в «прецедентную революцию», к которой общество в целом, наверное, было еще не готово, хотя несомненный положительный эффект в правоприменении эта «революция» имела. Г.С. Гаджиев отмечает, что данная революция началась с появлением понятия «правовая позиция Президиума Высшего Арбитражного Суда», вскрывшая «острые противоречия, как партикуляризм сложившейся судебной практики Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Очень остро обозначается проблема придания органами исполнительной власти обратной силы правовым позициям Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ и их произвольная универсализация. Имеют место и коллизии правовых позиций Конституционного Суда РФ и Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ»¹⁰. При этом, цитируя выступление на VIII съезде судей Российской Федерации Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ, приводится довод о том, что решение судьи следовать или отвергнуть правовую позицию вышестоящей судебной инстанции является свободой научного мышления, необходимостью развивать право, исследуя саму жизнь¹¹. Схожее мнение высказывается и в отношении обзоров судебной практики, которую явно недооценивают в правовой науке¹².

Основная проблема, которая видится в попытках модернизации системы источников гражданского права, связана с отсутствием универсализации выдвигаемых концепций. Предложения авторов основываются на определенных методологических установках, отдельных типах правопонимания, которые разделяют авторы той или иной точки зрения. Для развития науки гражданского права наличие различных подходов, конкурирующих теорий представляется значимым и служит основой для развития теоретических представлений о сложных правовых явлениях, изменении системы права. Однако «перенос» неустоявшихся научных положений в сферу практического правоприменения представляется ошибочным и негативно влияет, прежде всего, на реализацию принципа правовой определенности, ставя под сомнение действие принципа законности и нанося ущерб эффективности гражданско-правового регулирования.

¹ Кабрияк Р. Кодификации. М., 2007. С. 121.

² См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2000. С. 399–400.

³ См.: Павлова Н.Н. Современная система источников российского гражданского права (на базе сравнительно-правового анализа законодательства государств постсоветского пространства): дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015.

⁴ См.: Разуваев Н.В., Чернооков А.Э., Честнов И.Л. Источник права: классическая и постклассическая парадигмы / под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб., 2011. С. 125.

⁵ Гарашко А.Ю. Особенности системных свойств источников права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

⁶ Жукова-Василевская Д.В. Источники права России: тенденции формирования и развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

⁷ См.: Павлова Н.Н. Указ. раб. С. 28.

⁸ Разуваев Н.В., Чернооков А.Э., Честнов И.Л. Указ. раб. С. 114–115.

⁹ См.: Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4.

¹⁰ См.: Гаджиев Г.А. Методологические проблемы «прецедентной революции» в России // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4. С. 7–8.

¹¹ См.: Там же. С. 8.

¹² Аверин А.В., Афанасьев С.Ф., Вырлеева-Балаева О.С. и др. Суд как субъект правовой политики / под ред. А.В. Малько. М., 2014. С. 9.

И.П. Кожокаръ

ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ, ОБЪЕКТЫ И СУБЪЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДЕФЕКТОВ МЕХАНИЗМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена вопросу предупреждения дефектов механизма гражданско-правового регулирования. Выделяются отдельные элементы процесса предупреждения: понятие, формы, объекты и субъекты.

Ключевые слова: дефекты, механизм правового регулирования, предупреждение дефектов.

I.P. Kozhokar

THE CONCEPT, FORMS, OBJECTS AND SUBJECTS OF DEFECTS PREVENTION MECHANISM OF CIVIL-LAW REGULATION

The article is devoted to the prevention mechanism defects civil regulation. The author singles out the individual elements of the prevention process: concept, forms, objects and subjects.

Keywords: defects, the legal regulation mechanism, defects prevention.

Подход к дефектности правовых явлений как к негативной реалии предполагает соответствующую систему противостояния ей, главным элементом в которой выступает воздействие на причины, ее порождающие.

Средства преодоления и устранения дефектов механизма гражданско-правового регулирования (далее — МГПР) направлены на нейтрализацию уже возникших дефектов через толкование, коррекцию норм права, воздействие на субъектов — участников дефектных гражданских правоотношений, а меры предупреждения — на ликвидацию причин и условий, порождающих дефекты.

На сегодняшний день предупреждение дефектов МГПР должно стать одним из главных направлений гражданско-правовой политики государства, которая включает не только гражданское законодательство и основные направления по его совершенствованию, но и деятельность государственных органов, общественных организаций, отдельных граждан по предупреждению дефектолизации гражданского законодательства, правоотношений и юридических фактов.

Анализ научной литературы, посвященной правовым дефектам, свидетельствует о том, что авторы, описывая и характеризуя дефекты, не уделяют достаточного внимания мерам их предупреждения. Комплексная система мер предупреждения дефектов как в праве в целом, так и в гражданском праве в частности, отсутствует. Научно обоснованные представления о предупредительной деятельности в частноправовой сфере, в т.ч. в цивилистической дефектологии, не сформированы.

Предупреждение дефектов МГПР — это целенаправленная деятельность государственных органов, общественных институтов, юридических и физических лиц, воздействующая на процессы детерминации дефектов в целях недопущения их появления и расширения дефектолизации элементов МГПР.

© Кожокаръ Игорь Петрович, 2016

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и международного частного права (Саратовская государственная юридическая академия)

Предупреждение дефектов МГПР происходит в двух формах: профилактики и предотвращения.

Профилактика дефектов призвана воздействовать непосредственно на причины и условия их возникновения. Это наиболее важный (генеральный) этап противодействия, т.к. он связан с воздействием на сами «дефектогенные» факторы, порождающие дефекты.

Предотвращение дефектов — недопущение дефектов на стадии планирования и подготовки нормативных актов, возникновения гражданских правоотношений и юридических фактов. Например, нотариус в процессе удостоверения сделки, обнаружив несоответствие закону представляемых сторонами сделки документов, может указать на нарушения и тем самым предотвратить возникновение дефектного юридического факта и правоотношения.

Объектами предупреждения в сфере цивилистической дефектологии выступают правотворческий и правореализационный виды деятельности. Точное определение объекта предупредительной деятельности необходимо, поскольку приемы, средства, формы предупреждения должны быть адекватны объекту своего воздействия.

Предметом предупреждения являются правовые нормы, стимулирующие бездефектное поведение как законодателя и правоприменителя, так и участников гражданских правоотношений.

Субъектами предупреждения дефектов МГПР выступают различные органы, организации, индивидуумы, среди которых можно выделить две группы специализированных и неспециализированных субъектов.

Деятельность специализированных субъектов непосредственно или опосредованно направлена на предупреждение дефектов механизма правового регулирования при осуществлении компетенции и полномочий.

Важнейшим среди таких субъектов предупредительной деятельности являются нормотворческие органы, которые вправе принимать любые предупредительные меры по недопущению, прежде всего, нормативных дефектов.

С целью предупреждения дефектов МГПР в законотворческой работе большое значение должно придаваться реализации механизма оценки регулирующего воздействия (ОРВ) правовых актов. В Российской Федерации действует Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»¹, согласно которому после размещения уведомления о подготовке проекта акта проводятся публичные консультации, в которых участвуют:

- заинтересованные федеральные органы исполнительной власти;
- представители предпринимательского сообщества;
- общественный совет при разработчике (в случае его наличия);
- Экспертный совет при Правительстве РФ;

иные организации, которые по мнению разработчика, целесообразно привлечь к подготовке проекта акта.

Проведение публичных процедур, в т.ч. консультаций и сбора предложений, при подготовке законопроекта является действенной профилактической мерой возникновения дефектов МГПР.

Однако мы вынуждены разделить возмущение А.Г. Карапетова и А.И. Савельева по поводу того, что «в России система ОРВ до последнего времени практически не работала либо профанировалась. Законы пишутся „на коленках” в условиях тотальной конкуренции лоббистских групп и без серьезной независимой экономической экспертизы (не считая экспертизы бюджетных расходов). Достаточно сказать, что пояснительные записки ко многим важнейшим законопроектам зачастую не превышают нескольких страниц!»². Расширение оценки регулирующего воздействия законопроектов — одно из важнейших направлений профилактики и предотвращения дефектов МГПР.

Предупреждает появление юридико-технических дефектов и проведение законодателем лингвистической экспертизы, под которой понимается «оценка соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов»³. Точность, ясность, языковое единообразие текста проекта нормативного акта предупреждает появление соответствующих нормативных дефектов⁴.

В Российской Федерации осуществляется оценка фактического воздействия нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности⁵, в частности, в целях анализа достижения целей регулирования, определения и оценки фактических положительных и отрицательных последствий принятия нормативных правовых актов, а также выявления в них положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и иной экономической деятельности.

Однако следует отметить, что профилактическая деятельность в сфере гражданско-правовой дефектологии со стороны правотворческих органов заключается в предупреждении дефектов не только нормативной подсистемы МГПР, но и других подсистем. В частности, своевременное принятие гражданско-правовых норм — это одно из условий предупреждения дефектов гражданских правоотношений. Так, по справедливому замечанию В.Ф. Яковлева, введение нормы об обязательном нотариальном удостоверении сделок с недвижимостью «делает практически невозможным противоправный захват чужой недвижимости, спасает жизнь одиноких людей от преступных посягательств по корыстным мотивам»⁶.

Другими специализированными субъектами предупредительной деятельности являются государственные органы исполнительной власти (как федеральные, так и субъектов РФ), а также уполномоченные организации, которым делегирована часть функций государственных органов. Так, согласно ст. 51, 55 ГрК РФ выдачу разрешений на строительство и на ввод в эксплуатацию осуществляют различные федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъекта РФ, органы местного самоуправления, а также уполномоченная организация, осуществляющая государственное управление использованием атомной энергии и государственное управление при осуществлении деятельности, связанной с разработкой, изготовлением, утилизацией ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения. Эти органы и организации призваны предотвращать появление дефектных объектов в гражданском праве.

В предупредительной деятельности в сфере строительства задействованы и органы государственного строительного надзора (ст. 54 ГрК РФ), деятельность

которых направлена на «предупреждение, выявление и пресечение допущенных застройщиком, заказчиком, а также лицом, осуществляющим строительство на основании договора с застройщиком или заказчиком..., нарушений законодательства о градостроительной деятельности, в том числе технических регламентов, и проектной документации»⁷.

Предупреждать появление дефектности в гражданских правоотношениях призваны и органы опеки и попечительства, задачи которых, в частности, состоят в обеспечении своевременного выявления лиц, нуждающихся в установлении над ними опеки или попечительства, и их устройстве; защите прав и законных интересов подопечных; обеспечении исполнения опекунами, попечителями и органами опеки и попечительства возложенных на них полномочий⁸. Своевременное и обоснованное признание граждан недееспособными и ограниченно дееспособными предотвращает заключение ими дефектных гражданско-правовых сделок и возникновение соответствующих негативных правовых последствий.

Судебные органы государства также задействованы в предупредительной деятельности в сфере правовой дефектологии. Так, в соответствии со ст. 101 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 4 июля 2014 г.)⁹ суд при рассмотрении дела в любой инстанции, придя к выводу о несоответствии Конституции РФ закона, подлежащего применению им в указанном деле, обращается в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности данного закона. Своевременное признание Конституционным Судом РФ закона не соответствующим Конституции РФ предотвращает возникновение дефектных гражданских правоотношений.

К сожалению, низка активность высших судебных органов в части законотворческого инициирования, на их долю приходится около 1% законопроектов, а Конституционный Суд РФ выступил в качестве субъекта законотворческой инициативы в порядке ст. 104 Конституции РФ только однажды¹⁰.

Иные правоохранительные органы при реализации своих основных задач и функций также призваны реализовывать меры по профилактике и предотвращению дефектных гражданских юридических фактов и правоотношений. Например, органы прокуратуры, являясь органами, осуществляющими от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, осуществляют надзор за исполнением законов в разрешительной системе. Отсутствие необходимых разрешений в сфере гражданского оборота нередко приводит к возникновению дефектных объектов и содержания гражданских правоотношений. Так, своевременное выявление органами прокуратуры нарушений закона на различных этапах строительной деятельности (выделение земельных участков, проведение государственной экспертизы проектной документации, выдача разрешений на строительство) способно предотвратить появление дефектных, с правовой точки зрения, объектов недвижимости, в т.ч. самовольных построек¹¹.

К специализированным субъектам, чья деятельность имеет предупредительную направленность, относятся нотариат и адвокатура. Являясь субъектами, обеспечивающими правовую помощь населению и дающими юридические консультации, они предпринимают как профилактические, так и преемственные меры, противостоящие дефектолизации МГПР.

К неспециализированным субъектам предупредительной деятельности в сфере цивилистической дефектологии относятся различные общественные организации, фонды, учреждения, а также иные субъекты, в том числе отдельные граждане.

Важную роль в предупреждении гражданско-правовой дефектолизации могут сыграть и такие организации, как юридические клиники, призванные оказывать бесплатные консультации социально незащищенным гражданам, предупреждая вовлечение их в дефектные гражданские правоотношения.

Безусловно, в предупредительную деятельность в сфере правовой дефектологии должны быть вовлечены представители как научной, так и практической юриспруденции. Так, например, законопроект, перечень актов федерального законодательства, подлежащих в связи с этим законопроектом признанию утратившими силу, приостановлению, изменению или принятию, согласованных с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, до внесения их в Правительство РФ требуют обязательной правовой экспертизы, осуществляемой Министерством с участием при необходимости представителей научного сообщества.

Многие авторы цивилистических диссертаций обнаруживают различные нормативные дефекты или квалифицируют новые дефектные гражданские правоотношения, а также предлагают меры по противодействию им. Однако организованная передача результатов научных исследований в правотворческие и правоприменительные органы отсутствует¹², хотя ознакомление законодателей с такими результатами могло бы предотвратить появление многих нормативных дефектов.

Таким образом, предупреждение дефектов МГПР — это целенаправленная деятельность государственных органов, общественных институтов, юридических и физических лиц, воздействующая на процессы детерминации дефектов в целях недопущения их появления и расширения дефектолизации элементов МГПР.

Предупреждение дефектов МГПР происходит в двух формах: профилактики (воздействует непосредственно на причины и условия возникновения) и предотвращения (направлена на недопущение дефектов на стадии планирования и подготовки нормативных актов, возникновения гражданских правоотношений и юридических фактов). Объектами предупреждения в сфере цивилистической дефектологии являются правотворческий и правореализационный виды деятельности.

Среди субъектов предупреждения дефектов механизма гражданско-правового регулирования следует выделять специализированных (непосредственно или опосредованно предупреждают появление дефектов МГПР при реализации компетенции и осуществлении полномочий) и неспециализированных (общественные институты, отдельные юридические или физические лица).

Большое значение в предупреждении дефектов МГПР имеет повышение праводефектной чувствительности граждан (своевременные сообщения граждан в компетентные органы и организации о начале неразрешенной деятельности, о лицах, обладающих признаками недееспособности или ограниченной дееспособности, обращения к субъектам правотворческой инициативы с предложениями об устранении нормативных дефектов, деятельное, конструктивное участие в общественном обсуждении законопроектов и т.п.), а также использование методик краудсорсинга в законопроектной работе.

- ¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 52, ст. 7491.
- ² Каранетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М., 2012. С. 443.
- ³ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (п. 7 ст. 121) (в ред. от 2 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 7, ст. 801.
- ⁴ См.: Батюшкина М.В. О лингвистической экспертизе законопроектов // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 24–32.
- ⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 30 января 2015 г. № 83 «О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.02.2015).
- ⁶ Яковлев В.Ф. Проблемы частного права в современных условиях // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 8.
- ⁷ Постановление Правительства РФ от 1 февраля 2006 г. № 54 «О государственном строительном надзоре в Российской Федерации» (п. 3) (в ред. от 29 апреля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 7, ст. 774.
- ⁸ См.: Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (ст. 4) (в ред. от 22 декабря 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 17, ст. 1755; 2014. № 52, ч. 1, ст. 7543.
- ⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13, ст. 1447; 2014. № 23, ст. 2922.
- ¹⁰ См.: Малько А.В., Агабекова Л.Г. Место и роль законодательной инициативы в законотворческой политике // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 4. С. 11.
- ¹¹ См.: Тухватуллин Т.А., Тухватуллина Г.Р. Совершенствование законодательства как залог предупреждения правонарушений в сфере строительства // Российская юстиция. 2015. № 12. С. 50–53.
- ¹² См.: Голубцов В.Г., Кузнецова О.А. Цель цивилистического диссертационного исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М., 2016. С. 71.

Е.В. Менис

ДОГОВОР АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА: ОБЩИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ

В статье анализируются существенные условия договора аренды земельного участка с учетом новейшего земельного законодательства и судебной практики. Дается характеристика земельного участка как объекта договора аренды. Поднимается вопрос о правовой возможности включения части земельного участка в предмет аренды.

Ключевые слова: договор аренды, недвижимое имущество, земельный участок, существенные условия, предмет договора, арендная плата.

E. V. Menis

THE LEASE CONTRACT OF LAND: GENERAL AND SPECIFIC ESSENTIAL CONDITIONS

In this article the legal analysis of the essential conditions of the land lease contract taking into account the latest land legislation and judicial practice. Characterized by individualizing characteristics of the land as an object of the lease. The question of the legal possibility of inclusion of the land in the subject lease.

Keywords: lease, real estate, land, essential terms, the subject of the contract, the rent.

Договор аренды недвижимости как правовой институт играет важную роль в земельной сфере. В ряду сделок, в которых объектом выступают земельные участки, договор аренды — распространенное основание возникновения правоот-

ношения. По официальной статистике Росреестра, чуть менее 3,9 млн земельных участков в пределах Российской Федерации обременены арендой (по состоянию на сентябрь 2015 г.)¹. В отечественном законодательстве договор аренды земельного участка отличается особым содержанием, широким видовым разнообразием.

Специфические черты договора аренды земельного участка проявляются в особых требованиях законодательства по поводу существенных условий различных видов аренды земельного участка.

Договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора (п. 1 ст. 432 ГК РФ), поэтому существенные условия договора аренды — это условия, обязательные для договора, без которых договор будет считаться незаключенным. Какие условия установлены законом как существенные для договора аренды земельного участка? Согласно п. 3 ст. 607 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) к существенным условиям относится предмет договора, т.е. описание недвижимого имущества — земельного участка, позволяющее идентифицировать его как объект гражданского оборота.

Вопрос об объекте аренды разъясняется более детально в земельном законодательстве. Согласно ст. 22 Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) изъятые из оборота земельные участки не могут быть переданы в аренду, за исключением случаев, установленных федеральными законами. Такие исключения предусмотрены п. 2 ст. 22 ЗК РФ, согласно которой могут быть предоставлены в аренду любые земельные участки, за исключением изъятых из оборота, перечень которых указан в п. 4 ст. 27 ЗК РФ. Данный перечень является закрытым и содержит указание на земельные участки, занятые находящимися в федеральной собственности. Важно, что по поводу передачи в аренду земельных участков, отнесенных к ограниченным в обороте (п. 5 ст. 27 ЗК РФ), в законодательстве ограничений не содержится². В юридической литературе именно с данным ограничением связывается основная особенность договора аренды земельного участка³. В.М. Кособродов справедливо отмечает, что «предмет договора аренды земли имеет свою специфику, влияющую на плату, субъективные права и юридические обязанности сторон»⁴.

Действительно, характеристика земельного участка важна, но какие именно признаки должны быть отражены в договоре? Для ответа на этот вопрос обратимся к содержанию п. 3 ст. 6 ЗК РФ, определившей, что есть земельный участок как объект недвижимости: земельный участок — часть земной поверхности, которая имеет характеристики, позволяющие обозначить ее как индивидуально определенную вещь. Таким образом, объектом аренды могут быть земельные участки, поставленные на кадастровый учет и имеющие характеристики объекта недвижимости. Индивидуализацию и идентификацию земельных участков обеспечивают современный государственный кадастровый учет, ведение государственного кадастра недвижимости⁵. Индивидуализирующими характеристиками земельного участка являются его кадастровый номер, целевое назначение, вид разрешенного использования, адрес, площадь земельного участка, указание местоположения и описание его границ.

На практике нередко возникает вопрос: может ли быть объектом аренды земельный участок или его часть, если границы не уточнены или вовсе отсутствует кадастровый документ на земельный участок? По этому поводу имеется разъяснение Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, согласно которому

гражданское законодательство не ограничивает возможность заключить договор аренды, по которому в пользование арендатору предоставляется не вся вещь, а только ее отдельная часть. Если по договору аренды, заключенному на срок год и более, допускается пользование частью земельного участка, то он подлежит государственной регистрации. При этом обременение устанавливается на всю недвижимую вещь в целом. Представление на государственную регистрацию договора аренды кадастрового паспорта на обременяемое арендой недвижимое имущество необходимо лишь в случае, если такой паспорт ранее не был помещен в соответствующее дело правоустанавливающих документов. Если права на указанные недвижимые вещи (земельные участки, здания, сооружения, помещения) ранее были зарегистрированы за арендодателем, на государственную регистрацию договора аренды может быть представлен подписанный сторонами документ, содержащий графическое и (или) текстуальное описание той части недвижимой вещи, пользование которой будет осуществляться арендатором (в т.ч. с учетом данных, содержащихся в кадастровом паспорте соответствующей недвижимой вещи). Если из этого описания следует, что предмет договора аренды согласован сторонами, то отказ в регистрации договора аренды по причине непредставления кадастрового паспорта на объект аренды может быть признан судом незаконным⁶.

Не оспаривая важность данной особенности, следует отметить, что более специфичным является второе существенное условие договора аренды земельного участка — размер арендной платы (п. 1 ст. 654 ГК РФ, пп. 4, 12 ст. 22 ЗК РФ). Широко обсуждаемое положение о включении в число существенных условий договора аренды условия об арендной плате⁷ нашло отражение еще в 2006 г. в п. 3 ст. 65 ЗК РФ, но в связи с принятием Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸ данное правило было перемещено в п. 12 ст. 22 ЗК РФ. По общему правилу порядок, условия и сроки внесения арендной платы за земельные участки, находящиеся в частной собственности, устанавливаются договорами аренды земельных участков.

В обновленном земельном законодательстве особенности определения размера арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, отражены в ст. 39.7 ЗК РФ. Размер арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, определяется в соответствии с основными принципами определения арендной платы, установленными Правительством РФ⁹. Данные принципы применяются в случаях, касающихся земель, государственная собственность на которые не разграничена, а также земель федеральной собственности, собственности субъекта РФ и муниципальной собственности.

В юридической теории и практике установление общих принципов определения арендной платы при аренде земельных участков в законодательном порядке рассматривается как фактор, способствующий развитию публично-правового принципа стабильности общественных отношений в сфере имущественного оборота земельных участков¹⁰.

В соответствии с позицией высших судебных органов основные принципы определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной (муниципальной) собственности, являются обязательными для всех случаев, когда размер этой платы определяется не по результатам торгов

и не устанавливается федеральным законом, а подлежит установлению полномочным органом государственной власти или местного самоуправления¹¹.

В случае заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на аукционе на право заключения договора аренды земельного участка размер ежегодной арендной платы или размер первого арендного платежа за земельный участок определяется по результатам этого аукциона.

В случае заключения договора аренды земельного участка с лицом, подавшим единственную заявку на участие в аукционе на право заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, с заявителем, признанным единственным участником аукциона, либо с единственным принявшим участие в аукционе его участником размер ежегодной арендной платы или размер первого арендного платежа за такой земельный участок определяется в размере начальной цены предмета аукциона.

В исключительных случаях размер арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, определяется в размере не выше размера земельного налога (п. 5 ст. 39.7 ЗК РФ; ст. 31 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 13 июля 2015 г.)¹²).

Указанные существенные условия о предмете и размере арендной платы являются обязательными для всякого рода договоров аренды земельных участков, однако в законодательстве этот перечень расширяется, если объектом аренды выступают земельные участки с особым правовым режимом. Во-первых, согласно ст. 39.8 ЗК РФ договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности и предоставленного для проведения работ, связанных с использованием недр, должен предусматривать проведение работ по рекультивации такого земельного участка. Требования к рекультивации земель и земельных участков устанавливаются в порядке, определенном Правительством РФ, т.е. отсутствие условия о рекультивации земельного участка свидетельствует о незаключенности договора. Во-вторых, заключенный с юридическим лицом в целях ведения дачного хозяйства договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, должен предусматривать обязанность указанного юридического лица обеспечить подготовку в отношении такого земельного участка проекта планировки и проекта межевания территории, а также проведение кадастровых работ, необходимых для образования земельных участков в соответствии с утвержденным проектом межевания территории.

В-третьих, договор аренды земельного участка, образованного из земельного участка, предоставленного для комплексного освоения территории, должен предусматривать обязательство сторон договора аренды такого земельного участка обеспечить осуществление мероприятий по освоению территории, включая строительство и ввод в эксплуатацию объектов капитального строительства в соответствии с графиками, содержащимися в договоре о комплексном освоении территории¹³, в отношении каждого предусмотренного мероприятия с указанием сроков начала и окончания проведения соответствующих работ, а также ответственность сторон за невыполнение указанного обязательства и право сторон

на расторжение этого договора аренды в одностороннем порядке в случае невыполнения указанного обязательства.

В юридической литературе поднимался вопрос о дополнении ряда общих существенных условий такого рода договора. Л.М. Ахметшина обосновала предложение об установлении положения о сроке договора аренды земельного участка как о существенном элементе договора, объясняя данное положение особым значением земли как объекта гражданских прав¹⁴. В действующем земельном законодательстве появилась правовая норма (п. 8 ст. 39.8 ЗК РФ), содержащая указание предельных минимальных и максимальных сроков заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности. Например, максимальный срок предоставления гражданину земельного участка для индивидуального жилищного строительства или земельного участка в границах населенного пункта для ведения личного подсобного хозяйства составляет 20 лет, в случае предоставления земельного участка для строительства, реконструкции зданий, сооружений земельный участок предоставляется в аренду на срок от 3-х до 10 лет и т.д. Однако срок в договоре аренды земельного участка не является существенным и его отсутствие не служит основанием для признания договора незаключенным.

Таким образом, в законодательстве относительно существенных условий договора аренды земельного участка установлены два общих существенных условия — о предмете и размере арендной платы и ряд специальных существенных условий, сформулированных относительно специальных видов аренды.

¹ См.: Официальный сайт Росреестра. URL: https://rosreestr.ru/upload/Doc/18-upr/9011_008_1509%20%D1%81%D0%B2.XLS (дата обращения: 25.05.2016).

² См.: Кособродов В.М. К вопросу о предмете договора аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения // Законодательство и экономика. 2011. № 9. С. 36.

³ См.: Сбирунов П.Н. Некоторые особенности аренды земельных участков // Безопасность бизнеса. 2015. № 1. С. 12.

⁴ Кособродов В.М. Указ. раб. С. 37.

⁵ См.: Лисина Н.Л. Правовое значение государственного кадастра недвижимости в современных условиях реализации земельной политики Российской Федерации // Экологическое право. 2015. № 2. С. 23.

⁶ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» (в ред. от 25 декабря 2013 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 1. С. 43; 2014. № 3.

⁷ См.: Федькин Л.О. Аренда земельных участков (гражданско-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 8.

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30, ст. 4235.

⁹ См.: Постановление Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582 «Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации» (в ред. от 30 октября 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 30, ст. 3821; 2014. № 45, ст. 6217.

¹⁰ См.: Новикова С.Н. Актуальные аспекты регулирования арендных отношений в области использования земельных участков // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 1. С. 43.

¹¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 27 августа 2015 г. по делу № 303-ЭС15-7877, А51-19408/2014; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 июня 2015 г.; Определение Верховного Суда РФ от 8 октября 2014 г. № 1-АПГ14-14; Определение Верховного Суда РФ от 5 марта 2014 г. № 30-АПГ14-1; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 апреля 2012 г. № 15837/11 по делу № А47-7623/2010. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 46, ст. 5557; 2015. № 29, ч. 1, ст. 4339.

¹³ О процедуре приобретения прав аренды на аукционе см.: Анисимов А.П. Предоставление земельных участков в аренду для комплексного освоения в целях жилищного строительства // Аграрное и земельное право. 2008. № 4. С. 72–77.

¹⁴ См.: Ахметшина Л.М. Аренда земли по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 7.

А.М. Аббасова

ДОГОВОР ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ПРАВА ЗАСТРОЙКИ

В статье рассматриваются особенности договора об учреждении права застройки согласно Проекту Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в разд. II Гражданского кодекса РФ». Анализируются существенные условия договора, субъектный состав, объект договора. Выявляются проблемные вопросы положений законопроекта, посвященные праву застройки. Указывается на необходимость теоретической доработки предлагаемой конструкции с целью создания завершенной и совершенной модели права застройки.

Ключевые слова: право застройки; вещное право; ограниченное вещное право; договор об учреждении права застройки, Концепция развития гражданского законодательства.

A.M. Abbasova

THE TREATY ESTABLISHING BUILDING RIGHTS

The article discusses the features of the Treaty establishing building rights according to the Draft Federal law № 47538-6 “About modification of section II of the Civil code of the Russian Federation“. Examines the essential terms of the contract, subject composition, the object of the contract. Identified problematic issues of the bill’s provisions on the right of the building. On the basis of the conducted analysis the author concludes on the necessity for the theoretical improvement of the suggested construction with a view to create a complete and perfect model of the right of building.

Keywords: right of building; real right; limited proprietary rights; The Treaty establishing building rights; Conception of the Civil Legislation Development.

В настоящее время наблюдается новый этап развития отечественной цивилистической мысли в отношении видов вещных прав на земельные участки. Отправной точкой в этом вопросе стал Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского Кодекса Российской Федерации». Во исполнение указанного нормативного акта рабочей группой была разработана Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации¹, которая в свою очередь получила практическую реализацию в проекте федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ»² (далее — Проект).

Предпосылок для принятия пакета федеральных актов, вносящих изменения в Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ) было много, но одной из главных причин стало отсутствие правового регулирования отношений по гражданскому обороту земельных участков. Внимание законодателя долгое время ограничивалось правом собственности и правом аренды.

Разработчики Концепции, наконец, пришли к выводу о необходимости расширения круга ограниченных вещных прав на земельные участки. Так, предлагалось установить две основные модели владения и пользования земельными участками на праве ограниченного пользования — эфитевзис и право застройки.

По мнению председателя Комитета Госдумы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству П. Крашенинникова, предлагаемые изменения «укрепляют права собственников, устанавливая единый

© Аббасова Арзу Махировна, 2016

Аспирант кафедры правового обеспечения рыночной экономики (Институт государственной службы и управления РАНХиГС); e-mail: arzu_a@list.ru

недвижимый объект. Если раньше дом и земля фигурировали в законодательстве отдельно и налоги на них были разные, то теперь все будет наоборот. Это увеличит защищенность прав россиян в этой области»³.

Однако попытка отечественного законодателя привести современное правовое регулирование данных отношений в соответствие с законодательством развитых европейских стран, выдержанном в духе римского частного права, не встретила повсеместной поддержки юридического сообщества, возникло немало вопросов относительно целесообразности названных нововведений⁴. Так, со стороны противников перенесения в отечественную правовую систему положений немецкого, французского, английского гражданского законодательства о вещных правах озвучены аргументы о необходимости придерживаться традиций и духа российского гражданского права, которое значительно отличается от западного.

Возможно, пытаясь найти компромиссный вариант, законодатель уступил, и именно в части регулирования вещных отношений, в значительной части изменил положения Концепции, реализуя более адаптированные и менее радикальные идеи в законопроектах по внесению изменений в ГК РФ. В сравнении с Концепцией, изменения коснулись и регулирования права застройки. Юридическим основанием возникновения данного ограниченного вещного права выступает договор об учреждении права застройки. При этом в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним вносятся существенные условия данного договора. Государственная регистрация права застройки предполагается разумной, поскольку данное ограниченное вещное право носит долгосрочный характер и позволяет государству получить сведения о планируемом строительстве, что даст возможность избежать ситуации с самовольными постройками. В данном случае наблюдается тенденция развития современного гражданского права, которая заключается в сближении вещного и обязательственного прав. Благодаря этому соглашение сторон определяет содержание вещного права, которое регулируется с помощью государственной регистрации условий договора.

Сторонами данного договора выступают, с одной стороны, собственник земельного участка, а с другой стороны — лицо, желающее получить земельный участок в пользование с целью строительства и эксплуатации зданий, поименованное в Проекте как лицо, имеющее право застройки.

Очевидно, предоставить право застройки может только собственник земельного участка, в роли которого могут выступать физические, юридические лица, в т.ч. публично-правовые образования.

Отметим, что некоторые европейские правовые порядки пошли по иному пути: ГК испанской провинции Каталония допускает установление суперфиция помимо собственника, лицом, обладающим ограниченным вещным правом на данный земельный участок, при условии, что правомочия владения и распоряжения участком входят в компетенцию первоначального ограниченного вещного права. В Германии право застройки устанавливается всеми лицами, имеющими какое-либо вещное право на данный участок, но только на срок действия последнего.

Возникает вопрос: кто может получить землю на праве застройки? Проект никаких ограничений по этому поводу не содержит. В данном контексте следует обратить внимание, что согласно Проекту право застройки устанавливается только при наличии у лица права постоянного владения и пользования земельным участком и, соответственно, может принадлежать только лицу, обладающему правом постоянного владения и пользования.

Отметим, что законодатель предлагает устанавливать право застройки с целью строительства зданий и (или) сооружений. Однако, обращаясь к международному опыту, мы видим, что законодательство ряда стран (Португалия, Нидерланды, Япония, Бразилия) допускают установление суперфиция и в отношении насаждений. В Аргентине на протяжении длительного времени успешно применяется лесной суперфиций.

Рассматривая особенности любого вида гражданско-правового договора, необходимо отдельно остановиться на существенных условиях такого договора. В данном случае важен субъектный состав. Так, если в правоотношения по установлению права застройки вступают физические и юридические лица, то стороны должны достигнуть согласия по следующим вопросам: о земельном участке, о характеристиках возводимого либо реконструируемого здания или сооружения, о месте расположения здания или сооружения на земельном участке, о сроке права застройки, о плате за право застройки. Если субъектом права застройки выступает публично-правовое образование, то допускается не указывать в договоре характеристик возводимого объекта недвижимости и точного его расположения на участке. Видимо, такая позиция законодателя объясняется отсутствием большого значения для собственника земельного участка места расположения объекта недвижимости и его характеристик.

Проектом установлено право лица, имеющего право застройки, в пределах, предусмотренных договором, и в порядке, установленном градостроительным законодательством, изменять объекты недвижимого имущества, а именно реконструировать их, сносить и возводить новые. Реализуя данное право, застройщику придется в подобных случаях вносить изменения в реестр, что излишне формализует институт права застройки. Достаточно ограничиться требованием о наличии записи о праве застройки с указанием срока права застройки и размера платы за право застройки, поскольку данные условия являются стабильными для рассматриваемых правоотношений.

Срок права застройки может устанавливаться во временном интервале от 30 до 100 лет. Данное условие нельзя изменить соглашением сторон, бессрочным данный вид договора в отечественной практике быть не может в отличие от ряда зарубежных стран, в частности Португалии, Италии.

Поскольку условие о плате за право застройки названо в числе существенных для договора об учреждении права застройки, очевидно, что данное право может быть предоставлено только на возмездной основе. Внесение установленной договором платы за право застройки — главная обязанность застройщика. В римском праве такая плата называлась *solarium*.

Проект не устанавливает жестких рамок для сторон в выборе форм платы за пользование земельным участком. Стороны могут договориться о ежегодном внесении застройщиком фиксированных платежей либо о единовременной оплате стоимости установления права застройки. Альтернативной может выступить предоставление собственнику земельного участка в собственность или во владение и пользование помещений в возведенных зданиях. Не исключена возможность сочетать указанные формы платы. При этом с целью защиты прав лица, в пользу которого установлено право застройки, размер платы может изменяться не чаще чем 1 раз в 10 лет и только по соглашению сторон, а при его недостижении — по решению суда. Очевидно, что суд должен установить обо-

снованность повышения платы. Кроме того, в случае одновременного внесения платежа данное условие не применимо.

Гарантией защиты прав собственника земельного участка служит его право требования прекращения права застройки до окончания срока действия договора при условии нарушения застройщиком обязанностей по внесению платы по договору и образованию не менее чем двухгодичной задолженности. При этом собственник должен соблюсти установленную процедуру — направить застройщику письменное предупреждение о необходимости устранения нарушений в разумный срок.

По нашему мнению, отечественный законодатель обоснованно не закрепил обязанность застройщика вносить земельные платежи. Представляется разумным, если налог на землю будет платить собственник земельного участка, а на здание — застройщик, т.е. будущий собственник здания, в т.ч. и до регистрации его права собственности. При переходе права на здание, сооружение к собственнику земельного участка будет логичным, если собственник теперь уже единого объекта недвижимости будет оплачивать оба налога.

Исходя из сущности института права застройки, на суперфициарии лежит обязанность осуществить постройки в срок, указанный в договоре. Думается, что данная обязанность презюмируется, является смыслообразующей института застройки, а следовательно, считаем не принципиальным обязательное упоминание об этом в договоре. Вместе с тем представляется существенным для сторон договориться письменно о сроке строительства, поскольку неисполнение застройщиком своей обязанности по застройке может привести к прекращению его права. Указанное предложение базируется на п. 5 ст. 307 Проекта, в соответствии с которым право застройки может быть прекращено, если земельный участок не используется в соответствии с его целевым назначением.

Если говорить о правах застройщика, то, прежде всего, он может пользоваться земельным участком в объеме, определенном договором. По нашему мнению, требуют дополнительной проработки и такие права застройщика, как изменение объектов недвижимого имущества путем их реконструкции и сноса. Если исходить из того, что такие объекты на момент возникновения права застройки не принадлежат застройщику на праве собственности, то разрешение на реконструкцию и снос должны быть получены от собственника. Это положение может рассматриваться как существенное условие договора об учреждении права застройки.

Возникает еще один практический вопрос в определении правового режима объектов, находящихся на участке к моменту заключения договора и подлежащих сносу или реконструкции. Если в собственность застройщику они не переходят, то получает ли в таком случае он право собственности на строительные материалы, полученные в результате разборки строений? По всей видимости, данный вопрос необходимо разрешать в договоре.

Важным элементом содержания права застройки является возможность распоряжения им. Данное правомочие подкреплено правом застройщика отчуждать принадлежащее ему право без согласия собственника земельного участка. Более того, последний лишен права преимущественной покупки права застройки. Сложно согласиться с подобной позицией законодателя, поскольку право преимущественной покупки следует считать эффективным механизмом, позволяющим воплотить идею единого объекта недвижимости и способствовать консолидации права собственности.

Как любое вещное право, право застройки обладает признаком следования. Собственник земли, сохраняя право распоряжения участком, в отношении которого установлено право застройки, может его продать, при этом право застройки сохранится.

Исходя из смысла права застройки как ограниченного вещного права, оно должно лишь ограничивать право собственника в его вещном праве, но не лишать его. Вообще легального определения категории «ограниченное вещное право» ГК РФ не закрепляет, но доктриной выработана позиция, согласно которой ограниченное вещное право есть обременение права собственности, осуществляемое по воле собственника, как правило, вытекающее из договора и выражающееся в делегировании отдельных правомочий (владения, пользования) несобственнику. Собственник земельного участка как субъект, обладающий полным господством над вещью, свободен в выборе форм и методов осуществления своих правомочий в отношении своего земельного участка и соответственно не ограничен правом исключительного возведения на последнем здания или сооружения.

В случае с правом застройки получается, что собственник делегирует часть своих полномочий по владению и пользованию земельным участком только в части права (возможности) возвести на последнем какое-либо строение или сооружение. Значит ли это, что у собственника сохраняются полномочия по владению и пользованию земельным участком «в оставшейся части»? Согласно Проекту собственник земельного участка сохраняет право распоряжения земельным участком, в отношении которого установлено право застройки. Получается, что объем правомочий собственника земли исчерпан обременением последнего правом застройки, что противоречит сущности права собственности как таковой. Суперфиций не исключает возможности собственника земли продолжать пользоваться ею. Однако собственник земли ограничен в своей свободе использования земельного участка правами суперфициария.

Таким образом, несмотря на ряд «сырых», недоработанных норм законопроекта, снижающих уровень гарантий прав участников правоотношений, возникающих по поводу учреждения права застройки, очевидно, что право застройки воспроизведено достаточно близко к его классическому содержанию. Представляется, что сходство отечественного права застройки с немецким наследственным правом застройки позволяет использовать в российском праве многие положительные аспекты зарубежного опыта.

Мы ожидаем социальный и экономический эффект от законодательной инициативы, позволяющей расширить перечень форм реализации прав на земельные участки посредством системы ограниченных вещных прав.

Право застройки поможет урегулировать, с одной стороны, процесс строительства здания или сооружения, их эксплуатацию, а с другой, определить последующую судьбу этих объектов, что, несомненно, придаст гораздо большую устойчивость правовому положению сторон договора об учреждении права застройки, в сравнении с правовым положением субъектов договора арендатора.

¹ См.: Концепция развития гражданского законодательства, одобренная 7 октября 2009 г. Советом по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ. URL: http://www.privlaw.ru/vs_info8.html (дата обращения: 10.02.2016).

² URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/17947.html> (дата обращения: 10.02.2016).

³ Российская газета (федеральный выпуск). 2012. № 5768 (95).

⁴ См.: Толстой Ю.К. О Концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 31–38; Литовкин В.Н. Жилищное законодательство и Концепция развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 47–54.

Д.К. Дубнова

ЭСКРОУ СЧЕТ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

В статье рассматривается новый вид договора банковского счета — счет эскроу. Анализируются его сущность, содержание, субъектный состав. Обозначаются проблемные вопросы, связанные с использованием этого счета.

Ключевые слова: эскроу, счет эскроу, эскроу-агент, банковский счет, аккредитив, банковская ячейка, банковская гарантия.

D.K. Dubnova

ESCROW ACCOUNT IN RUSSIAN LAW

The article deals with a new type of bank account agreement. This is an escrow account. Analyzing its essence, content and subject composition. Escrow scheme is compared with similar schemes such as bill of credit, safe-deposit box and a bank guarantee. Topical questions that are connected with the using of the escrow account are denoted.

Keywords: escrow (deed), an escrow account, an escrow agent, a bank account, the legal mode of an account, bill of credit, safe-deposit box and bank guarantee.

Договор счета эскроу является одним из распространенных в мировой практике способов исполнения по двусторонним договорам (США, Германия, Швейцария и др.). В условиях расширяющейся торговли и увеличения средней цены сделок контрагенты нуждаются в эффективных способах надлежащего исполнения должником его обязательств. Рассматриваемый договор имеет много реальных преимуществ, по сравнению с известными законодательству взаимозаменяющими приемами обеспечения интересов контрагентов. Эскроу — новое явление для российского законодательства, введенное в действующий Гражданский кодекс РФ 1 июля 2014 г. Применяется он, как правило, в случаях, когда одномоментное выполнение обязательства невозможно, и одной из сторон необходимо рискнуть совершить первой возложенное требование. Следовательно, у стороны возникает риск того, что, отдав положенное, она не получит встречного исполнения, поскольку контрагенты часто находятся в ситуации, когда нельзя адекватно оценить уровень добросовестности каждого участника. Договор счета эскроу способен снять соответствующий риск с того, кто готов первым осуществить обязательство. Такой договор является одним из выходов из тупика в той ситуации, когда оба не вполне доверяющих друг другу контрагента доверяют некому третьему лицу (например, эскроу-агенту в лице банка), который перечисляет (депонирует) деньги стороне, выполнившей обязательство.

Эскроу (англ. escrow) — обязательство, согласно которому денежные средства передаются должником (депонентом) третьему лицу (эскроу-агенту), функцией которого является обеспечение исполнения обязательств должника перед кредитором¹.

Счет эскроу — это счет, на котором плательщиком размещаются деньги с условием их депонирования без права совершения владельцем счета расходных операций до выполнения обязательства, во исполнение которого размещены деньги².

© Дубнова Дарья Константиновна, 2016
Аспирант кафедры гражданского и международного частного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: daryadubnova93@gmail.com

В зависимости от юрисдикции эскроу счет именуется по-разному. В Германии такие счета получили название (с нем. Treuhandkonto) «доверительные счета», в Дании (с дат. klient-konto) «клиентские счета», в Голландии — (с голланд. nominale account) «номинальные счета», в США — (с англ. the escrow account или deed of agreement) «эскроу счета»³. В России именуется как эскроу счет или договор условного депонирования.

В мировой практике услуги по открытию эскроу счетов могут оказывать банки, юридические компании, специализированные фирмы, нотариусы или другие эскроу агенты. Чаще всего такие счета применяются в торговых операциях, в сделках с взаимными обязательствами, в сделках с недвижимостью, в ипотечном кредитовании, в строительстве и других сферах. В России же пока эскроу используются только в сделках купли-продажи недвижимости и такие услуги оказываются только банками, получившими в установленном порядке лицензию на занятие банковской деятельностью.

Сторонами по договору счета эскроу могут быть юридические и физические лица. В качестве депонента обычно выступает владелец счета (должник), в качестве эскроу-агента — уполномоченный банк, в качестве третьего лица — бенефициар (кредитор по обеспечиваемому обязательству).

Обязательство эскроу работает следующим образом: один контрагент депонирует деньги эскроу-агенту (банку), который держит депозит эскроу до наступления определенного события или исполнения обязательств. Бенефициар получит денежные средства только при соблюдении заранее оговоренных в договоре условий. Условия о передаче денег и иные условия обговариваются в договоре счета эскроу. В случае если бенефициаром не исполняются условия договора, то эскроу-агент при наступлении оговоренного срока возвращает сумму вклада лицу, которое перевело денежные средства. Банк выступает эскроу-агентом по договору, действует как доверительное лицо с равными обязанностями по отношению ко всем сторонам, имеющим интерес к внесенным на счет деньгам, как независимая организация, не имеющая интереса в сделке, поскольку эскроу-агент не может поддерживать только какую-либо одну из сторон или оказывать и предлагать большую помощь.

Нормы гражданского законодательства, регулирующие договор счета эскроу, обязывают банк выполнять функции по контролю проведения операций по счету, а также соблюдения сторонами установленных договором ограничений (п. 3 ст. 860.8 ГК РФ). Важная особенность данного договора состоит в том, что к отношениям по счету эскроу не могут применяться правила, предусмотренные пп. 1 и 2 ст. 859 ГК РФ о праве клиента расторгнуть договор в любое время, а также о праве банка расторгнуть договор по основаниям, предусмотренным ГК РФ.

Применение счета эскроу в совершении сделок с недвижимостью — это только один из возможных способов использования счета, он подходит также при покупке ценных бумаг, движимого имущества. Договор счета эскроу работает при выплатах периодических платежей в пользу бенефициара (например, чтобы выполнить это условие, предусмотренное ипотечным кредитом или в поэтапном финансировании проекта). Так, нередко в зарубежных правовых порядках (в частности США, штат Калифорния) после выдачи ипотечного кредита заемщик вносит определенную сумму на банковский счет эскроу⁴. Эта сумма затем будет использована для регулярных ежемесячных платежей, осуществляемых для погашения основной суммы и процентов по ипотеке, когда наступает момент

уплаты налога или внесения страхового взноса, платеж осуществляется ипотечной компанией также с эскроу счета.

До введения в ГК РФ такого инструмента, как эскроу счет, пользовались взаимозаменяемыми средствами, как аккредитив, банковская ячейка и банковская гарантия и другими, однако между ними существуют некоторые принципиальные отличия.

Расчеты по аккредитиву отчасти напоминают эскроу, когда банк производит платеж против документов, указанных в аккредитиве и предоставленных впоследствии получателем средств. Однако в отличие от аккредитива, который служит формой безналичных расчетов и предполагает взаимодействие как минимум двух банков (банка-эмитента и исполняющего банка), счет эскроу предоставляет возможность в рамках исполнения одного договорного обязательства осуществить доступ к денежным средствам, размещенным на счете, разным лицам: покупателю (вноситель средств), продавцу (получатель средств, бенефициар). Отличие состоит также в том, что в аккредитиве включить различные условия в договор затруднительно, а в договор счета эскроу могут вноситься любые сложные условия (к примеру, условия о перечислении средств и выдаче документов).

В качестве определенной замены эскроу счетов может использоваться платежная гарантия, оплата по которой также происходит при выполнении определенных условий. Платежную гарантию могут выдавать не только банки, но и иные кредитные и коммерческие организации, в эскроу — только банки. Существенное отличием эскроу счета от платежной гарантии состоит в том, что указанная гарантия не зависит от того обязательства в обеспечение исполнения которого она выдана, в эскроу, напротив, денежные средства передаются бенефициару при возникновении определенных оснований (выполнении обязательства).

Аналогичным образом можно использовать договор об аренде банковской ячейки. Покупатель заключает с банком договор аренды ячейки на месяц-полтора и закладывает в ячейку деньги. После завершения регистрации сделки продавец предъявляет в банк паспорт, зарегистрированный договор купли-продажи, иные документы и забирает деньги. В договоре прописывается, в какой момент и у кого из участников сделки может быть доступ к ячейке и при предъявлении каких документов. Например, при купле-продаже недвижимого имущества продавец будет иметь доступ к банковской ячейке, в которой находятся денежные средства, при предъявлении паспорта и зарегистрированного договора купли-продажи. В случае неявки продавца в течение указанного периода времени вместе с перечисленными документами доступ к ячейке имеет только арендатор (покупатель). Чтобы обезопасить продавца от возможной недобросовестности покупателя, в период после открытия банковской ячейки и до окончания периода, когда покупатель должен выполнить соответствующие условия, арендатор не имеет права самостоятельного доступа к ячейке, только совместно с продавцом. Досрочное расторжение договора производится только с согласия обеих сторон и банка.

Практика давно испытывает потребность в видовом расширении банковских счетов и совершенствовании уже имеющихся в законодательстве. Нововведение является значимым шагом в развитии эскроу сервиса в России, откроет новые возможности для банков и их клиентов, позволит банкам расширить спектр предлагаемых услуг, а также разрешит ряд проблем в применении законодательства о банковском счете. Это, несомненно, приведет к улучшению инвестиционного климата, развитию бизнеса, повышению доверия к российскому гражданскому

обороту, возможно, даже поможет выведению части сделок с российскими активами из зарубежных юрисдикций.

Вместе с тем законодательно остается нерешенным вопрос о возможности ареста или списания денежных средств со счета. Также не уточнены условия о проверке оснований передачи денег бенефициару, о действительности совершения сделок (не только формальное предоставление документов), о том могут ли банки быть инициаторами проведения экспертизы для подтверждения факта совершения обязательства, а также каким образом получают вознаграждение за оказанные услуги. Не конкретизировано, равнозначны ли понятия договор счета эскроу и договор условного депонирования, а также не определены основания прекращения рассматриваемого договора и другие проблемные вопросы. Вероятно, их разрешение потребует внесения изменений и уточнений в гражданское законодательство.

¹ *Sh. Shindler Price. Escrow Principles and Practices. Paperback, 2005. P. 4.*

² См.: Белов В.А. Практика применения Гражданского кодекса. Ч. 1 / под общ. ред. В.А. Белова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 21.

³ См.: Чураков П.С. Эскроу-счет по российскому праву // Закон. 2007. № 8. С. 22.

⁴ *Sh. Shindler Price. Escrow Principles and Practices. Paperback, 2005. P. 10.*

М.А. Мирошник

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ И ПРИНУЖДЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В статье в сравнительно-правовом аспекте рассматривается научный концепт «принуждение». Анализируются такие научные образования, как право на защиту и принуждение. Формулируется вывод о том, что право на защиту и принуждение необходимо рассматривать в качестве взаимозависимых понятий.

Ключевые слова: регулятивные права, охранительные права, принуждение, защита, право на защиту.

M.A. Miroshnik

THE RATIO OF THE RIGHT TO THE PROTECTION AND ENFORCEMENT IN CIVIL LAW

In the article comparative-legal aspect deals with the scientific concept of “coercion”. Examines such scientific education as the right to protection and enforcement. We conclude that the right to protection and enforcement must be seen as interdependent to each other concepts.

Keywords: regulatory rights, protective rights, enforcement, protection, right to protection.

Принуждение в широком смысле этого слова часто ассоциируется с чем-то насильственным, что имеет негативную лексическую окраску. Так, в словаре В.И. Даля насилие определяется как «принуждение, неволя, нужда; действие стеснительное, обидное»¹. Насилие также есть «использование силы для достижения определенных целей»², «неоправданное, несправедливое применение силы для решения социальных задач»³.

© Мирошник Мария Александровна, 2016

Аспирант кафедры гражданского и международного частного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: urfak4@mail.ru

П.В. Демидов делает вывод, согласно которому наиболее существенным признаком насилия является то, что его применение противоречит сложившимся в обществе представлениям о добре, зле, нравственности, т.е. не имеет под собой никакого социального обоснования, выраженного в определенных социальных нормах⁴. И наоборот, конструктивным признаком принуждения является его социальная обоснованность.

Мы разделяем данную точку зрения и полагаем, что принуждение необходимо для обеспечения стабильной социальной жизни и защиты свобод каждого члена общества. Применение насилия, напротив, влечет нарушение прав и интересов человека, что наносит вред общественному порядку.

Насилие есть зло, которое преследует цель причинить необоснованный, неоправданный вред индивиду для удовлетворения собственного корыстного интереса. В таком случае насилие нельзя оправдать ни нормой закона, ни социальными потребностями.

В соответствии с позицией И.А. Ильина ставить знак равенства между принуждением и насилием является ошибкой. Он указывал, что «насилие есть деяние произвольное, необоснованное, возмутительное»⁵. И принуждение, и насилие осуществляются с целью подчинения воли человека, однако отличительным признаком насилия является то, что оно осуществляется исключительно с целями, противными справедливости, нравственности. В то же время мы соглашаемся с тем, что принуждение, совершаемое с противонаправленными, противозаконными целями, можно определить как насилие. Крайняя форма принуждения является насилием.

Таким образом, ставить знак равенства между принуждением и насилием нельзя, однако не стоит исключать тот факт, что принуждение в случае применения его в интересах, противоречащих справедливости, обладает потенциальным возможным свойством преобразоваться в насилие.

Принуждение в праве, в т.ч. и в гражданском, основывается на принципах законности, справедливости и гуманности. Строгое соблюдение законов, уважение прав и свобод человека, соответствие меры ответственности содеянному — все эти правовые идеи направлены на недопущение произвола и насилия как со стороны органов государственной власти, так и со стороны членов общества в результате применения неправомерного принуждения.

Цель применения принуждения в гражданском праве состоит в защите нарушенных субъективных прав⁶.

Принуждение существует и реализуется в рамках частного права для восстановления нарушенных прав и «не является самоцелью в гражданском праве»⁷.

С.С. Алексеев видит цель принуждения в устранении возникающих аномалий в правовой системе, приведение ее в случае правонарушения в нормальное состояние и оказание воздействия на правонарушителей⁸. Применение принуждения в гражданском праве является правомерным и законным в случае обоснованности его применения, и согласно нормам права наиболее распространенным основанием применения принуждения в гражданском праве является правонарушение. Вследствие конфликтной ситуации, когда обязанный субъект не исполняет юридическую обязанность, чем нарушает субъективное право управомоченного лица, возникает необходимость защиты нарушенного права.

В цивилистической литературе нет единого мнения относительно понятия «защита права». Существует несколько теорий понятия защиты, среди которых выделяются теория функций, теория мер и теория деятельности.

Сущность теории функции заключается в том, что защита права представляет собой функцию права, выражающуюся в охранительном воздействии норм, целью которого является восстановить право, компенсировать нарушенный интерес, пресечь противоправные действия, препятствующие осуществлению права или обеспечению правопорядка⁹.

Полагаем, что неясность и нечеткость составляющих компонентов данного понятия не дают четкого понимания сущности защиты права.

В теории мер, в свою очередь, под защитой права понимается предусмотренная законом система мер, направленная на неприкосновенность права, его восстановление или признание. Одним из сторонников данной позиции выступает А.П. Сергеев, по мнению которого защита права представляет собой «предусмотренные законом меры, которые направлены на восстановление или признание гражданских прав и защиту интересов при их нарушении или оспаривании»¹⁰.

Аналогичной точки зрения, но с некоторыми уточнениями, придерживаются Ю.Г. Басин и А.Г. Диденко, которые под защитой права понимают предусмотренную законом в целях борьбы с правонарушениями систему мер, основанных на государственном принуждении и направленных на обеспечение неприкосновенности права, его осуществимость и ликвидацию последствий нарушений¹¹.

Считаем необходимым согласиться с мнением А.В. Милькова о том, что теория функций и теория мер представляют собой по сути одну и ту же позицию относительно понимания защиты права¹². Так, сторонники теории функции определяют защиту права посредством исследования мер защиты, т.к. функция находит свое отражение именно в мерах и способах защиты. В свою очередь, представители теории мер указывают на функциональную направленность системы мер, вследствие чего сторонники вышеуказанных теорий в целях формулирования понятия защиты права вносят в него различные уточнения, однако четкого обоснования данного понятия в указанных теориях не встречается.

Третья теория защиты права, т.н. теория деятельности, поддерживается многими цивилистами и преобладает в гражданско-правовой науке.

Сторонники вышеуказанной теории высказываются о защите права как об определенной деятельности компетентных государственных органов¹³.

В рамках теории деятельности существует также другая точка зрения, согласно которой защита как деятельность может осуществляться не только уполномоченными государственными органами, но и иными субъектами права. К сторонникам данной точки зрения можно причислить П.А. Варула. Он считал, что круг субъектов осуществления деятельности по применению мер защиты не ограничен лишь специальными государственными органами, а может включать также и иных субъектов права¹⁴.

Г.Я. Стоякин указывал, что в понятие «защита» права включается в т.ч. «деятельность субъектов правоотношения по осуществлению своих прав и в связи с этим, в допускаемых нормами права случаях и пределах, по защите своих субъективных прав»¹⁵.

Считаем необходимым присоединиться к пониманию защиты права как определенной деятельности в целях восстановления нарушенного права. Защиту субъективных гражданских прав может осуществлять не только государство в

лице своих органов, но и сами частные лица, например, путем применения мер оперативного воздействия или мер самозащиты. Защита права как деятельность не может рассматриваться вне связи с понятием субъективного права на защиту.

В целях выявления связи права на защиту с принуждением необходимо обратиться к теории регулятивных и охранительных прав. Регулятивные права существуют с целью опосредования процесса существования нормальных имущественных и личных неимущественных отношений, вследствие чего, осуществляются по собственной воле сторон без применения к обязанной стороне принуждения. Охранительные права представляют собой возможности определенного варианта поведения лица в случае нарушения его регулятивного права в целях его защиты.

То обстоятельство, что регулятивное право лишено способности принудительно осуществляться, не свидетельствует о том, что данное право не гарантировано государством и законом. Обеспечением его защиты занимается самостоятельное охранительное субъективное право, которое возникает после наступления факта правонарушения. Сущностный критерий разграничения субъективных прав на регулятивные и охранительные заключается в их содержании, а конкретнее в наличии или отсутствии у них способности принудительно осуществляться.

В юридической литературе охранительным субъективным правом принято считать право на защиту, под которым понимается самостоятельное право, возникающее у управомоченного лица вследствие наступления факта правонарушения в рамках охранительного правоотношения и обладающее способностью к принудительной реализации¹⁶.

Главная особенность права на защиту и его отличие от регулятивного субъективного права состоит в способности принудительно реализовываться. Так, удовлетворение регулятивного субъективного права в полной мере зависит исключительно от того добровольного выбора, который сделает обязанный субъект: исполнить обязанность или нет. Данный вывод аргументируется тем, что обязанность представляет собой меру должного поведения. Должное включает в себе требование к воле человека.

Долженствование предполагает возможность неподчинения воли обязанного индивида требованию удовлетворения гражданского права управомоченного лица и совершение действий для себя, в своем интересе. Так, исполнение или неисполнение обязанности предполагает свободу выбора, альтернативу для обязанного лица и, следовательно, добровольность выполнения должного.

Напротив, с помощью охранительного права управомоченное лицо вследствие нарушения его права может удовлетворить свой интерес помимо и против воли правонарушителя в результате реализации принуждения. Правонарушитель вследствие нарушения субъективного права уже не обладает юридической обязанностью, признаком которой является добровольность. В случае совершения правонарушения лицо будет восстанавливать нарушенное право только под принуждением.

Охранительное субъективное право на защиту представляет собой определенную законом возможность удовлетворения нарушенного права или предотвращения угрозы его нарушения, принудительно реализующееся посредством либо юрисдикционного органа, либо самостоятельных действий управомоченного лица. Благодаря способности охранительного права принудительно реализовыв-

вать нарушенное право обеспечивается баланс интересов участников гражданских правоотношений и гарантированность их удовлетворения.

Таким образом, принуждение является неотъемлемым средством реализации права на защиту и защиты права в целом, возможность применения которого решается лицом, чьим субъективным интересам причинен урон. Принуждение в гражданском праве можно определить как средство воздействия на поведение лица, которое нарушило субъективное право или в определенных законом случаях может его нарушить, направленное на подчинение его воли в целях осуществления защиты права. С помощью принуждения поведение принуждаемого лица становится однозначным, детерминированным во всех чертах и особенностях. Это предполагает неизбежность действий принуждаемого лица, их строгую определенность для управомоченного субъекта. У принуждаемого лица в отличие от обязанного нет альтернативы относительно совершения или несовершения действий по удовлетворению права другого лица. В результате принуждения правонарушитель находится в состоянии, при котором от его собственной воли не зависит неизбежное восстановление нарушенного субъективного права. Именно принуждение дает лицу, чье субъективное право было нарушено, возможность защитить нарушенное право и восстановить равновесие интересов.

По нашему мнению, право на защиту и принуждение являются взаимосвязанными понятиями. Так, право на защиту не может реализовываться без принуждения, а реализация принуждения не в целях осуществления защиты права является незаконной.

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1999. С. 393.

² Гуревич П.С. Философский словарь. М., 1997. С. 171.

³ Насилие // Социальные технологии: толковый словарь / отв. ред. В. Иванов. М., 1995. С. 91.

⁴ См.: Демидов П.В. Частное правовое принуждение как категория современной теории права: научные и практические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 67.

⁵ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. М., 1996.

⁶ См.: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. С. 117.

⁷ Бабаев А.Б. Проблемы гражданско-правовой ответственности // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2008. С. 870.

⁸ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М., 1982. С. 49.

⁹ См.: Илларионова Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер: учебное пособие. Свердловск, 1980. С. 39.

¹⁰ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. М., 2011. С. 335.

¹¹ См.: Басин Ю.Г., Диденко А.Г. Защита субъективных прав // Юридические науки. Вып. 1. Алма-Ата, 1971. С. 4.

¹² См.: Мильков А.В. Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 59.

¹³ См.: Советское гражданское право / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1985. Т. I; Гражданское право: учебник. Т. 1 / под ред. Ю.К. Толстого и А.П. Сергеева. М., 1997. С. 268.

¹⁴ См.: Варул П.А. О некоторых теоретических вопросах защиты субъективных гражданских прав // Проблемы понятийного аппарата наук гражданского и гражданского процессуального права. Ярославль, 1987. С. 25.

¹⁵ Стоякин Г.Я. Понятие защиты гражданских прав // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав: сборник ученых трудов. Вып. 27. Свердловск, 1973. С. 34.

¹⁶ См.: Крашенинников Е.А. Структура субъективного права и право на защиту // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1979. Вып. 4; Варул П.А. Указ. раб.; Елисейкин П.Ф. О понятии и месте охранительных отношений в механизме правового регулирования // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1975. Вып. 1.

О.В. Пудовкина

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

В статье исследуются теоретические дефиниции общеправового правового режима, а также отраслевого правового режима недвижимого имущества. Анализируются дискуссионные моменты данного вопроса. Предлагается классификация правовых режимов недвижимого имущества.

Ключевые слова: правовой режим, правовой режим недвижимого имущества, юридический режим правового регулирования, правовой режим комплекса недвижимого имущества, классификация правовых режимов недвижимого имущества.

O.V. Pudovkina

PROBLEMS OF DEFINITION OF THE LEGAL REGIME OF REAL ESTATE

The article is devoted to research of theoretical definitions of industry-wide legal regime and legal regime of the industry of real estate. Analyzed debatable moments leading researchers of this issue. The article also proposed classification of the legal regime of real estate.

Keywords: legal regime, the legal regime of real estate, the legal regime of legal regulation, the legal regime of obligations real estate complex, classification of the legal regime of real estate.

Законодательное закрепление правового режима недвижимости произошло не случайно. Ведь только недвижимое имущество проходит оценку, межевание и регистрацию, прежде чем оно перейдет в собственность. Недвижимость подвергается такому процессу, поскольку представляет высокую ценность, по сравнению с другими видами имущества, а также имеет особенность со временем лишь увеличивать свою стоимость. Именно поэтому правовой режим недвижимости закреплен во многих законах, таких как Гражданский кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, Лесной кодекс РФ, федеральные законы РФ: от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (в ред. от 29 декабря 2015 г.)¹, от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости»², от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»³, от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую»⁴ и др. А правовой режим некоторых видов недвижимого имущества закреплен в отдельных законодательных актах, к примеру, Федеральном законе РФ от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»⁵.

В то же время при всем многообразии законов нигде не дается определения правового режима недвижимого имущества, что, в свою очередь, создает определенные трудности на практике, поскольку не известно, что же именно включает в себя правовой режим, какие действия или правомочия имеют место в процессе функционирования правового режима недвижимости.

© Пудовкина Ольга Викторовна, 2016
Аспирант кафедры гражданского и семейного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: olka88_91@mail.ru

Данное понятие используется также и во многих научных статьях, учебных пособиях и даже диссертационных исследованиях, но его определение и юридическая природа рассматриваются не всегда. В науке таким образом на этот счет нет единого подхода и мнения. Понятие «правовой режим» рассматривается и обсуждается в теории права на протяжении многих лет. Глубокое и всестороннее его изучение легло в основу научной концепции правового режима, сформировавшейся в начале 80-х гг. XX в., в рамках которой рассматривались юридическая природа, содержание и сущность данной категории.

В настоящее время понятие «правовой режим» все чаще встречается в юридической литературе. Однако однозначного его определения и трактовки в науке нет и в законодательных актах оно не прослеживается. Тем не менее, известно, что чем конкретнее понятие, закрепленное в законодательстве, тем эффективнее осуществляется правовое регулирование и тем легче воплощаются предписания. Именно поэтому необходимо определиться с содержанием общетеоретического понятия «правовой режим» и только после этого перейти к рассмотрению не менее актуального отраслевого понятия «правовой режим недвижимого имущества».

Вопрос о понятии правового режима является дискуссионным в науке и ему посвящены многие исследования. В частности, этот вопрос рассматривали С.С. Алексеев, С.Н. Братановский, В.Б. Исаков, Н.И. Матузов, А.В. Малько, Л.А. Морозова, И.С. Розанов и др. В их работах можно встретить следующие трактовки данного понятия: правовой режим с общетеоретической стороны рассматривается как социальный режим некоторого объекта, закрепленный правовыми нормами и обеспеченный совокупностью юридических средств, и как результат регулятивного воздействия на общественные отношения системы (определенного набора) юридических средств, присущих конкретной отрасли права и обеспечивающих нормальное функционирование данного комплекса общественных отношений⁶.

С.С. Алексеев⁷, С.Н. Братановский⁸, Н.И. Матузов и А.В. Малько⁹, И.С. Розанов¹⁰ под правовым режимом понимают специальный вид правового регулирования, выраженный в совокупности правовых средств, которые либо характеризуют сочетание взаимодействующих дозволений, запретов, а также позитивных обязываний, либо создают особую направленность регулирования, желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов прав. Остальные определения, содержащиеся в трудах ученых, отличаются видовыми признаками правового режима.

Итак, исходя из вышеизложенных признаков и исследованных определений, под правовым режимом следует понимать установленный законодательством и обеспеченный государством способ правового регулирования, состоящий из юридических средств и создающий конкретную степень благоприятности или неблагоприятности для удовлетворения интересов отдельных субъектов права и предназначенный для регулирования определенных сфер общественных отношений.

Остановимся на не менее важном значении отраслевого понятия правового режима недвижимого имущества, которое используется во многих научных статьях, учебных пособиях и даже диссертационных исследованиях. Проблема правового режима недвижимого имущества также является дискуссионной, ей посвящены работы таких ученых, как В.А. Алексеев, М.А. Дмитриев, В.В. Ку-

щенко, Н.Ю. Шеметова, А.В. Щеголева. И здесь также нет единого подхода и мнения. К примеру, А.В. Щеголева формулирует следующее понятие правового режима недвижимости: это порядок правового регулирования, выраженный в форме установления дозволений, запретов и ограничений, создающих особый объем прав и обязанностей субъектов по отношению к объекту недвижимости¹¹. Данное определение отражает всю суть, содержание, а также цели правового режима недвижимости.

В.В. Куценко рассматривает определение правового режима недвижимости через призму юридико-методологической классификации и считает, что его следует относить ко вторичному специальному институциональному режиму, представляющему собой комплексную модификацию частноправового и публично-правового режимов, обладающему определенными специфическими особенностями совершения сделок, объектом которых является недвижимое имущество¹².

В рассмотренных определениях не делается никакого акцента на государственной регистрации недвижимого имущества, что является ошибочным, поскольку данный юридический акт выступает одним из основных элементов правового режима. Этого мнения придерживается также и В.А. Алексеев: «... Нужно иметь в виду, что регистрация прав представляет собой основной, ведущий элемент правового режима недвижимости. Дело в том, что необходимость регистрации прав — это то главное, что отличает правовой режим недвижимого имущества от правового режима имущества движимого. Из такого положения вытекает особая значимость правовой модели регистрации для правового режима недвижимости. С одной стороны, эта модель должна вписываться в общую концепцию правового регулирования недвижимости, а с другой стороны, все законодательные решения в области недвижимости должны приниматься с учетом действующей системы регистрации прав, поскольку только при соответствии этой системе они могут быть реализованы»¹³.

Н.Ю. Шеметова, в свою очередь, рассматривая понятие правового режима недвижимости, пишет о том, что по своей глубинной сути режим представляет собой нечто внешнее к тому или иному явлению, а чаще — совокупности явлений, что конструирует входящие в нее части в единое целое¹⁴. С этим мнением сложно не согласиться, однако, на наш взгляд, правовой режим нельзя рассматривать как нечто внешнее по отношению к недвижимости, поскольку он призван выражать суть, а также ее юридическую природу, что не может быть присуще внешнему по отношению к объекту явлению.

В науке существует мнение о том, что правовой режим недвижимости можно представить как некий набор способов правового регулирования и иных правовых средств, устанавливающих конкретный объем субъективных прав участников регулируемых отношений по отношению к существующим видам недвижимого имущества и устанавливающий особенности и особую правовую направленность в правовом регулировании данных объектов правоотношений¹⁵.

Позиция автора понятна и определение, данное им, является полным, отражающим наиболее важные признаки правового режима недвижимости.

Некоторые ученые, анализируя отдельные виды недвижимого имущества, формулируют также определение их правового режима. К примеру, М.А. Дмитриев рассматривает гражданско-правовой режим комплекса недвижимого имущества (режимной стадии), дифференцируя его на вещно-правовой и

обязательно-правовой режимы (субрежимы). По нашему мнению, рассматривать правовой режим как дифференциацию нелогично, поскольку исходить следует из общетеоретического понятия правового режима, а оно включает в себя совершенно иные признаки. М.А. Дмитриев формулирует следующее определение правового режима технологического комплекса недвижимого имущества: это совокупность правил, направленных на регулирование отношений, связанных с принадлежностью технологического комплекса недвижимого имущества определенным лицам, а также его перемещением от одних лиц к другим¹⁶. Данное определение, на наш взгляд, является неполным, поскольку не отражает суть и юридическую природу как общеправового понятия правового режима, так и отраслевого понятия правового режима недвижимого имущества, а исходить необходимо именно из них.

Прежде чем сформулировать свое определение правового режима недвижимости, необходимо рассмотреть следующие признаки, присущие данному понятию:

1) устанавливается законодательством в форме законов и иных нормативных актов;

2) обеспечивается государством и иными субъектами, действующими в его интересах;

3) служит способом правового регулирования, выражающимся в целенаправленном воздействии на общественные отношения;

4) состоит из правовых (юридических) средств, а именно из стимулов (дозволений, рекомендаций, льгот) и ограничений (обязываний, запретов, наказаний);

5) предназначен для регулирования определенной сферы общественных отношений. К примеру, это отношения, связанные с государственной регистрацией, оборотом недвижимости, а также отношения по отнесению имущества к недвижимому и др.;

6) создает определенную степень благоприятности, в частности, соответствующие юридические условия для удовлетворения каких-либо интересов субъектов или ограничение для определенных субъектов, направленное на совокупное сдерживание их интересов.

Правовой режим недвижимости можно классифицировать по следующим основаниям:

1) в зависимости от характера правоотношений: правовой режим отношений, связанных с государственной регистрацией прав и сделок с недвижимостью; отношений, связанных с оборотом недвижимости (сюда можно отнести как первоначальные, так и производные основания приобретения недвижимости), а также отношений, связанных с владением, пользованием и распоряжением недвижимостью и др.;

2) в зависимости от метода правового регулирования: императивный правовой режим недвижимости, при котором субъекты правоотношений могут действовать только в соответствии с предписаниями нормы права и не иначе (к примеру, право собственности и иные вещные права на объекты недвижимости подлежат обязательной государственной регистрации)¹⁷; диспозитивный правовой режим недвижимости дает возможность сторонам правоотношения самостоятельно решать тот или иной вопрос (если иное не предусмотрено законом или договором продажи недвижимости, установленная в нем цена здания, сооружения или другого недвижимого имущества, находящегося на земельном участке, включа-

ет цену передаваемой с этим недвижимым имуществом соответствующей части земельного участка или права на нее)¹⁸;

3) в зависимости от вида недвижимого имущества: правовой режим земельных участков; правовой режим жилых помещений; правовой режим зданий, строений, сооружений; правовой режим комплексов недвижимого имущества; правовой режим предприятий и т.д.;

4) в зависимости от оборотоспособности недвижимости: правовой режим недвижимости, ограниченной в обороте; правовой режим недвижимости, изъятой из оборота. Понимание ограниченной оборотоспособности земельных участков следует из Земельного кодекса РФ, где устанавливается, что земельные участки, отнесенные к землям, ограниченным в обороте, не предоставляются в частную собственность, за исключением случаев, установленных федеральными законами¹⁹. К примеру, природные ресурсы и недвижимое имущество, расположенные в границах национальных парков и находящиеся в федеральной собственности, изымаются из гражданского оборота, если иное не предусмотрено федеральными законами²⁰;

5) в зависимости от целей правового режима: правовой режим недвижимости, целью которого является ограничение прав субъектов. К примеру, ограничения (обременения), установленные Законом «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», под которыми понимается наличие установленных законом или уполномоченными органами в предусмотренном законом порядке условий, запрещений, стесняющих правообладателя при осуществлении права собственности либо иных вещных прав на конкретный объект недвижимого имущества (сервитута, аренды, и других)²¹; правовой режим, целью которого является стимулирование (поощрение) субъектов правоотношения. В данном случае можно привести следующий пример: в ГК РФ установлена приобретательная давность, согласно которой лицо-гражданин или юридическое лицо, не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом в течение 15 лет приобретает право собственности на это имущество²².

Итак, исходя из вышеизложенных признаков, правовой режим недвижимости можно определить как установленный законодательством и обеспеченный государством, с учетом особенности и специфичности признаков объектов недвижимости, способ правового регулирования, состоящий из юридических средств, предназначенный для регулирования общественных отношений по обороту недвижимости, государственной регистрации прав, совершения иных действий с недвижимостью, создающий определенную степень благоприятности или ограничения для субъектов данных отношений.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 30, ст. 3594; 2016. № 1, ч. I, ст. 29.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 31, ст. 4017.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 29, ст. 3400.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 52, ч. 1, ст. 5276.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3018.

⁶ См., например: *Исаков В.Б.* Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права. М., 1987. С. 258–259; *Морозова Л.А.* Конституционное регулирование в СССР. М., 1985. С. 123.

⁷ См.: Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 243.

⁸ См.: *Братановский С.Н.* Специальные правовые режимы информации // Directmedia. 2014. С. 33.

⁹ См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Правовые режимы: Вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1.

¹⁰ См.: *Розанов И.С.* Административно-правовые режимы по законодательству Российской Федерации, их значение и структура // Государство и право. 1996. № 9. С. 84.

¹¹ См.: *Щеголева А.В.* Правовой режим недвижимости как объекта гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.

¹² См.: *Кущенко В.В.* Правовой режим недвижимости: проблемы и пути их решения // Законодательство и экономика. 2006. № 10.

¹³ *Алексеев В.А.* Недвижимое имущество: государственная регистрация и проблемы правового регулирования. М., 2007. С. 3–4.

¹⁴ См.: *Шеметова Н.Ю.* Недвижимость: трансформация из социальной категории в правовую // Адвокат. 2014. № 7. С. 57–62.

¹⁵ См.: *Рысаков А.С.* Правовое регулирование обеспечения правомерности и законности сделок с недвижимостью. URL: <http://www.allpravo.ru/diploma/doc21p5/instrum6277/> (дата обращения: 01.10.2015).

¹⁶ См.: *Дмитриев М.А.* Комплексы недвижимого имущества как объекты гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 19–21.

¹⁷ См. ст. 131 Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29 июня 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301; 2015. № 27, ст. 4001.

¹⁸ См. ч. 2 ст. 555 Гражданского кодекса РФ (часть первая).

¹⁹ См. п. 2 ст. 27 Земельного кодекса РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 5 октября 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44, ст. 4147; 2015. № 41, ч. II, ст. 5631.

²⁰ См. ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (в ред. от 13 июля 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 12, ст. 1024; 2015. № 29, ч. I, ст. 4359.

²¹ См. ст. 1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (в ред. от 29 июня 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 30, ст. 3594.

²² См. ч. 1 ст. 234 Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

А.А. Рой

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В статье исследуется вопрос об особенностях гражданской правоспособности публично-правовых образований и установлении их специальной правоспособности, изучению схожих и отличительных черт публично-правовых образований и юридических лиц с целью доказывания целесообразности создания нового вида правоспособности.

Ключевые слова: публично-правовые образования, юридическое лицо, гражданская правоспособность.

A.A. Roi

FEATURES OF CIVIL LEGAL CAPACITY OF PUBLIC LEGAL ENTITIES

The article investigates the peculiarities of civil legal capacity of public entities and the establishment of their special standing. The study of similar and distinctive features of public law entities and legal entities, with the aim of proving the feasibility of establishing a new type of standing.

Keywords: public legal education, legal entity, legal capacity.

При употреблении понятия «публично-правовые образования» гражданское законодательство традиционно подразумевает Российскую Федерацию, субъекты РФ: республики, края, области, города федерального значения, автономные

© Рой Анастасия Александровна, 2016
Аспирант кафедры гражданского и семейного права (Саратовская государственная юридическая академия)

области, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования.

Согласно п. 1 ст. 124 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) закрепляется положение о том, что Российская Федерация и иные публично-правовые образования выступают в гражданских правоотношениях на равных началах с иными участниками этих отношений — гражданами и юридическими лицами¹. В п. 2 ст. 124 ГК РФ устанавливается определение гражданской правоспособности указанных субъектов по аналогии с нормами, регулирующими участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, делая оговорку, что если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов. Таким образом, законодатель отождествляет публично-правовые образования с коммерческими юридическими лицами, одновременно признавая, что данные образования имеют свои отличительные особенности, абсолютно отличные от других участников гражданских правоотношений.

С одной стороны, позиция законодателя становится ясной в случае, если мы обратимся к рассмотрению признаков юридического лица и публично-правовых образований. Позитивное право позволяет определить следующие признаки субъектов гражданского права:

- 1) организационное единство;
- 2) имущественная обособленность;
- 3) выступление от своего имени, своей волей и в собственном интересе в гражданском обороте и процессуальных отношениях;
- 4) самостоятельная имущественная ответственность.

Вполне логично, что законодатель отождествляет этих участников гражданских правоотношений. С другой стороны, не стоит забывать о том, что гражданскую правоспособность публично-правовых образований составляют такие элементы, которые ни физическим, ни юридическим лицам абсолютно не принадлежат, а именно: публично-правовые образования могут быть собственниками любых вещей, включая вещи, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо совершение сделок с которыми допускается по специальному разрешению; государственные образования вправе приобретать имущество на праве собственности по особым основаниям; в частную собственность имущество государственных образований переходит путем приватизации; право на создание унитарных предприятий имеют лишь публично-правовые образования.

Следует отметить, что не к каждому юридическому лицу может применяться положение об учредительном документе (ст. 52 ГК РФ в ред. Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ). Быть учрежденным одним лицом может не каждое юридическое лицо, далеко не каждое юридическое лицо выступает субъектом права преобразования, для некоторых из них установлены специальные основания, а также порядок ликвидации и т.п.

Соответственно к публично-правовым образованиям не предоставляется возможным применить многие нормы, регламентирующие правовое положение юридических лиц. К таким следует отнести положения о создании юридического лица, его реорганизации и ликвидации, а также их учредительных документах, отношениях с учредителями, государственной регистрации и др. В отношении последнего необходимо указать, что муниципальные образования подлежат государственной регистрации, равно как и их уставы, а публично-правовые об-

разования, такие как Российская Федерация и субъекты РФ в государственной регистрации не нуждаются. Так как факт их существования является общеизвестным и закреплен в Конституции РФ, то регистрация «саих себя» по сути является абсолютно не нужной формальностью. Что касается иностранных государств, то в их регистрации нет смысла, поскольку ее заменой служит акт международного признания государства. В связи с этим следует поговорить о специальной правоспособности публично-правовых образований, которая будет отличаться и ни в коем случае не приравниваться как к правоспособности граждан, так и к правоспособности коммерческих юридических лиц.

В научной литературе высказываются мнения, согласно которым публично-правовые образования следует наделить специальной правоспособностью. Так, в большом юридическом словаре делается оговорка о том, что публично-правовые образования имеют право осуществлять только ту деятельность, которая им разрешена по закону и согласно учредительным документам — это специальная правоспособность².

В понимании Е.А. Суханова гражданская правоспособность Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований представляется как специальная, в силу чего он объединяет их общим термином «публично-правовые образования», которым принадлежат лишь те права и обязанности, соответствующие целям их деятельности и публичным интересам.

Ряд авторов, включая А.А. Иванова и Ю.К. Толстого, обозначают гражданскую правоспособность государства как целевую в силу того, что она вытекает из той функции носителя публичной власти, которую государство выполняет в интересах всего общества.

Н.А. Ковалева и А.Х.-И. Шатуева предлагают для устойчивости гражданского и экономического оборота, а также в целях поддержания публичных функций обозначить особую гражданскую правоспособность за публично-правовыми образованиями, выведя ее непосредственно из их публичных функций, которые будут иметь совершенно другое содержание, отличное от общей и специальной правоспособности³.

Существует и другая позиция по данному вопросу. Например, В.Е. Чиркин считает, что юридическое лицо представляет собой наиболее общее понятие, которое включает в себя юридическое лицо частного и публичного права. Термин публично-правовое образование понимается в широком смысле, а не так, как это оговорено в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2006 г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» (в ред. от 26 февраля 2009 г.)⁴. В.Е. Чиркин предлагает ввести понятие «юридическое лицо публичного права». При этом данное понятие не имеет ничего общего с публичным обществом, предусмотренным теперь ст. 66.3 ГК РФ. Изначально он выделяет 12 особенностей юридического лица публичного права, определяя их наиболее существенными, которые впоследствии легли в основу определения этого понятия. Основной целью юридического лица публичного права, по мнению В.Е. Чиркина, представляется выполнение дел для общественного блага. Соответственно, по его мнению, выходит, что таким лицом может быть любое и не обязательно юридическое.

Юридическое лицо публичного права В.Е. Чиркиным представляется как признанное публичной властью некоммерческое образование, вступающее

в правоотношения в различных организационно-правовых формах с целью общего блага и путем законного применения публичной власти, обладающее имуществом, имеющее права и обязанности и несущее ответственность за свои правовые акты и действия.

Указанное выше понятие юридического лица публичного права по факту не имеет собственного содержания, не позволяет раскрыть и уяснить его сущность, представляя собой лишь классический случай увеличения терминов без какой-либо необходимости. Сам В.Е. Чиркин не отрицает этого, говоря, что предложенный им термин ведет к тому, что каждое юридическое лицо может иметь и частноправовые, и публично-правовые свойства⁵.

Представляется, что появление этого термина не позволит разрешить круг вопросов, стоящий в отношении гражданской правоспособности публично-правовых образований, а лишь усугубит их положение на сегодняшний день. Поэтому введение в науку применительно к публично-правовым образованиям нового термина — юридическое лицо публичного права, как это рекомендует, например В.Е. Чиркин, не представляется целесообразным.

Таким образом, в ГК РФ не выделяется специальная гражданская правоспособность публично-правовых образований. Тем самым появляются различные точки зрения по вопросу гражданской правоспособности данных участников. Одни считают, что ее необходимо особо выделять, а другие — нет. И все же в специальную гражданскую правоспособность следует включить способность иметь права и нести обязанности, которые в силу их особенностей или прямого указания закона не могут принадлежать другим категориям участников гражданского оборота — гражданам и коммерческим юридическим лицам, т.к. лишь Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования должны быть наделены специальной гражданской правоспособностью.

Представляется целесообразным внести изменения в п. 2 ст. 124 ГК РФ, дополнив его следующим положением: «Специальная гражданская правоспособность признается за участниками, указанными в пункте первом данной статьи, состоящей в возможности этих участников иметь права, которые в силу их особенностей или прямого указания закона не могут принадлежать иным категориям участников гражданского оборота».

Выделение в ГК РФ специальной гражданской правоспособности публично-правовых образований разрешит ряд вопросов, касающихся рассмотрения проблемы, поскольку они будут закреплены на законодательном уровне.

¹ См.: Гражданский кодекс РФ. Часть первая (в ред. от 1 июня 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301; 2015. № 42, ст. 2304.

² См.: Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.

³ См.: Ковалева Н.А., Шатуева А.Х.-И. К вопросу о гражданской правоспособности государства и иных публично-правовых образованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 2.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8; 2009. № 17.

⁵ См.: Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. М., 2014.

Е.М. Фомин**ПОЛЬЗОВАНИЕ И ВЛАДЕНИЕ НАНИМАТЕЛЯ
В АРЕНДНОМ ПРАВООТНОШЕНИИ:
АНАЛИЗ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИИ И ИТАЛИИ**

В статье анализируются природа и содержание правомочий владения и пользования, которые приобретаются нанимателем по арендному правоотношению. Рассматривается вопрос структуры владения нанимателя.

Ключевые слова: договор аренды, имущественный найм, владение, пользование, держание, Гражданский кодекс Италии.

E.M. Fomin**USE AND POSSESSION BY LESSEE
IN LEASEHOLD LEGAL RELATIONSHIP:
ANALYSIS OF CIVIL LEGISLATION OF RUSSIA AND ITALY**

The article is devoted to the analysis of the nature and content of legal faculty of use and possession acquired by lessee in leasehold legal relationship. The issue of lessee's possession pattern is addressed.

Keywords: rental contract, possession, use, holding, Italian civil code.

По праву Италии наниматель в силу заключенного договора найма (*la locazione*) получает право пользования вещью. Так, согласно ст. 1571 ГК Италии договор найма именуется договором, по которому одна сторона обязуется предоставить другой пользование движимой или недвижимой вещью (имуществом) на время за определенное вознаграждение¹. Содержательно такое пользование не предполагает извлечение и присвоение себе плодов, продукции и (или) иных доходов, которые получены или могут быть получены в связи с таким использованием, как это предусмотрено в российском гражданском кодексе (ст. 606 ГК РФ). Следовательно, в Италии наниматель по договору найма (*la locazione*) приобретает «голое», «пустое» пользование. Пользование же, сопряженное с извлечением плодов и доходов от нанятой вещи, приобретается по договору аренды (*l'affitto*). В частности, в ст. 1615 ГК Италии прямо указано, что арендатору принадлежат доходы и другая выгода от арендованного имущества². Анализ приведенной статьи показывает, что заключение договора аренды предопределено не только волеизъявлением сторон, но и самим имуществом. В аренду может передаваться только та вещь, которая по своим свойствам может приносить плоды, продукцию или доход (например предприятия, земельные участки и т.д.).

Следует отметить, что раздельное регулирование имеет место не только в Италии, но и в большинстве стран континентальной Европы, в т.ч. во Франции, Венгрии, Польше³.

Российским законом не предусмотрено раздельного регулирования найма и аренды. Статья 606 ГК РФ носит императивный характер. Плоды, продукция

и доходы, полученные арендатором в результате использования арендованного имущества в соответствии с договором всегда являются собственностью арендатора. Это, конечно, не означает, что арендодатель ни при каких условиях не может получать плоды, продукцию или доходы от использования имущества, переданного в аренду. В п. 2 ст. 614 ГК РФ прямо предусмотрена возможность установления арендной платы в виде определенной доли полученных в результате использования арендованного имущества, продукции, плодов или доходов. Но и в этом случае плоды, продукция или доходы являются собственностью арендатора, а затем уже передаются арендодателю в виде арендной платы⁴. Встречается мнение, которое оспаривает императивность ст. 606 ГК РФ. При этом указывается, что в силу ст. 223 ГК РФ договором может быть предусмотрено условие, предоставляющее арендодателю право приобретать часть плодов в собственность с момента их получения арендатором⁵.

Пределы пользования арендатора устанавливаются договором, а если такие условия не установлены, то арендатор вправе пользоваться в соответствии с назначением имущества (ст. 615 ГК РФ). Это означает, что судно, арендованное, например, для организации прибрежного кафе, бара, дискотеки, не может быть использовано для перевозок пассажиров и грузов⁶.

Пользование согласно ст. 615 ГК РФ предполагает возможность арендатора с согласия арендодателя сдавать арендованное имущество в субаренду (поднаем) и передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу (перенаем), предоставлять арендованное имущество в безвозмездное пользование, а также отдавать арендные права в залог и вносить их в качестве вклада в уставной капитал хозяйственных товариществ и обществ или паевого взноса в производственный кооператив. В приведенной статье говорится не только о пользовании, но и об обязанности арендатора пользоваться арендованным имуществом в соответствии с условиями договора или назначением имущества, если такие условия не согласованы. В отличие от ГК Италии, где передача имущества в субнаем или заключение сделки цессии по договору найма не рассматривается в качестве содержательного элемента права (правомочия) пользования, поскольку совершение названных сделок дозволено стороне получившей, в т.ч. и «голое» пользование, по ГК РФ пользование арендатора предполагает получение дохода от арендованного имущества не только за счет плодов имущества (прирост скота, плоды, продукция предприятия), а также от возможности заключения сделок как в отношении самого имущества (субаренда), так и в отношении прав на него (передача арендных прав в залог, уставной капитал обществ и т.д.).

Статьи итальянского ГК об аренде говорят исключительно о пользовании и совершенно умалчивают о владении вещью. Такое положение дел вытекает из структуры владения по праву Италии. Согласно ст. 1140 ГК Италии⁷ владение есть власть над вещью, что проявляется в деятельности, соответствующей исполнению собственности или иного вещного права. Можно владеть непосредственно или с помощью другого лица, которое имеет держание вещь. Таким образом, сохраняется древнеримская доктрина, где имеет место различие между владением и держанием. Владение арендатора предполагается как косвенное владение — *possesso indiretto*. Здесь нет материального контакта владельца и вещи. Поэтому в ст. 1140 ГК Италии наблюдается два различных отношения лиц к одной и той же вещи, одно называется владением, другое — держанием⁸.

Держание нанимателя (арендатора) подлежит защите. Соответственно такие держатели именуются *detentori autonomi* (автономные держатели), которые противопоставляются держателям несамостоятельным (*detentori nonautonomi*)⁹. Практика и доктрина в числе автономных держателей различает квалифицированных держателей (*detentori qualificati*), или тех, кто использует обладание в собственном интересе (квартиросъемщик, арендатор, ссудополучатель) и неквалифицированных (*detentori nonqualificati*), или тех, кто осуществляет обладание в интересах другого лица (управляющий, хранитель)¹⁰.

Структура владения по праву Италии предполагает, что наниматель (арендатор) всегда будет считаться держателем вещи вне зависимости от свойств самой вещи, а следовательно, отсутствует необходимость специально упоминать в соответствующей статье ГК Италии о предоставлении нанимателю правомочия держания вещью. Держание нанимателя или арендатора квалифицируется как автономное квалифицированное держание, т.е. держание в своем собственном интересе с возможностью защиты. В отличие от ГК РФ, в силу которого имущество передается либо в пользование, либо в пользование и владение, по ГК Италии держание всегда будет за нанимателем.

ГК РФ не закрепляет опосредованное (косвенное) держание нанимателя в арендном правоотношении. Более того, согласно концепции развития гражданского законодательства РФ нет необходимости закреплять в ГК т.н. двойное владение — опосредованное и непосредственное, а также противопоставлять владение и держание¹¹. Представляется, что конструкция опосредованного владения (держания) все же предопределена нормами действующего ГК РФ.

Большая часть доктрины и практика сходятся в одном — арендный договор порождает обязательственные правоотношения. Однако положения ст. 305 ГК РФ свидетельствуют о том, что вещно-правовые способы защиты владения принадлежат также титульному владельцу — несобственнику. Передача титула арендатору по заключенному договору аренды не лишает собственника права применять вещно-правовые способы защиты своего владения. Следовательно, собственник и арендатор как титульный владелец наделены одинаковыми средствами защиты своего владения, а значит, можем ли мы говорить об одинаковом (двойном) владении?

Следует помнить, что мы исходим из того, что найм представляет собой обязательственные правоотношения. Предоставление арендатору вещно-правовых способов защиты его владения в обязательственном правоотношении является следствием того, что имеет место не владение арендатора, аналогичное владению собственника и не отпочковавшееся от правомочия владения собственника самостоятельное правомочие владения, а держание.

По римскому праву в случае посягательств на обладание (держание) держатель мог обратиться к владельцу с просьбой охранить его держание¹². Результатом эволюции правосознания стало вначале предоставление держателю права на защиту своего держания средствами интердиктов, а впоследствии предоставление иска против любого виновного лица, нарушившего владение, ибо держатель действует от имени собственника и защищает владение собственника и, как следствие, свое держание.

Вместе с тем конструкция ст. 305 ГК РФ предоставляет титульному владельцу, несобственнику, также иск в защиту своего владения даже против собственни-

ка. К примеру, в дореволюционной России признавались невозможными иски о восстановлении нарушенного владения между арендатором и собственником¹³.

Так, если при иске нанимателя к любому третьему лицу в защиту своего владения действия нанимателя можно квалифицировать как действия от имени собственника, то иск к собственнику по смыслу ст. 305 ГК РФ может иметь место только тогда, когда истцом по такому требованию выступает не лицо, которое прямо связано с собственником договорными правоотношениями, а иное лицо, к примеру, субарендатор¹⁴, поскольку он держит вещь от имени арендатора, и для субарендатора арендодателем выступает арендатор по первоначальному договору. В иных случаях речь можно вести о требовании по ст. 398 ГК РФ, а не о вещном требовании. Аналогичная ситуация возникает при иске собственника к нанимателю с требованием о виндикации. К примеру, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ по делу А40-26590/01-53-28 пришел к выводу, что собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения, если между собственником и лицом, к которому предъявлено такое требование, отсутствуют какие-либо обязательственные отношения по поводу этого имущества. Если же такие отношения имеют место быть, как например арендные правоотношения, то возврат арендованного имущества регулируется ст. 622 ГК РФ¹⁵.

Если исходить из буквальной трактовки ст. 305 ГК РФ, то она не запрещает иск нанимателя к собственнику, а значит, такие требования возможны, хоть и являются юридической фикцией. В этой связи следует частично согласиться с С.А. Сеницыным, который считает, что «объектом правовой охраны в этих условиях выступает не владение арендатора как доказательство вещности в этих его прав, а сам статус или правовая позиция титульного владения как субъекта имущественных отношений вообще, гарантирующая неприкосновенность его интересов и правомочий. Соответствующие притязания в порядке статьи 305 ГК РФ являются особыми исковыми требованиями о выдаче вещи или о прекращении влияния на нее и не могут квалифицироваться как виндикационные или негаторные в чистом виде»¹⁶.

В отличие от ГК РФ, где объектом защиты выступает титульное владение, по ГК Италии объектом защиты выступает любое фактическое владение. Так, в силу ст. 1168 ГК Италии каждый, кто был насильно или тайно лишен владения, может в течение года с момента лишения требовать против виновника восстановления того же владения. Такое действие также отдается тем, кто имеет право держания вещью, кроме случаев, когда оказываются услуги или гостеприимство¹⁷. Следовательно, если будет заявлен иск нанимателя к собственнику по ст. 1168 ГК Италии, то его следует квалифицировать как посессорный иск, где защищается фактическое владение, и отпадает необходимость доказывать основание владения. Достаточно доказать факт произвольного нарушения владения

Таким образом, по праву Италии следует различать найм от аренды. Найм предоставляет нанимателю «голое», «пустое» пользование вещью в то время, как в силу заключенного сторонами договора аренды арендатор получает в пользование вещь, во-первых, способную приносить плоды и иную выгоду, отчего не всякая вещь может передаваться в аренду, а во-вторых, приобретает в свою собственность плоды и всю другую выгоду в связи с использованием объектом аренды. Пользование же, которое приобретается арендатором по ГК РФ во всех случаях, дает арендатору право получать в свою собственность плоды, продукцию и иные доходы.

Несмотря на то, что российское гражданское законодательство и доктрина не разделяют право держания и право владения, держание фактически предопределено структурой владения арендатора по праву России, в т.ч. по той причине, что вещные иски дозволены арендатору (как представителю арендодателя), когда арендные отношения есть только обязательственные отношения.

Введение в ГК РФ норм о посессорной защите владения устранил юридические противоречия в случае иска титульного владельца — несобственника к собственнику. До введения в ГК РФ норм о посессорной защите владения иск нанимателя к собственнику должен квалифицироваться как иск в порядке ст. 398 ГК РФ.

¹ Codice Civile della Repubblica Italiana. Regio Decreto 16 marzo 1942, n. 262 // Gazzetta Ufficiale (edizione straordinaria). 1942. N. 79.

² См.: Там же.

³ См.: Основные институты гражданского права зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование/ отв. ред. В.В. Залесский. М., 2009. С. 335–358.

⁴ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Аренда. Наем жилого помещения: постатейный комментарий к главам 34 и 35 / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2014.

⁵ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: учебно-практический комментарий / под ред. А.П. Сергеева. М., 2010.

⁶ См.: *Вавилин Е.В.* Содержание договора аренды: арендная плата и пользование арендованным имуществом // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 3. С. 60–64.

⁷ Codice Civile della Repubblica Italiana. Regio Decreto 16 marzo 1942, n. 262 // Gazzetta Ufficiale (edizione straordinaria). 1942. n. 79.

⁸ См.: *Синицын С.А.* Владение и владельческая защита в гражданском праве государств континентальной Европы. М., 2012.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Концепция гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11.

¹² См.: *Ефимов В.В.* Догма Римского права: лекции профессора В.В. Ефимова. СПб., 1895. С. 293.

¹³ См.: *Гуляев А.М.* Иски о восстановлении нарушенного владения в практике гражданского кассационного департамента правительствующего сената. СПб., 1911. С. 13.

¹⁴ См.: *Синицын С.А.* Защита титульного владения несобственника: опыт российского и германского права // Гражданское право и современность: сборник статей посвященных памяти М.И. Брагинского. М., 2013. С. 139–179.

¹⁵ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 мая 2002 г. № 96/02 по делу № А40-26590/01-53-28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ *Синицын А.С.* Указ. раб.

¹⁷ Codice Civile della Repubblica Italiana. Regio Decreto 16 marzo 1942, n. 262 // Gazzetta Ufficiale (edizione straordinaria). 1942. N. 79.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Е.И. Лощина, И.Н. Сенякин

ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНИНА В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ОКАЗЫВАЮЩУЮ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ, В НЕДОБРОВОЛЬНОМ ПОРЯДКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРМ КОДЕКСА АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РФ И РАНЕЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РФ

В статье проводится сравнительный анализ норм ГПК РФ и КАС РФ по вопросу госпитализации гражданина в недобровольном порядке в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь.

Ключевые слова: госпитализация, норма права, психиатрическая помощь, недобровольный порядок.

E.I. Loshchinina, I.N. Senyakin

HOSPITALIZATION OF A CITIZEN IN A MEDICAL ORGANIZATION PROVIDING PSYCHIATRIC CARE, INVOLUNTARY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NORMS OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PREVIOUSLY EXISTING NORMS OF THE CIVIL PROCEDURAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article presents a comparative analysis of the norms of the CPC RF and RF CAS on the hospitalization of a citizen in involuntary medical organization providing psychiatric care.

Keywords: hospitalization, rule of law, mental health care, voluntary procedude.

15 сентября 2015 г. вступил в силу новый для российского законодательства кодекс — Кодекс административного судопроизводства (далее — КАС РФ), который стал регулировать отношения в сфере административного судопроизводства судами общей юрисдикции. Инициатором его создания стал Президент РФ В.В. Путин, что говорит об особой значимости этого Кодекса.

© Лощина Елена Ивановна, 2016
Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия)

© Сенякин Иван Николаевич, 2016
Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия)

О необходимости разработки и принятия КАС РФ законодатели говорили давно. В Указе Президента РФ от 6 июня 1996 г. № 810 «О мерах по укреплению дисциплины в системе государственной службы» (в ред. от 27 июня 2000 г., № 1192)¹ в целях борьбы с коррупцией и злоупотреблениями со стороны чиновников перед Правительством РФ была поставлена задача: разработать проект Административного кодекса РФ. Тогда цель его создания имела большую направленность в уголовно-правовую сферу правоотношений. Позднее, с 2000 г. судьи на различных съездах стали поднимать вопрос о необходимости принятия кодекса, где был бы прописан четкий порядок рассмотрения дел, вытекающих из публичных правоотношений.

В этой связи Председатель Верховного Суда РФ В. Лебедев неоднократно заявлял о необходимости принятия КАС РФ и видел в нем более эффективный и действенный механизм защиты прав граждан и компаний в судебных спорах с органами государственной власти и местного самоуправления, по сравнению с тем порядком, который был закреплен в ГПК РФ.

Начиная работу в этом направлении, Верховный Суд РФ с 2003 г. внес в Госдуму ряд законодательных инициатив, в т.ч. и проект КАС РФ (законопроект № 381232-4), который «завис» на много лет в недрах нижней палаты и в итоге был снят с рассмотрения. А уже в 2012 г. на VIII Всероссийском съезде судей о необходимости принятия КАС РФ заявил Президент России В. Путин.

Многие разделы Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) перешли в ведение КАС РФ, в частности гл. 35 ГПК РФ «Госпитализация гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке и психиатрическое освидетельствование в недобровольном порядке», которая сейчас находится в гл. 30 КАС РФ «Производство по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке или о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке».

В настоящей статье проанализируем, какие же нововведения появились в КАС РФ по данному производству, в чем отличия от старой редакцией ГПК РФ и какие необходимо, на наш взгляд, внести изменения.

Поскольку недобровольная госпитализация сопоставима с лишением свободы² (ведь лицо против его желания удерживается в медицинском учреждении, оказывающем психиатрическую помощь) данная процедура требует строгой законодательной регламентации оснований ее применения. В настоящее время эта категория дел, помимо КАС РФ, регламентируется несколькими законодательными актами, такими как Федеральный закон от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»³, Федеральный закон от 22 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁴.

Многие видные ученые, такие как Г.Л. Осокина⁵, Н.Ф. Никулинская⁶, Ю.В. Тихомирова⁷ отмечают, что действующее в Российской Федерации законодательство о психиатрической помощи имеет множество недостатков, и вступивший в силу КАС РФ, безусловно, должен закрыть пробелы в этой сфере.

Для недобровольной госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях или

продления срока такой госпитализации, необходимо подать в суд административное исковое заявление. Согласно ч. 1 ст. 275 КАС РФ инициатором процесса о недобровольной госпитализации является представитель медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, куда обратился гражданин. Заявление подается по месту нахождения указанной организации. Родовая подсудность относит данные дела к ведению районных судов, что было прописано и в ГПК РФ.

КАС РФ детально регламентирует большое количество требований к оформлению заявления о госпитализации гражданина, чего ранее в ч. 2 ст. 302 ГПК РФ не было. В ГПК РФ содержалось минимальное количество требований к специальным правилам оформления заявления по данным делам, КАС РФ же в ч. 3 и 4. ст. 275 дает широкий перечень необходимых документов, которые должны прилагаться к административному исковому заявлению, указывает все главные аспекты в содержании административного искового заявления и пр. Безусловно, это является огромным преимуществом КАС РФ перед ГПК РФ, поскольку такая конкретизация требований к госпитализации укрепляет основы Конституции РФ в вопросе гарантии прав и свобод человека и гражданина и возможности ограничения прав и свобод только в той мере, в которой это необходимо для защиты конституционного строя, здоровья, законных прав и интересов других лиц.

Еще одним несомненным преимуществом КАС РФ является предусмотренная ч. 3 ст. 276 обязанность судьи при поступлении административного искового заявления незамедлительно вынести определение о его принятии к производству и о продлении пребывания гражданина в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, на срок, необходимый для рассмотрения административного искового заявления. Ранее ст. 303 ГПК РФ не указывала срока, в течении которого судья обязан был решить этот вопрос, это влекло нарушение прав пациентов и затягивание сроков судебного разбирательства из-за неучтенного промежутка времени между принятием заявления и возбуждением судьей дела.

Административное дело по административному исковому заявлению о госпитализации гражданина в недобровольном порядке подлежит рассмотрению в течение 5 дней со дня принятия заявления к производству, что было ранее изложено в ч. 1 ст. 304 ГПК РФ.

Как и нормах ГПК РФ, в нормах КАС РФ предусмотрена возможность выбора места проведения судебного заседания: в помещении суда или в помещении медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. В последнем случае судебное заседание будет проводиться, если суд установит, что психическое состояние гражданина позволяет ему лично участвовать в судебном заседании, но его присутствие в помещении суда является невозможным. Позиция Конституционного Суда РФ по данному вопросу указывает на недопустимость изменения места проведения судебного заседания без уважительных причин (причем они не должны зависеть от усмотрения одного из участников процесса), поскольку гарантией прав граждан на судебную защиту подразумеваются и определенная обстановка, в которой вершится правосудие, и специальная атрибутика, и сам зал судебного заседания⁸.

Неизменным осталось требование об обязательном участии прокурора в делах о госпитализации (ч. 5 ст. 277 КАС РФ), что служит дополнительной гарантией

защиты прав госпитализируемого лица. Участие прокурора особенно важно в тех случаях, когда гражданин не может лично присутствовать в судебном заседании в силу состояния здоровья.

При отсутствии у гражданина, в отношении которого решается вопрос о госпитализации в недобровольном порядке, представителя, суд назначает ему адвоката. Ю.Н. Аргунова, изучая вопросы госпитализации, пришла к выводу о необходимости введения правила обязать судей назначать госпитализированным лицам представителя-адвоката непосредственно перед судебным заседанием, а не по волеизъявлению родственников или самого больного в любой момент, поскольку если лицо не согласно на госпитализацию в психиатрический стационар, адвокат сможет качественнее отстаивать права и интересы клиента, заблаговременно подготовясь к процессу⁹.

В регулировании вопроса процедуры самого судебного разбирательства никаких изменений в связи с принятием КАС РФ не произошло. Но что касается доказательств, здесь стоит уделить особое внимание правильному определению предмета доказывания и отдельным видам доказательств по данному делу. Суду при рассмотрении дела нужно исследовать и установить, при каких обстоятельствах гражданин был госпитализирован, какой диагноз поставила комиссия врачей-психиатров, совершает ли лицо действия, опасные для него и окружающих, пребывает ли в состоянии беспомощности, насколько адекватно человек оценивает происходящие вокруг него события и т.д. По сути на все эти вопросы грамотный профессиональный ответ, являющийся медицинским заключением, может дать только врач-психиатр, который устанавливает диагноз гражданина и принимает решение об оказании ему помощи в недобровольном порядке. Однако стоит также учитывать немаловажные доказательства, такие как, например, объяснения сторон, показания свидетелей, различные письменные доказательства. В юридической литературе часто встречается мнение, что объяснения сторон по делам о принудительной госпитализации (ч. 2 ст. 59 КАС РФ) являются таким же важным средством доказывания, как и заключение комиссии врачей-психиатров, поскольку объяснения госпитализируемого гражданина — это по сути единственная возможность выразить свое отношение к госпитализации.

На практике судом редко уделяется внимание таким видам доказательств, как показания свидетелей и различные письменные доказательства (например, документы, подтверждающие, что гражданин работает, учится, ведет общественную деятельность, участвует в заключении сделок и т.д.). Полагаем, что соседи, друзья, коллеги по работе могут также субъективно оценить психическое состояние госпитализируемого, что может помочь в принятии решения о недобровольной госпитализации. Эти показания стоит учитывать наряду с иными видами доказательств.

На практике судьи все же опираются только на заключение комиссии врачей-психиатров, приравнивая его значимость к заключению эксперта, хотя Конституционный Суд РФ в данном случае не согласен с такой позицией и полагает, что заключение комиссии врачей-психиатров выступает в качестве одного из предусмотренных законом доказательств, но не является заключением экспертов в смысле ст. 86 ГПК РФ. В своем Определении Конституционный Суд РФ также разъяснил, что госпитализируемый гражданин может ходатайствовать о назначении судебно-психиатрической экспертизы независимо от наличия заключения

комиссии врачей-психиатров¹⁰. С одной стороны, это дает дополнительную гарантию защиты прав госпитализируемого лица, т.к. будет проведена всесторонняя оценка физического и психологического состояния госпитализируемого. Но в то же время мы не можем не согласиться с Ю.В. Тихомировой, которая считает, что «назначение экспертизы по каждому делу о принудительной госпитализации нецелесообразно и нереально, так как сложность и многочисленность тех процессуальных действий, которые судья должен будет совершить для обеспечения проведения экспертизы, делают невозможным рассмотрение дела в достаточно короткий срок, предусмотренный в законе»¹¹.

Полагаем, что суд должен исследовать все возможные доказательства по вопросу о принудительной госпитализации гражданина в недобровольном порядке в психиатрический стационар, в равной степени придавая значение их важности.

Последнее, что хотелось бы рассмотреть, это решение, принимаемое по данной категории дел. В соответствии с ч. 1 ст. 279 КАС РФ по окончании производства по делу может быть вынесено два вида решений: об удовлетворении административного иска и об отказе в удовлетворении. Предпосылкой для удовлетворения служит установление наличия оснований для госпитализации гражданина в недобровольном порядке. Это решение послужит поводом для содержания гражданина в психиатрическом стационаре с оказанием ему принудительной помощи медицинского характера. При недостаточности оснований суд отказывает в удовлетворении административного иска. Мотивированное решение должно быть изготовлено в день принятия решения по делу. Нормы КАС РФ для обеспечения гарантии прав и свобод госпитализируемого гражданина предусматривают обязанность незамедлительно направлять или вручать копию решения суда под расписку лицам, участвующим в деле. При этом, учитывая невозможность получения копии решения суда в помещении суда госпитализируемым лицом, ограниченным в свободе, суд должен направить данное решение лицу для ознакомления с ним и возможности реализации права на обжалование решения в случае несогласия с ним.

В вопросах обжалования решения КАС РФ устранил имевшееся противоречие между ч. 3 ст. 35 Федерального закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и положениями ГПК РФ, которые устанавливали 10-дневный и 30-дневный сроки подачи апелляционной жалобы на принятое судом решение по делу. КАС РФ в ч. 6 ст. 298 поддержал положения Закона о психиатрической помощи и срок обжалования теперь составляет 10 дней.

Подводя итог, следует отметить, что принятый КАС РФ привнес значительные улучшения в вопрос принудительной госпитализации, оказывающей психиатрическую помощь в недобровольном порядке. Кодекс детально регламентировал процедуру госпитализации, внес необходимые дополнения, отсутствующие в ранее действующем ГПК РФ. В дальнейшем необходимо законодательное регулирование вопросов, связанных со специальными гарантиями прав госпитализируемых граждан, поскольку эти лица находятся в достаточно уязвимом положении в связи с ограничением свободы действий и отсутствием реальной возможности самозащиты.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 24, ст. 2868.

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 544-О-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 32, ст. 4046.

³ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33, ст. 1913.

⁴См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 48, ст. 6724.

⁵См.: *Осокина Г.Л.* Проблемы судебной защиты прав и свобод граждан по делам о принудительной госпитализации в стационарные учреждения здравоохранения // Вестник Саратовской государственной академии права. 1999. № 1(16). С. 13.

⁶См.: *Никулинская Н.Ф.* Судебный контроль в сфере психиатрической помощи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

⁷См.: *Тихомирова Ю.В.* Производство по делам о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар и принудительном психиатрическом освидетельствовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 4.

⁸См.: Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 544-О-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 32, ст. 4046.

⁹См.: *Аргунова Ю.Н.* Недобровольная госпитализация лица с психическим расстройством // Правовые вопросы в здравоохранении. 2010. № 5.

¹⁰См.: Определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2005 г. № 62-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 5.

¹¹*Тихомирова Ю.В.* Рассмотрение судами дел о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар и принудительном психиатрическом освидетельствовании. URL: <http://julia-advokat.narod.ru/st3.htm> (дата обращения: 20.09.2016).

Ю.А. ИONOBA

ХРОНОДИСКРЕТНОЕ МОНОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУТА ДОКАЗЫВАНИЯ В ИСКОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ВОПРОСУ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ДОКАЗЫВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДТВЕРЖДЕННЫХ НОТАРИАЛЬНЫМИ АКТАМИ

Статья посвящена сравнению российского (до революции 1917 г.) законодательства и ныне действующего по вопросу реализации гражданских процессуальных норм при освобождении от доказывания обстоятельств, подтвержденных в нотариальном порядке.

Ключевые слова: хронодискретное, моногеографическое, сравнительно-правовое исследование, доказывание, нотариальные акты.

Yu.A. Ionova

CHRONO-DISCRETIONARY MONO-GEOGRAPHIC LEGAL COMPARATIVE RESEARCH ON INSTITUTION OF PROOF IN LITIGATION PURSUANT TO PROOF EXEMPTION OF CIRCUMSTANCES AFFIRMED WITH NOTARIAL INSTRUMENTS

The subject-matter of the article is the comparison of historic Russian (prior to the Revolution of 1917) and contemporary legislation subject to implementation of civil proceedings rules applied at proof exemption of circumstances affirmed under a notarial procedure.

Keywords: Chrono-discretionary, mono-geographic, legal comparative research, proof, notarial instruments.

Со времени введения в действие с 1 января 2015 г. ч. 5 ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) презумпция законности нота-

© ИONOBA Юлия Андреевна, 2016

Старший преподаватель кафедры гражданского процесса (Дальневосточный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»); e-mail: jionova@yandex.ru

риального действия и достоверности нотариального акта как его результата не вызвала повышенного внимания исследователей.

Сложившаяся ситуация, с одной стороны, объективно связана с отсутствием опубликованной практики правоприменения введенной в действие нормы, с другой, как следует из личного опыта общения автора с рядом членов нотариального сообщества, занимаемую позицию по обозначенному вопросу можно было бы охарактеризовать известным изречением «пока гром не грянет...».

Прошло не так много времени, чтобы обобщить судебную практику по обозначенной тематике, тем более, что в силу объективно складывающихся причин преодолеть тенденцию невозможности своевременного обобщения судебной практики по гражданским делам с участием нотариусов довольно затруднительно. К таким причинам, в частности, относятся: отсутствие специальных, отдельно взятых нарядов в судах для хранения судебных актов по делам искового производства, в которых содержится правовая оценка нотариальных актов; известная «замкнутость» ряда нотариальных палат по запросам о предоставлении сведений об участии нотариусов в гражданских делах, в т.ч. по запросам Федеральной нотариальной палаты в целях общероссийских научно-практических исследований¹.

Опубликованные к настоящему времени сведения² свидетельствуют, скорее, о большем внимании правоприменителей, научного сообщества к мониторингу самой нотариальной деятельности (практике), объединяющей нотариат и заинтересованных в совершении нотариального действия лиц, нежели к судебной практике по делам искового производства, в доказывании по которым использовались нотариальные акты. Все это еще больше усиливает интерес к толкованию предлагаемой вниманию ч. 5 ст. 61 ГПК РФ, поскольку практическое ее применение вызывает ряд вопросов, однозначных ответов на которые ни судебная практика, ни полноценные научно-практические исследования не содержат.

Сущность рассматриваемой нормы права представляет собой презумпцию³. Следует ли изложенную норму воспринимать как презумпцию либо она является самостоятельным основанием освобождения от доказывания фактов, строго говоря, «за пределами» презумпции. В этой связи уместно упомянуть авторов, чьи труды позволили прийти к выводу, что в отсутствие легальной дефиниции презумпции важным является предположение, влияющее на процедуру доказывания путем освобождения юридических фактов от доказывания. Это дореволюционные ученые: А.А. Васильев, Е.В. Васьковский; деятели правовой науки: А.В. Венедиктов, С.Н. Братусь, В.А. Ойгензихт, В.К. Бабаев; российские исследователи: Ю.А. Сериков, Е.А. Нахова, И.В. Решетникова⁴ и др.

При разработке проекта рассматриваемой нормы права президентом Федеральной нотариальной палаты обосновывалась взаимосвязь норм гражданского судопроизводства и норм законодательства о нотариате, что также позволило ему прийти к выводу о сущности данной нормы как «презумпции законности и достоверности нотариального акта»⁵.

В рассматриваемом явлении предположение, влекущее освобождение юридического факта от доказывания, состоит в том, что достоверность нотариального акта есть результат правильного в соответствии с законом (т.е. законного) совершенного нотариального действия как юридической процедуры. Если данная логическая последовательность нарушена, то и результат недостоверен, а значит — не освобождается от доказывания.

Ранее нами также указывалось, что рассматриваемая презумпция опровержима и содержит два условия, мы назвали их «двумя условиями опровержения», каждое из которых может существовать как вместе с другим, так и отдельно: 1) особый порядок выявления подложности нотариально оформленного документа; 2) существенное нарушение порядка совершения нотариального действия.

Оба условия формируют ситуационность нормы права и, очевидно, их применение будет зависеть от судебного усмотрения.

В настоящей статье использованы хронодискретные моногеографические методы с целью выявления возможных пробелов в законодательстве и предложения путей их устранения.

«В отличие от обычных историко-правовых исследований перед представителями школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения в качестве одной из обязательных стоит следующая задача: на основе сравнения исторического опыта правовой регламентации и функционирования какого-либо института с его современным аналогом выработать рекомендации по совершенствованию соответствующего современного института.

В отличие от традиционного сравнительного правоведения объектом сравнения выступают не аналогичные правовые институты, имевшие место в разных странах в одно время, а правовые институты, имевшие место в дореволюционной России и возрожденные в Российской Федерации (отсюда и введение в название научного направления термина «моногеографическое») в условиях отсутствия между ними прямой преемственности»⁶.

Воспользуемся методами названной школы для того, чтобы обеспечить доказывание по обозначенным вопросам необходимым инструментарием. Предполагается нацеленность на гипотетические ситуации в будущем, которые благодаря хронодискретности методов познания могут быть предотвращены как законодателем, так и субъектами, различными способами, реализующими нормы права.

В действующем законодательстве взаимосвязанными являются нормы права, содержащиеся в ч. 5 ст. 61 и ст. 186 ГПК РФ. Хронодискретным элементом в этой взаимосвязи представляется механизм выяснения подложности нотариального акта, который довольно «скромно» прописан в ст. 186 ГПК РФ.

В ГПК РСФСР институт доказывания в гражданском процессе вообще не содержал названной возможности⁷, а ранее — в Основах гражданского судопроизводства ССР и союзных республик⁸ — подложность документов или вещественных доказательств упоминалась не в смысле процесса выяснения названного факта в первой инстанции, а исключительно как подтвержденное приговором суда одно из оснований для пересмотра решений, определений и постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам (п. 2. ч. 2. ст. 53), т.е. можно сказать, лишь был «очерчен» законодателем, заметим, как факт, установленный не в гражданском, а уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем довольно обширное количество норм о процессе выяснения фактов подложности доказательств и комментариев к ним находим в дореволюционных гражданском процессуальном законодательстве и комментируемой литературе.

Комментируя статьи Устава гражданского судопроизводства⁹ (далее — Устав), А.А. Васильев отмечал: «457-я определяет силу актов крепостных, нотариальных и явленных к засвидетельствованию. Спор против этих актов может быть или только ввиду подложности, или ввиду потери ими силы...»¹⁰, и далее: «...В принципе Устав знает лишь один способ опровержения и уничтожения правильно

составленного и в публичном порядке засвидетельствованного акта: спор о его подложности»¹¹.

Собственно, ныне ст. 186 ГПК РФ содержит лишь две возможности, довольно неопределенно сформулированные, по сравнению с совокупностью процессуальных действий, которые в блоке ст. 499–565 Устава назывались «поверка доказательств». Надобность в осуществлении поверки появлялась тогда, когда возникал спор относительно доказательств.

Анализ приведенных норм Устава, а также многочисленных разъяснений Кассационного департамента Правительствующего сената позволяет сделать вывод о том, что имели место общие и особенные черты поверки, в зависимости от вида доказательств, по поводу которых возник спор между сторонами.

Поверка письменных доказательств могла быть двоякого рода: проверка сличения копий с подлинными документами или выписок и счетов с книгами, и поверка подлинности акта. Особенности второй из названных процедур, реализуемой по заявлению стороной сомнения в подлинности акта или объявления спора о его подлоге, заключались в следующем:

1) непосредственно в законе не говорилось, что представляла собой подложность акта;

2) спор о подлоге, согласно ст. 555 Устава мог быть заявлен во всяком положении дела;

3) в соответствии с со ст. 556 Устава заявление о подлоге могло быть устным и письменным, если оно было устным, то составлялся протокол.

Далее процедура представляла собой своеобразную возможность урегулирования спора самими сторонами в предусмотренные законом сроки (сторона, которой передано заявлении о подлоге, могла либо промолчать, либо согласиться и перестать использовать данное доказательство). Если же сторона настаивала, заявившая сторона могла предоставлять свои доказательства о подложности в 7-дневный срок, в ответ на которые в аналогичный, следовавший затем срок другая сторона могла предоставлять в противовес свои доказательства.

Затем к решению данного спора (о подлоге) привлекался прокурор. Для стороны, которая заявила спор о подлоге и не смогла доказать данного факта, предусматривался штраф.

А.А. Васильев называет следующие недостатки указанных процедур:

1) заимствованность из иностранного законодательства с нечетким разграничением процедур подлинности и подложности актов;

2) необходимость предварительного исследования доказательства судом до передачи определения о подлоге прокурору в случае, если в указанном доказательстве кто-либо был прямо обвинен заявившим подлог;

3) неминуемое следствие приостановления гражданского дела в случае, если сведения о подлоге подтвердились, в связи с чем материалы для возбуждения уголовного дела передавались прокурору;

4) нечеткость в изложении заключительной ст. 565, из которой следовало, что в случае оправдания лица, обвиненного в подлоге, и отсутствия определения уголовным судом, подложный акт или подлинный, одна из сторон могла просить гражданский суд исследовать подлинность акта и, если признает его подложным, исключить из числа доказательств.

Как видим, исторический метод хронодискретного моногеографического исследования приводит нас к следующим выводам.

1. Сокращенный вариант выяснения факта подложности доказательств в действующем законодательстве, по сравнению с дореволюционным, еще не означает, что проблемы правоприменения, обозначенные правоведами в конце XIX в., устранены в современном законодательстве и современных правоотношениях.

2. При неизменности сущности явления (подлога), законодатель не потрудился над легальной его дефиницией, что также может приводить к «конкуренции» гражданского и уголовного судопроизводства, затягиванию процессуальных сроков.

3. При большей разработанности в современном праве, по сравнению с дореволюционным, категории «злоупотребление правом» представляется, что штрафные санкции за намеренное заявление о подлоге при фактическом его отсутствии в современном праве могли бы рассматриваться как гарантия правомерной реализации связанной со ст. 186 ГПК РФ презумпции, изложенной в ч. 5 ст. 61 ГПК РФ применительно к функциям искового производства в гражданском процессе.

¹ Указанное обстоятельство, в частности, прозвучало в он-лайн трансляции Международной научно-практической конференции «Латинский нотариат в России: перспективы развития», посвященной 10-летию Института нотариата СПбГУ 24 октября 2014 г. в Санкт-Петербургском государственном университете. URL: <http://news.alrf.ru/press/news/item/16967-mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-latinskij-notariat-v-rossii-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 21.08.2015).

² См., например, информацию на официальном сайте Федеральной нотариальной палаты под заголовком: «25 мая 2015 года в Санкт-Петербурге прошла научно-практическая конференция по мониторингу правоприменения, организаторами которой стали Министерство юстиции Российской Федерации и Санкт-Петербургский государственный университет». URL: <https://notariat.ru/news/18187/> (дата обращения: 21.08.2015).

³ См.: *Ионова Ю.А.* Развитие доказывания в исковом производстве в свете тенденции освобождения от доказывания обстоятельств, подтвержденных нотариальными актами // Перспективы реформирования гражданского процессуального права: сборник материалов конференции (г. Саратов, 21 февраля 2015 г.). 2015. С. 120–123.

⁴ См.: *Васильев А.А.* Руководство к защите гражданского иска. СПб., 1913; *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М., 1914; *Венедиктов А.В.* Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954; *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М., 1976; *Ойгензихт В.А.* Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе, 1976; *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974; *Сериков Ю.А.* Презумпции в гражданском судопроизводстве. М., 2006; *Нахова Е.А.* Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию. Саратов, 2006; *Решетникова И.В.* Доказывание в гражданском процессе. М., 2015 и др.

⁵ *Корсик К.А.* Доказательственное значение нотариально оформленных документов в российском гражданском судопроизводстве // Нотариус. 2011. № 1. С. 6.

⁶ *Демичев А.А.* Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки. URL: http://www.juristlib.ru/book_8854.html (дата обращения: 21.08.2015).

⁷ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407.

⁸ См.: Закон СССР от 8 декабря 1961 г. «Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» (вместе с Основами гражданского судопроизводства) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50, ст. 526.

⁹ См.: Устав гражданского судопроизводства с объяснениями по решениям гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената / сост. А. Боровиковский. СПб., 1894.

¹⁰ *Васильев А.А.* Руководство к защите гражданского иска. СПб., 1913. С. 195.

¹¹ Там же. С. 200.

Е.А. Семенова

ИНСТИТУТ ОТМЕНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ КАК ХРОНОДИСКРЕТНЫЙ МОНОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ПРАВА

В статье проведен историко-правовой анализ развития института отмены усыновления в России, который позволяет сделать вывод о наличии определенной преемственности норм права, регламентирующих судебную процедуру отмены усыновления, а также в целом самого подхода к их законодательному закреплению и практическому применению.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, институт отмены усыновления, процедура отмены усыновления, процессуальное законодательство.

E.A. Semenova

INSTITUTE FOR THE ABOLITION OF ADOPTION AS CHRONICITY MANOEUVRABILTY INSTITUTE OF LAW

The article conducts historical and legal analysis of the development of the Institute of cancellation of adoption in Russia, which allows to make a conclusion about the presence of a certain continuity of the law regulating the judicial procedure cancellation of adoption, and, in general, the approach to their legalization and practical application.

Keywords: comparative law, the Institute of cancellation of adoption, cancellation of adoption, procedural law.

В последнее время особый интерес приобретает такое научное направление, как хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение. Методологические принципы названного научного направления предполагают рассмотрение в качестве объекта комплексного анализа правового института, ранее уже имевшего и имеющего в настоящее время место в одной стране, в истории которого имелся временной разрыв вследствие какого-либо внутривнутриполитического или внешнеполитического события (война, революция, установление нового государственного строя и т.д.), и выработку практических рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства на основе сравнения современного института и аналогичного ему института, существовавшего до временного разрыва¹. Именно с этих позиций представляется возможным рассмотреть историю развития института отмены усыновления в нашем государстве.

В настоящее время отмена усыновления является парной категорией института усыновления как в материальном, так и в процессуальном праве. Однако так было не всегда. Институт усыновления известен российскому праву с древнейших времен, в то время как институт отмены усыновления возник гораздо позже. Данное обстоятельство обусловлено тем, что изначально институт усыновления как «искусственное сыновство», как прием «стороннего» в состав семьи² возник не для защиты интересов усыновляемых. Основными его целями, как отмечают ученые, исследовавшие этот институт в исторической ретроспективе, было сохранение численности, прочности общины³, обеспечение интересов вырождающихся семей привилегированных сословий, в крестьянских хозяй-

© Семенова Екатерина Андреевна, 2016
Соискатель кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail:semenova-katena87@mail.ru

ствах — эксплуатация детского труда, приобретение «даровой рабочей силы», в религиозном аспекте — приобретение наследника, который поминал бы души бездетных супругов⁴. Учитывая перечисленные цели усыновления, а также тот факт, что при процедуре усыновления воля участников в материальном смысле должна была иметь решительный характер, ни под условием, ни на срок усыновление устанавливать было нельзя⁵, то и прекращение отношений, вытекающих из усыновления, возможно было только в связи со «смертью естественного усыновителя или лишением его всех прав состояния»⁶.

Процедуры усыновления были различными, регламентировались обычаями (обряд фиктивного рождения; женитьба на вдове брата; особый договорный акт между усыновителем и усыновляемым⁷), церковными правилами⁸. Позже усыновление дворянами, не принадлежащими к потомственному дворянству, православными священнослужителями, церковными причетниками и почетными гражданами совершалось по постановлениям губернских правлений, купцами — по постановлениям казенных палат, с утверждением в обоих случаях Сенатом. У крестьян и мещан усыновление производилось припиской к семейству, причем у первых с ведома мирских общин, а у вторых с утверждением Казенной палаты⁹.

Судебная процедура усыновления возникла в России только в конце XIX в., которая определялась Уставом гражданского судопроизводства 1864 г. (далее — Устав ГСП) и распространялась исключительно на привилегированные сословия (купец, почетный гражданин, дворянин, духовное лицо, иностранец)¹⁰. Как отмечают ученые, процедура эта была достаточно сложной и состояла из нескольких этапов: составления акта об усыновлении у нотариуса; представления этого акта на разрешение окружного суда по месту жительства усыновителя и вынесения судебного определения об удовлетворении или об отказе в ходатайстве об усыновлении; утверждения определения окружного суда Судебной палатой¹¹.

К этому периоду можно отнести и возникновение судебного института отмены усыновления, поскольку в ст. 1460⁸–1460³¹ Устава ГСП предусматривалась возможность лиц, права которых нарушались незаконным усыновлением, начать в двухгодичный срок со дня вступления определения суда в законную силу спор в общеисковом порядке, но только при жизни усыновителя. Именно с этого момента, как отмечают ученые, начинают проследиваться отдельные элементы механизма процессуального правового регулирования, которые имеют место в современном материальном и процессуальном законодательстве РФ¹².

Однако октябрьские события 1917 г. внесли существенные перемены в жизнь Российского государства, повлияв и на относительно сложившийся институт усыновления. Так, 16 сентября 1918 г. был принят первый советский Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР, который, как отмечает В.А. Бочаров, коренным образом изменил уже сложившиеся представления об институте усыновления¹³. Названным нормативным актом усыновление не допускалось, следовательно, не было в нем и речи о производном от института усыновления институте отмены. По мнению ученых, эта позиция советской власти объяснялась существовавшим тогда отрицательным отношением к семейным формам воспитания детей-сирот, опасением, что под видом усыновления мог эксплуатироваться детский труд¹⁴.

Однако увеличение числа беспризорных детей, распространение случаев фактического принятия детей в семьи без надлежащего юридического оформления, попытки использования хотя бы отдаленно схожих правовых институтов для

закрепления возникших отношений усыновления, подача заявлений в суды с просьбой об усыновлении, несмотря на законодательный запрет¹⁵, потребовало внесения соответствующих изменений в законодательство того времени. Спустя 8 лет Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 1 марта 1926 г. «Об изменении Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» институт усыновления был восстановлен, а вместе с ним возродился и институт отмены усыновления. Причем, согласно названному акту усыновление осуществлялось в административном порядке, а для его отмены устанавливался как административный, так и судебный порядок (ст. 183.7, 183.8).

Нормы об отмене усыновления в советский период находились в ст. 65–67 Кодекса законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г., в п. 21–22 Постановления СНК РСФСР от 8 апреля 1943 г. № 325 «Об утверждении Инструкции Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР о патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей». Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г. предусматривал возможность прекращения судом отношений между усыновленными и усыновителями двумя способами: путем признания усыновления недействительным и путем отмены усыновления (ст. 111). Следует отметить, что все указанные нормативные акты устанавливали исковой порядок судопроизводства по делам об отмене усыновления.

Анализ законодательства советского периода до 1964 г. позволяет сделать вывод, что положения о судебном порядке отмены усыновления в процессуальном законодательстве того времени отсутствовали. Впервые упоминание о делах об отмене усыновления появляется в ст. 113 Гражданского процессуального кодекса РСФСР от 11 июня 1964 г. (далее — ГПК РСФСР), но только лишь как о категории дел, которая рассматривается судом коллегиально. Других норм, регламентирующих этот правовой институт, ГПК РСФСР не содержал. При этом процедура отмены усыновления судом регламентировалась следующими ведомственными документами: Инструкцией о порядке передачи детей и подростков на усыновление, под опеку (попечительство) и их медицинском обеспечении, утвержденной совместным приказом Минздрава СССР № 885, Минпроса СССР № 131 от 28 сентября 1977 г., Инструктивно-методическими рекомендациями по вопросам усыновления (удочерения) несовершеннолетних и применении их в практической деятельности органов народного образования и здравоохранения, утвержденных приказом Гособразования СССР № 55, Минздрава СССР от 31 января 1991 г. № 40.

В 2003 г. с принятием ГПК РФ в нормах процессуального законодательства появляется ст. 275, закрепившая основные особенности рассмотрения дел об отмене усыновления судом. При этом большинство вопросов, возникающих при рассмотрении и разрешении дел об отмене усыновления, разрешается исходя из судебной практики, находящей свою реализацию в постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ.

Таким образом, проведенный историко-правовой и сравнительно-правовой анализ развития института отмены усыновления в России показывает наличие определенной преемственности норм права, регламентирующих судебную процедуру отмены усыновления, прослеживается преемственность не только норм, регламентирующих отмену усыновления, но и в целом самого подхода к их законодательному закреплению и практическому применению. В связи с этим изложенные историко-правовые особенности развития института отмены

усыновления в нашем государстве позволяют рассматривать этот институт как хронодискретный моногеографический институт права¹⁶.

Безусловно, в определенной степени институт отмены усыновления эволюционировал, по сравнению с дореволюционным и советским законодательством: расширен круг субъектов, которые могут обращаться с иском об отмене усыновления; оставлен открытым перечень оснований для отмены усыновления; в отличие от дореволюционного законодательства во главу угла поставлены интересы ребенка. Однако в настоящее время все еще имеется ряд коллизионных моментов, касающихся именно процессуальной сущности института отмены усыновления. Представляется, что дальнейшее совершенствование данного института должно идти именно в процессуальном русле через перенесение процессуальных норм, регламентирующих этот институт, из источников материального права в источник гражданского процессуального права, легализации положений постановлений Пленума Верховного Суда РФ посредством закрепления соответствующих норм в ГПК РФ.

¹ См.: Демичев А.А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки // История государства и права. 2010. № 16. С. 7.

² См.: Абраменко Г.И. Правовое регулирование усыновления в семейном законодательстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 14–15.

³ См.: Алиева З.З. Процессуальные особенности рассмотрения дел об усыновлении детей российскими гражданами: По материалам правоприменительной практики Республики Дагестан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 11.

⁴ См.: Писклова Е.Н. Генезис института усыновления в дореволюционной России // История государства и права. 2006. № 11. С. 27.

⁵ Подробнее об этом см.: Садеева Г.М. История становления и развития законодательного регулирования института усыновления в России // История государства и права. 2014. № 11. С. 61.

⁶ См.: Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. 6: Право наследования. СПб., 1902. С. 105.

⁷ См.: Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006. С. 68–70.

⁸ См.: Загоровский А.И. Курс семейного права. М., 2003. С. 386–387.

⁹ См.: Абрамов Я.В. Узаконение внебрачных детей и усыновление. СПб., 1903. С. 6.

¹⁰ См.: Абрамов Я.В. Указ. раб. С. 13.

¹¹ Подробнее об этом см.: Ходырева Е.Б. Развитие института усыновления в России и за рубежом // Вестник Нижегородского института им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4 (32). С. 106.

¹² См.: Вершинина Г.И. Процессуальные особенности судопроизводства по делам об усыновлении: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2007. С. 19.

¹³ См.: Бочаров В.А. Проблемы усыновления (удочерения) и роль милиции в их реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 9–10.

¹⁴ См.: Фабричная Т.Б. Эволюция института усыновления в российском праве XVIII–XX вв. (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2010. С. 7.

¹⁵ См.: Кустова В.В. Актуальные проблемы установления усыновления в российском праве // Журнал российского права. 2002. № 7.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Исаенкова О.В. О проблеме выбора темы диссертационного исследования и обоснования ее актуальности в диссертации (на примере специальности 12.00.15) // Юрическое образование и наука. 2013. № 3. С. 12.

Б.Т. Разгильдиев, Н.И. Насиров

ДОСТОИНСТВО И ЧЕСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА

В статье с позиции естественно-правовой теории исследуются природа, содержание достоинства человека и чести личности, их соотношение и уголовно-правовая охрана.

Ключевые слова: высшая ценность человека, личность, достоинство, честь, созидательность, нравственность, естественные права и свободы, объект охраны, общественная опасность.

B.T. Razgildiev, N.I. Nasirov

DIGNITY AND HONOR OF A PERSONALITY AND THEIR LEGAL PROTECTION

The authors research the nature, dignity and honor of a personality, the interaction of these features and legal protection. The scholars work is based on the natural law theory.

Keywords: the highest human value, personality, dignity, honor, creativity, morality, natural rights and freedoms, implementation, the object of legal protection, public danger.

Основополагающие национальные и международные правовые документы признают человека вместе с его правами и свободами высшей ценностью. Достоинство человека, его честь, на наш взгляд, в наибольшей мере отражают объективную составляющую ценности человека, ее понимание и признание личностью, обществом и государственной властью. Поэтому названные ценности активно используются людьми на бытовом уровне, законодательной и правоприменительной практикой, гуманитарной наукой, в т.ч. правовой. Многие аспекты заявленной проблематики успешно решаются наукой чаще всего в рамках естественно-правовой концепции¹, удовлетворяя, таким образом, потребности перечисленных субъектов. Научное осмысление некоторых сторон достоинства человека, чести личности до настоящего времени не доведено до нужной кондиции, что затрудняет реализацию принципов уголовного законодательства. Так, отсутствует ясность по содержанию достоинства человека, чести личности, их соотношения и связь с признанием человека, его прав и свобод высшей ценно-

© Разгильдиев Бяшир Тагирович, 2016

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, заслуженный деятель науки РФ (Саратовская государственная юридическая академия)

© Насиров Немэт Интигам оглы, 2016

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: naymat@mail.ru

стью. Уяснение содержания достоинства и чести актуализирует и обосновывает их уголовно-правовую охрану.

Достоинство характеризует человека с момента рождения, его природа естественна и универсальна. Естественна потому, что это свойство всех людей, относящихся к роду человеческому. Его универсальность предполагает одинаковую содержательную значимость для всех людей независимо от их социальной роли в обществе и государстве. Она остается неизменной и сопровождает человека от начала его жизни до наступления смерти.

Анализ международных документов, отечественного и зарубежного законодательства свидетельствует, что посредством категории «достоинство» олицетворяется человеческая ценность в целом. Например, в преамбуле Всеобщей декларации прав человека 1948 г. провозглашено «...признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира»². Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 1966 г. также гласит «... Права вытекают из присущего человеческой личности достоинства»³. Согласно Хартии Европейского Союза об основных правах (2007/С 303/01) «человеческое достоинство неприкосновенно. Оно подлежит уважению и защите» (ст. 1)⁴.

Особое значение достоинству человека придается основными законами многих стран, в т.ч. России. Согласно ст. 1 Основного закона ФРГ от 23 мая 1949 г. (с изм. и доп. на 20 октября 1997 г.) «достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всякой государственной власти»⁵. Конституция Республики Польша от 2 апреля 1997 г. гласит: «Естественное и неотъемлемое достоинство человека образует источник свобод и прав человека и гражданина. Оно нерушимо, а его уважение и охрана являются обязанностью публичных властей» (ст. 30)⁶. Конституция России также признает, что «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления».

Представленные документы, придавая особую значимость достоинству человека, актуализируют уяснение его содержания. Уместно по этому поводу обратиться к словарям русского языка и философскому. Для первых, достоинство — это высокие моральные качества и уважение их в себе⁷, для вторых — моральная оценка человека со стороны самого себя и общества⁸. Как видим, словари, раскрывая содержание достоинства, акцентируют внимание главным образом на субъективном факторе, кроме того (и это главное), оставляют открытым его объективный аспект, который, по нашему мнению, должен отражать моральные качества человека, подлежащие уважению и оценке.

В регулятивных и охранительных отраслях права достоинству человека уделяется значительное внимание, однако его содержательная сторона не раскрывается.

Отраслевая правовая теория в большей степени связывает достоинство человека с «самооценкой» («самоуважением»), «самосознанием своей ценности»⁹, значимости¹⁰, собственных положительных качеств» и т.д.¹¹ Такая научная позиция практически оставляет открытыми объективные аспекты достоинства. Получается, что достоинство — явление субъективное, лишённое объективности. Его наличие у человека определяется способностью и желанием человека к самооценке: способен оценить себя — обладает достоинством, не способен или не желает этого делать — не обладает им.

Можно констатировать, что в философской и правовой науках отсутствуют определения понятия «достоинство человека». Это позволяет предположить, что названные отрасли не владеют сущностными аспектами, отражающими содержание рассматриваемого феномена. Полагаем, что достоинство человека — это совокупность биосоциальных свойств, присущих всему человеческому роду, отличающих человека от других живых организмов, позволяющих ему существовать и развиваться наряду с окружающей его природой. Сформулированное определение характеризуется пятью обстоятельствами, отражающими сущностные аспекты исследуемого понятия:

совокупностью свойств биосоциального порядка;

носителями указанных свойств является весь человеческий род;

данные свойства не характерны для других живых организмов;

названные свойства позволяют человеку существовать и развиваться;

существование и развитие человека не противоречит окружающей его природе.

Свойства, отражающие содержание достоинства, являются биосоциальными.

Это означает, что природа их происхождения биологическая, а их проявление распространяется на социальную сферу, т.е. на взаимоотношение человека с обществом, государством, миром и природой. Как отмечал С.Л. Франк, человек живет в обществе не потому, что так жить удобнее, а потому, что лишь в качестве члена общества он может состояться как человек¹². По значимости для человека эти свойства составляют его материальную сущность. Они характерны для всего человеческого рода: существовавшего, существующего, и будущего. И. Кант отмечал, что принадлежность к роду человеческому уже достоинство¹³. И это обоснованно, поскольку свойства, речь о которых пойдет далее, присущи только человеку и никакому другому живому организму. Благодаря этим свойствам человек существует и развивается, а значит, существует и развивается весь человеческий род. Существование и развитие человека осуществляется не вопреки окружающей его природе, а вместе с ней, что подчеркивает органическую связь человека с природой.

Какие же биосоциальные свойства характеризуют достоинство человека? Мы относим к ним следующие: созидательность, нравственность, естественные права и свободы, благодаря которым существует человеческий род. Полагаем, что именно в этом смысле следует понимать И.Г. Фихте, отмечавшего стремление человека к нравственному улучшению и себя, и всего вокруг себя¹⁴.

Содержательная сторона достоинства человека идентична содержанию достоинства всего человеческого рода, который также зиждется на созидательности, нравственности, естественных правах и свободах и когда оперируют фразой «достоинство человека», то таким образом констатируется, что человек соответствует человеческому роду, т.е. он достоин этого рода. Рассмотрим содержательные аспекты (свойства) достоинства.

Созидательность как одно из свойств достоинства выражается в изменении человеком самого себя, окружающего его мира, позволяет существовать и развиваться как самому человеку, так и окружающему его миру, в рамках закономерностей, характеризующих природу и человека как ее части. Ядро созидательности выражается в изменении себя и мира. Оно начинается с себя и осуществляется с момента появления человека в материальном мире. Какие-то процессы, особенно на первоначальном этапе, происходят естественно, в силу заложенных в человеке определенных качеств. К ним следует отнести интел-

лектуальное, социальное, физическое, половое развитие, осознанность и волю. Другие осуществляются несколько позднее, с включением в процесс развития сознания, воли, интеллекта и т.д. На этом этапе человек, развиваясь, так или иначе начинает воздействовать и на окружающий его мир, адаптируя его в своих интересах, интересах общества, государства, мира и безопасности.

Созидательность — свойство объективное, оно существует в человеке независимо от восприятия, оценки его носителем или другими людьми. Однако в силу своей объективности названное свойство может оцениваться человеком — его носителем, обществом, государством, человечеством в целом.

Свойство созидательности присуще каждому человеку перманентно. В этом смысле любой человек, весь человеческий род характеризуются достоинством. Всякий человек по своей человеческой природе созидателен, следовательно, он имеет объективную возможность быть созидателем независимо от его фактического позитивного или негативного поведения.

Вторым свойством достоинства человека выступает нравственность, — учение о добре, его возможностях по противодействию злу, формированию у человека качеств, позволяющих ему удовлетворять свои интересы без ограничения прав, интересов других людей, общества, государства¹⁵. Полагаем, что добро, выступая стержнем нравственности, не исключает, а предполагает зло (в нашем случае — разрушение). Его наличие подчеркивает ценность добра, одновременно высвечивая зло как антиценность. Наличие зла само по себе требует от нравственности позитивного воздействия на него, что следует оценивать как одно из направлений проявления созидательности. Отсюда вывод — созидательность является таковой, если она сориентирована на нравственность.

Мы включаем нравственность в содержательную часть достоинства по двум причинам. Первая состоит в том, что созидательность сама по себе может быть только нравственной. Именно такое созидание соответствует природе человека, позволяет ему существовать и развиваться в рамках закономерностей, присущих природе в целом. Вторая причина заключается в том, что созидательность по отдельным ее направлениям должна иметь границы, чтобы не перейти в разрушительность. Этими границами, по нашему мнению, и выступает нравственность.

Третьим свойством достоинства являются права и свободы человека, которые, с одной стороны, выступают содержательной частью достоинства человека, а с другой — позволяют ему реализовывать свои созидательные и нравственные качества. Речь идет, прежде всего, о естественных правах и свободах: на жизнь и здоровье человека, необходимую оборону, собственность, свободу мысли и слова, свободный труд, свободу совести, вероисповедание или атеизм. Отсутствие перечисленных прав и свобод ставит под сомнение другие части достоинства. Невозможно представить себе созидательность, нравственность, если они не предполагают прав и свобод на собственность, свободный труд, свободу мысли и слова, атеизм, вероисповедание, необходимую оборону, не говоря уже о праве на жизнь и здоровье. Названная часть достоинства столь же естественна, как и созидательность и нравственность. Кроме того, права и свободы человека и гражданина необходимы в качестве средств реализации всех аспектов достоинства.

Созидательность, нравственность, естественные права и свободы присущи отдельному человеку и всему человеческому роду. Они находятся в статическом

состоянии, в силу чего их невозможно индивидуализировать. Любой человек и весь человеческий род — носители одного и того же достоинства по содержанию и объему. Оно индивидуализируется только в процессе его реализации каждой личностью в отдельности, формируя, таким образом, свою честь. Сказанное, актуализирует понимание чести, ее соотношение с достоинством. В философской и правовой теории отсутствует определение названной ценности. Не представлена и связь между достоинством человека и честью личности. Полагаем, эта связь существует непосредственно и носит объективно-субъективный характер. Честь — это состояние конкретной личности, осознающей свое человеческое достоинство и испытывающей потребность в его реализации и реализующее его (постоянно или эпизодически) во взаимоотношениях с другими людьми, обществом, государственной властью, миром, в т.ч. животным, и с природой в целом.

Представленное понимание чести отражает ее связь с достоинством, где достоинство, будучи явлением объективным, выступает источником чести как фактора объективно-субъективного. Сама по себе честь — явление объективное, потому что личность посредством совершаемых поступков реализует человеческое достоинство, т.е. создает, реализует свои естественные права и свободы, осуществляет другие нравственные акты. В то же время честь предполагает и субъективный момент — это осознание своего человеческого достоинства и потребности его реализации в своей жизнедеятельности. Однако следует иметь в виду, что осознание этих аспектов не требует какой-либо конкретики, оно носит общий характер.

Честь может проявляться в любой сфере: экономике, политике, социальной, духовной жизни. Важно, чтобы эти сферы так или иначе затрагивали интересы других людей, общества, государственной власти, мира, окружающей природы в целом. Реализуемое достоинство всегда конкретизировано личностью. Оно придает личности честь, а в случаях, когда ее поступки противоречат достоинству человека, т.е. являются разрушительными, антинравственными, возникает состояние, противоположное чести — античесть. Состояние античести чаще именуют безчестьем. Полагаем, что это неправильно. Личность в том или ином объеме обладает честью, впрочем, как и античестью. Созидание формирует честь, а разрушение, например, совершение преступления, придает личности античесть. Оба эти явления отражают поведение личности за какой-то отрезок времени, включающий в себя совершение или несвершение каких-либо поступков. В этом смысле можно предположить, что большинство людей обладают как честью, так и античестью.

Изложенное понимание содержания достоинства человека и чести личности не исключает вывод, вызывающий, на первый взгляд, сомнение в его обоснованности. Мы имеем в виду ситуацию, допускающую возможность признания достоинства человека при одновременной античести личности. Да, такое вполне возможно. Объяснение этому следующее. Достоинство — это продукт природы, биологии человека. Его наличие не связано с сознанием и волей человека. Оно всегда позитивно, в том смысле, что служит критерием признания живого организма человеком. Честь — явление «рукотворное», напрямую связанное с сознанием и волей личности. «Включение их в позитивную работу» зависит от многих факторов: биологических, социальных, интеллектуальных, идеологиче-

ских, политических и т.д., в силу чего в одних случаях лицо совершает поступки, отражающие честь личности, в других, напротив, ее античность.

Вышеизложенное подтверждает обоснованность конституционного постулата — высшей ценности человека. При этом необходимо понимать, что названный уровень ценности распространяется и на личность с ее естественными и нормативными правами и свободами. Констатация данного феномена вызывает потребность (научную, практическую) уяснения соотношения достоинства человека и человека, характеризующегося высшей ценностью. Полагаем, что эти явления однопорядковые. На фоне многих и разных ценностей только человек является носителем ценности высшего порядка. Именно в этом смысле он обладатель достоинства. Получается, что понятие «достоинство человека» включает в себя понятие «человек» и наоборот.

Иное соотношение чести и античести с личностью. Они соотносятся между собой как целое и его части. Личность выступает целым, а честь и античность отражают ее поведение. Без названных частей личность, как правило, нереальна. С другой стороны, указанные части в отрыве от личности утрачивают свою социальную значимость.

Достоинство человека и честь личности, образуя две взаимосвязанные ценности, различаются как объекты уголовно-правовой охраны. Достоинство человека самостоятельным объектом не выступает, главным образом, потому что оно не существует отдельно от его жизни, здоровья и их функций, чести личности, свободы, естественных и нормативных прав и свобод человека, нравственности, общественного порядка и общественной безопасности. Посягательство на любое из перечисленных ценностей ставит под сомнение достоинство человека как высшей ценности. Получается, что достоинство человека само по себе объектом охраны не является. Такая схема создает впечатление его ничтожности. На самом деле это не так, поскольку именно достоинство придает высшую ценность как человеку в целом, так и любым его физическим, духовным, социальным, интеллектуальным частям или свойствам. Оно не существует отдельно от человека, поскольку, как отмечалось выше, выступает его (человека) свойством, без наличия которого он (человек) не состоятелен. Например, общественная нравственность, выступая одним из объектов уголовно-правовой охраны, обязывает правоисполнителей воздерживаться от незаконного оборота наркотических средств, психотропных и иных веществ. Нравственность — аспект достоинства, следовательно, носителем этого свойства выступает человек. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных и иных веществ игнорирует эту и другие части достоинства человека, порождая обстановку естественности такого оборота, не создающий угрозы разрушения здоровья человека¹⁶.

Общественная опасность такого рода деяний — игнорирование достоинства человека, выражающееся в причинении вреда материальному порядку¹⁷, ценностям — носителям достоинства.

Другая ситуация складывается с охраной чести личности. Она выступает самостоятельным объектом, существует отдельно от ценностей — носителей достоинства человека. Скажем, жизнь человека неотрывна от его достоинства, но вполне может быть не связана с честью личности. Напротив, она может рассматриваться как античность. Вместе с тем, образуя самостоятельный объект охраны, честь включает в себя и достоинство человека. Обоснованием этого служит тот факт, что достоинство выступает источником чести, без которого

она (честь) существовать не может. Вред чести причиняется непосредственным воздействием на нее, а следовательно, и на достоинство человека. Общественная опасность такого посягательства — обвинение личности в антинравственных проступках, ею не совершавшихся вообще. Антинравственная характеристика чести (полная или частичная) — осуществляется посредством применения к индивиду фразеологических оборотов, не принятых к употреблению в обществе для оценки личности, ставящих под сомнение его человеческое достоинство.

Представленное понимание содержания достоинства человека и чести личности, их соотношения позволяет обосновать высшую ценность человека, актуализировать ее уголовно-правовую охрану и в целом развитие теории и практики уголовного законодательства России.

¹ Подробнее об этом см.: *Анисимов П.М.* Учение о правах человека как достижение мировой цивилизации // Возможности адаптации зарубежного опыта: сборник научных статей. Сер. Право России: новые подходы. Вып. 1. Саратов, 2005. С. 83–103; *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 24–26; *Жуков В.Н.* Возрожденное естественное право в России конца XIX – начала XX века: общественно-политическая функция и онтологическая основа // Государство и право. 2001. № 4. С. 99–106; *Неважай И.Д.* О соотношении естественного и позитивного права // Правоведение. 1997. № 4. С. 164–166; *Козлихин И.Ю.* Позитивизм и естественное право // Государство и право. 2000. № 3. С. 5–11; *Ивин А.А.* Основы социальной философии: учебное пособие для вузов. М., 2005. С. 145 и др.

² Всеобщая декларация прав человека (принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН) // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов / сост. и вступ. ст.: Г.М. Мелков. М., 1990. С. 14–20.

³ Международный пакт «О гражданских и политических правах» (принят 16 декабря 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН) // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов / сост. и вступ. ст. Г.М. Мелков. М., 1990. С. 32–52.

⁴ Хартия Европейского Союза об основных правах (2007/С 303/01) (принята 12 декабря 2007 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ URL: http://www.rfhw.de/Pravo/Pravo_ru/pravo_ru1.htm (дата обращения: 20.03.2016).

⁶ Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под общ. ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. С. 673–733.

⁷ См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1990. С. 180.

⁸ См.: *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. С. 129.

⁹ Подробнее об этом см.: *Кучерена А.Г.* Адвокатура в условиях судебно-правовой реформы в России. М., 2009. С. 163.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Борисов А.Б.* Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации. С постановочными материалами и практическими разъяснениями. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 353.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Жерукова А.Б.* Обеспечение права работников на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 77–78.

¹² См.: *Ивин А.А.* Указ. раб. С. 227.

¹³ *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М., 1994. С. 150.

¹⁴ См.: *Фихте И.Г., Шопенгауэр А.* Немецкая классическая философия. Т. 2. М.; Харьков, 2000. С. 23.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. Т. 1. Кн. 1 / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. С. 289–307; *Герасимов А.М.* Нравственность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 7.

¹⁶ См.: *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовое предупреждение незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, виды и критерии реализации // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, алкогольной продукции (региональный аспект): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 17 апреля 2015 г.). Чебоксары, 2015. С. 256–258.

¹⁷ См.: *Разгильдиев Б.Т.* Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 6. С. 214–215.

О.В. Шляпкинова, Н.А. Сидорова

**ПРОБЕЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ
БЕРЕМЕННЫМИ ЖЕНЩИНАМИ И ЖЕНЩИНАМИ,
ИМЕЮЩИМИ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ,
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье рассматриваются актуальные проблемы правового положения осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, содержащихся в местах лишения свободы. Обсуждаются вопросы, возникающие в процессе отбывания наказания осужденными женщинами, связанные с совместным проживанием матери и ребенка, медицинским, материально-бытовым обеспечением, а также, вопросы, связанные со степенью правовой регламентации существующих проблем, в ходе чего выявлен ряд законодательных пробелов, требующих дальнейшего совершенствования правового положения рассматриваемой категории осужденных.

Ключевые слова: осужденные беременные женщины, отбывание наказания, женщины, имеющие малолетних детей, исправительные учреждения, дома ребенка.

O.V. Shlyapnikova, N.A. Sidorova

**GAPS IN THE LEGAL REGULATION OF PUNISHMENT
CONVICTED PREGNANT WOMEN AND WOMEN WITH YOUNG
CHILDREN IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS ON THE
TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The paper discusses topical problems of the legal status of convicted pregnant women and women with young children contained in places of deprivation of liberty. Discusses issues arising in the process of execution of imprisonment for convicted women associated with the joint accommodation of mother and child, medical, welfare. Analyzes the issues arising from the degree of legal regulation of the existing problems, which identified a number of legislative gaps, which require further improvement of the legal status of the convicts.

Keywords: pregnant women prisoners serving sentences, women with young children, prisons, children's homes.

С древнейших времен женщина занимает особое место в природе и обществе. Она является хранительницей семейного очага, продолжательницей рода. М. Горький возносил женщину как Мать: «Восславим женщину-Мать, чья любовь не знает преград, чьей грудью вскормлен весь мир»!¹

Политика государства в любой области, направленная на улучшение положения женщин, защиту их прав и интересов, должна иметь свою специфику. Это в полной мере находит отражение и в пенитенциарной системе. Особенность правового положения осужденных женщин заключается в том, что они «ответственны» не только за себя, но и за своих малолетних детей.

© Шляпкинова Ольга Викторовна, 2016
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия)

© Сидорова Наталия Александровна, 2016
Студентка Института прокуратуры РФ (Саратовская государственная юридическая академия)

Численность женщин, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, по состоянию на 1 марта 2016 г. составила 52880 чел. (по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (далее — АППГ) количество осужденных женщин уменьшилось на 2%)². При этом в 13 домах ребенка, имеющих при женских колониях, проживают 637 детей³. Следует отметить незначительное снижение количества женщин, содержащихся в местах лишения свободы с детьми, что непосредственно связано с гуманизацией в отношении наказания женщин, имеющих малолетних детей, в то же время увеличилось количество беременных женщин, ежегодно поступающих в пенитенциарные учреждения.

Тем не менее, несмотря на все еще значительное количество осужденных женщин, в т.ч. беременных и имеющих малолетних детей, анализ соответствующих норм показывает, что особенности правового положения данной категории осужденных четко не закреплены в уголовно-исполнительном законодательстве⁴. Основные нормы, регламентирующие отбывание наказания данной категории осужденных, содержатся в ст. 100 УИК РФ «Особенности материально-бытового обеспечения осужденных беременных женщин, осужденных кормящих матерей и осужденных женщин, имеющих детей», в которой закреплены отдельные особенности их прав, законных интересов и обязанностей. Так, в исправительных учреждениях, в которых отбывают наказание осужденные женщины, имеющие детей, могут организовываться дома ребенка. В них обеспечиваются условия, необходимые для нормального проживания и развития детей. Осужденные женщины могут помещать в дома ребенка исправительных учреждений своих детей в возрасте до 3-х лет, общаться с ними в свободное от работы время без ограничения. Им может быть разрешено совместное проживание с детьми (ч. 1 ст. 100 УИК РФ).

На практике при организации домов ребенка на территории исправительных учреждений возникают определенные трудности. Дома ребенка должны размещаться изолированно от жилой зоны учреждения. Занимаемые ими земельные участки отгораживаются, оборудуются изолированными друг от друга площадками (по количеству групп) для проведения прогулок и сна детей на свежем воздухе круглогодично⁵. Кроме того, для прохождения карантина организуется специальное помещение, количество коек в котором составляет не менее 10% от штатного количества мест в доме ребенка. Карантинное помещение должно иметь приемную с 2–3 полубоксами, комнаты для содержания детей вместе с матерями, ванную, туалет со сливом, веранду и отдельную площадку для прогулок детей. Изолятор должен размещаться в отдельном от групп помещении и иметь отдельный вход⁶.

В настоящее время лишь в 13 женских исправительных учреждениях организованы дома ребенка и только в 8 из них (Республика Мордовия, Краснодарский край, Владимирская, Московская, Ростовская, Самарская, Саратовская и Свердловская области) предусмотрено совместное проживание матери и ребенка. Норма, касающаяся совместного проживания матерей с детьми, является важной новеллой Уголовно-исполнительного кодекса 1997 г. Она была введена в ст. 100 УИК РФ в формулировке «может быть разрешено совместное проживание с детьми». Реализация данного права зависит от усмотрения администрации. Можно согласиться, что такое право следует предоставлять не всем осужденным, а лишь тем, кто заботится о своих детях и не страдает заболеваниями, препятствующими их совместному нахождению. В то же время совместное проживание

сделает менее вероятным оставление ребенка после освобождения. Заслуживает внимания мнение ряда авторов о создании отдельных отрядов для беременных женщин и женщин, дети которых находятся в доме ребенка, т.к. у них много общих интересов, проблем и забот⁷. Следует отметить, что создание таких условий требует значительных капиталовложений. За последние 3 года проделана большая работа по совершенствованию материально-технической базы домов ребенка, улучшению качества оказания медицинской помощи. Так, в марте 2013 г. в доме ребенка ФКУ ИК-2 УФСИН России по Республике Мордовия состоялось торжественное открытие реконструированного дома ребенка, в котором оборудован целый блок для совместного проживания осужденных женщин с детьми. Предусмотрено помещение, имеющее все необходимые коммуникации для оборудования бассейна⁸.

По данным ФСИН России, у детей, находящихся вместе с матерями, регистрируется снижение показателей заболеваемости ОРЗ, а также уменьшается общее количество отказов осужденных женщин от своих детей и количество случаев дисциплинарных нарушений среди осужденных женщин из числа матерей.

К сожалению, число женских исправительных учреждений с функционирующими при них детскими учреждениями чрезвычайно мало, поэтому женщины, имеющие детей, направляются для отбывания наказания на значительное расстояние от места жительства. Данный факт негативно влияет на семейные и социальные связи и осложняет процесс исправления и ресоциализации осужденных женщин. Создание специализированных детских отделений при каждом женском исправительном учреждении, на наш взгляд, позволило бы решить данную проблему.

В ст. 100 УИК РФ (ч. 2, 3) предусмотрено, что с согласия осужденных женщин их дети могут быть переданы родственникам (также с их согласия) или по решению органов опеки и попечительства иным лицам. Если ребенок остается с матерью, то по общему правилу он находится в доме ребенка до 3-летнего возраста, а по достижении этого возраста направляется в соответствующие детские учреждения. Но если ребенку исполнилось 3 года, а его матери до окончания срока отбывания наказания осталось не более года, администрация исправительного учреждения может продлить время пребывания ребенка в доме ребенка до окончания срока отбывания наказания матерью⁹.

Согласно ч. 4 рассматриваемой статьи осужденным беременным женщинам, осужденным женщинам во время родов и в послеродовой период оказывается специализированная медицинская помощь. В Совместном приказе Минздравсоцразвития России и Минюста России от 17 октября 2005 г. № 640/190 «О порядке оказания медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» содержится раздел, касающийся особенностей оказания медицинской помощи осужденным женщинам. Так, предусмотрено проведение профилактических мероприятий, направленных на предупреждение осложнений беременности, родов и послеродового периода; диспансерное наблюдение за беременными и родильницами; психопрофилактическая подготовка беременных женщин к родам; организация работы «школы матерей»; обеспечение преемственности в обследовании и лечении беременных, родильниц с лечебно-профилактическими и лечебными исправительными учреждениями УИС, а также с территориальными ЛПУ, в т.ч. с родильными домами (отделениями). Кроме того, медицинские работники контролируют пита-

ние беременных женщин и кормящих матерей, наличие и санитарное состояние комнат гигиены, обеспечение их типовым оборудованием¹⁰. Родовспоможение осужденным беременным женщинам оказывается в родильных отделениях, которые организуются при женских исправительных учреждениях, имеющих дома ребенка. Родовспоможение беременным групп риска осуществляется в родильных домах территориальных ЛПУ. За состоянием здоровья родильницы наблюдает акушер-гинеколог, а за развитием новорожденного — врач-педиатр¹¹.

Проанализировав нормы, закрепленные в УИК РФ, касающиеся рассматриваемой категории осужденных, следует отметить и другие существенные льготы их содержания: осужденным беременным женщинам и осужденным кормящим матерям на период освобождения от работы бесплатно предоставляется питание; устанавливаются повышенные нормы питания (в соответствии с Приказом Министерства юстиции РФ от 2 августа 2005 г. № 125 «Об утверждении норм питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах ФСИН, на мирное время» (в ред. от 3 июля 2008 г. № 135)); создаются улучшенные жилищно-бытовые условия; они обеспечиваются пособием по беременности и родам, единовременным пособием при постановке на учет в медицинское учреждение, единовременным пособием при рождении ребенка, ежемесячным пособием по уходу за ребенком, которые выплачиваются им независимо от исполнения трудовых обязанностей; предусмотрено право тратить деньги, имеющиеся на лицевых счетах, на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости без ограничения. Кроме того, осужденные беременные женщины привлекаются к работе без оплаты труда только по их желанию. А осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка исправительных колоний, может быть разрешен краткосрочный выезд за пределы исправительных учреждений для устройства детей у родственников либо в детском доме на срок до 15 суток, без учета времени на дорогу.

Таким образом, осужденные беременные женщины и женщины, имеющие детей, обладают рядом прав (законных интересов), которые обусловлены их положением и (или) наличием малолетних детей¹². В то же время при реализации указанных прав возникает ряд проблемных вопросов, законодательно не урегулированных. Так, не определен механизм реализации права женщины на совместное проживание с ребенком (кто определяет, возможно ли совместное проживание, по каким критериям и в каком порядке, какими правами в данном случае обладает мать и может ли обжаловать данное решение в судебном порядке); нормативно не закреплен порядок действий при рождении ребенка у осужденной женщины, отбывающей наказание в колонии-поселении (учитывая, что дома ребенка находятся при исправительных учреждениях, мать с ребенком могут перевести из колонии-поселения в исправительную колонию общего режима, на территории которой функционирует дом ребенка, чем ухудшат ее правовое положение ввиду существенной разницы между условиями отбывания наказания в этих учреждениях); законодательно не закреплены действия администрации на те случаи, когда осужденной женщине, имеющей малолетнего ребенка, требуется стационарная медицинская помощь, которая по общему положению оказывается в лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее — ЛПУ УИС) (направляют ли малолетнего (грудного) ребенка вместе с матерью в ЛПУ УИС и в каких условиях он содержится с учетом отсутствия в пенитенциарных лечебных учреждениях условий для совместного содержания осужденных женщин с детьми).

Отсутствует законодательное закрепление обязанностей осужденных женщин по отношению к своим детям, находящимся в местах лишения свободы. В результате на практике может возникать ситуация, когда осужденная уклоняется от обязанности по воспитанию ребенка, но «использует» его как основание для получения различных льгот. При этом отсутствует надлежащий механизм корректировки такого поведения осужденных женщин, имеющих детей. Полномочия администрации исправительных учреждений в данном случае не определены, процедура взаимодействия в этой области с органами опеки и попечительства и принятия соответствующего решения в УИК РФ не установлена.

Таким образом, отсутствие отдельной главы, включающей в себя особенности исполнения и отбывания наказания женщин в исправительных колониях, как, например, гл. 17 УИК РФ «Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях», приводит к некоторым сложностям в правоприменительной деятельности. Нормы, регламентирующие исполнение наказания осужденными женщинами, с учетом их физиологических особенностей, специфики трудовой деятельности, воспитательного воздействия, определенных условий отбывания наказания при беременности и (или) наличии малолетних детей, особенностей совместного проживания матери и ребенка, наличия обязанности по уходу и воспитанию ребенка должны содержаться в отдельной главе и распространяться только на женщин. Необходимо проводить обучение сотрудников уголовно-исполнительной системы для работы с осужденными женщинами; направить усилия на сохранение их физического и психического здоровья в условиях лишения свободы, улучшение санитарно-гигиенических и бытовых условий в решении вопросов материнства в местах лишения свободы.

¹ Мудрость тысячелетий: энциклопедия / под ред. В. Балязина. М., 2006. С. 751; см. также: Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://фсин.рф> (дата обращения: 20.05.2015); Соколов А.А. Проблемы реализации законных интересов осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 4. С. 15–17; Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (в ред. от 23 ноября 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2, ст. 198; 2015. № 48, ч. I, ст. 6724; Приказ Минздравсоцразвития России, Минюста России от 17 октября 2005 г. № 640/190 «О порядке оказания медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 46. С. 42–46; Завадская Л.Н., Зотова З.М., Михлин А.С. и др. Гендерная экспертиза российского законодательства / отв. ред. и рук. авт. коллектива Л.Н. Завадская. М., 2001. С. 256; Бриллиантов А.В., Курганов С.И. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 432; Ветрова И.В., Воробей С.В., Спасенников Б.А. Проблемы медицинской охраны материнства и детства в уголовно-исполнительной системе России // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. 2014. № 3(27). С. 18–23.

² См.: Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://фсин.рф> (дата обращения: 20.05.2015).

³ Русина В.В. Женщины в пенитенциарной системе. Гендерный аспект проблемы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 3. С. 13–18.

⁴ См.: Соколов А.А. Указ. раб. С. 15–17

⁵ См.: Приказ Минздравсоцразвития России, Минюста России от 17 октября 2005 г. № 640/190 «О порядке оказания медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 46. С. 42–46.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Завадская Л.Н., Зотова З.М., Михлин А.С. и др. Указ. раб. С. 256.

⁸ См.: Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://фсин.рф> (дата обращения: 23.03.2016).

⁹ См.: Бриллиантов А.В., Курганов С.И. Указ. раб. 2013.

¹⁰ См.: Ветрова И.В., Воробей С.В., Спасенников Б.А. Указ. раб. С. 18–23.

¹¹ См.: Приказ Минздравсоцразвития России, Минюста России от 17 октября 2005 г. № 640/190 «О порядке оказания медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу».

¹² См.: Русина В.В. Указ. раб. С. 13–18.

Н.Г. Крылов

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «НАСИЛИЕ» В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В статье исследуются вопросы, связанные с определением понятия «насилие» в российском уголовном праве. Анализируются труды ученых-криминалистов советского и современного периодов. Предлагается авторская дефиниция понятия «насилие», основанная на предварительном выделении и анализе признаков, раскрывающих его содержание.

Ключевые слова: насилие, насильственные преступления, принуждение, воздействие.

N.G. Krylov

TO A QUESTION ABOUT THE CONTENT OF THE CONCEPT OF «VIOLENCE» IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

The article investigates the issues related to the definition of “violence” in the Russian criminal law doctrine. Analyzing the scientific works of Soviet and modern scholars, the author proposes the concept of self-elimination of the term “violence”, which opens through appropriate signs content.

Keywords: violence, signs of violence, the legal concept.

В теории уголовного права существуют различные определения насильственной преступности или насильственных преступлений, равно как и понимание самого насилия. На доктринальном уровне предлагалось нормативно закрепить дефиницию понятия «преступное насилие»¹, но законодатель не принял во внимание эту рекомендацию ученых.

Международные нормативные акты закрепляют неотъемлемые права и свободы человека и гражданина. В частности, Всеобщая декларация прав человека вводит запрет на любое применение пыток, насилия и жестокое обращение как действия, не допустимые для современного цивилизованного общества². В действующем Уголовном кодексе РФ (далее — УК РФ) значительное число преступлений, носящих насильственный характер, содержится в разд. VII «Преступления против личности». Однако, во-первых, не все описанные в нем преступления являются насильственными; во-вторых, насильственные преступления находятся и в других разделах УК РФ, что обусловлено применением насилия или угрозы насилием в качестве способа совершения преступлений, посягающих на иной объект уголовно-правовой охраны.

Под термином «насилие» в толковом словаре В.И. Даля понимается «действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное»³.

В советском энциклопедическом словаре «насилие» рассматривается в двух значениях:

1) насилие — это применение определенным классом (социальной группой) различных форм принуждения в отношении других классов (групп) с целью приобретения или сохранения экономического или политического господства, завоевания тех или иных привилегий;

© Крылов Никита Григорьевич, 2016
Преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: krylovscience@mail.ru

2) насилие в праве — это физическое (телесное повреждение, побои) или психическое (угроза) воздействие одного человека на другого⁴.

Заслуживает внимания определение насилия, приведенное в Энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона, как незаконного употребления силы против личности потерпевшего, принуждения его что-либо сделать, что-либо испытать или перенести. Насилие подразделяется на физическое и психическое, где последнее выражается в форме угроз⁵.

Приведенные определения имеют ряд общих признаков, характеризующих насилие: 1) всегда направлено против человека; 2) применяется к потерпевшему против его воли или вопреки воле; 3) направлено для достижения чужой воли.

Иными словами, термин «насилие» имеет широкий диапазон толкования. Полагаем, что само понятие «насилие» носит межотраслевой характер, что обусловлено различными научными подходами к выделению и обоснованию данного термина. Однако для доктрины уголовного права требуется более точная дефиниция понятия «насилие», основанная на выделении конкретных, образующих его содержание признаков. Выработка такого определения и выведение на его основе видов насильственных преступлений будут способствовать эффективному решению задач, стоящих перед уголовным правом.

В уголовно-правовой доктрине понятие насилия традиционно отождествляется с насилием физическим, т.е. с посягательством на телесную неприкосновенность (например, с причинением телесных повреждений).

Ряд ученых, таких как Р.А. Базаров, В.Д. Меньшагин, А.А. Пионтковский, Р.Д. Шарапов, понимали насилие как «всякое воздействие на телесную неприкосновенность потерпевшего»⁶, а также как «применение физической силы к потерпевшему»⁷. Подобной позиции придерживался также Л.Д. Гаухман, который определял насилие как «общественно опасное, противоправное воздействие на организм человека, совершенное против его воли»⁸.

Однако, на наш взгляд, насилие содержит в себе признаки не только физического воздействия на потерпевшего, но и психического. В Большом юридическом словаре насилие определяется как «физическое или психическое воздействие одного человека на другого, нарушающее гарантированное Конституцией РФ право граждан на личную неприкосновенность (в физическом и духовном смысле)»⁹. Полагаем, что психическое воздействие на личность должно входить в уголовно-правовое понятие «насилие», поскольку причиняет потерпевшему моральные страдания.

Из множества определений понятия «насилие» усматриваются фактические и юридические признаки, характеризующие эту категорию с позиции теории уголовного права и позволяющие отграничить ее от понятия «насилие», используемого в иных областях знания. Фактические признаки позволяют рассматривать насилие с внешней стороны, обращая внимание на способ действия, а также на волевое отношение лица, применяющего насилие. Речь в данном случае идет об объективных и субъективных признаках.

Юридические признаки выражаются через такие категории, как уголовная противоправность и общественная опасность. Таким образом, данные признаки отражают уголовно-правовое восприятие понятия «насилие».

Такой признак насилия, как уголовная противоправность, вытекает из принципа законности в уголовном праве, согласно которому преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются

только УК РФ (ст. 3). С этих позиций насилие и (или) конкретные формы его проявления всегда указываются в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, что позволяет отличать его от иных правонарушений и аморальных проступков.

Общественная опасность насилия характеризует его как деяние, причиняющее существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям или создающее угрозу причинения такого вреда. Согласимся с мнением Л.В. Сердюка, который полагает, что насилие не может быть общественно полезным, а значит не должно широко толковаться в праве. Это обосновывается тем, что «нельзя смешивать в правовом плане применение силы, например, женщиной для самообороны от насильника и действия самого насильника. Потерпевшая не должна признаваться „насильницей”»¹⁰. Таким образом, насилие нельзя рассматривать как общественно полезное действие. Насилие — это всегда общественно опасное поведение.

В теории уголовного права в основном выделяется три вида насилия — физическое, психическое, сексуальное. Однако наиболее полно раскрыть антисоциальную сущность насилия позволяет выделение следующих его разновидностей:

1) *телесное насилие*, являющееся разновидностью физического насилия. Оно представляет собой умышленное причинение вреда жизни и здоровью, нарушающее телесную неприкосновенность и осуществляемое с использованием огнестрельного или холодного оружия либо без него¹¹. Насилие в данном случае является самоцелью, а мотивы могут иметь различную природу (хулиганские, бытовые, вражда, ненависть, месть и др.);

2) *информационное насилие*, представляющее собой разновидность психического насилия. По мнению А.М. Подгайного, оно представляет собой насилие над личностью в индивидуальном и общественном плане и может «осуществляться путем унижения, оскорбления личности, возведения на нее (либо на группу лиц) клеветы, а также путем создания экстремальных ситуаций в быту (в семье). Такой способ воздействия на личность можно определить как «издевательство». Подобные методы психического насилия распространены в настоящее время и именно их в первую очередь можно признать информационным насилием «в чистом виде»¹². Считаем, что такое преступление, как клевета, определенное ст. 128¹ и ст. 298¹ УК РФ, следует относить к информационному (психическому) насилию, поскольку оно оказывает неблагоприятное психологическое воздействие на потерпевшего, а также может использоваться как средство принуждения потерпевшего к совершению действий, требуемых виновным, т.е. как средство подчинения воли потерпевшего воле виновного;

3) *интеллектуальное насилие*, являющееся разновидностью психического насилия. Оно выражается в принудительном воздействии на человека с целью притеснения его прав и свобод, социального статуса и достоинства с использованием особо правового статуса субъекта преступления. Ю.М. Антонян, к примеру, считает, что субъектами интеллектуального насилия выступают должностные лица, совершающие, например, превышение должностных полномочий, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта, незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и др.¹³;

4) *инструментальное насилие*, сочетающее в себе элементы психического и физического насилия. Оно способствует достижению рационально обоснованного результата (корыстного, политического и т.д.) и отличается от остальных видов четким планированием действий преступника (например, насильственный грабеж, разбой, вымогательство, убийство с целью ликвидации конкурента);

5) *имущественное насилие*, являющееся разновидностью чаще психического, а в отдельных случаях и физического насилия. Оно представляет собой умышленное причинение или угрозу причинения вреда, выражающегося в уничтожении, повреждении, разрушении, порче, осквернении, приведении в негодное состояние имущества в интересах виновного лица с целью воздействия на потерпевшего без корыстного мотива. Например, угроза уничтожением или повреждением имущества — взрывом, поджогом и т.п. при террористическом акте (ст. 205 УК РФ) является в основном психическим устрашением и воздействием на окружающих (или конкретного лица), а также создает реальную опасность нанесения физического вреда потерпевшему;

6) *сексуальное насилие*, являющееся особым видом насилия. Данный вид насилия может повлечь серьезные последствия для физического и психического здоровья человека (изнасилование, насильственные действия сексуального характера, развратные действия и др.). Сексуальное насилие выражается в преднамеренном совершении действий сексуального характера, которое сопровождается применением физической силы или угрозой ее применения, либо в случае осуществления указанных действий в отношении несовершеннолетних в самом факте сексуального воздействия, наносящего ущерб нормальному психическому и нравственному развитию подростка. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) к сексуальному насилию также относит нежелательные сексуальные замечания или заигрывания; любые действия против сексуальности человека¹⁴.

Субъективную сторону уголовно-правового понятия насилия определяет такой важный признак, как наличие воли. Ряд ученых, таких, например, как Л.Д. Гаухман, А.В. Иващенко, А.И. Марченко, Р.Д. Шарапов, указывают на существование «воли», «желания» потерпевшего лица, против которой (которого) совершается данное действие. Так, Л.Д. Гаухман насилие определяет как «воздействие на организм против его воли»¹⁵, что, по нашему мнению, является не совсем точной формулировкой, поскольку зачастую потерпевший выражает свою волю, а насильник игнорирует ее либо противостоит ей. Также Л.Д. Гаухман отмечает, что «насильственное воздействие на личность состоит во всяком принуждении ее к действиям, противоречащим ее желаниям»¹⁶. В данном случае воля отождествляется с желаниями потерпевшего, что на теоретическом уровне понимается как противоречие желаниям. Л.В. Сердюк рассматривает данный признак с двух позиций: «помимо воли» и «против воли», где первый признак характерен для открытого нападения на потерпевшего без лишения его свободы или тайного похищения, а второй — для всех остальных случаев применения насилия.

На наш взгляд, наличие волевого признака уголовно-правового понятия насилия существует как у лица, совершающего преступление, так и у потерпевшего. У лица, применяющего насилие, данный признак проявляется в случае, если оно желает применить насилие против воли или помимо воли потерпевшего для достижения преступного результата. Что же касается наличия волевого признака у потерпевшего, то он имеет место в случаях, когда потерпевший осознает

факт применения к нему насилия и противится его совершению, но применение насилия все равно происходит, например, в силу субъективных особенностей личности потерпевшего (инвалид с нарушением анатомической структуры тела не может оказать физическое сопротивление в возможной мере, или инвалид с нарушением слуха не может услышать слов брани в его адрес, но эмоционально воспринимает, что сказанное относится к нему и носит унижительный характер).

Полагаем, что насильственные преступления совершаются умышленно, поскольку субъект преступления рассчитывает на достижение преступного результата, зачастую используя при этом соответствующие инструменты (например, огнестрельное оружие), причиняя тем самым потерпевшему физические или психические страдания.

В соответствии со ст. 14 УК РФ преступление — это виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. Деяние при этом может выражаться в форме действия или бездействия. Полагаем, что насилие — это всегда действие, поскольку требует активной позиции со стороны лица, совершающего преступное насилие по отношению к потерпевшему. Отсюда следует, что насилие как действие содержит в себе признаки как физического, так и психического воздействия.

При определении уголовно-правового понятия насилия считаем нецелесообразным указывать возможные последствия его применения, поскольку с учетом различных видов насилия их большое множество, которое невозможно отразить в дефиниции. С учетом изложенного *под насилием в уголовном праве* предлагаем понимать *уголовно-противоправное общественно опасное физическое или психическое умышленное воздействие на другого человека помимо его воли или вопреки его воле, совершаемое субъектом преступления лично или с помощью определенных средств, орудий или механизмов.*

¹ См., например: Подгайный А.М. Уголовно-правовая характеристика преступного насилия: теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 6.

² См.: Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. 5 апр.

³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 469.

⁴ См.: Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1990. С. 875.

⁵ См.: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: в 86 т. Репринтное воспроизведенное издание. Т. 40. СПб., 1890. С. 638.

⁶ Меньшагин В.Д., Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 1. М., 1955. С. 722.

⁷ Шаповалов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 20.

⁸ Гаухман Л.Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР / под ред. И.С. Ноя. Саратов, 1981. С. 22.

⁹ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Борошника, В.Е. Крутских. М., 1997. С. 397.

¹⁰ Сердюк Л.В. Криминологическое и уголовно-правовое исследование насилия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 16.

¹¹ См.: Насильственная преступность / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 1997. С. 3.

¹² Подгайный А.М. К вопросу о понятии и формах криминального насилия над личностью // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 4. С. 429.

¹³ Цит. по: Расторопов С.В., Табакова С.Н. Классификация насильственных преступлений в уголовном праве России и ее значение для проведения сравнительного анализа // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 3. С. 205–210.

¹⁴ См.: Всемирная Организация Здравоохранения. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. 2002. URL: http://who.int/violence_injury_prevention/violence/world_report/en/full_ru.pdf (дата обращения: 10.06.2016).

¹⁵ Гаухман Л.Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР / под ред. И.С. Ноя. Саратов, 1981. С. 22.

¹⁶ Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969. С. 3.

А.М. Чёрный**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ИНСТРУМЕНТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ**

В статье отмечается важность борьбы с торговлей людьми в современном мире. Дается краткая характеристика международно-правовых актов, принятых государствами на региональном уровне, национальных стратегий и инициатив, направленных на борьбу с данным преступлением. Предлагается определенный комплекс мер, необходимых для пресечения данного деяния, с участием международных и неправительственных организаций.

Ключевые слова: торговля людьми, международные договоры, план действий, международно-правовой статус жертвы торговли людьми.

A.M. Cherny**POLICY INSTRUMENTS UNDER NATIONAL
AND INTERNATIONAL LAW TO LEGAL
OF PREVENT MAN TRAFFICKING**

The article emphasizes the importance of the struggle against trafficking in persons in the modern world. A summary is provided of international legal acts approved by states on the regional level, national strategies and initiatives aimed at fighting this crime. A set of measures is suggested, necessary for preventing this crime with participation of international and non-governmental organisations.

Keywords: trafficking in persons, international treaties, action plan, and the international legal status of a victim of trafficking.

В последние десятилетия одной из наиболее актуальных проблем, вызывающих обеспокоенность всего прогрессивного мирового сообщества, становится торговля людьми, борьба с которой требует от всех государств принятия жестких и неотложных мер по эффективному противодействию данному преступному посягательству на права и свободы человека.

Торговля людьми — современная форма рабства, которая представляет собой преступление против государства, личности и безопасности человека. Неоспоримый факт, что каждый человек имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Всеобщая декларация прав человека гласит: «Никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии, подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению и наказанию; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах» (ст. 3–5)¹.

Борьба с данной преступной деятельностью обуславливает закономерную заинтересованность государств по принятию действенных мер для противодействия торговле людьми. Следует отметить, что в большинстве случаев жертвы подвергаются не только сексуальной эксплуатации, имеют место и другие формы преступных посягательств на права и свободы человека, такие как: принудительный и кабальный труд, принудительные браки и другие обычаи, сходные с рабством.

© Чёрный Александр Михайлович, 2016

Заместитель командира Полка полиции по охране дипломатических представительств и консульств иностранных государств ГУ МВД России по г. Москве, подполковник полиции, аспирант кафедры международного права и прав человека юридического факультета (Московский городской педагогический университет); email: 2142870@mail.ru

Основными универсальными международно-правовыми актами в сфере противодействия торговли людьми в рамках Организации Объединенных Наций являются: Всеобщая декларация прав человека, а главными современными первоисточниками являются: Протокол № 2 «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее», дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН 15 ноября 2000 г.); Конвенция относительно рабства от 25 сентября 1926 г., с изменениями, внесенными протоколом от 7 декабря 1953 г.; Конвенция от 21 марта 1950 г. «О борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами»; Дополнительная конвенция от 7 сентября 1956 г. «Об упразднении рабства, работоторговли и институтов и обычаев, сходных с рабством». К данным международно-правовым инструментам обращаются страны для выработки собственных стратегий и трансформации требований Протокола во внутреннее законодательство, формирования основ региональной, национальной политики и определения направлений международного сотрудничества в борьбе с торговлей людьми.

Конвенция против транснациональной организованной преступности и дополняющий ее Протокол «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» содержит универсальные принципы, нацеленные на борьбу с транснациональной организованной преступностью и устанавливает минимальные стандарты, которых должны придерживаться государства-участники данных международных договоров, принимая во внимание, что государства вправе применять и более строгие меры по наказанию виновных².

В настоящее время существуют определенные региональные механизмы взаимодействия государств по борьбе с торговлей людьми. Так, в Американской конвенции о правах человека от 22 ноября 1969 г. указывается, что «никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии вопреки его воле» (пп. 1 и 2 ст. 6)³. Межамериканская Конвенция о международной торговле несовершеннолетними от 18 марта 1994 г. предписывает странам-участницам «взять на себя обязательство принимать эффективные меры в соответствии с нормами их внутреннего права в целях предупреждения международной торговли несовершеннолетними, как она определена в настоящей Конвенции» (ст. 7)⁴. Протокол к Африканской хартии прав человека и народов о правах женщин в странах Африки от 2003 г. обязывает страны-участницы принять адекватные и действенные меры в целях «предупреждения и осуждения торговли женщинами, уголовного преследования лиц, виновных в ведении такой торговли и защиты женщин» (п. 2 (п. g ст. 4))⁵.

В 2001 г. в рамках Экономического сообщества западноафриканских государств принята Декларация о борьбе с торговлей людьми, призывающая государства-члены сообщества «принять, в кратчайшие возможные сроки, такие законодательные и иные меры, которые необходимы»; «признать торговлю людьми уголовно наказуемым преступлением»⁶, а в 2005–2006 гг. — Многосторонние соглашения о сотрудничестве в борьбе с торговлей детьми в Западной Африке и «О сотрудничестве в вопросах борьбы с торговлей людьми, особенно женщинами и детьми, в Западной и Центральной Африке», в основе которых лежат двусторонние соглашения между странами указанного региона и содержится призыв к

странам-участницам по принятию действенных усилий по обеспечению защиты женщин и детей-жертв торговли людьми.

В азиатском регионе в 2002 г. подписано соглашение по региональному сотрудничеству стран Южной Азии «О предотвращении торговли женщинами и детьми в целях проституции и борьбе с ней», где дано определение торговле людьми. Кроме этого, в Южной Азии, в 2002 г. начался Балийский процесс по проблеме незаконного ввоза (вывоза) людей и торговле людьми и связанной с этим транснациональной преступности. Была принята Декларация Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о борьбе с торговлей людьми, особенно женщинами и детьми, а в 2004 г. подписана Согласованная инициатива министров государств бассейна реки Меконг «О взаимопонимании в отношении сотрудничества в борьбе с торговлей людьми».

В 2004 г. была принята Арабская хартия прав человека Лиги арабских государств, в которой говорилось, что «все формы рабства и торговли людьми запрещаются и подлежат наказанию по закону, никто не должен содержаться в рабстве и в подневольном состоянии ни при каких обстоятельствах» (ст. 10)⁷.

В странах — участницах Содружества Независимых Государств прослеживается положительная динамика в борьбе с торговлей людьми и осуществлению конкретных практических мероприятий в рамках реализации национальных планов и имплементации положений основополагающих международно-правовых актов по противодействию торговле людьми в их национальное законодательство.

В рамках Содружества Независимых Государств принята и реализуется Программа сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с торговлей людьми на 2014–2018 гг. (утверждена решением Совета глав государств СНГ, г. Минск 25 октября 2013 г.), в которой определены следующие основные задачи: оптимизация международно-правовой базы сотрудничества; совершенствование и гармонизация национального законодательства; обеспечение надлежащих условий для оказания гарантированной комплексной государственной помощи жертвам торговли людьми; последовательная реализация положений основополагающих документов ООН, Совета Европы, ОБСЕ в данной области; проведение согласованных организационно-правовых, процессуальных действий, профилактических, оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций; информационное и научное обеспечение сотрудничества; сотрудничество в подготовке кадров и повышении квалификации специалистов; развитие сотрудничества с международными организациями, неправительственными организациями, а также институтами гражданского общества в сфере противодействия торговле людьми⁸.

На примере Азербайджанской Республики отчетливо видно, какие меры и законодательные инициативы предпринимаются правительством страны в последнее десятилетие. Актуальность принятия незамедлительных мер по противодействию торговле людьми определяется географическим положением страны, в связи с чем из данного региона облегчен трафик в страны Персидского залива (особое положение занимают Объединенные Арабские Эмираты), а также в Пакистан, Афганистан, Индию, Турцию и Россию. По оценкам экспертов, Азербайджан является одной из стран, граждане которой чаще всего становятся жертвами торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации и принудительного труда.

Отметим, что Азербайджанская Республика до 2005 г. являлась участницей нескольких международных договоров по борьбе с торговлей людьми, но требуемые поправки не были внесены в Уголовный кодекс. В последнее десятилетие в данном государстве проводится постоянная поэтапная работа на законодательном уровне по ратификации и имплементации международных соглашений по борьбе с торговлей людьми в национальное законодательство. Президент Азербайджана И. Алиев 5 августа 2005 г. издал Указ «О борьбе с торговлей людьми», в котором в связи с отсутствием в Уголовном кодексе четкого определения торговли людьми, указаны кратчайшие сроки по имплементации в национальное законодательство определения торговли людьми как уголовно-наказуемого деяния. Законом Азербайджанской Республики от 30 сентября 2005 г. внесены изменения в УК Азербайджана и добавлены положения о торговле людьми, принудительном труде (ст. 144), разглашении секретной информации о жертвах торговли людьми (ч. 1 ст. 316). Также приняты законы Азербайджанской Республики: Об утверждении: Конвенции ООН «Против транснациональной организованной преступности»; Конвенции Совета Европы от 2013 г. «О противодействии торговле людьми»; Протоколов «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми»; от 13 мая 2003 г. «Против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху»; Факультативного протокола от 2 апреля 2002 г. «О торговле детьми, детской проституции и детской порнографии» к Конвенции ООН «О правах ребенка»; от 20 сентября 2002 г. «Об утверждении Брюссельской декларации по предотвращению торговли людьми и борьбе с ней»; подписаны соглашения от 21 декабря 2012 г. «О сотрудничестве министерств внутренних дел государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей человека»; от 23 мая 2006 г. «Об утверждении Порядка «По сотрудничеству в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека в странах СНГ»; от 30 декабря 2008 г. «Об утверждении Порядка „По программе сотрудничества по борьбе с торговлей людьми в странах СНГ на 2007–2010 гг.“», а также Решения Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 9 ноября 2005 г. «О создании специальных учреждений для жертв торговли людьми, финансирование, эксплуатация и контроль за их деятельностью»; от 12 января 2006 г. «Об утверждении Положения Фонда по оказанию помощи жертвам торговли людьми»; от 6 марта 2006 г. «Об утверждении Правил социальной реабилитации жертв торговли людьми»; от 17 июня 2006 г. «О сумме компенсации, выплачиваемой жертвам торговли людьми в течение реинтеграционного периода».

Конкретные меры по имплементации в национальное законодательство международно-правовых соглашений по борьбе с торговлей людьми проводятся и рядом других государств. Так, например, Правительством Королевства Бельгии принят Закон 1995 г. «О преступлениях торговли людьми и детской порнографии», Республикой Кипр в 2000 г. — Закон «О борьбе с торговлей людьми и сексуальной эксплуатацией детей», Мадагаскар — «Закон № 038 2008 г. «О борьбе с торговлей людьми и сексуальным туризмом», Нигерией в 2003 г. — Закон «О правоприменительных и административных мерах по запрещению торговли людьми», США — Закон от 2000 г. «О защите жертв торговли людьми и насилия», «О средствах судебной защиты и иных средствах, направленных на незамедлительное искоренение эксплуатации детей»; Российской Федерацией Федеральный закон 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ от (ст. 127.1 — торговля людьми; 127.2 — использование

рабского труда); в 2005 г. в Беларуси принят Декрет Президента «О некоторых мерах по противодействию торговле людьми» и «О продлении срока действия Закона о защите жертв торговли людьми» от 2003–2005 гг., Королевством Таиланд — Закон «О мерах по предупреждению и пресечению торговли женщинами и детьми» и это лишь малая часть законодательных актов государств, принятых на национальном уровне по противодействию торговле людьми.

Усилия по предотвращению торговли людьми осуществляются многими государствами путем принятия т.н. «Планов действий по борьбе с торговлей людьми». Так, в Азербайджанской Республике в 2004 г. принят Национальный план действий по борьбе с торговлей людьми, на Встрече стран Азии и Европы — План действий по борьбе с торговлей людьми, в особенности женщинами и детьми; Африканском союзе — План действий по борьбе с торговлей людьми, особенно женщинами и детьми от 2006 г.; в Греческой Республике — Национальный план действий по борьбе с торговлей людьми от 2006 г.; Индонезии — Национальный план действий по ликвидации торговли женщинами и детьми от 2002 г.; в Республике Молдова — Национальный план действий по борьбе с торговлей людьми от 2001 г.; Румынии — Национальный план действий по предупреждению торговли детьми и борьбе с ней от 2004 г.; Хорватии — План действий по пресечению торговли людьми от 2006 г.; Японии — План действий по борьбе с торговлей людьми 2004 г. Их суть заключается в поиске эффективных механизмов взаимодействия и конкретных мер государственных и неправительственных структур по борьбе с торговлей людьми и оказанию эффективной помощи жертвам данного преступления.

Стоит отметить немаловажную роль в деле борьбы с торговлей людьми, ее профилактике, реабилитации и защиты жертв торговли людьми и неправительственных организаций (НПО). Только в Российской Федерации, по оценкам экспертов, их насчитывается порядка 100, включая такие как: Российская Ассоциация кризисных центров для женщин «Остановим насилие», «Сестры» (Независимый благотворительный центр помощи жертвам сексуального насилия), «Александра», коалиция «Ангел», Российская общественная организация «Женский кризисный центр», «Эхо» и многие другие, хотя, как указывает Е.В. Тюрюканова, «только отдельных законодательных инициатив и усилий НПО недостаточно, чтобы эффективно бороться с торговлей людьми. Чтобы создать в обществе климат нетерпимости и отторжения по отношению к эксплуатации, необходима целенаправленная и комплексная политика государства»⁹.

Растущее количество многосторонних, двусторонних (между соседними государствами, имеющими общую границу и прогрессирующий траффик) и региональных соглашений по борьбе с торговлей людьми предполагает наличие дополнительного взаимодействия и осуществления специальных мероприятий, где данное явление приобретает угрожающие масштабы. Как пример можно привести: Соглашение о сотрудничестве от 2006 г. в вопросах предотвращения и пресечения торговли людьми, особенно женщинами и детьми и наказания за нее между Бенином и Нигерией; Соглашение между Мали и Кот-д'Ивуаром от 2000 г. «О сотрудничестве в борьбе с трансграничной торговлей детьми», Соглашение между правительством Греческой Республики и Советом Министров Республики Албания о защите детей, ставших жертвами торговли детьми, и оказании им помощи, Меморандум о взаимопонимании между правительством Лаосской Народно-Демократической Республики и правительством Таиланда

от 2005 г. в отношении сотрудничества в борьбе с торговлей людьми, особенно женщинами и детьми; Меморандум о взаимопонимании между Соединенным Королевством и Соединенными Штатами от 2007 г. в отношении укрепления международного сотрудничества в борьбе с торговлей людьми, Соглашение между Королевским правительством Камбоджи и правительством Социалистической Республики Вьетнам от 2003 г. «О двустороннем сотрудничестве в ликвидации торговли женщинами и детьми и оказании помощи жертвам такой торговли».

22 января 2013 г. между МВД России и МВД Исламской Республики Иран было подписано Соглашение о сотрудничестве, п. 1 ст. 2 которого содержит положение о взаимодействии, пресечении, выявлении, раскрытии преступлений, в т.ч. «торговли людьми, особенно женщинами и детьми, а также органами и тканями человека» и многие др.¹⁰

Все вышеперечисленные межгосударственные соглашения направлены в первую очередь на противодействие торговле людьми, оказание взаимной помощи, принятие совместных скоординированных действий по борьбе с данным преступлением, обмен информацией, взаимодействие компетентных органов и принятию дополнительных мер по борьбе с данным преступлением с учетом регионального положения в двустороннем формате.

Даже небольшое количество приведенных соглашений подтверждает тот факт, что борьба с данным транснациональным преступлением осуществляется не только в рамках международных и межрегиональных организаций, но и в рамках межгосударственного взаимодействия в двустороннем формате.

Стоит отметить, что эффективность противодействия такому транснациональному преступлению, как торговля людьми, может быть достигнута только при тесном взаимодействии государств в рамках сотрудничества с международными и неправительственными организациями, совместной разработке новых международно-правовых актов, соответствующих современным реалиям и нацеленных на углубление сотрудничества в борьбе с данным явлением, имплементации в национальное законодательство нормативно-правовых актов на основе универсальных и региональных договоров, составляющих основу борьбы с торговлей людьми, с привлечением к уголовной ответственности лиц, занятых в торговле людьми, а также принятии конкретных мер по реабилитации, социальной адаптации в общество жертв данного преступления и дополнительных усилий по пресечению и искоренению данной торговли как явления в целом.

¹ См.: Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 12.07.2015).

² См.: Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, от 15 ноября 2000 г. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 18.07.2015).

³ URL: http://www.concourt.am/hr/rus/un/6_3.htm (дата обращения: 15.07.2015).

⁴ URL: http://www.oas.org/dil/treaties_B-57_Inter-American_Convention_on_International_Traffic_in_Minors.htm (дата обращения: 15.07.2015).

⁵ URL: <http://www.africa-union.org/root/au/Documents/Treaties/List/Protocol%20on%20the%20Rights%20of%20Women.pdf> (дата обращения: 15.07.2015).

⁶ URL: http://www.un.org/ru/rights/trafficking/trafficking_toolkit.pdf (дата обращения: 18.07.2015).

⁷ URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/instree/arabcharter.html> (дата обращения: 15.07.2015).

⁸ URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=23806> (дата обращения: 12.11.2015).

⁹ Торговля людьми в Российской Федерации и анализ ситуации по проблеме. Исследование выполнено кандидатом экономических наук Е.В. Тюрюкановой совместно с Фондом «Институт экономики города» для рабочей группы агентств ООН и Международной организации по миграции (МОМ) по проблемам торговли людьми. М., 2006. URL: http://www.un.org/ru/rights/trafficking/human_trafficking_russia.pdf (дата обращения: 19.07.2015).

¹⁰ URL: <http://docs.cntd.ru/document/499015011> (дата обращения: 01.12.2015).

М.Н. Садчиков

КОНТРОЛЬ КАК КРИТЕРИЙ НАЛОГОВО-ПРАВОВОГО СТАТУСА КОНТРОЛИРУЕМОЙ ИНОСТРАННОЙ КОМПАНИИ

В статье исследуется такой признак нового субъекта налогового права контролируемой иностранной компании, как контроль. На основе анализа практики Организации экономического развития и сотрудничества выделяются степени и уровни контроля.

Ключевые слова: контролируемая иностранная компания, налог, контроль.

M.N. Sadchikov

CONTROL AS AN ELEMENT OF CONTROLLED FOREIGN COMPANY

The article is devoted to the study of control as an element of controlled foreign company. The author analyses types and levels of control which are detailed by OECD.

Keywords: controlled foreign company, tax, control.

Одной из тенденций развития налогового законодательства России является включение в предмет регулирования общественных отношений, осложненных иностранным элементом. Данное обстоятельство обусловлено развитием внешне-торговой деятельности, в т.ч. с использованием электронной торговли, деятельностью трансграничных корпораций, «странствованием» капиталов в поисках юрисдикций с наименьшими издержками, включая налоговые отчисления.

С принятием Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций»¹ (далее — ФЗ «О контролируемых иностранных компаниях») в отечественном налоговом праве значительно увеличилось количество норм с иностранным элементом². Представляется, что одним из наиболее значимых изменений, внесенных названным Федеральным законом, является включение в налоговое законодательство понятия «контролируемая иностранная компания». Законодатель не дает прямого определения контролируемой иностранной компании, а только перечисляет ее признаки. Изложив последовательно признаки контролируемой иностранной компании, закрепленные в ст. 25.13. Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ), ее можно определить как

© Садчиков Михаил Николаевич, 2016

Кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: taxprofy@mail.ru

иностранную организацию, которая не является налоговым резидентом России, а контролирующим лицом такой организации выступает налоговый резидент Российской Федерации.

Представляется возможным предложить три признака контролируемой иностранной компании. Первые два основаны на критерии налогового резидентства: организация, не являющаяся налоговым резидентом государства, находится под контролем налогового резидента. То есть необходимо установить, во-первых, двух лиц, одно из которых выступает налоговым резидентом, а другое в соответствии с национальным законодательством не признается таковым; во-вторых, наличие между данными лицами устойчивых правовых и экономических связей. Третий признак заключается в критерии контроля налогового резидента в отношении организации, не признаваемой налоговым резидентом.

Думается, что определяющим признаком контролируемой иностранной компании является наличие в отношениях между налоговым резидентом и лицом, не признаваемым налоговым резидентом, критерия контроля.

Контроль — неотъемлемая часть управленческого процесса, позволяющая контролирующему субъекту получать информацию о реализации управленческого решения и принимать соответствующие меры, направленные на достижение целей управления. Так как управление присуще обществу, то некоторые направления контрольной деятельности урегулированы правом. Общественные контрольные отношения входят в предмет регулирования различных отраслей права. В публичных отраслях выделяют, например, государственный финансовый контроль, административную контрольно-надзорную деятельность, в частных отраслях — корпоративный контроль и некоторые другие виды контроля. Признак системности права обуславливает реализацию контрольных отношений не в отрыве друг от друга, а в тесной взаимосвязи. Например, в финансовом праве данный тезис иллюстрируется аудиторским контролем — независимым финансовым контролем, который является значимым способом обеспечения государственной финансовой дисциплины.

В налоговом праве, помимо налогового контроля, общественные контрольные отношения составляют предмет регулирования института взаимозависимых лиц (разд. V.1 НК РФ) и контролируемых иностранных компаний (гл. 3.4. НК РФ). Выделяются следующие отличительные признаки названных групп правоотношений:

- 1) наличие в них контрольных отношений (государственного финансового (налогового) контроля и контроля, осуществляемого собственником (иным владельцем), за функционированием соответствующей экономической системой);
- 2) частные контрольные отношения входят в объект государственного финансового контроля.

Думается, что правовое регулирование государственного финансового контроля, осуществляемого за частными контрольными отношениями, в условиях глобализации выступает одним из приоритетных направлений развития российского налогового права. Развитие частных контрольных отношений является следствием усложнения бизнес-структур, развитие государственного финансового контроля за частными контрольными отношениями направлено на предупреждение нарушений финансового законодательства.

Поскольку излишнее государственное вмешательство может привести к снижению предпринимательской инициативы, то не все контрольные отношения

находятся в области публично-правового регулирования. Данное обстоятельство требует от законодателя построения четких юридических конструкций, реализация которых позволила бы достичь поставленных правовых целей и не привести к необоснованному ограничению прав и свобод налогоплательщиков.

В соответствии с п. 3 ст. 25.13 НК РФ контролирующим лицом организации признается физическое или юридическое лицо, доля участия которого в организации составляет более 25%, а при «размытом» участии — более 10%, если доля участия всех налоговых резидентов составляет более 50%. Контролирующим будет признано также лицо, осуществляющее контроль над иностранной организацией в своих интересах или интересах супруга и несовершеннолетних детей. Осуществлять контроль — значит иметь возможность оказывать определяющее влияние на решения о распределении прибыли или активов организации.

Представляется, что приведенные положения Закона недостаточно четко формулируют признаки контролирующего лица, что нарушает принцип правовой определенности. Например, неясным представляется такой признак контролирующего лица, как его возможность оказывать «определяющее влияние» на распределение прибыли или активов иностранной организации. Что включает в себя «определяющее влияние»?

Организация экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР) в проекте Плана борьбы с размыванием налоговой базы и выводу прибыли в аспекте правил налогообложения контролируемых иностранных компаний указывает, что национальные режимы по-разному определяют критерий контроля³ (далее — проект КИК).

В проекте КИК отмечено, что контроль следует рассматривать в двух аспектах: как вид контроля и его уровень (степень). Контроль может быть экономическим и правовым. Для признания иностранной компании контролируемой необходимо, чтобы доля участия в ней налоговых резидентов составляла более 50%. Однако государства могут устанавливать и меньший порог участия. Уровень контроля, порог участия также может определяться через сумму долей участия взаимосвязанных лиц или лиц, действующих согласованно. Кроме того, в проекте КИК рекомендуется учитывать не только прямой контроль, но и косвенный.

Правовой контроль согласно проекту КИК — это контроль над иностранной компанией через право избирать совет директоров или иной аналогичный орган, что позволяет управлять решениями, принимаемыми такой компанией. Однако корпоративное право является достаточно гибким, и искусственно выстроенные конструкции управления иногда «выводят» иностранную компанию из категории контролируемой. Поэтому необходимо дополнять правовой контроль экономическим.

Экономический контроль предполагает право на получение доходов, капитала или активов организации при определенных обстоятельствах, например, ее ликвидации. При этом контролирующее лицо не обязательно является мажоритарным акционером иностранной компании. В холдинговых компаниях правила правового и экономического контроля можно искусственно обойти, включив, например, компанию-посредника в систему хозяйственных операций.

При определении критерия *фактического контроля* необходимо установить комплекс факторов, позволяющих налоговому резиденту оказывать *определяющее влияние* на повседневную деятельность контролируемой иностранной компании. В проекте КИК отмечено, что данный критерий является сложным

для установления вследствие разнообразия факторов, предоставляющих возможность оказывать влияние на решения иностранной компании.

Контроль, основанный на консолидации, мало чем отличается от вышперечисленных видов контроля и определяется в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности, когда правовой, экономический и фактический контроль компании резидента над компанией, не являющейся резидентом, обуславливает рассмотрение их отчетности как единого целого в рамках консолидированной финансовой отчетности (МСФО (IFRS)10).

Как уже отмечалось, проект КИК выделяет не только виды, но и уровни (степени) контроля. В большинстве юрисдикций правила о КИК устанавливают 50%-ную долю участия в компании-нерезиденте как признак контролируемой компании. При «размытом участии» необходимо установить единство цели миноритарных акционеров. Единство цели может быть установлено одним из нижеприведенных способов:

1) констатация факта согласованных действий миноритарных акционеров, направленных на исключение применения правил КИК;

2) проведение анализа отношений сторон. Если правила КИК определяют 50%-ный порог с участием взаимозависимых лиц, то такой подход освобождает от необходимости зафиксировать факт согласованных действий миноритарных акционеров;

3) установление консолидированной группы акционеров с долей участия не менее определенного процента. Количество акционеров в такой группе может быть ограничено. Однако такой подход предполагает возможность распространения правил КИК на акционеров, которые фактически не влияют на распределение доходов КИК.

В проекте КИК обращено внимание на необходимость учета не только прямого, но и косвенного (через цепочку лиц) контроля. Анализ положений гл. 3.4. НК РФ «Контролируемые иностранные компании» позволяет сделать вывод об их соответствии практике правового регулирования ОЭСР. Однако некоторые положения являются для российской правовой системы новыми и их реализация, думается, будет сопряжена с определенными проблемами. Например, проблема реализации норм экономического и фактического контроля, сформулированных в подп. 7 и 8 п. 3 ст. 25.1 НК РФ, в т.ч. как возможность оказывать определяющее влияние на распределение иностранной компанией (структурой) прибыли, доходов, активов. В п. 3 ст. 312 НК РФ одним из критериев для определения лица, имеющего *фактическое* право на получение дохода, признается возможность такого лица определять *экономическую судьбу* дохода. На проблему реализации института бенефициарного владельца (лица, имеющего фактическое право на доход) в условиях российской правовой системы обращают внимание многие исследователи налогового права⁴.

Думается, что понятия «фактическое право на доход», «экономическая судьба дохода», «определяющее влияние» и некоторые другие дефиниции, используемые законодателем в правотворческом процессе, недостаточно четко определены и не имеют прочного теоретического фундамента, что создает условия для произвольного их применения на практике. Автор поддерживает мнение Б.Я. Брука о необходимости более глубокого теоретического изучения института контролируемых иностранных компаний⁵. Представляется, что исследование института

контролируемых иностранных компаний является одним из актуальных направлений развития науки налогового права.

¹ См.: Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 48, ст. 6657.

² См.: Садчиков М.Н. Иностраный элемент в отечественном налоговом праве // Налоги. 2015. № 2. С. 43–45.

³ OECD (2015) Public Discussion Draft BEPS action 3: STRENGTHENING CFC RULES. URL: www.oecd.org (дата обращения: 10.04.2015).

⁴ См.: Хаванова И.А. Концепция бенефициарного владельца (собственника) в налоговом праве // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 50–60.

⁵ См.: Брук Б.Я. Перспективы кодификации концепции бенефициарного собственника в российском налоговом законодательстве // Закон. 2014. № 8. С. 43–57.

И.В. Швецова

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ, ИСПОЛЬЗОВАНИЮ И ВОЗВРАТУ БЮДЖЕТНЫХ КРЕДИТОВ

В статье рассматриваются понятие и содержание правоотношений по предоставлению, использованию и возврату бюджетных кредитов в Российской Федерации. Исследуются вопросы финансово-правовых, бюджетно-правовых и кредитных правоотношений.

Ключевые слова: кредит, бюджетный кредит, правоотношения, бюджетные правоотношения.

I. V. Shvetsova

CONCEPT AND THE CONTENT OF LEGAL RELATIONSHIP ON GRANTING, USE AND RETURN OF THE BUDGETARY CREDITS

In article the concept and the content of legal relationship on granting, use and return of the budgetary credits in the Russian Federation is considered. The author investigates questions of financial and legal, budgetary and legal and credit legal relationship.

Keywords: credit, budgetary credit, legal relationship, budgetary legal relationship.

Недостаточность правового регулирования бюджетных отношений в современном мире, проблемы реализации бюджетного законодательства в сфере формирования доходов и осуществления расходов федерального бюджета обуславливают необходимость изучения всего комплекса правовых средств, с помощью которых государство осуществляет бюджетную деятельность.

Бюджетные правоотношения выступают как разновидность финансовых правоотношений, т.к. возникают в процессе образования, распределения и использования денежных фондов.

Как основу финансово-бюджетного механизма рассматривает бюджетные отношения Е.П. Орлюк, подчеркивая такую их особенность, как нахождение в

© Швецова Ирина Васильевна, 2016

Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Shvetsovalrina@yandex.ru

процессе постоянных изменений при перестройке экономики, построении ее на рыночных основах. Соответственно под бюджетными правоотношениями понимаются общественные отношения, урегулированные бюджетно-правовыми нормами, связанные с распределением, перераспределением и использованием финансовых ресурсов, аккумулированных бюджетной системой государства. В данном определении четко прослеживается взаимосвязь бюджетных правоотношений и бюджетной системы государства, поскольку именно последняя позволяет аккумулировать финансовые ресурсы, приобретающие характеристики непосредственно бюджетных ресурсов, после их поступления в бюджеты соответствующего уровня¹.

Бюджетные правоотношения разграничивают на две категории. В первую включаются правоотношения по формированию доходов и осуществлению расходов бюджетов всех уровней бюджетной системы и бюджетов государственных внебюджетных фондов, осуществления государственных и муниципальных заимствований, регулирования государственного и муниципального долга. Во вторую группу входят отношения, возникающие в процессе составления и рассмотрения проектов бюджетов, утверждения и исполнения бюджетов, а также контроля за их исполнением.

В соответствии со ст. 1 Бюджетного кодекса РФ (далее — БК РФ) бюджетные правоотношения — это отношения, возникающие в процессе формирования доходов и осуществления расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, осуществления государственных и муниципальных заимствований, регулирования государственного и муниципального долга, в процессе составления и рассмотрения проектов бюджетов бюджетной системы РФ, утверждения и исполнения бюджетов бюджетной системы РФ, контроля за их исполнением, осуществления бюджетного учета, составления, рассмотрения и утверждения бюджетной отчетности. Особенности регулируемых бюджетным правом отношений имеют огромное значение для функционирования экономической системы общества².

По мнению ряда ученых, кредитными отношениями являются все правовые отношения, возникающие при предоставлении денежных средств или других вещей, определяемых родовыми признаками, на условии возврата³. Н.И. Химичева отмечает, что «финансово-правовые отношения отличаются публично-правовым характером и представляют собой урегулированные нормами финансового права общественные отношения, участники которых выступают как носители юридических прав и обязанностей, реализующие содержащиеся в этих нормах предписания по образованию, распределению и использованию государственных и муниципальных денежных фондов и доходов»⁴.

По мнению Э.Г. Полонского, к кредитным правоотношениям нельзя относить все правоотношения, возникающее при передаче ценностей, когда возврат денежных средств растянут по времени. В таком случае к кредитным относились бы и «отношения, возникающие из купли-продажи, поставки, подряда, перевозки, которые состоят в передаче товаров или предоставлении услуг до их оплаты»⁵.

При получении бюджетного кредита правоотношения, возникающие между Российской Федерацией и субъектами РФ, относятся к бюджетно-правовому регулированию.

Предоставление бюджетного кредита из одного бюджета другому можно обозначить как перераспределение денежных средств в государственном бюджете.

В этой связи законодатель вполне логично предусмотрел в п. 2 ст. 134 БК РФ правило, согласно которому остаток непогашенных кредитов субъектом РФ, включая проценты, штрафы, пени, погашается за счет дотаций из Федерального фонда финансовой поддержки субъектов РФ, а также за счет отчислений от федеральных налогов и сборов, подлежащих зачислению в бюджет субъекта. При предоставлении государством бюджетных средств в кредит регулирование данных отношений происходит в соответствии с бюджетным законодательством⁶.

Трудоемкость изучения сущности финансовых правоотношений обусловлена тем, что правовое регулирование отношений в сфере формирования, распределения и использования средств публичных денежных фондов регулируется не только финансовым, но и гражданско-правовым законодательством.

В свою очередь С.П. Гришаев и Л.Г. Ефимова относят кредитные правоотношения только к договору займа. Разграничение данных категорий имеет важное значение. Данной проблеме посвящено много трудов⁷. Из их анализа можно сделать вывод о том, что по существу договор по предоставлению бюджетного кредита обладает, скорее, признаками кредитного договора либо является отдельным видом договора — бюджетным кредитным договором, включающим в себя признаки договоров займа и кредита.

Используя в БК РФ понятие «предоставление кредита» государство берет на себя функции кредитной организации⁸. При этом ст. 124 Гражданского кодекса РФ дает возможность законодателю закрепить в качестве кредитора не только банк и иную кредитную организацию, но и публично-правовое образование. В проекте федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса, а также отдельные законодательные акты Российской Федерации» не предусматривалось изменений в статьи, касающиеся договоров займа и кредита, с учетом положений бюджетного законодательства⁹.

Таким образом, бюджетные правоотношения, возникающие в процессе формирования, распределения и использования денежных средств публично-правовых образований, являются отношениями, возникающими в силу определенного внешнего воздействия со стороны субъекта публичной власти, где преобладающими являются обязывания и запреты, адресованные к одной из сторон, которые обуславливают, в свою очередь, права притязания другой стороны.

¹ См.: *Черницкая Л.Т.* Отношения в сфере бюджетного процесса как объект правовой охраны // *Финансовое право*. 2013. № 1. С. 45–48.

² См.: *Пешкова Х.В.* Соотношение бюджетного и финансового права на современном этапе // *Юридическая наука и правоприменение: материалы Первых саратовских правовых чтений (Саратов, 5–6 июня 2008 г.)* / под ред. С. Н. Туманова. Саратов, 2009. С. 313.

³ См.: *Компанеев Е.С., Полонский Э.Г.* Применение законодательства о кредитовании и расчетах. М., 1967. С. 72–73.

⁴ *Химичева Н.И., Покачлова Е.В.* Финансовое право: учебно-методический комплекс / отв. ред. Н.И. Химичева. М., 2005. С. 140.

⁵ См.: *Полонский Э.Г.* Правовые основы банковского кредитования промышленности в СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1963. С. 5.

⁶ См.: *Ишутина О.В.* Пределы применения бюджетного законодательства в сфере заемно-кредитных отношений с участием государства // *Банковское право*. 2006. № 2.

⁷ См., например: *Ишутина О.В.* Указ. раб.; *Буркова А.Ю.* Защита интересов кредитора при залоге // *Корпоративный юрист*. 2009. № 1; *Жорина А.В.* Соотношение кредитного договора с договорами найма // *Актуальные проблемы правоприменения норм гражданского и семейного права Российской Федерации в условиях реформирования законодательства*. Саратов, 2015. С. 56–57.

⁸ См.: *Саттарова Н.А.* Бюджетные кредиты в свете последних изменений Бюджетного кодекса РФ // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2007. № 4. С. 77.

⁹ См.: *Армасова Е.Р.* Бюджетный кредит: изменения законодательства и судебная практика // *Бюджет*. 2014. № 8.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДОРЕСУРСНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

С.А. Боголюбов

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОССИЙСКОГО АГРАРНОГО, ЗЕМЕЛЬНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА: САРАТОВСКИЙ ВКЛАД

В статье рассматривается вклад Саратовской школы права в становление земельного, аграрного и экологического права России. Характеризуются направления и достижения кафедры земельного и экологического права СГЮА за 70 лет со дня образования.

Ключевые слова: Саратовская школа права; кафедра земельного и экологического права Саратовской государственной академии права; достижения кафедры.

S.A. Bogolyubov

PERFECTION OF THE RUSSIAN AGRARIAN, AGRARIAN AND ECOLOGICAL RIGHT: THE SARATOV CONTRIBUTION

In article the contribution of the Saratov school of the right to development of the agrarian, agrarian and ecological right of Russia is considered. Directions and achievements of faculty of agrarian and ecological right СГЮА for 75 years of the existence are characterized.

Keywords: the Saratov school of the right; faculty of the agrarian and ecological right of the Saratov state academy of the right; achievements of faculty.

В продолжение двух третей XX в. Саратовский юридический институт был наряду с Харьковским и Свердловским юридическими институтами оплотом передовых научных исследований и кузницей высокопрофессиональных кадров органов прокуратуры, юстиции, внутренних дел, судебной, законодательной, исполнительной (в т.ч., федеральной) властей. Саратовские специалисты теории права, конституционного, гражданского, финансового, административного и других отраслей права приобрели всероссийскую и мировую известность, а их труды стали настольными книгами многих поколений ученых.

За 85 лет сложилась саратовская школа права со своими традициями и научными достижениями. Все это в полной мере можно отнести и к кафедре земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, постоянно вносящей свой заметный вклад в совершенствование российского аграрного, земельного и экологического законодательства. Труды

© Боголюбов Сергей Александрович, 2016

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий отделом экологического законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

профессорско-преподавательского состава кафедры регулярно публикуются в научных журналах, издаются монографии, учебники, учебные пособия, комментарии к законодательству. Ученые активно участвуют в научно-практических (в том числе, студенческих) конференциях, их предложения успешно проходят апробацию на практике.

В течение 70 лет кафедра (под какими бы наименованиями она успешно ни функционировала) занималась наиболее актуальными проблемами публичных и частно-правовых методов регулирования и стимулирования сельского хозяйства, преемственности, справедливости, демократичности, ускорения и стабильности его развития, добровольного кооперирования, эффективности агропромышленного производства и специализированных комплексов, соблюдения нравственности, дисциплины и интересов сельхозпроизводителей в целях процветания граждан и обеспечения продовольственной безопасности страны.

Заметное место в исследованиях ученых кафедры земельного и экологического права принадлежит земельным правоотношениям, рациональному использованию и охране земель, правовому обеспечению сохранения плодородия почв, управлению земельными ресурсами, земельному государственному надзору, общественному, муниципальному контролю, юридической ответственности за земельные правонарушения. Ученые кафедры оперативно реагируют на многочисленные (более 100 за 15 лет) изменения и дополнения земельного законодательства, изучают правоприменительную практику и немедленно внедряют изменения законодательства в учебный процесс.

Большое внимание уделяется важным аспектам использования и охраны земли как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, а также водам, лесам, животному миру и иным природным ресурсам, составляющим окружающую природную среду. Регулярно проводятся комплексные всесторонние исследования проблем совершенствования земельного, водного, лесного, экологического законодательства, пишутся и защищаются докторские и кандидатские диссертации, проводятся «круглые столы».

Следует отметить вклад сотрудников кафедры в формирование, становление, формулирование, реализацию государственной политики в области экологического развития Российской Федерации, в т.ч. посредством высокопрофессионального комментирования экологического законодательства и практики его применения.

Одним из направлений деятельности кафедры является конструктивное и объективное изучение интерправа, позитивного зарубежного и международного опыта, имплементации его в российское законодательство с учетом национальных традиций, привычек и менталитета россиян, исходя из приоритетности подписанных и ратифицированных договоров России, включенности, присутствия их в ее правовой системе и высшей силы категорий, норм, институтов Конституции РФ.

Нельзя не отметить, систематическое и плодотворное участие членов кафедры в научно-практических конференциях и других мероприятиях Отдела экологического законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ по обсуждению задач и проблем в сфере природопользования и охраны природы, взаимному обмену мнениями и полезному сотрудничеству по вопросам аграрного, земельного, экологического, природоресурсного правотворчества и правоприменения.

Именно из Саратова вышли такие выдающиеся ученые, как член-корреспондент РАН Олег Степанович Колбасов (который находился в Саратове с 1938 по 1944 г. и откуда был призван в пограничные войска для борьбы с диверсантами и бандитами в Прибалтике), Иван Ферисанович Панкратов (никогда не порывавший своих педагогических и научных связей с кафедрой и СГЮА, оставаясь членом ее диссертационного совета), Георгий Васильевич Чубуков (научный руководитель нескольких саратовцев).

Вклад СГЮА, кафедры земельного и экологического права в совершенствование российского аграрного, земельного, экологического законодательства весьма ощутим и признается российской юридической общественностью. Перед коллективом кафедры, как перед всей российской юриспруденцией, стоят важные концептуальные и прикладные задачи, которые, на наш взгляд, сводятся к следующему:

глубокое изучение новых аграрных правоотношений и процессов сельского хозяйства с учетом необходимости импортозамещения и возвращения некоторых прежних, оправдавших себя в наших условиях правовых механизмов;

утверждение комплексной отрасли в виде аграрного законодательства либо законодательства об агропромышленном комплексе с использованием общих и развитием специфических для аграрного сектора правил других отраслей российского законодательства, отстаивание аграрного права в числе других научных специальностей в шифре 12.00.06 ВАКа и ведение по ней современных исследований с защитой диссертаций;

защита исконных и анализ перспективных приемов использования и охраны земель на российском евразийском пространстве с обобщением способов обеспечения его целостности, единства и многообразия в зависимости от исторических, климатических, культурных особенностей в соответствии со ст. 36 Конституции РФ;

наведение земельного правопорядка заключается не только в ломке устоявшегося, старого, но и в бережном с ним обращении, в частности, в случае предлагаемого в Минэкономразвития России трансформирования принципа использования земель по целевому назначению, когда сначала необходимо создать стройную и надежную нормативную базу с подготовкой и апробацией обещанных регламентов взамен прежних правил, не допуская неразберихи и самовольных захватов земель;

извечный поиск сочетания экономики и экологии, преодоление их антагонистического противоречия с помощью конкретных правовых средств в интересах большинства граждан, общества и государства, борьбы со злоупотреблениями, бюрократизмом и коррупцией — прогрессивная наука может не идти на поводу лозунгов, а сказать здесь свое инициативное профессиональное слово.

Разумеется, могут быть обозначены и иные важные практические проблемы и темы, обусловленные повседневностью и запросами правоприменения: важно не заикливаться на законотворчестве, не видеть в нем единственную панацею от навалившихся на Россию и не скрываемых бед, а больше сосредоточиваться на результативности правореализации, укреплении законности и правопорядка как конечных целях функционирования правового механизма.

Таким образом, саратовская школа земельного, аграрного, экологического права заслуженно и обоснованно признается юридической общественностью и находится рядом с московской (Н.Д. Казанцев, М.И. Козырь, О.С. Колбасов, Н.И. Краснов, В.В. Петров), киевской (В.Л. Мунтян, Б.Г. Розовский, Ю.С. Шемшученко), казахстанской (С.Б. Байсалов, А.Е. Еренов, Н.Б. Мухитдинов), уфимской (Ф.М. Раянов) и другими правовыми школами, решающими актуальные задачи, преодолевающими объективные и субъективные трудности.

К.Г. Пандаков, Т.В. Волкова

70 ЛЕТ КАФЕДРЕ ЗЕМЕЛЬНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

В статье прослеживается путь, пройденный кафедрой земельного и экологического права за 70 лет существования. Отмечены ее научные достижения за рассматриваемый период.

Ключевые слова: кафедра земельного и экологического права Академии, ученые кафедры, учебная, методическая, научная работа кафедры.

K.G. Pandakov, T.V. Volkova

70 YEARS OF THE DEPARTMENT OF LAND AND ECOLOGICAL LAW

The article traces the path traversed by Department of land and ecological law in 70 years of existence. It was pointed out that the scientific achievements during the period under review.

Keywords: Department of land and environmental law of the Academy, scientists, educational, methodical, scientific work of the Department.

В составе старейшего Саратовского юридического института им. Д.И. Курского (СЮИ — СГАП — СГЮА) кафедра земельного и колхозного права была создана в сентябре 1946 г.

Первым заведующим кафедры был известный ученый-юрист, педагог **Павлов Иван Васильевич** — кандидат юридических наук, доцент, читавший курсы лекций по теории государства и права, политической экономии, земельному и колхозному праву, выпускник Казанского института советского строительства 1932 г., соавтор первых (довоенных и послевоенных) учебников по земельному праву (1940, 1949 гг.), первый доктор юридических наук в Саратовском юридическом институте им. Д.И. Курского (1951 г.).

В связи с получением Институтом весной 1955 г. нового штатного расписания кафедра стала называться кафедрой земельного, колхозного и трудового права и руководить ею стал доцент, кандидат юридических наук, специалист по трудовому праву **Маслов Георгий Митрофанович**, работавший в то время директором (ректором) Саратовского юридического института (1952–1956 гг.).

С 22 января 1957 г. исполняющим обязанности заведующего кафедрой становится доцент, кандидат юридических наук **Рихтер Григорий Самуилович**, возглавлявший Институт в годы войны (в сентябре 1941 г. он назначается директором Саратовской юридической школы, а в конце декабря 1941 г. — директором Саратовского юридического института по совместительству). Благодаря его организаторскому таланту занятия проходили в течение всего военного времени. Приказом по Министерству высшего и специального образования СССР от 11 декабря 1949 г. он освобождается от обязанностей директора Института и 30 июня 1959 г. избирается заведующим кафедрой земельного, колхозного и трудового права и состоит в этой должности до 1967 г.

© Пандаков Константин Григорьевич, 2016
Кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Волкова Татьяна Владимировна, 2016
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия), судья Двенадцатого арбитражного апелляционного суда

С 6 января 1967 г. обязанности заведующего кафедрой исполнял доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, профессор **Демьяненко Василий Николаевич**. Через год он был избран заведующим кафедрой и работал в этой должности 30 лет до 1998 г. Под его руководством на кафедре сформировалась научная школа земельного, экологического, сельскохозяйственно-кооперативного и аграрного права, на развитие которой Российский фонд фундаментальных исследований по собственной инициативе предоставил в 1996 г. двойной грант типа «Б», а лидеру школы — профессору В.Н. Демьяненко — президиум РАН присудил Государственную научную стипендию (1994–1996). Его имя занесено в областную Книгу Почета.

С 1998 г. кафедру (уже с новым названием — кафедра земельного, сельскохозяйственно-кооперативного и трудового права) возглавляет **Пандаков Константин Григорьевич**.

В настоящее время на кафедре трудятся 20 научных и научно-педагогических работников. В их числе 2 доктора юридических наук Н.А. Будников и Л.А. Тимофеев, один доктор медицинских наук — Н.И. Махонько, все они имеют ученое звание профессора. Ученое звание доцента присвоено 9 научно-педагогическим работникам кафедры.

На условиях внешнего совместительства научно-педагогическую деятельность осуществляют федеральный судья Двенадцатого арбитражного апелляционного суда кандидат юридических наук, доцент Т.В. Волкова и доцент А.Я. Гончарь — прокурор Саратовской межрегиональной природоохранной прокуратуры.

Кафедра имеет два филиала: на материальной базе Двенадцатого арбитражного апелляционного суда, руководитель — Председатель суда, кандидат юридических наук Шараев Сергей Юрьевич и Саратовской межрайонной природоохранной прокуратуры, руководитель — доцент, прокурор Саратовской межрайонной природоохранной прокуратуры Гончарь Александр Яковлевич. Используя базу филиалов, студенты, магистранты кафедры проходят учебную (ознакомительную) производственную, преддипломную практику, аспиранты и молодые преподаватели — стажировку.

На кафедре открыта и успешно работает аспирантура по дневной и заочной формам обучения по специальности 12.00.06 — земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право.

Активную научную работу со студентами, бакалаврами, магистранами, аспирантами и соискателями ведут профессора К.Г. Пандаков, Л.А. Тимофеев, Н.И. Махонько, доценты Т.В. Волкова, О.В. Куликова, Е.Ю. Чмыхало и другие сотрудники кафедры.

Одним из приоритетных направлений деятельности кафедры является ежегодное участие в научных форумах, семинарах, конгрессах и конференциях различного уровня и привлечение в науку талантливых молодых юристов.

Кандидат юридических наук, доцент Т.В. Волкова является Лауреатом молодежной премии П.А. Столыпина, учрежденной Правительством Саратовской области по номинации «За выдающиеся достижения в области науки и образования, культуры и искусства». В 2007 г. Т.В. Волкова стала лауреатом всероссийского конкурса на лучшую научную книгу, изданную в издательстве СГЮА под редакцией ректора Саратовской государственной юридической академии профессора С.Б. Сурова: «Правовое обеспечение управления земельными ресурсами в Российской Федерации: вопросы теории и практики» за 2006 год, проводимым Фондом развития отечественного образования.

Выпускники кафедры востребованы в практической деятельности. Указом Президента РФ от 11 сентября 2007 г. № 1171 Т.В. Волкова была назначена судьей Двенадцатого арбитражного апелляционного суда. Доцент кафедры Ю.Н. Федорова Указом Президента РФ от 5 декабря 2010 г. № 1503 назначена судьей Арбитражного суда Саратовской области.

Т.В. Волкова, осуществляя преподавательскую и научную работу на кафедре земельного и экологического права СГЮА, развивает научно-практические связи кафедры, руководит учебной и производственной практикой студентов и магистрантов в Двенадцатом арбитражном апелляционном суде.

С 2009 по 2015 г. доценты Т.В. Волкова и Е.Ю. Чмыхало являются постоянными участниками Ежегодной международной научно-практической конференции Юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения», также проводимых в рамках Московской юридической недели, где ежегодно собираются ученые и практические работники в сфере различных отраслей права из многих регионов Российской Федерации и зарубежных государств.

Профессор Л.А. Тимофеев, доценты Е.Ю. Чмыхало и Т.В. Волкова в течение многих лет принимают участие в работе Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы экологического, земельного права (СО-ФРИНО)», организованной юридическим факультетом Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ежегодно преподаватели кафедры принимают активное участие в конкурсе на «Лучшее семинарское (практическое) и лекционное занятие», проводимом в СГЮА. Победителями в разные годы становились профессора Л.А. Тимофеев, Н.И. Махонько, доценты Т.В. Волкова, Е.Н. Абанина, О.Ю. Ганюхина, С.Ю. Королев, Е.А. Сухова, Ю.А. Плотникова, О.В. Куликова, Е.Ю. Чмыхало, преподаватели Е.А. Тарасова и Е.В. Менис.

Профессора и преподаватели кафедры принимают активное участие в научных и научно-практических конференциях, подавляющее большинство которых имеют статус международных, и являются модераторами.

Доценты Т.В. Волкова, О.В. Куликова и преподаватель В.А. Попкова на основе конкурсного отбора уже в течение 11 лет в разные периоды с 2005 по 2016 г. являются участниками Международной школы — практикума молодых ученых-юристов, проводимого Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, где повышают свою квалификацию и достойно выступают с научными докладами. Цель Школы — объединение молодых представителей юридической науки различных государств, разных научных школ и направлений для решения актуальных проблем права.

В 2016 г. на XI Международной школе-практикуме молодых ученых-юристов: «Эффективное правоприменение: доктрина и практика» директор ИзиСП, вице-президент РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Т.Я. Хабриева торжественно вручила Почетную грамоту Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ федеральному судье Двенадцатого арбитражного апелляционного суда доценту кафедры земельного и экологического права СГЮА, кандидату юридических наук Волковой Татьяне Владимировне, удостоенной этой награды за большой вклад в развитие и проведение ежегодной Междуна-

родной школы-практикума молодых ученых-юристов, а также за содействие в установлении и поддержании международных научных связей.

Преподавателями кафедры постоянно ведется кружковая работа со студентами. Совмещает практическую работу и преподавательскую деятельность, а также активно занимается со студентами преподаватель кафедры, руководитель юридического отдела Группы компаний «Рубеж» И.Х. Васильев.

Ежегодно при кафедре действуют не менее пяти научных кружков, постоянную работу в данном направлении ведут профессора К.Г. Пандаков, Л.А. Тимофеев, доценты Т.В. Волкова, О.В. Куликова, С.Ю. Королев, Е.Н. Абанина, О.Ю. Ганюхина, ЮА. Плотникова, Е.А. Сухова и Е.Ю. Чмыхало. Под их руководством студенты неоднократно добивались больших результатов и побед на международных и всероссийской конференциях.

Большое внимание на кафедре уделяется слаженной организации обеспечению учебного процесса. Неоценимую помощь в организации работы кафедры, а также в деле ее развития оказывает ректорат Академии и лично ректор Академии, Председатель Совета ректоров вузов Саратовской области, депутат Саратовской областной Думы, профессор С.Б. Суровов.

По инициативе ректората Академии в период с 2007–2015 г. между СГЮА и Двенадцатым арбитражным апелляционным судом подписан ряд соглашений о взаимодействии и сотрудничестве в различных сферах учебной и научной работы. Активную работу по организации практики студентов и проведению научно-практических семинаров и конференций ведут ученые кафедры.

На протяжении долгих лет кафедра занимается учебной подготовкой студентов и проводит целенаправленную деятельность в сфере развития земельных, экологических и аграрных отношений.

2016 г. является по-настоящему знаковым, ведь не только Саратовская государственная юридическая академия празднует свой 85-летний юбилей, но и одному из ее старейших структурных подразделений — кафедре земельного и экологического права исполнилось 70 лет. Желаем всем ученым кафедры и их ученикам новых творческих открытий и реализации всех планов.

В.В. Устюкова

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОВОГО ПОРЯДКА ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В СВЯЗИ С ИХ НЕИСПОЛЬЗОВАНИЕМ

В статье раскрывается содержание проблемы по изъятию земли сельскохозяйственного назначения, исчислению срока неиспользования земли, а также привлечению к ответственности.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения; изъятие земельных участков; неиспользование земельных участков; государственный земельный надзор; административная ответственность; исчисление срока.

V.V. Ustyukova

PROBLEMS OF APPLICATION OF THE NEW ORDER OF WITHDRAWAL OF THE GROUND AREAS OF AGRICULTURAL PURPOSE IN CONNECTION WITH THEIR NON-USE

In article evolution and development of protection of the rights in area of In article the author opens a content of a problem on withdrawal of the ground agricultural purpose, calculations of timeframe of non-use of the ground, as well as attraction to the responsibility.

Keywords: the grounds of agricultural purpose; withdrawal of the ground areas; non-use of the ground areas; the state agrarian supervision; the administrative responsibility; calculation of timeframe.

Президент РФ в ежегодном Послании Федеральному собранию РФ 3 декабря 2015 г. обратил внимание на необходимость введения «в оборот миллионов гектаров пашни, которые сейчас простаивают, находятся в руках крупных землевладельцев, причем заниматься сельским хозяйством многие из них не спешат», а потому нужно «изымать у недобросовестных владельцев сельхозземли, которые используются не по назначению и продавать их на аукционе тем, кто может и хочет возделывать землю»¹. Следует подчеркнуть, что слова «возделывать землю» не оставляют сомнения в том, что речь идет не о переводе этих земель в другие категории, а именно об их сельскохозяйственном использовании.

Во исполнение поручения Президента РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 354-ФЗ были внесены изменения в ст. 6 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (в ред. от 3 июля 2016 г.)² (далее — Закон об обороте) и ряд других законодательных актов.

Однако ряд положений новой редакции ст. 6 Закона об обороте представляются сомнительными и могут вызвать трудности в их применении. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим лишь один из аспектов нового порядка принудительного изъятия земель сельхозназначения (и прекращения прав на них) — их неиспользования по целевому назначению³, не касаясь вопросов использования их с нарушением законодательства РФ и др.

Следует отметить, что исключение срока освоения земельного участка сельскохозяйственного назначения из общего срока неиспользования, на наш взгляд, следует отнести к достоинствам Закона. Однако проблема состоит в том, как правильно исчислить этот трехгодичный срок неиспользования. В ранее действовавшей редакции ст. 6 эта норма (она содержалась в п. 4) была изложена не лучшим образом. В ней говорилось, что земельный участок сельскохозяйственного назначения может быть принудительно изъят у его собственника в судебном порядке в случае, если в течение трех и более лет подряд *со дня возникновения у такого собственника права собственности* на земельный участок он не используется для ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности. Недостатки этой нормы состояли в том, что в ситуации, когда участок был приобретен, например, в 2010 г., несколько лет использовался, а в 2013 г. перестал использоваться, изъять его через три года неиспользования было невозможно, т.к. три года с момента возникновения права собственности уже истекли. Кроме того,

норма не распространялась на иных правообладателей — к ним применялись ст. 45–47 Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ), в которых, кстати, начало срока неиспользования не связывалось «с моментом возникновения» соответствующего права. Как и в статье 284 Гражданского кодекса РФ, в названных статьях ЗК РФ говорилось просто о неиспользовании участка в течение трех лет. Таким образом, имели место противоречия между Законом об обороте и Кодексами и неоправданные различия в прекращении права собственности и иных прав на землю.

Но вместо того, чтобы устранить указанные противоречия, т.е. просто привести Закон об обороте в соответствие со ст. 284 ГК РФ, законодатель пошел иным путем, указав в п. 3 ст. 6 указанного Закона, что земельный участок сельхозназначения принудительно может быть изъят у его собственника в судебном порядке в случае, если в течение трех и более лет подряд *с момента выявления в рамках государственного земельного надзора факта неиспользования земельного участка по целевому назначению* или использования с нарушением законодательства РФ такой земельный участок не используется для ведения сельского хозяйства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности.

Таким образом, три года неиспользования исчисляются не с момента самого неиспользования (например, участок *уже* три года не обрабатывается и зарастает сорняками и кустарником, что и обнаружилось в процессе государственного земельного надзора), а *только с момента выявления данного факта органами госземнадзора* (т.е. для изъятия нужно ждать еще три года). Помимо того, что данная норма абсурдна сама по себе, она еще и не соотносится с пп. 5 и 6 упомянутой статьи Закона об обороте.

По смыслу этих статей, равно как и ст. 8.8 КоАП РФ, органы госземнадзора при выявлении факта неиспользования земельного участка в течение трех лет должны назначить административное наказание и вынести предписание об устранении нарушений с указанием срока для такого устранения. Естественно, *этот срок значительно меньше, чем три года*. И если данное предписание не будет исполнено в указанный срок, то орган госземнадзора направляет материалы, подтверждающие неустранение правонарушений, в орган исполнительной власти субъекта РФ, который в течение двух месяцев со дня поступления таких материалов обращается в суд с требованием об изъятии земельных участков и о его продаже с публичных торгов. Но как теперь привлекать к ответственности по ст. 8.8 КоАП РФ (ч. 2), если трехгодичный срок неиспользования исчислять *с момента выявления факта неиспользования* — сегодня выявить факт, а к ответственности привлечь через три года? Но это опять же абсурдно и противоречит общим принципам назначения административных наказаний!

С учетом сказанного положения п. 3 ст. 6 Закона об обороте должны быть изменены (наилучший вариант — воспроизвести в данном пункте норму ст. 284 ГК РФ и аналогичную норму ст. 45 ЗК РФ, в т.ч. в части указания на то, что срок неиспользования составляет три года, «если более длительный срок не установлен законом»). Одновременно в данном Законе следует предусмотреть, каким образом должно быть зафиксировано начало трехлетнего срока неиспользования или, если точно, момент начала неиспользования установить невозможно, то по каким показателям можно определить, что участок не использовался дли-

тельное время (динамика развития процессов эрозии почв, возраст кустарников на пашне и т.п.).

В судебной практике при применении норм об административной ответственности за неиспользование земель сельскохозяйственного назначения в течение срока, установленного Законом об обороте, иногда допускаются ошибки. Так, например, в Московской области на основе постановлений Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Московской области к административной ответственности по ч. 1.1 ст. 8.8 КоАП РФ⁴ неоднократно привлекалось открытое акционерное общество «Россельхозбанк», которому вменялось в вину, что земельные участки сельскохозяйственного назначения, принадлежащие ему на праве собственности, зарастают сорными травами, не окашиваются, на них имеются очаги разрастающихся кустарников, участки не используются по целевому назначению и отсутствуют межевые знаки⁵.

В рассматриваемых делах обращает на себя внимание следующее обстоятельство: зарастание земельных участков сорняками и кустарником расценивалось как неиспользование участка по целевому назначению. Однако диспозиция ч. 1.1 ст. 8.8 КоАП РФ, как и ч. 2 данной статьи в действующей редакции, связывает привлечение лица к ответственности с определенным сроком неиспользования (три года). Но в названных судебных решениях нигде не было указаний на сроки неиспользования. Таким образом, на наш взгляд, суд неправомочно применил данную статью. За указанное земельное правонарушение Общество следовало привлечь к ответственности по ч. 2 ст. 8.7 КоАП РФ за невыполнение установленных требований и обязательных мероприятий по улучшению, защите земель и охране почв от ветровой, водной эрозии и предотвращению других процессов и иного негативного воздействия на окружающую среду, ухудшающих качественное состояние земель.

Таким образом, поскольку неиспользование земельного участка является длящимся правонарушением, но ч. 2 ст. 8.8 КоАП РФ устанавливает ответственность за неиспользование земельного участка сельхозназначения в течение трех лет, до истечения этого срока судам следует применять именно ч. 2 ст. 8.7, поскольку неиспользование сельхозземель негативно влияет на сохранение и восстановление почвенного плодородия, создает условия для накопления в почве семян сорных и карантинных растений, вызывает эрозию почв и иные негативные процессы.

В заключение отметим, что с принятием новой редакции ст. 6 Закона об обороте (в ред. от 3 июля 2016 г.) остался нерешенным обсуждавшийся в науке и практике вопрос о том, как быть, если сельскохозяйственная организация или фермерское хозяйство не используют лишь часть предоставленного земельного участка. Представляется, что изымать в таких случаях *весь* земельный участок нерационально, т.к. это отрицательно скажется на деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей и обеспечении продовольственной безопасности. Но механизмов изъятия частей неиспользуемых участков, равно как и ответственности за такие деяния, действующее законодательство не предусматривает.

¹ Российская газета. 2015. 4 дек.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3018; 2016. № 27, ч. II, ст. 4269.

³ Рассматриваемый порядок не распространяется на земельные участки, являющиеся предметом ипотеки, и земельные участки, в отношении собственников которых судом возбуждено дело о банкротстве.

⁴ Указаны статьи КоАП РФ в редакции Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 380-ФЗ. В действующей редакции КоАП РФ ответственность за неиспользование земель сельхозназначения в течение срока, установленного Законом об обороте, предусмотрена в ч. 2 ст. 8.8. Следует отметить, что данный состав правонарушения не вполне отвечает названию ст. 8.8. «Использование земельных участков не по целевому назначению, невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению».

⁵ См.: Постановления Десятого арбитражного апелляционного суда: от 19 июня 2014 г. по делу № А41-61079/13; от 19 июня 2014 г. по делу № А41-61083/13; от 6 июня 2014 г. по делу № А41-61076/13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

М.М. Бринчук

НАУЧНАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ КАК ПРИНЦИП ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

В статье рассматривается принцип теории права экологического права — научная обоснованность. Анализируются факторы, определяющие состояние и перспективы развития общества и права, а также методологические основания и их значимость для экологического права.

Ключевые слова: научная обоснованность; принципы теории права; экологическое право; факторы развития общества и права; методологические основания; субъекты экологического права.

М.М. Brinchuk

SCIENTIFIC VALIDITY AS THE PRINCIPLE OF THE ECOLOGICAL LAW

In article the principle of the theory of the right — scientific validity is considered. Factors which define a condition and prospects of progress of a society and the right, as well as the methodological bases and their importance are analyzed.

Keywords: scientific validity; principles of the theory of the right; the ecological right; factors of progress of a society and the right; the methodological bases; subjects of the ecological law.

Принцип научной обоснованности, на котором должны основываться законодательство и право, относится к общим принципам теории права. На Круглом столе, посвященном 70-летию кафедры земельного и экологического права СГЮА «Современное земельное, экологическое и аграрное право: традиции и перспективы развития», этот принцип можно рассматривать в свете оценки состояния и перспектив развития наук земельного, экологического и аграрного права в России и других странах СНГ.

Научная обоснованность норм экологического законодательства и права обеспечивается преимущественно двумя путями: посредством учета научных предложений по формированию и развитию экологического законодательства в нормотворческом процессе и применения в самих научных исследованиях современной методологии. При этом учет методологических оснований при развитии и претворении законодательства и права в жизнь может служить не только фундаментом правовых норм, но и юридическим критерием оценки правомерности тех или других правовых решений, действий и бездействия. Так, при

разработке и реализации методологических оснований экологического права важно принимать во внимание объективные условия и состояние современного этапа общественного развития во всем его многообразии и проявлениях. При этом необходимо учитывать всю совокупность основных составляющих нынешнего общественного развития, наиболее существенные из которых (в частности, экологическая, социальная, экономическая, культурная) оцениваются как кризисные. С нашей точки зрения, в контексте темы исследования наиболее значимыми для его текущего этапа и определяющими состояние и перспективы развития общества и права, на современном этапе являются следующие факторы и их характеристики:

экологический фактор (с одной стороны, признание безальтернативной роли природы как основы жизнедеятельности общества, с другой, широкомасштабные формы деградации природы под воздействием развития общества);

правовой фактор (конституционные основы развития общества, права и государства; положения общей теории права; потребности общества реализовать положения Конституции РФ и общей теории государства и права; «вклад» права в создание переживаемых Россией и мировым сообществом кризисов);

политический фактор (демократизация публичной власти, ее потребности для экологического права; развитие, формирование гражданского общества);

экономический фактор (потребность объективной оценки рыночной экономики с точки зрения прогресса развития общества; выявление ее вклада в переживаемые Россией и мировым сообществом кризисы; в этом контексте — потребности в реконструкции механизма экономического развития; масштабы неблагоприятных экономических последствий различных форм деградации природы; оценка потребностей экономических ресурсов, необходимых для эффективного осуществления экологического права, проведения целенаправленной и эффективной экологической политики);

социальный фактор (возможности удовлетворения за счет природных ресурсов человеком и обществом социальных потребностей, неблагоприятные социальные последствия деградации природы в процессе общественного развития: ухудшение здоровья людей, преждевременная смертность, сокращение продолжительности жизни и иные формы);

цивилизационный фактор (духовный упадок человечества, деградация культуры, потеря способности у значительной части общества различать добро и зло; потребности формирования нового мировоззрения и цивилизационных ценностей).

Так как научная обоснованность и соответственно эффективность экологического права зависят от учета и отражения в нем многих внутриотраслевых и внешних факторов, исследование общих закономерностей его формирования, его методологические основания целесообразно изучать, разрабатывать и осуществлять в двух аспектах — внутреннем (внутриотраслевом) и внешнем¹.

Во внутреннем (внутриотраслевом) аспекте актуальными являются вопросы названия, структуры отрасли, предмета, «уяснение взаимосвязей и взаимозависимости между структурными элементами, их общего и особенного», правового механизма и т.п.

К важнейшим внешним методологическим основаниям экологического права, как минимум, можно отнести:

закономерности развития природы; естественнонаучные знания, в т.ч. экологии, учет законов природы в законах общества;

положения общественных наук в части взаимодействия общества и природы. В той мере, в какой предмет общественных наук — философии, социологии, политологии и других — включает природную составляющую; знания, данные этих наук имеют значение для экологического права при его формировании и осуществлении;

потенциал природы. С учетом достоверного знания реального состояния природы, его потенциала наиболее эффективно могут определяться и реализовываться государственная экологическая политика как научно обоснованная, формироваться законодательство и право как одна из наиболее важных форм выражения и осуществления этой политики;

общие закономерности экологически значимого социального и экономического развития общества, которое является мощнейшим фактором разнообразных, как правило, негативных воздействий на природу. В концентрированном виде закономерности научно обоснованного развития сформулированы в концепции устойчивого развития;

конституционно-правовые положения общего характера о природе, человеке, гражданине, государстве и законодательстве. Эти положения Основного Закона РФ, обладающего высшей юридической силой, — суть наиболее существенные правовые требования, которые должны соблюдаться в процессе формирования и функционирования каждой отрасли, в т.ч. и экологического права. В конечном счете посредством реализации этого метода обеспечивается реализация самой Конституции как Основного Закона;

положения общей теории права, в частности положения о новых подходах к структурированию правовой системы, реализуемых посредством выделения публичного и частного права. Эти положения, учитываемые с необходимостью всеми отраслями права, создают научную, теоретическую основу сбалансированного внутренне согласованного развития всей правовой системы, научно обоснованного соотношения экологического права с другими отраслями и каждой отрасли в отдельности, гармоничного развития публичного и частного права;

мировоззренческие положения — о внеправовых категориях, учет которых имеет существенное, основополагающее значение и для развития права, влияет на его эффективность, на формирование нового мировоззрения, правопонимания, правосознания, правовой культуры.

Такой подход к структурированию «внешних» методологических оснований экологического права одновременно предполагает и обуславливает учет и отражение в нем всех важнейших сторон жизни, бытия человека — естественнонаучной, общественно-научной, природной, социальной, нормативно-правовой, теоретико-правовой и духовной. Соответственно, его достоинство состоит в обеспечении учета важнейших внешних факторов, обуславливающих в идеале последовательное и прогрессивное развитие экологического права на комплексной, системной основе. Всестороннее выявление, исследование и учет значимых для права явлений и факторов выступают одним из основных принципов методологии общей теории права.

Адресатом принципа научной обоснованности экологического права является самый широкий круг субъектов экологического права. И не только экологического. Изложенные вопросы методологических оснований экологического права,

содержащиеся в них идеи касаются всех отраслей, в частности при принятии экологизированных норм. Причем они важны в любом правовом контексте — отрасли права, науки, учебной дисциплины. Методология образует основу права в любом аспекте и применяется с учетом подлежащих решению задач.

Одновременно, отмечая важность научных основ развития экологического права, в частности, для всех институтов государственной власти, нельзя не видеть наибольшей ее значимости для законодателя, призванного сформировать современные и эффективные нормативно-правовые основы регулирования общественных отношений. А это возможно сделать лишь на современной научной основе. Именно поэтому из первейших и важнейших принципов законодательного процесса, элементом общих правил нормотворчества в соответствии с общей теорией права является научная обоснованность².

Знание научных основ развития экологического права, как минимум отдельных из них, важно и другим субъектам государственной власти — Президенту России как гаранту Конституции, исполнительной и судебной властям. Такой подход к реализации методологических оснований и принципа научной обоснованности ориентирует в конечном счете на планируемый результат — конституционный экологический правопорядок, формирование правового и социального государства, на достижение других достойных целей.

Этот принцип весьма значим для работников науки, формирующих основы достоверных научных знаний в сфере взаимодействия общества и природы, преподавателей и др.

¹ См.: Дубовик О.Л. Механизм действия права в охране окружающей среды. М., 1984; Шестерюк А.С. Экологическое право: вопросы теории и методологии анализа. СПб., 2000; *Его же*. Экологическое право: проблемы методологии: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000; Голиченков А.К. Экологическое право: в поисках современной методологии // Труды Института государства и права РАН. Актуальные проблемы развития экологического права в XXI веке / отв. ред. М.М. Бринчук, О.Л. Дубовик. 2007. № 5. С. 19–36; Бринчук М.М. Проблемы методологии экологического права. 2010. URL: <http://www.igpran.ru/public/publiconsite/> (дата обращения: 22.08.2016).

² См., например: Теория государства и права: учебник / под ред. О.В. Мартышина. М., 2007. С. 338–339. Как справедливо утверждает В.К. Бабаев, научная обоснованность правотворчества особенно важна в наши дни, когда перспективы развития рыночных, национальных, государственных, социально-бытовых отношений четко не определены и в их правовом регулировании приходится идти на ощупь. См.: Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 307.

Л.А. Тимофеев

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТОВАРНОГО РЫБОВОДСТВА НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье анализируется содержание ряда нормативных правовых актов, направленных на упорядочение управленческой деятельности в сфере товарного рыболовства.

Ключевые слова: рыболовство, рыбохозяйственный комплекс, аквакультура, водные биологические ресурсы.

© Тимофеев Лев Александрович, 2016

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия)

L.A. Timofeev

IMPROVING THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL SUPPORT OF COMMODITY FISH CULTURE AT THE FEDERAL LEVEL

This article analyzes the content of a number of normative legal acts aimed at streamlining management activities in the field of commercial fish farming.

Keywords: fisheries, fishery, aquaculture, complex aquatic biological resources.

По мнению руководителя Росрыболовства, российская рыбная отрасль больше не может развиваться по старому сценарию. Для того чтобы избежать стагнации и коллапса в данной сфере, нужны коренные системные изменения¹.

Целью развития рыбного хозяйства в Российской Федерации в долгосрочной перспективе является обеспечение перехода от экспортносырьевого типа к инновационному типу развития на основе сохранения, воспроизводства и рационального использования водных биологических ресурсов и обеспечения глобальной конкурентоспособности вырабатываемых рыбохозяйственным комплексом товаров и услуг.

Достижение указанных целей в долгосрочной перспективе должно основываться на формировании адекватной государственной политики, обеспечивающей российскому агропромышленному и рыбохозяйственному комплексам равные конкурентные условия, аналогичные существующим в развитых странах.

В 2020 г. по отношению к 2007 г. уровень производства продуктов питания возрастет в 1,9 раза, в т.ч. среднедушевое потребление рыбных товаров — с 12,6 кг в 2007 г. до 23,7 кг, доля производства товарной пищевой рыбной продукции с высокой добавленной стоимостью — с 51% до 82%, а доля российской рыбной продукции в структуре потребления — с 67% до 85%. В связи с этим Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. предусматривает приоритетное направление — развитие рыбохозяйственного комплекса, включая:

формирование и реализацию механизма долгосрочного и эффективного управления водными биологическими ресурсами, развитие искусственного воспроизводства водных биологических ресурсов, аква- и марикультуры;

приведение стандартов качества рыбной продукции в соответствие со стандартами, применяемыми в международной практике;

обеспечение системы мониторинга качества и безопасности водных биологических ресурсов, среды их обитания, продуктов их переработки, ведения технологических процессов рыболовства и рыбоводства;

наращивание экспорта конкурентоспособной рыбной продукции с высокой добавленной стоимостью;

развитие биржевой торговли рыбной продукцией;

активизацию международного сотрудничества Российской Федерации в области рыболовства².

Достаточно четкое определение целей развития рыбного хозяйства России в долгосрочной перспективе позволило законодателю сделать следующий вывод, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой сфере: «Государственная поддержка инновационной деятельности — совокупность мер, принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и органами

государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации в целях создания необходимых правовых, экономических и организационных условий, а также стимулов для юридических и физических лиц, осуществляющих инновационную деятельность...»³.

Прежде всего, речь пойдет о формировании и реализации механизма долгосрочного и эффективного управления водными биологическими ресурсами, поскольку анализ именно такой ситуации прямо указывает на многолетние и неоднократные попытки законодателя упорядочить развитие рыбохозяйственной отрасли в третьем тысячелетии по следующим направлениям: а) преобразование Государственного комитета Российской Федерации по рыболовству в Федеральное агентство РФ по рыболовству⁴; б) периодическое (часто неоправданное) изменение подведомственности Росрыболовства в структуре федеральных органов исполнительной власти⁵; в) систематическое обновление содержания базовых нормативных актов, регулирующих управленческую деятельность в сфере рыбохозяйственного комплекса⁶.

По мнению специалистов, развитие аквакультуры — одна из важнейших задач в рыбохозяйственной отрасли, требующая первоочередного внимания и решения. В связи с этим ранее осуществлялась работа по передаче Федеральному агентству по рыболовству предприятий племенного рыбоводства, прежде находившихся в ведении Минсельхоза России⁷. Между тем с 22 мая 2012 г. Росрыболовство из ведения Правительства РФ было передано в структуру Минсельхоза России, где и находится по настоящее время⁸.

Указанные проблемы продолжают привлекать внимание специалистов, озабоченных сохранением темпов поступательного развития отрасли⁹, что побудило Кабмин России утвердить новое Положение о Комиссии Правительства Российской Федерации по вопросам развития рыбохозяйственного комплекса, в содержании которого следует отметить следующие важные установления:

а) подготовка предложений по реализации основных направлений государственной политики в области развития рыбохозяйственного комплекса;

б) формирование единой системы государственного управления в сфере регулирования рыбохозяйственного комплекса, а также организация эффективного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и заинтересованных организаций, осуществляющих в т.ч. добычу (вылов) водных биологических ресурсов, производство, хранение, транспортировку, реализацию рыбной и иной продукции из водных биологических ресурсов и продукции аквакультуры, координация их деятельности.

Комиссия для выполнения возложенных на нее задач рассматривает:

а) предложения по разработке нормативных правовых актов, направленных на развитие рыбохозяйственного комплекса, обеспечение населения страны рыбной и иной продукцией из водных биологических ресурсов, а также продукцией аквакультуры;

б) предложения по выработке и реализации единой государственной политики в области развития рыбохозяйственного комплекса, в т.ч. касающиеся изучения, охраны, воспроизводства, рационального использования, сохранения водных биологических ресурсов и охраны среды их обитания;

в) вопросы реализации мероприятий государственной программы Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса», утвержденной Поста-

новлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 314 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие рыбохозяйственного комплекса”» (в ред. от 25 мая 2016 г.)¹⁰;

г) вопросы взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и заинтересованных организаций при реализации основных направлений государственной политики в области развития рыбохозяйственного комплекса;

д) проекты программ развития рыбохозяйственного комплекса;

е) предложения по повышению эффективности государственной поддержки организаций рыбохозяйственного комплекса;

ж) вопросы развития рынка рыбной и иной продукции из водных биологических ресурсов, а также продукции аквакультуры;

з) вопросы инновационного развития рыбохозяйственного комплекса;

и) предложения по совершенствованию организации федерального государственного контроля (надзора) в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов;

к) предложения, касающиеся мер, направленных на обеспечение конкурентоспособности рыбной и иной продукции из водных биологических ресурсов, а также продукции аквакультуры¹¹.

Поддерживая в целом полезность указанных правительственных решений, следует заметить, что последующие шаги законодателя, направленные на упорядочение управления отраслью, вызывают некоторые возражения. Имеется в виду содержание Положения о правительственной Комиссии по вопросам агропромышленного комплекса и устойчивого развития сельских территорий, являющаяся координационным органом, образованным для обеспечения согласованных действий органов исполнительной власти и организаций в целях реализации единой государственной политики в сфере агропромышленного, рыбохозяйственного комплексов и устойчивого развития сельских территорий.

Кроме того, на Комиссию возложена задача по разработке основных направлений по совершенствованию правового регулирования в агропромышленном и рыбохозяйственном комплексах и устойчивом развитии сельских территорий. В целях реализации возложенных на нее задач Комиссия рассматривает следующие вопросы:

а) в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов;

б) контроля и надзора в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов.

Председателем Комиссии является Председатель Правительства РФ.

Решения Комиссии, принятые в соответствии с ее компетенцией, являются обязательными для федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, а также организаций, представленных в ней¹².

Очевидно, что отдельные предписания правительственной Комиссии по вопросам агропромышленного комплекса и устойчивого развития сельских территорий дублируют задачи и полномочия, возлагаемые на Комиссию Правительства РФ по вопросам развития рыбохозяйственного комплекса. Думается, что при возникновении коллизий законодатель устанавливает приоритет для решений правительственной Комиссии по вопросам агропромышленного комплекса, которую возглавляет Председатель Правительства РФ, а вторую – лишь его заместитель. В таком случае, на наш взгляд, целесообразно Комиссию по во-

просам развития рыбохозяйственного комплекса преобразовать в подкомиссию правительственной Комиссии по вопросам агропромышленного комплекса. Такая ситуация позволяет поддержать позицию Ассоциации «Росрыбхоз», суть которой состоит в том, что товарная аквакультура (рыбоводство) — это вид сельскохозяйственной деятельности, поэтому рассмотрение вопросов, связанных с товарным рыбоводством, должна осуществлять комиссия по агропромышленному комплексу.

¹ См.: Шестаков И. Доклад на 11-м Международном конгрессе рыбаков // РИА «Восток-Медиа». 2016. 29 сент.

² Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 гш № 1662-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 47, ст. 5488; 2009. № 33, ст. 4127.

³ Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (в ред. от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 35, ст. 4137; 2016. № 22, ст. 3097.

⁴ См.: Указ Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» (в ред. от 30 мая 2008 г. № 863) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 20, ст. 2290; № 22. Ст. 2544.

⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 20 мая 2005 г. № 317 «О возложении на федеральные органы исполнительной власти осуществление некоторых функций в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 22, ст. 2124; 2006. № 37, ст. 3884. 13 мая 2008 г. создано Федеральное агентство по рыболовству, находящееся в ведении Минсельхоза России // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 25, ст. 2979. С 3 июня 2008 г. Росрыболовство из ведения Минсельхоза России передано в ведение Правительства РФ. См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 25, ст. 2979 и т.д.

⁶ В современный период вносились корректировки в содержание Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 148-ФЗ «Об аквакультуре (рыболовстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 3 июля 2016 г.), в Положения о Министерстве сельского хозяйства РФ, о Росрыболовстве и т.п.

⁷ Российскую аквакультуру ждут кардинальные перемены // РИА Fishnews.ru. 2012. 22 февр.

⁸ См.: Указ Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» (в ред. от 10 октября 2016 г. № 537) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 22, ст. 574; 2016. № 15, ст. 2.

⁹ А. Крайний высказывался за сохранение ситуации, когда Росрыболовство подчиненно непосредственно Правительству РФ. См.: Крайний А. Отрасль растет // РИА Fishnews. 2011. 16 марта. Вице-премьер Правительства РФ Ю. Трутнев, признавал, что отрасль полностью не построена, проблемы в развитии ее существуют, но придерживался диаметрально противоположной точки зрения — Ю. Трутнев не предлагал передать Росрыболовство в подчинение правительству // kommersant.ru. 2015. 5 сент.

¹⁰ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18, ч. II, ст. 2160; 2016. № 24, ст. 3525.

¹¹ См.: Постановление Правительства РФ от 25 декабря 2015 г. «О Комиссии Правительства Российской Федерации по вопросам развития рыбохозяйственного комплекса и внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 2012 года № 755» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 25, ст. 3807.

¹² См.: Постановление Правительства РФ от 10 июня 2016 г. № 524 «О правительственной Комиссии по вопросам агропромышленного комплекса и устойчивого развития сельских территорий» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 25, ст. 3807.

Т.В. Волкова

НЕОБХОДИМОСТЬ МЕЖОТРАСЛЕВОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ

В статье анализируется современное состояние земельных отношений, которые регулируются нормами различных отраслей права. В этой связи обосновывается необходимость межотраслевого подхода к исследованию отношений в сфере управления земельными ресурсами и защиты прав на землю.

Ключевые слова: земельные отношения, земельные ресурсы; управление земельными ресурсами, защита прав на земельные участки, междисциплинарный подход.

T.V. Volkova

NECESSITY OF INTERDISCIPLINARY APPROACH TO THE SEARCHING OF RELATIONS IN THE SPHERE OF LAND RESOURCES MANAGEMENT AND PROTECTION OF LAND RIGHTS

The modern state of land relations regulated by different branches of law is analyzed in the article. In this context the necessity of interdisciplinary approach to the searching of relations in the sphere of land resources management and protection of land rights is substantiated.

Keywords: land relations, land resources, land resources management, land right protection, interdisciplinary approach.

Правовое регулирование отношений по поводу земли всегда характеризовалось разнообразием научных взглядов и подходов. Во многом это обуславливается спецификой данного объекта, который, исходя из смысла ч. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ), одновременно представляет собой природный объект, природный ресурс и недвижимое имущество — объект права собственности и иных прав на землю. В этой связи в исследовании отношений в сфере управления земельными ресурсами и защиты земельных прав особое значение имеет *межотраслевой подход*.

Юридическая наука как совокупность идей, взглядов и представлений во все времена была направлена на исследование общетеоретических проблем различных отраслей права. Это приводит к определенным сложностям в отношениях между теорией государства и права, с одной стороны, и отраслевыми науками — с другой. С позиции анализируемого вопроса и в контексте земельных отношений это означает приспособление имеющихся и поиск новых способов защиты прав в сфере управления земельными ресурсами с учетом того, что в гражданском законодательстве, как правило, предлагаются наиболее общие способы, применение которых необходимо адаптировать к более узким правовым отношениям. В частности, в нашем случае речь идет о земельных или же, если обратиться к родовому понятию, — природоресурсных отношениях в целом, которые обладают значительной внутренней спецификой. Заметим, что в сферу природоресурсного

© Волкова Татьяна Владимировна, 2016
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия), судья Двенадцатого арбитражного апелляционного суда

права входят отрасли, регулирующие связи в области охраны и использования природных ресурсов, — земельное, экологическое и аграрное право.

Итак, современная юридическая наука, перенимая советский опыт в отрасли земельного права, постоянно совершенствует правовой инструментарий и юридическую терминологию, рассматривая вопросы построения системы органов управления в области земельных, экологических и аграрных отношений, осуществления контроля и надзора за отдельными направлениями сельскохозяйственной деятельности, развития агропромышленного комплекса, внедрения инновационных средств и методов осуществления государственной поддержки малых форм хозяйствования на земле и инвестирования в сельском хозяйстве, а также определяет перспективные направления в сфере судебной защиты прав на земельные ресурсы.

По мнению С.А. Боголюбова, главные задачи земельного законодательства — это обеспечение земельного правопорядка в соответствии с состоянием экономических и общественных отношений в России XXI в., стабилизация с помощью права аграрных, градостроительных и иных связанных с землей отношений в стране, совмещение экономических и неэкономических факторов реализации рыночных реформ¹.

Исходя из такой трактовки, налицо связь земельных с целым рядом других отношений. Именно поэтому необходимо иметь четкое представление о роли различных отраслей права в регулировании земельных отношений.

Наибольшее количество как теоретических, так и практических вопросов возникает при рассмотрении соотношения регулирования различных аспектов земельных отношений нормами земельного и гражданского права. Основы взаимосвязи данных отраслей заложены в ЗК РФ, согласно п. 3 ст. 3 которого имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды, специальными федеральными законами.

Одна из основных проблем правового регулирования земельных отношений заключается в том, что они подпадают под сферу действия сразу двух самостоятельных отраслей права — гражданского и земельного, каждая из которых имеет свою теорию². Действия специалистов, как теоретиков, так и практиков, далеко не всегда согласовываются, итогом чего становятся существенные различия в подходах к обороту земли и других объектов недвижимости.

Переход от плановой экономики к рыночным отношениям вызвал существенные изменения правового статуса участников гражданского оборота. Приняты законы о многих видах коммерческих и некоммерческих организаций. Вместе с тем правовое урегулирование целого ряда вопросов существенно отстает от динамично меняющихся общественных отношений. В частности, правовое положение крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств не было четко определено до 2003 г., что вызывало множество споров в теории земельного и аграрного права. В нормативных правовых актах, регулировавших деятельность крестьянских хозяйств до этого момента, прежде всего, в Гражданском кодексе РФ 1994 г., не учитывалась их специфика. В результате некоторые виды взаимоотношений, как внутренние (между главой и членами крестьянского хозяйства), так и внешние (с налоговыми органами и др.), оставались вообще вне сферы правового регулирования. Многие проблемы, возникающие на практике,

обусловлены тем, что в теории земельного, аграрного и гражданского права недостаточно разработаны концептуальные подходы к упомянутым формам хозяйствования на земле.

Существует масса других теоретико-практических проблем сочетания и разграничения земельного и гражданского законодательства при регулировании земельных отношений в сфере управления земельными ресурсами. Так, в последнее время учеными-юристами активно обсуждается вопрос о включении земельного законодательства, регулирующего имущественные права на землю, в гражданское законодательство³.

По нашему мнению, экологические аспекты защиты прав в сфере управления земельными ресурсами приобретают сегодня особую актуальность, о чем свидетельствуют нормы Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 3 июля 2016 г.⁴); принятые в 2006 г. Водный и Лесной кодексы РФ, а также разрабатываемый и обсуждаемый новый проект кодифицированного нормативного правового акта — Кодекса о недрах.

ВЗК РФ названы не все отрасли российского законодательства, имеющие «точки соприкосновения» с земельным законодательством. Так, административные отношения, в т.ч. финансовые, возникающие при использовании и охране земель, иных природных ресурсов, регулируются в соответствии с административным и финансовым законодательством РФ.

При обосновании необходимости использования при изучении отношений в сфере управления земельными ресурсами и судебной защиты прав на земельные участки именно межотраслевого подхода важно иметь в виду еще один немаловажный момент. Приоритетное значение в регулировании земельных отношений должно принадлежать общественным (публичным) интересам, т.к. земельные ресурсы — земля, недра и т.д. — охраняются государством. Это вытекает из особой социальной функции земли. Государство как субъект земельных отношений несет ответственность за их использование и охрану, несмотря на то, что собственность и иные права на земельные участки существуют в разных формах.

Е.А. Галиновская справедливо указывает на то, что органы государственной власти и органы местного самоуправления обязаны осваивать конструкции гражданско-правового оборота, которые должны быть урегулированы договором. В то же время при развитии, например, арендных отношений, органы государственной власти и местного самоуправления, соблюдая форму договора аренды, выстраивают свои отношения с арендаторами по принципам не договорных, а властно-управленческих отношений⁵.

Итак, полноценное формирование и совершенствование земельного законодательства, регулирующего сложившиеся в современной России общественные отношения, связанные с землей, а также правильное толкование и единообразное применение норм земельного законодательства на основе межотраслевого подхода — необходимые условия повышения эффективности института судебной защиты прав на землю, поскольку беспрепятственное функционирование земельных отношений становится определяющим фактором для развития не только отдельных социальных институтов (в частности предпринимательства), но и общества в целом.

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим главное: земельные отношения затрагивают не только правовую, но также экономическую, политическую, социальную и иные сферы, что обуславливается уникальными свойствами

земли как объекта социально-политического, экономического и территориально-природного характера. Законодательное закрепление приоритетности значения земли является необходимым условием формирования концепции государственного управления земельными ресурсами на основе обеспечения соблюдения права собственности и принципа экономической самостоятельности землепользования.

Насущной потребностью современной юридической науки выступает разработка на основе межотраслевого подхода концептуальных основ правовой системы управления земельными ресурсами и защиты земельных прав граждан. Данная концепция должна «примирять» нормы различных отраслей права в целях максимально эффективного использования земельных ресурсов, отражать баланс публичных и частных интересов в обществе, способствовать эволюционному развитию земельных отношений.

¹ См.: Боголюбов С.А. Земельное право России / под ред. С.А. Боголюбова. М., 2009. С. 11.

² См.: Иконицкая И.А. Современные тенденции развития законодательства о земле в Российской Федерации // Государство и право. 2010. № 1. С. 70–76.

³ См.: Иванов А.А. Проект концепции развития законодательства о вещном праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2, ст. 133; 2016. № 27, ч. I, ст. 4187.

⁵ См.: Галинская Е.А. Теоретические и методологические проблемы земельных правоотношений. М., 2009. С. 19.

Е.Ю. Чмыхало

ОБ ЭФФЕКТИВНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗЕМЕЛЬ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье проводится сравнительный анализ правовых норм, регулирующих отношения в сфере эффективного и рационального использования земель. Особое внимание уделено изъятию земельных участков в связи с их неиспользованием по целевому назначению и использованием с нарушением требований земельного законодательства. Выявлены проблемы в правовом регулировании этих отношений, высказаны конкретные предложения по совершенствованию правовых норм.

Ключевые слова: эффективное и рациональное использование земель, изъятие земельных участков в связи с их неиспользованием по целевому назначению и использованием с нарушением требований земельного законодательства.

E.Yu. Chmihalo

THE EFFECTIVE USE OF LAND: PROBLEMS OF ENFORCEMENT

The article presents a comparative analysis of the legal norms regulating relations in the field of effective and rational use of lands. Particular attention is paid to the expropriation of land in connection with their use for the intended purpose and use in violation of land legislation. Identified problems in the legal regulation of these relations, expressed concrete proposals on improving the legal norms.

Keywords: effective and efficient use of land, seizure of land in connection with their use for the intended purpose and use in violation of land legislation.

В июле 2016 г. в Земельный кодекс РФ (далее — ЗК РФ) и другие федеральные законы были внесены изменения и дополнения, направленные на достижение

© Чмыхало Елена Юрьевна, 2016

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия)

целей государственной политики по управлению земельным фондом (далее — государственная политика), определенные в Основах государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012–2020 годы, утвержденных Распоряжением Правительства РФ от 3 марта 2012 г. № 297-р (в ред. от 28 августа 2014 г.)¹.

Одной из целей государственной политики названо повышение эффективности использования земель, для достижения которой, в частности, предусмотрено совершенствование порядка изъятия земельных участков в связи с их ненадлежащим использованием, включая уточнение оснований для такого изъятия, а также полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления при осуществлении мероприятий, связанных с изъятием, в т.ч. определение мер по государственной поддержке мероприятий по вовлечению неиспользуемых земельных участков в хозяйственный оборот и эффективному использованию мелиорированных земель. Необходимость совершенствования порядка изъятия земельных участков при ненадлежащем его использовании обосновывалось тем, что в ранее действовавшем законодательстве отсутствовали нормы, детально его регулировавшие, в связи с чем фактически не было обращений в суд об изъятии земельных участков.

Следует напомнить, что в 2010 г. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (в ред. от 3 июля 2016 г.)² был дополнен нормами, более детально регулируемыми данные отношения, но это не изменило существовавшего положения. В качестве одной из причин этого можно назвать недостаточно четкое определение составов правонарушений, являвшихся основанием прекращения права на земельный участок. В частности, право на земельный участок могло быть прекращено в случае его использования с нарушением установленных земельным законодательством требований рационального использования земли, повлекшими существенное снижение плодородия земель сельскохозяйственного назначения или значительное ухудшение экологической обстановки. Проблема заключалась в том, что в действовавшем законодательстве не определялись требования рационального использования земель и отсутствовало определение термина «рациональное использование земель». Кроме того, надлежаще не осуществлялся мониторинг земель, а следовательно, отсутствовали данные об их состоянии, в связи с чем невозможно было установить существенное снижение плодородия.

При определении процедур прекращения права применялся еще один термин «ненадлежащее использование земельного участка». Законодательное определение этого термина также отсутствовало, поэтому предлагалось доктринальное. А.А. Соколова под ненадлежащим использованием земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения предлагает понимать его неиспользование в течение 3-х и более лет либо его использование не по целевому назначению, либо использование с нарушением установленных правил рационального использования земли. Определяя данный термин, автор перечисляет конкретные правонарушения, указанные в Федеральном законе «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»³. Неточность правовых норм, отсутствие определений, используемых в них, снижали эффективность юридической ответственности за нарушения земельного законодательства, что не способствовало обеспечению рационального использования земель.

В целях разрешения этой проблемы и реализации изложенного направления государственной политики Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка изъятия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения при их неиспользовании по целевому назначению или использовании с нарушением законодательства Российской Федерации»⁴ в ЗК РФ, Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) и Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» были внесены соответствующие изменения и дополнения.

В действующей редакции правовых норм термины «требования рационального использования земель» и «ненадлежащее использование земельных участков» исключены; основанием прекращения права признается использование земельного участка с нарушением требований законодательства РФ; перечислены конкретные правонарушения.

К сожалению, только исключение из правовых норм этих терминов не решит проблемы эффективного и рационального использования земель. В Федеральном законе «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», как и в ранее действовавшей редакции, при определении состава правонарушения требуется существенное снижение плодородия земель. Критерии существенного снижения плодородия земель определены в Постановлении Правительства РФ от 22 июля 2011 г. № 612 «Об утверждении критериев существенного снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения»⁵. Законодательно данные отношения надлежаще урегулированы, но, как уже отмечалось, мониторинг земель надлежащем образом не осуществляется, а следовательно, доказать факт существенного снижения плодородия земель по-прежнему не представляется возможным.

В ранее действовавшей редакции Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» основанием прекращения права на земельный участок могло служить и значительное ухудшение экологической обстановки, произошедшие в результате использования его с нарушением установленных земельным законодательством требований рационального использования земли. Критерии значительного ухудшения экологической обстановки определялись в Постановлении Правительства РФ от 19 июля 2012 г. № 736 «О критериях значительного ухудшения экологической обстановки в результате использования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения с нарушением установленных земельным законодательством требований рационального использования земли»⁶. Для того чтобы доказать факт правонарушения, необходимы данные о состоянии окружающей среды до выявления правонарушения, которые, как правило, отсутствовали. Учитывая это, в действующей редакции Закона для привлечения к ответственности требуется причинение вреда окружающей среде, которая в ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 3 июля 2016 г.)⁷ определяется как совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов, т.е. последствием совершения правонарушения должны стать негативные изменения не только земель и но других природных, природно-антропогенных объектов. Таким образом, в результате нарушения земельного законодательства должен быть причинен вред растительному или животному миру, поверхностным или подземным водам, противо-

правные действия должны быть достаточно серьезными, поскольку требуется наступление таких тяжких последствий.

Еще одним правонарушением, влекущим прекращение права на земельный участок, признается неиспользование его по целевому назначению. Признаки неиспользования определены в Постановлении Правительства РФ от 23 апреля 2012 г. № 369 «О признаках неиспользования земельных участков с учетом особенностей ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности в субъектах Российской Федерации»⁸. Значимым является дополнение ст. 6 Федерального закона «Об обороте земель сельского хозяйственного назначения» нормой, уточняющей срок, с которого исчисляется 3-летнее неиспользование земельного участка. Это момент выявления данного факта при осуществлении государственного земельного надзора⁹. В ранее действовавшей редакции этот срок исчислялся со дня возникновения права собственности на земельный участок, что не соответствовало сути правонарушения. Правонарушение могло быть совершено и по истечении нескольких лет с момента возникновения права собственности. Данное дополнение включено лишь в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». В ст. 285 ГК РФ и ст. 45 ЗК РФ по-прежнему указан срок, но не определен момент, с которого он исчисляется. Следует подчеркнуть, что в юридической литературе ранее отмечалось, что признаки неиспользования сельскохозяйственных земель обозначены в весьма общей форме¹⁰. Кроме того, необходимо учесть ранее сформированную правоприменительную практику. В результате неиспользования земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения происходит снижение его плодородия, т.к. он зарастает сорными растениями и мелкоколесем, поэтому при выявлении этого правонарушения независимо от срока его неиспользования виновные лица привлекались к ответственности по п. 2 ст. 8.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях¹¹ за невыполнение установленных требований и обязательных мероприятий по улучшению, защите земель и охране почв от ветровой, водной эрозии и предотвращению других процессов и иного негативного воздействия на окружающую среду, ухудшающих качественное состояние земель.

Для доказывания состава правонарушения судами в случае обжалования неправомерности привлечения к ответственности используется ГОСТ 16265-89 Земледелие, термины и определения, утвержденный и введенный в действие Постановлением Государственного комитета СССР по управлению качеством продукции и стандартам от 25 декабря 1989 г. № 4093, в котором сорные растения (сорняки) определяются как дикорастущие, произрастающие на сельскохозяйственных угодьях и снижающие величину и качество продукции, урожай всех сельскохозяйственных культур и ухудшающие его качество¹². Изложенное позволяет заключить, что внесение дополнений, хотя и имеет положительное значение для правоприменения, но вряд ли устранит ранее возникавшие проблемы.

Сравнительный анализ норм ГК РФ, ЗК РФ, Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» дает возможность установить, что перечень правонарушений, служащих основанием прекращения права на земельный участок, в них не совпадает. В соответствии с нормами Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» право собственности на земельные участки может быть прекращено при совершении правонарушений, повлекших существенное снижение плодородия почв земель сельскохозяйствен-

ного назначения или причинение вреда окружающей среде, либо земельный участок не использовался по целевому назначению в течение 3-х и более лет подряд с момента выявления в рамках государственного земельного надзора этого факта (пп. 2, 3). В ГК РФ, кроме указанных правонарушений, влекущих прекращение права собственности, называется еще одно — использование его не по целевому назначению (ст. 284, 285). Перечень правонарушений, при выявлении которых могут быть прекращены права постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения, аренды и безвозмездного пользования, еще более обширный. Кроме перечисленных, он включает следующие: порчу земель; невыполнение обязанностей по рекультивации земель, обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв; невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению (пп. 1, 2 ст. 45, п. 2 ст. 46, пп. 1, 2 ст. 47 ЗК РФ). Конечно же, это влечет вопрос о причинах правового регулирования данных отношений.

При решении вопроса о прекращении права на земельный участок значимо не только четкое определение составов правонарушений, но и самой процедуры. По ст. 286 ГК РФ орган государственной власти или местного самоуправления, уполномоченный принимать решения об изъятии земельных участков по основаниям, предусмотренным ст. 284 и 285 ГК РФ, а также порядок обязательного заблаговременного предупреждения собственников участков о допущенных нарушениях, определяются земельным законодательством. В ЗК РФ нормы, опосредственно регулирующие данные отношения, были включены в 2014 и 2016 гг. В пп. 7, 9 ст. 71 ЗК РФ установлено, что по результатам проверок должностными лицами, уполномоченными на осуществление государственного земельного надзора, составляется акт, к которому в случае выявления нарушений требований законодательства РФ прилагаются предписания об их устранении с указанием сроков. Если в установленный срок правонарушение не будет устранено, то орган государственного земельного надзора, выдавший такое предписание, после привлечения виновного лица к административной ответственности за его неисполнение информирует об этом: исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления, предусмотренные в ст. 39.2 ЗК РФ, в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности; орган государственной власти или орган местного самоуправления, которые в соответствии с законодательством вправе обратиться в суд с требованием об изъятии находящихся в частной собственности земельных участков в связи с их неиспользованием по целевому назначению или использованием с нарушением законодательства РФ и об их продаже с публичных торгов.

Несмотря на внесение изменений и дополнений в нормативные правовые акты, по-прежнему остаются нерешенными некоторые вопросы по процедуре изъятия земельных участков. В земельном законодательстве определен орган управления, который вправе обратиться в суд с требованием об изъятии находящихся в частной собственности земельных участков и об их продаже с публичных торгов лишь в отношении земель сельскохозяйственного назначения — это орган исполнительной власти субъекта РФ (пп. 6, 7 ст. 6 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»).

Буквальное толкование п. 1 ст. 286 ГК РФ позволяет судить о том, что в земельном законодательстве должен быть определен и порядок обязательного заблаговременного предупреждения собственников участков о допущенных

нарушениях. Однако в земельно-правовых актах соответствующие нормы отсутствуют.

Сравнительный анализ норм ЗК РФ, Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» позволяет установить некоторые несоответствия. В п. 2 ст. 54 ЗК РФ предусматривается, что принудительное прекращение права на земельный участок осуществляется на основании вступившего в законную силу судебного акта при условии неустранения административного правонарушения, связанного с неиспользованием земельного участка по целевому назначению или использованием с нарушением законодательства РФ, после назначения административного наказания. Толкование этой нормы позволяет судить о том, что виновное лицо должно быть привлечено к административной ответственности за совершенное земельное правонарушение. Аналогичная норма содержится и в п. 6 ст. 6 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Несколько иные нормы предлагаются в п. 9 ст. 71 ЗК РФ, определяющие, что органы государственного земельного надзора информируют компетентные органы управления о неустранении нарушений после привлечения виновного лица к административной ответственности за неисполнение предписания. Выявить правонарушения, влекущие прекращение права на земельный участок, могут федеральные органы исполнительные власти, уполномоченные на осуществление государственного земельного надзора, а следовательно, нормы, определяющие порядок прекращения права на земельный участок и полномочия органов управления государственного земельного надзора должны гармонично сочетаться в целях их единообразного толкования и формирования одинаковой правоприменительной практики. Для обеспечения этого можно предложить изменить редакцию п. 1 ст. 54 ЗК РФ и п. 6 ст. 6 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», более четко описав в них процедуру прекращения права на земельные участки, указав на необходимость привлечения к административной ответственности не только за нарушение требований земельного законодательства, но и неисполнение предписания об устранении правонарушения, что только усилит гарантии прав субъектов земельных отношений.

В последнее время злободневным становится вопрос о длительном неиспользовании земельных участков в садоводческих объединениях их обладателями. С точки зрения обеспечения рационального использования земельных участков, целесообразным в этом случае является прекращение права на них. Если земельный участок приобретен в собственность членом объединения, то прекращение права на него возможно по нормам ГК РФ, т.к. нормы Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в отношении этих земель не применимы (п. 1 ст. 1). Однако в ст. 284 ГК РФ ограничены случаи, когда возможно изъятие у собственника земельного участка в связи с неиспользованием по целевому назначению. Нормы указанной статьи применимы в отношении земельных участков, предназначенных для ведения сельского хозяйства либо жилищного или иного строительства. В ст. 1 Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» (в ред. от 3 июля 2016 г.)¹³ садовый участок определен как земельный участок, предоставленный гражданину или приобретенный им для выращивания плодовых, ягодных, овощных, бахчевых или иных сельскохозяйственных культур и картофеля, а также для отдыха (с правом возведения

жилого строения без права регистрации проживания в нем и хозяйственных строений и сооружений). Из этого определения не следует, что такой земельный участок предназначен для ведения сельского хозяйства либо жилищного или иного строительства, а следовательно, возможность применения ст. 284 ГК РФ в отношении таких земельных участков вызывает сомнения. Чаще такие земельные участки не приобретены в собственность членами объединения, а, значит, принадлежат объединению либо на правах постоянного (бессрочного) пользования, либо аренды. Членом объединения они используются в силу членских отношений, прекращение которых должно прекратить и право на земельный участок. В соответствии с подп. 3 п. 2 ст. 19 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» член садоводческого объединения обязан использовать земельный участок в соответствии с его целевым назначением и разрешенным использованием, ответственность за несоблюдение этой обязанности в указанном Законе не предусмотрена. К полномочиям общего собрания членов садоводческого объединения относится исключение из членов объединения, однако основания для принудительного прекращения членских отношений в указанном Законе не перечислены. Таким образом, нормы, регулирующие эти отношения, не взаимосвязаны, поэтому исключить из членов объединения за неиспользование земельного участка не по целевому назначению невозможно, как и обеспечить рациональное использование этих земель имеющимися правовыми нормами.

Проведенное исследование показало, что внесение изменений и дополнений в ЗК РФ, ГК РФ, Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», касающихся прекращения права на земельный участок в случае его неиспользования по целевому назначению или использования его с нарушением законодательства, лишь в части устранил ранее возникавшие проблемы. Для повышения эффективности юридической ответственности за нарушение земельного законодательства в целях обеспечения эффективного и рационального использования земель недостаточно только мер правового характера, требуются меры и организационные, такие как надлежащее осуществление мониторинга земель, государственного земельного надзора.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 12, ст. 1425; 2014. № 36, ст. 4880.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3018; 2016. № 27, ч. II, ст. 4269.

³ См.: *Соколова А.А.* Правовое обеспечение надлежащего использования земель сельскохозяйственного назначения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 10–11.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27, ч. II, ст. 4287.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30, ч. II, ст. 4655.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 30, ст. 4290.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2, ст. 133; 2016. № 27, ч. I, ст. 4187.

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 18, ст. 2230.

⁹ См.: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка изъятия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения при их неиспользовании по целевому назначению или использовании с нарушением законодательства Российской Федерации».

¹⁰ См.: *Галиновская Е.А.* Институт юридической ответственности как составляющая земельного правового порядка // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 41–48.

¹¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2016. № 26, ч. I, ст. 3874.

¹² См.: Решение Арбитражного суда Тамбовской области от 11 ноября 2011 г. по делу № А64-7332/2011. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/322dc4c1-c8c2-4bc8-a938-4c5a87b0233b/A64-7332-2011_20111111_Reshenie.pdf (дата обращения: 20.08.2016). Решение оставлено в силе Постановлением Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 февраля 2012 г. № 19АП-6691/2011 по делу № А64-7332/2011. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/aee5e4ee-b9c4-4076-8785-d30ad41391b3/A64-7332-2011_20120217_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (дата обращения: 20.08.2016).

¹³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 16, ст. 1801; 2016. № 27, ч. II, ст. 4270.

Е.Н. Абанина

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРЕБЫВАНИЯ ГРАЖДАН В ЛЕСАХ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматриваются возможные ограничения на доступ гражданам в леса. Анализируются случаи ограничения в целях обеспечения пожарной безопасности, санитарной безопасности в лесах и безопасности граждан при выполнении работ. Обращается внимание на практические проблемы, связанные с несовершенством правового регулирования отношений в этой области.

Ключевые слова: экологическая безопасность, пожарная безопасность, санитарная безопасность, ограничение пребывания граждан в лесах.

E.N. Abanina

LIMITATION OF CITIZENS' STAY IN THE WOODS IN ORDER TO ENSURE THE ENVIRONMENTAL SAFETY

The article deals with individual cases of restrictions on access to citizens in the forest. Analyzed cases of limitation in order to ensure fire safety, sanitary safety in forests and public safety during the work. Attention is drawn to the practical problems associated with the imperfection of legal regulation of relations in this area.

Keywords: ecological safety, fire safety, sanitary safety, restriction of citizens' stay in the woods.

В соответствии с п. 1 ст. 11 Лесного кодекса РФ (далее — ЛК РФ) граждане имеют право свободно и бесплатно пребывать в лесах и для собственных нужд осуществлять заготовку и сбор дикорастущих плодов, ягод, орехов, грибов, других пригодных для употребления в пищу лесных ресурсов (пищевых лесных ресурсов), а также недревесных лесных ресурсов. Возможность пребывания в лесах как субъективное право, вытекающее непосредственно из закона, не связывается с получением предварительных разрешений и соответственно не требует внесения каких-либо платежей¹.

Ограничение пребывания граждан в лесах устанавливается в нескольких случаях. Так, согласно п. 5 ст. 11 ЛК РФ пребывание граждан в лесах может быть ограничено в целях обеспечения пожарной безопасности, санитарной безопасности и безопасности граждан при выполнении работ. Думается, в этом случае можно говорить об ограничении в целях обеспечения экологической безопасности.

Экологическая безопасность представляет собой состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий². Обеспечение экологической безопасности относится к национальным интересам и осуществляется посредством реализации стратегических национальных приоритетов, среди которых — экология живых систем и рациональное природопользование. При этом стратегическими целями обеспечения экологической безопасности и

© Абанина Елена Николаевна, 2016
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия), e-mail: elena-abanina@yandex.ru

рационального природопользования являются сохранение и восстановление природных систем, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для жизни человека и устойчивого развития экономики³.

Согласно положениям Экологической доктрины⁴ национальная безопасность может быть обеспечена только при условии сохранения природных систем и поддержания соответствующего качества окружающей среды. В целях сохранения природных систем, поддержания их целостности и жизнеобеспечивающих функций для устойчивого развития общества, повышения качества жизни, улучшения здоровья населения и демографической ситуации, обеспечения экологической безопасности страны необходимы следующие меры:

сохранение и восстановление природных систем, их биологического разнообразия и способности к саморегуляции как необходимого условия существования человеческого общества;

обеспечение рационального природопользования и равноправного доступа к природным ресурсам ныне живущих и будущих поколений людей;

обеспечение благоприятного состояния окружающей среды как необходимого условия улучшения качества жизни и здоровья населения.

Стратегией развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года определены основные факторы возникновения системных проблем в сфере лесного хозяйства, среди которых значительные потери лесных ресурсов от пожаров, вредителей и болезней, ущерб от которых значительно выше общих расходов на охрану, защиту и воспроизводство лесов; нарушение биологического разнообразия лесов. Также Стратегией определены стратегические цели развития лесного комплекса Российской Федерации, в числе которых обеспечение экологической безопасности⁵.

Учитывая перечисленные нормы стратегических документов, можно утверждать, что обеспечение пожарной и санитарной безопасности в лесах вполне соотносится со стратегическими целями и задачами государства в области обеспечения национальной безопасности и в целом служит укреплению экологической безопасности.

1. Пожарная безопасность — состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров; пожарная безопасность в лесах — это состояние защищенности лесной растительности, земли, животного мира и других компонентов природной среды, а также интересов человека от пожаров и их последствий.

Для достижения состояния защищенности в этой сфере устанавливается запрет на вход гражданам и въезд транспортных средств в лес в случае⁶ установления IV и V классов пожарной опасности в лесах в зависимости от условий погоды при отсутствии улучшения пожароопасной обстановки в лесах (выпадение осадков более 3 мм) в ближайшие 5 дней по данным прогноза метеорологических (погодных) условий, а также объявления чрезвычайных ситуаций в лесах, возникших вследствие лесных пожаров.

При ограничении пребывания граждан в лесах осуществляются следующие мероприятия: оповещение населения, установка по границам территории, на которой введено такое ограничение, предупредительных аншлагов, перекрытие шлагбаумами лесных дорог, создание системы контрольно-пропускных пунктов, иные меры. Закреплен максимальный срок, на который может вводиться такое ограничение — до 21 календарного дня.

Необходимо подчеркнуть, что ограничение права граждан пребывать в лесу направлено на обеспечение другого права — права на благоприятную окружающую среду в связи с тем, что, например, неконтролируемое посещение лесов во время пожароопасного периода может привести к лесному пожару, в результате которого будет причинен как экономический, так и экологический ущерб — сокращение лесов отрицательно сказывается на состоянии всей природной среды.

2. Санитарная безопасность лесов — это состояние защищенности лесной растительности, живых организмов, человека от вредных организмов, а также от негативных воздействий на леса. Ограничение пребывания граждан в лесах и въезда в них транспортных средств в целях обеспечения санитарной безопасности вводится в случае проведения работ по локализации и ликвидации очагов вредителей и болезней леса с применением пестицидов.

В случае введения ограничения пребывания граждан в лесах и въезда в них транспортных средств, проведения в лесах определенных видов работ в целях обеспечения санитарной безопасности в лесах необходима установка предупредительных аншлагов с информацией о применении пестицидов и периоде действия ограничения.

3. Безопасность граждан при выполнении работ в лесах — состояние защищенности жизни и здоровья граждан от риска травм при проведении лесохозяйственных работ.

Лесное законодательство разрешает огораживать лесные участки и ограничивать доступ граждан в леса в связи с проведением работ в лесу и обеспечивать безопасность граждан при их выполнении. При этом ЛК РФ установил тонкую границу между законным ограничением права и незаконным запретом, которую легко пересечь недобросовестным или невнимательным лесопользователям.

Например, при ведении лесозаготовительных мероприятий тропы и дороги, пересекающие лесосеку, на которой выполняют машинную валку деревьев в темное время суток, должны быть обозначены запрещающими знаками и на них должны быть установлены освещаемые шлагбаумы. С одной стороны, очевидно, что установка шлагбаума продиктована, во-первых, требованием закона, во-вторых, необходимостью обеспечения безопасности граждан при ведении работ. С другой стороны, установка шлагбаума препятствует входу в лес гражданам и въезду транспортных средств. В этом случае, несмотря на необходимость, установка шлагбаума должна точно отвечать требованиям законодательства. Прежде всего, шлагбаум перекрывает въезд не на сам лесной участок, а только на участок, где ведутся опасные работы в темное время суток; на шлагбауме устанавливается знак, запрещающий проход, проезд с информацией о валке леса; его установка носит временный характер и должна быть внесена в декларацию и проект освоения лесов.

К сожалению, несоблюдение этих требований, несмотря на объективную необходимость таких ограждений для обеспечения жизни и здоровья граждан, влечет их демонтаж. В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. ОАО «Лахденпохский леспромхоз» производил опасные работы (лесозаготовительные мероприятия) на арендованном участке, которые велись круглосуточно. На время их проведения был установлен шлагбаум в целях обеспечения безопасности людей и регулирования движения транспортных средств в опасную зону. Прокурор района обратился в суд с иском об устранении препятствия для свободно прохода (проезда) в лес путем демонтажа шлагбаума. Суд пришел к выводу,

что шлагбаум относится к объектам лесной инфраструктуры и его установка разрешается для достижения обозначенных целей. Однако в соответствии с положениями ст. 26 ЛК РФ, приказом Федерального агентства лесного хозяйства от 17 января 2012 г. № 18 «О лесной декларации» следует, что создание объектов лесной инфраструктуры должно быть задекларировано, их установка предусмотрена проектом освоения лесов. Несмотря на эти требования, в договоре аренды установка шлагбаума не предусмотрена, размещение его на лесном участке не задекларировано, поэтому решение суда об обязанности ОАО устранить препятствие для свободного проезда в лес⁷ было законным и обоснованным.

ЛК РФ установлены субъекты, имеющие право ограничивать пребывание граждан в лесах. Так, ограничивать пребывание граждан в лесах и въезд в них транспортных средств, проведение определенных видов работ в целях обеспечения пожарной и санитарной безопасности могут органы государственной власти, органы местного самоуправления в пределах своих полномочий. Субъект ограничения права граждан пребывать в лесах в целях обеспечения их безопасности при выполнении работ ЛК РФ не установлен. По мнению Н.С. Паламарчука, «арендаторы не вправе ни в каких случаях ограничивать доступ граждан в леса, даже в целях безопасности: такими полномочиями они не обладают»⁸. Позволим себе не согласиться с таким суждением. Правилами по охране труда в лесозаготовительном, деревообрабатывающем производствах и при проведении лесохозяйственных работ⁹ установлены государственные нормативные требования при проведении лесозаготовительных, лесохозяйственных работ, они обязательны для исполнения субъектами такой деятельности — лесопользователями-юридическими лицами независимо от их организационно-правовых форм. Среди таких требований есть обязанность лесопользователей устанавливать освещаемые шлагбаумы.

В остальных случаях право граждан пребывать в лесу не может быть никем ограничено.

В соответствии с п. 8 ст. 11 ЛК РФ лица, которым предоставлены лесные участки, не вправе препятствовать доступу граждан на эти лесные участки, а также осуществлению заготовки и сбора находящихся на них пищевых и недеревесных лесных ресурсов.

Предоставленные гражданам и юридическим лицам лесные участки могут быть огорожены только в случаях, предусмотренных ЛК РФ. Например, допускается установление ограждений при использовании лесов для осуществления видов деятельности в сфере охотничьего, сельского хозяйства. Но даже если законом разрешено установление ограждения, арендаторы должны соблюдать требования к таким ограждениям. Например, на лесных участках, предоставленных для ведения сельского хозяйства, допускается возведение изгородей. При этом изгородь представляет собой ограждение, изготовленное из стальной проволоки, натянутой на деревянные столбы, имеющее временный характер. Кроме того, ограждение не означает запрет гражданам находиться в лесу, огораживаются только отдельные места участка (например, вольер для разведения животных), ограждение не должно затрагивать тропы и местные дороги. Однако арендаторы вопреки требованиям законодательства огораживают предоставленные им лесные участки при использовании лесов, не предусматривающих установление ограждения либо с нарушением требований к таким ограждениям (заборы из профнастила¹⁰, заборы из металлопрофиля¹¹, сетка рабица¹²). В таких случаях уполномоченные органы власти предписывают демонтировать ограждения и при невыполнении требования обращаются в суд.

Таким образом, ограничения права общего лесопользования в целях обеспечения экологической безопасности в форме препятствия доступу граждан на лесные участки обоснованы в случаях, если такое ограничение предусмотрено нормами ЛК РФ, имеет временный характер; создание ограждений внесено в декларацию и проект освоения лесов и после того, как отпадет надобность в них, подлежат сносу.

¹ См.: *Васильева М.И.* Пребывание граждан в лесах (свобода и ограничения) // Экологическое право. 2012. № 1. С. 22.

² См.: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2, ст. 133; 2016. № 27, ч. I, ст. 4187.

³ См.: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1, часть II, ст. 212.

⁴ См.: Распоряжение Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 36, ст. 3510.

⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 318 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие лесного хозяйства” на 2013–2020 годы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18, ч. II, ст. 2164.

⁶ См.: Приказ Рослесхоза от 3 ноября 2011 г. № 471 «Об утверждении Порядка ограничения пребывания граждан в лесах и въезда в них транспортных средств, проведения в лесах определенных видов работ в целях обеспечения пожарной безопасности или санитарной безопасности в лесах» // Российская газета. 2012. 27 янв.

⁷ См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 17 января 2014 г. по делу № 33-265/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ *Паламарчук Н.С.* Незаконный захват и застройка защитных лесов и особо защитных участков лесов как деятельность, несовместимая с их целевым назначением и полезными функциями (по материалам прокуратуры Хабаровского края и управления лесами Правительства Хабаровского края) // Юридический мир. 2012. № 2. С. 48–53.

⁹ См.: Приказ Минтруда России от 2 ноября 2015 г. № 835н «Об утверждении Правил по охране труда в лесозаготовительном, деревообрабатывающем производствах и при проведении лесохозяйственных работ». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 7 августа 2015 г. № Ф06-26268/2015 по делу № А55-23614/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 7 июля 2016 г. № Ф08-3826/2016 по делу № А32-31280/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² См.: Определение Санкт-Петербургского городского суда от 7 октября 2014 г. № 33-14461/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

О.В. Куликова, В.А. Попкова

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящей статье обосновывается необходимость экологизации социально-экономической системы Российской Федерации. Рассматриваются вопросы формирования экологической безопасности в сфере обращения отходов производства и потребления.

Ключевые слова: экологизация, отходы производства и потребления, экологическая безопасность, окружающая среда, экология производства.

© Куликова Ольга Валентиновна, 2016

Кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kulikovaov.sgap@rambler.ru

© Попкова Вера Александровна, 2016

Преподаватель кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kulaginvladimir89@gmail.com

O.V. Kulikova, V.A. Popkova

GREENING IN THE TREATMENT OF INDUSTRIAL AND MUNICIPAL WASTE AS A MEASURE TO ENSURE THE ENVIRONMENTAL SAFETY OF THE SARATOV REGION

In this paper, the authors have shown the need for greening of the socio-economic system of the Russian Federation. We raised the issue of formation of ecological safety in the field of industrial and consumer waste.

Keywords: greening, waste production and consumption, environmental Safety, environment, ecology of production.

На современном этапе развития России особое значение приобретают взаимодействия, происходящие в правовой области, в т.ч. в сфере формирования экологической безопасности регионов. Процесс формирования и обеспечения экологической безопасности обусловлен, с одной стороны, экологически неблагоприятным состоянием окружающей среды в Российской Федерации, а с другой — необходимостью сочетания объективных потребностей и реальных возможностей государства и его регионов при решении определенных экономических и экологических задач.

Мировой опыт свидетельствует, что основой успешного решения экологических проблем и предотвращения экологических катастроф является экологизация социально-экономической системы как всего государства, так и его регионов.

По мнению экспертов Всемирной организации здравоохранения и ученых России, 23% всех заболеваний и 25% всех случаев раковых заболеваний обусловлены воздействием факторов окружающей среды. В крупных городах России вклад реальных нагрузок на состояние здоровья населения составляет в отношении социальных факторов и образа жизни 30,5%; городской и внутри-жилищной среды — 16%; производственной среды — 18,5%; биологических факторов — 11%. По данным последних десятилетий, для области характерно существенное снижение естественного прироста населения из-за высокого уровня смертности, который сопровождался низкими показателями рождаемости, высокой смертностью среди трудоспособного населения и значительным увеличением социально значимой патологии.

Примерно 15% территории Российской Федерации, на которой проживает 60% населения, характеризуется неудовлетворительным качеством окружающей среды¹. Отмечается устойчивая корреляция ее комплексного загрязнения, в т.ч. вследствие недобросовестного обращения с отходами производства и потребления. Согласно данным Минприроды России, более чем в 20 регионах Российской Федерации выявлены объекты размещения отходов, не соответствующие предъявляемым требованиям законодательства. Помимо крупных свалок, большая часть которых расположена на землях населенных пунктов, что напрямую противоречит требованиям Федерального закона «Об отходах производства и потребления», в ходе проверок было выявлено более 95 тыс. мест несанкционированного размещения отходов на суммарной площади около 29 тыс. га². Оказывая негативное влияние на состояние окружающей среды, такие места скопления отходов отрицательно сказываются не только на экологической обстановке региона, но и на здоровье людей и продолжительности их жизни.

Регулирование отношений в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов нормами других отраслей получило название экологизации. Экологизация — одно из направлений развития российского законодательства, развития и совершенствования экологического права. Экологизация — доктринальное понятие. Оно получило развитие не только в сфере экологического права, но и в других отраслях науки и практики. Процесс экологизации охватывает практически все сферы производственной, общественной и бытовой жизни. Говорят об экологизации производства, общественного сознания, знаний и т.п. Это вытекает из приоритетов законов развития природы в жизни общества, которые должны соблюдаться в ходе хозяйственной и иной практической деятельности, влияющей на состояние естественной среды обитания человека³. Как верно отмечал видный российский ученый-эколог Н.Ф. Реймерс, «общая экологизация означает разносторонний более системный, чем ранее, подход к объективному миру и большее осознание роли природы в жизни человека, т.е. новый этап «экологической» культуры»⁴.

В связи с экологизацией законодательства в науке и практике возникает ряд существенных теоретических вопросов, касающихся, в частности, общих закономерностей необходимости экологизации, масштабов и пределов (ограничений) ее осуществления; наличия правовых норм, устанавливающих требования по экологизации; критериев научной и правовой обоснованности решения по экологизации, ее места в механизме экологического права, целей и задач. В некоторых работах по экологическому праву экологизацию рассматривают как специфический метод правового регулирования экологических отношений. Как считает С.А. Боголюбов, «особым, присущим данной отрасли права методом считается метод экологизации, направленный на гармонизацию отношений общества и окружающей среды»⁵.

Необходимо, на наш взгляд, отталкиваться от понятия «экологизация», которое С.А. Боголюбов рассматривает как проявление природоохранного подхода ко всем без исключения событиям и явлениям общественного бытия, как проникновение глобальной задачи охраны окружающей среды во все сферы общественных отношений как регулируемые, так и не регулируемые до сих пор правом⁶.

Подчеркнем, что цель экологизации состоит в использовании средств других, «неэкологических», отраслей законодательства для решения задач охраны окружающей среды и обеспечения рационального природопользования, соответственно основным юридическим критерием научной и правовой обоснованности (необоснованности) того или иного решения по экологизации служит усиление (ослабление) потенциала экологического права, его механизма⁷.

Состояние государства напрямую зависит от уровня и качества развития его регионов. Экологическая безопасность регионов является составной частью национальной безопасности страны и служит основой сохранения природных систем и поддержания качества окружающей среды в целом⁸. Активизация экономически-хозяйственной деятельности региона без учета его экологической составляющей даже при том, что многие вопросы так или иначе решены юридически, на практике могут спровоцировать нерациональное использование природных ресурсов, привести к неэффективности применяемых мер в сравнении с оказываемым влиянием на окружающую среду и, как следствие, необходимости ликвидации нанесенного вреда окружающей среде и экологического ущерба.

Так, в Постановлении Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 6 февраля 2013 г. № 17-СФ «О механизмах ликвидации экологического ущерба, связанного с прошлой экономической деятельностью» выделяется 4 основных фактора существенно оказывающих влияние на уровень экологической безопасности:

1) повышенный риск аварийных ситуаций из-за высокой изношенности основных фондов на существующих производствах;

2) наличие больших объемов накопленных в результате прошлой экономической деятельности отходов на прекративших свою деятельность хозяйственных объектах;

3) отсутствие эффективной системы обезвреживания, переработки и экологически безопасного удаления образующихся в результате текущей хозяйственной деятельности отходов;

4) отсутствие эффективного экологического надзора.

Все они в различных вариациях имеют место в регионах России и требуют взвешенного, дифференцированного подхода при изучении проблемы обращения с отходами производства и потребления в конкретно взятой местности.

В целом уровень экологической нагрузки на экономику нашего региона значительно ниже, чем в развитых странах. Саратовская область обладает достаточно большими ресурсами пресной воды, земельными ресурсами, запасами углеводородного сырья, общераспространенных полезных ископаемых. Вместе с тем на протяжении многих десятилетий в Саратовской области формируются полюса экологического неблагополучия, что негативно отражается на качестве жизни людей, их здоровье и продолжительности жизни. Динамика основных экологических показателей развития Саратовской области, констатирует рост негативного воздействия на окружающую среду, в т.ч. вследствие увеличения количества отходов производства и потребления. На фоне снижения уровня переработки отходов, а также опасности загрязнения окружающей природной среды вследствие неорганизованного хранения бытовых и промышленных отходов в Концепции экологической безопасности Саратовской области на 2010–2020 годы одним из приоритетных направлений предусмотрена экология производства. Под ней понимается поэтапное сокращение уровней воздействия на окружающую среду всех антропогенных источников, находящихся на территории области⁹. Особое место в вышеупомянутой Концепции отводится внедрению ресурсосберегающих и безотходных технологий на предприятиях области, использованию новых технологий при обращении с отходами производства и потребления, сооружению комплексов по переработке твердых бытовых отходов в таких городах, как Саратов, Балаково и Энгельс. Экологизация в сфере обращения с отходами производства и потребления на территории Саратовской области включает следующие мероприятия:

1) снижение влияния образующихся отходов на состояние окружающей среды во всех сферах хозяйственной деятельности. Внедрение ресурсосберегающих и безотходных технологий на предприятиях области. Технологическое перевооружение и постепенный вывод из эксплуатации устаревшего оборудования;

2) внедрение новых технологий по вторичному использованию промышленных и бытовых отходов в производстве;

3) сокращение объема образования и размещения отходов производства и потребления, создание условий для безопасного захоронения особо опасных отходов. Реформирование системы организации сбора, размещения, переработки

и утилизации отходов производства и потребления, привлечение к этому виду деятельности предприятий малого бизнеса;

4) разработка и реализация проектов по разделному сбору и сортировке твердых бытовых отходов в городах области. Разработка и внедрение технологий по утилизации специфических видов отходов: осадков сточных вод очистных сооружений, отходов животноводческих и птицеводческих комплексов, а также биологических и медицинских отходов, представляющих собой особую опасность для населения;

5) внедрение в практику сельского хозяйства новейших научных способов по переработке отходов производства животноводческой отрасли с получением гуминовых удобрений и их использование;

6) утилизация осадков сточных вод, использование в качестве органоминерального удобрения при соблюдении норм экологической безопасности, применение при рекультивации техногенно нарушенных территорий, карьеров, свалок для создания лесопарковых зон;

7) сооружение комплексов полной переработки твердых бытовых отходов в городах Саратове, Балаково, Энгельсе за счет средств инвесторов.

Для комплексной реализации данных мероприятий в январе 2013 г. Правительством Саратовской области было заключено концессионное соглашение с ЗАО «Управление отходами», в рамках которого предусматривалось строительство и эксплуатация двух полигонов твердых бытовых отходов суммарной мощностью не менее 450,0 тыс. т в год, двух мусороперерабатывающих комплексов мощностью не менее 150,0 тыс. т в год каждый, а также двух цехов биокомпостирования на территории Энгельсского и Балаковского муниципальных районов и восемнадцати мусороперегрузочных станций в левобережных районах Саратовской области¹⁰.

18 марта 2015 г. состоялось открытие первого в Саратовской области современного мусороперерабатывающего комплекса — Энгельсского межмуниципального полигона ТБО. Новый объект стал первым этапом проекта по созданию системы утилизации отходов в Левобережных районах области, которая реализуется в рамках частно-государственного партнерства. В левобережных районах выстроена четкая схема по сбору, перевозке, переработке и утилизации отходов. Общий объем инвестиций составляет более 1,6 млрд руб., из них стоимость Энгельсского полигона ТБО и 11 районных станций — более 1 млрд руб. Энгельсский полигон ТБО призван решить целый спектр стратегических задач и его работа благотворно отразится на экологической обстановке всего левобережья. В планах — распространение опыта Заволжья на районы Правобережья. Уже сейчас рассматриваются планы по организации мусороперерабатывающих комплексов в Вольске и Балашове. Председатель Совета директоров ЗАО «Управление отходами» Ю. Сизов отметил, что реализация проекта в рамках концессионного соглашения прошла в максимально короткие сроки. Крайне быстро были выделены земельные участки, проведены все необходимые согласования и экспертизы. «Это одно из первых в России концессионных соглашений, в которых были использованы средства пенсионных фондов. Думаю, что эта практика вскоре станет нормой при реализации различного рода проектов в нашей стране», — отметил Ю. Сизов.

Директор филиала ЗАО «Управление отходами» г. Саратова А. Вишняков подчеркнул, что по набору современного технического оборудования по переработке и утилизации мусора Энгельсский полигон ТБО не имеет аналогов.

Так, цеха биокomпостирования для утилизации древесины нет больше ни на одном мусороперерабатывающем комплексе. Все это позволит в ближайшее время перерабатывать не только текущие отходы, но и мусор, накопленный на полигоне за многие годы его существования. «С 2016 года федеральный закон предполагает закрытие всех «полулицензионных» мест захоронения ТБО, которые есть сегодня практически во всех регионах. Минимизация числа полигонов ТБО и максимальная переработка отходов должны стать нормой. Саратовская область заранее пошла по этому цивилизованному пути и создала один из самых современных и экологичных объектов»¹¹, — подчеркнул губернатор Саратовской области В. Радаев.

Мусороперерабатывающий комплекс предназначен для отбора вторичного сырья (бумага, стекло, металл, пластик), дробления крупногабаритного мусора и прессования подлежащих захоронению на полигоне ТБО остатков. Использование мусоросортировочного комплекса в схеме позволяет обеспечить отбор до 15% от массы мусора во вторичные ресурсы, а при условии организации системы раздельного сбора мусора в муниципалитетах — до 30%. Планируемые объемы размещения ТБО на 2 межмуниципальных полигонах ТБО: 245 тыс. т/год в г. Энгельсе, 205 тыс. т/год в г. Балаково.

Между тем, по информации Росприроднадзора, не все регионы относятся серьезно к проблеме образования отходов и тем более необходимости разработки программ, ориентированных на создание эффективных, комплексных систем в области обращения с отходами. По имеющимся данным, лишь в 34 субъектах РФ программами запланировано создание объектов по переработке отходов¹². В этом отношении особый интерес представляет процесс экологизации законодательства.

Экологизация в сфере обращения с отходами производства и потребления включает в себя не только мероприятия, закрепленные в Концепции экологической безопасности Саратовской области на 2010–2020 годы, но и предполагает процесс дальнейшего совершенствования законодательства. Очевидно, что экологизированные нормы должны будут стать неким залогом эффективности и стабильности в сфере обращения отходов, в частности, речь идет о такой группе общественных отношений, как стимулирование.

Таким образом, объективная потребность общества в развитии производственных сил должна сопровождаться не только созданием условий для сбалансированного социального, экологического и экономического развития каждого региона, но и поиском четких правовых конструкций, регламентирующих данный вид деятельности, а в ряде случаев жесткого их приоритета. Главное, чтобы с учетом имеющихся в обществе и государстве реальных возможностей и средств, в т.ч. правовых, посредством экологизации законодательства создавались и поступательно реализовывались правовые условия последовательного достижения целей сохранения благоприятного состояния окружающей среды или его восстановления¹³. Поэтому для обеспечения экологической безопасности России и ее регионов, важно не только ликвидировать накопленный в течение десятилетий вред, но и не допустить рецидива ситуации.

¹¹ См.: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 6 февраля 2013 г. № 17-СФ «О механизмах ликвидации экологического ущерба, связанного с прошлой экономической деятельностью» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 6, ст. 481.

¹² Минприроды России публикует дополнительные разъяснения к вступившему в силу 1 августа 2014 г. Порядку ведения государственного кадастра отходов. URL: <http://www.mnr.gov.ru> (дата обращения: 15.08.2016).

- ³ См.: Каландаров К.Х. Экологическое сознание. Сущность и способы формирования. М., 1999. С. 45.
⁴ См.: Реймерс Н.Ф. Природопользование. Словарь-справочник. М., 1990. С. 591.
⁵ См.: Боголюбов С.А. Экологическое право: учебник. М., 1998. С. 12–13.
⁶ Боголюбов С.А., Сулейменов М.К. Экологическое право — интегрированная отрасль. Проблемы теории экологического права. Диалог // Экологическое право. 2014. № 4. С. 32–38.
⁷ См.: Бринчук М.М. Практика экологизации законодательства // Экологическое право. 2008. № 6.
⁸ См.: Распоряжение Правительства Саратовской области от 19 ноября 2009 г. № 292-Пр «О Концепции экологической безопасности Саратовской области на 2010–2020 годы» (в ред. от 10 января 2014 г.) // Собр. законодательства Саратовской области. 2009. № 28; 2014. № 2.
⁹ См.: Распоряжение Правительства Саратовской области от 19 ноября 2009 г. № 292-Пр «О Концепции экологической безопасности Саратовской области на 2010–2020 годы» (в ред. от 10 января 2014 г.) // Собр. законодательства Саратовской области. 2009. № 28; 2014. № 2.
¹⁰ См.: Доклад о состоянии и об охране окружающей среды Саратовской области в 2013 году. URL: <http://ex.saratov.gov.ru> (дата обращения: 15.08.2016).
¹¹ В Энгельсе торжественно открылся межмуниципальный полигон твердых бытовых отходов. URL: minforest.saratov.gov.ru (дата обращения: 15.08.2016).
¹² Минприроды России публикует дополнительные разъяснения к вступившему в силу 1 августа 2014 г. Порядку ведения государственного кадастра отходов. URL: <http://www.mnr.gov.ru> (дата обращения: 15.08.2016).
¹³ Бринчук М.М. Практика экологизации законодательства // Экологическое право. 2008. № 6.

Ю.В. Сорокина, С.В. Агаренков

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА КАК ПУТЬ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В статье рассматриваются проблемы модернизации понятийного аппарата в сфере охраны окружающей среды на законодательном уровне. Дается краткий анализ некоторых последних изменений экологического законодательства и предполагаемых последствий их реализации на практике. Обозначаются актуальные причины совершенствования государственной политики в данной сфере.

Ключевые слова: государственный механизм, комплексное экологическое разрешение, модернизация законодательства, негативное воздействие на окружающую среду, охрана окружающей среды.

Yu.V. Sorokina, S.V. Agarenkov

MODERNIZATION OF CONCEPTUAL APPARATUS AS A WAY TO PERFECTION STATE MECHANISM OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

The article deals with the problems of modernization of the conceptual apparatus in the field of environmental protection at the legislative level. A brief analysis of some recent changes in environmental legislation and expected impact of their implementation in practice. Designated relevant reasons for improvement of the state policy in this sphere.

Keywords: state mechanism, integrated environmental permit, the modernization of the legislation, the negative impact on the environment, protection of the environment.

Охрана окружающей среды — важнейшая функция государства, без эффективной реализации которой невозможно его нормальное существование,

© Сорокина Юлия Викторовна, 2016
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: al-sorokin@yandex.ru

© Агаренков Сергей Валерьевич, 2016
Аспирант кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: praevius@inbox.ru

а также достойное и благоприятное проживание его граждан. Экологическая, экономическая и социальная ситуация как в глобальном масштабе, так и в рамках отдельных регионов, в современном мире не отличается стабильностью, что требует постоянного совершенствования природоохранного и природоресурсного законодательства. В рамках модернизации этого законодательства целый ряд нормативных актов был подвергнут пересмотру. Необходимо отметить, что значительным изменениям подвергся понятийный аппарат в рассматриваемой сфере общественных отношений, в т.ч. появились совершенно новые термины («комплексное экологическое разрешение»), были скорректированы уже существовавшие определения («наилучшая доступная технология»), изменились отдельные функции экологического управления.

Совершенно по-новому зазвучало определение объектов охраны окружающей среды, под которыми теперь понимаются в совокупности компоненты природной среды, природные объекты и природные комплексы. Однако, на наш взгляд, оно не совсем полно отражает всего многообразия объектов охраны, в отличие от прежней редакции ст. 4 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹.

Новеллой рассматриваемого Закона стало также выделение 4-х категорий объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду (ст. 4.2 Федерального закона «Об охране окружающей среды»). Это произошло вследствие необходимости дифференциации опасных объектов, как было сделано еще в ст. 2 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»². Регулирование в сфере промышленной и экологической безопасности, к сожалению, достаточно долго базировалось на требованиях и нормативах советского периода и сильно отставало от реально складывающихся условий развития промышленности. Более того, применение единообразных требований обеспечения экологической безопасности по сути различных объектов хозяйственной деятельности часто приводило к недостаточности государственного надзора в отношении объектов, оказывающих более серьезное влияние на жизнь и здоровье граждан, и в то же время к чрезмерной формализации и излишнему производственному контролю на предприятиях, не представляющих серьезной угрозы. В настоящее время Закон предусматривает проведение федеральных плановых проверок на объектах, относящимся к I–III категориям опасности, на объектах IV категории осуществление таких проверок не предусматривается.

Новым базовым понятием, разработанным законодателем на основе международных соглашений и зарубежной практики, стало комплексное экологическое разрешение (ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды»), которое в обязательном порядке выдается для объектов I категории и заменяет по сути 3 вида разрешительной документации (разрешение на выбросы, сбросы, размещение отходов). Следует отметить, что комплексное экологическое разрешение пересматривается в случаях изменения технологических процессов производства или параметров воздействия на окружающую среду.

Одним из современных направлений государственной поддержки хозяйственной деятельности является содействие в осуществлении инвестиционной деятельности, направленной на внедрение наилучших доступных технологий и реализацию иных мер по снижению негативного воздействия на окружающую среду. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть изменения, ка-

сающиеся такого понятия, как «наилучшая доступная технология», которое в новом своем понимании нашло отражение в законодательстве и стало предметом споров в научной среде. Так, под наилучшей доступной технологией понимается технология производства продукции (товаров), выполнения работ, оказания услуг, определяемая на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности ее применения (ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды»). Министерство промышленности и торговли РФ совместно с Министерством сельского хозяйства РФ, Росстандартом и Роспотребнадзором приступило к разработке 47 справочников с описанием наилучших доступных технологий для самых разных отраслей хозяйства и промышленности, при этом данные справочники должны будут пересматриваться не реже 1 раза в 10 лет. Профильными ведомствами была проведена большая подготовительная работа по выявлению таких технологий и возможности их применения в современных российских условиях³. В методических рекомендациях отмечается, какими критериями необходимо руководствоваться при отнесении той или иной технологии к разряду наилучших доступных, среди которых можно отметить наименьший уровень воздействия на окружающую среду, экономическую эффективность внедрения и эксплуатации, применение ресурсо- и энергосберегающих методов.

Значительным изменениям в связи с этими новациями подверглось законодательство об отходах, где также был усовершенствован понятийный аппарат Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»⁴, в т.ч. коренным образом изменился смысл и содержание понятия «отходы». Так, отходами производства и потребления (отходами) теперь признаются вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению. Думается, что новое определение отходов более соответствует современным реалиям, т.к. теперь предмет, который необходимо признать отходом, не обязательно должен утрачивать свои потребительские свойства, необходимо лишь намерение его удалить. Данная новелла позволяет использовать многие виды отходов в качестве вторичного ресурса, тогда как ранее утрата потребительских свойств рассматривалась как потеря предметом своих первичных потребительских параметров, что на практике порождало случаи требования лицензии на обезвреживание отходов при вторичном их применении в технологическом процессе. Понятие «использование» заменено на более корректные «обработку» и «утилизацию». Законом устанавливаются также направления государственной политики в области обращения с отходами, среди которых максимальное использование исходных сырья и материалов, предотвращение и сокращение образования отходов, снижение их класса опасности, обработка, утилизация и обезвреживание.

Рассматриваемый Закон теперь не раскрывает содержания права собственности на отходы, как это было в предыдущей редакции, содержащей запрет на передачу отходов I–IV классов опасности организациям, ни имеющим соответствующую лицензию. В настоящее время ст. 4 содержит норму, отсылающую к гражданскому законодательству. 1 июля 2015 г. вновь введено почти полное лицензирование обращения с отходами. Лицензия требуется для сбора, транспортировки, обработки, утилизации, обезвреживания, размещения отходов

I–IV классов опасности. К утилизации законодатель теперь относит и повторное использование отходов по прямому назначению (рециклинг), и возврат для применения после переработки (регенерация) и извлечение полезных свойств отдельных компонентов отходов для их дальнейшего применения (рекуперация).

Минприроды России подготовлен Проект постановления Правительства РФ от 22 июня 2015 г. «Об утверждении порядка, форм и сроков представления производителями, импортерами товаров, подлежащих утилизации, отчетности о выполнении нормативов утилизации отходов от использования товаров»⁵. Данным Проектом предполагается, что отчетность будет составляться на основании сведений декларации о количестве выпущенных в обращение на территории России за предыдущий календарный год готовых товаров, в т.ч. их упаковки, а также сведений о выполнении нормативов утилизации хозяйствующим субъектом; предусматривается бесплатный и свободный доступ к сервисам для предоставления и составления данной отчетности, который будет обеспечиваться Росприроднадзором.

Вредные вещества накапливаются не только в форме отходов, но и в форме выбросов в атмосферный воздух, в т.ч. парниковых газов, за количеством которых должен осуществляться соответствующий надзор (контроль) со стороны государства. Президент России В.В. Путин в своем обращении к Генеральной Ассамблее ООН 28 сентября 2015 г. выразил намерение значительно сократить выброс парниковых газов в нашей стране путем внедрения новых технологий, не наносящих урон окружающему миру. Данное обращение имеет законодательную основу, а именно Распоряжением Правительства РФ от 22 апреля 2015 г. № 716-р⁶ были установлены основные направления развития системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов в Российской Федерации. Этим документом установлено, что к 2020 г. планируется достижение объемов выбросов парниковых газов в размере не более 75%, по сравнению с 1990 г. Систему мониторинга предлагается формировать с поэтапным вовлечением регионов, предприятий, чья деятельность сопряжена с выбросом таких газов. Цель создания системы видится в более полном информировании государства, граждан и организаций о выбросах парниковых газов с целью их минимизации. Принятая концепция будет использоваться для дальнейшего совершенствования экологического законодательства и уменьшения вредных выбросов в атмосферу.

Важнейшим элементом государственного механизма регулирования охраны окружающей среды является нормирование. Данный институт экологического права всегда являлся достаточно проблемным в реализации природоохранной политики, поэтому законодателем на протяжении длительного времени велась работа по оптимизации правовых норм в рассматриваемой сфере, что выразилось в принятии Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „Об охране окружающей среды“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷. Указанный Закон усиливает меры государственного экологического надзора за предприятиями, оказывающими наибольшее негативное воздействие на окружающую среду, для чего вводит экономические стимулы для одних хозяйствующих субъектов и снимает административные барьеры с других. Уточняется дефинитивная составляющая, в частности, подверглись изменениям понятия «нормативы допустимых выбросов», «временно разрешенные выбросы», «контроль в области охраны окружающей среды», что в дальнейшем исключит разночтения в толковании федерального законодательства.

С внесением изменений в Федеральный закон от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» федеральный государственный экологический надзор теперь осуществляется на объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, которые включены в соответствующие перечни, утверждаемые Минприроды России для каждого субъекта РФ в отдельности⁸. На объектах, не включенных в указанные перечни, государственный экологический надзор организуется органами исполнительной власти субъектов РФ.

Таким образом, анализируя изменения в экологическом и природоресурсном законодательстве, можно сделать вывод о его модернизации, упорядочении понятийного аппарата и приведении его в соответствие с международными стандартами и требованиями современных реалий. Однако данные изменения необходимо рассматривать лишь как первый этап, и в ближайшее время ожидается принятие большого массива подзаконных нормативных актов, более подробно раскрывающих законодательные нововведения.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2, ст. 133; 2016. № 27, ч. 1, ст. 4187.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 30, ст. 3588; 2016. № 23, ч. 1, ст. 3294.

³ См., например: Распоряжение Правительства РФ от 31 октября 2014 г. № 2178-р «Об утверждении поэтапного графика создания в 2015–2017 годах отраслевых справочников наилучших доступных технологий» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 46, ст. 6379; Приказ Минпромторга России от 31 марта 2015 г. № 665 «Об утверждении Методических рекомендаций по определению технологии в качестве наилучшей доступной технологии». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 26, ст. 3009; 2016. № 27, ч. 1, ст. 4187.

⁵ URL: <http://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 05.09.2016).

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 18, ст. 2737.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30, ч. 1, ст. 4220.

⁸ См., например: Приказ Минприроды России от 24 августа 2011 г. № 706 «Об утверждении перечня объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду при осуществлении хозяйственной и иной деятельности на территории Воронежской области и подлежащих федеральному государственному экологическому надзору» // Государственное управление ресурсами. Специальный выпуск. 2013.

Ю.А. Плотникова, Е.А. Тарасова

ЭКОЛОГО-ПРАВОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

В статье рассмотрены современные тенденции развития Дальнего Востока РФ. Раскрыта специфика экспорта электроэнергии из России в Китай; проанализированы отдельные направления энергетического сотрудничества Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: энергетическое сотрудничество, территории опережающего развития, экспорт электроэнергии, инвестиционные проекты.

© Плотникова Юлия Анатольевна, 2016
Кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: plotn-yulya@yandex.ru

© Тарасова Елена Анатольевна, 2016
Старший преподаватель кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: plotn-yulya@yandex.ru

Ju.A. Plotnikova, E.A. Tarasova

EKOLOGO-PRAVOVAYA THE COMPONENT
OF THE ENERGY COOPERATION OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN THE ASIA-PACIFIC REGION

In article current trends of development of the Far East of the Russian Federation are considered. Specifics of export of the electric power from Russia to China are disclosed and the separate directions of an energy cooperation of the Russian Federation with Asia-Pacific countries are analysed.

Keywords: an energy cooperation, the territories of the advancing development, export of the electric power, investment projects.

Настоящие условия развития России и мира в целом невозможно назвать благоприятными в связи со сложившимися неустойчивыми экономическими рынками, антироссийскими экономическими санкциями, наложенными Евросоюзом, «недобрососедской» международной политикой. Российская Федерация занимает последовательную позицию добрососедства и взаимовыгодного экономического сотрудничества, в первую очередь Российского государства и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР). В целях содействия расширения международного сотрудничества в АТР и ускоренного развития Дальнего Востока Указом Президента РФ от 19 мая 2015 г. № 250 «О Восточном экономическом форуме» был учрежден Восточный экономический форум¹.

На пленарном заседании первого Восточного экономического форума (Владивосток, 3–5 сентября 2015 г.) В.В. Путин объявил, что национальным приоритетом XXI в. является инновационное развитие Дальнего Востока².

К приоритетным направлениям данного форума следует отнести: укрепление международных связей инвесторов, перспективных представителей российского бизнес-сообщества, федеральных, органов государственной власти (федеральных, региональных и местных); проведение экспертной оценки социально-экономического потенциала Дальневосточного региона РФ, а также повышение его конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности на российском и международном уровнях. Отдельное внимание уделяется территориям опережающего развития, Свободному порту Владивосток, господдержке перспективных инвесторов в аспекте инвестирования и развития бизнеса³.

Сохранение биоразнообразия и поддержание экологического баланса в АТР заявлено в качестве важнейшей проблемы второго Восточного экономического форума (Владивосток, 2–3 сентября 2016 г.), поскольку Дальний Восток на 82% образует ресурсную базу российского рыболовства. Так, ежегодно в Дальневосточном бассейне добывается более 3 т водных биоресурсов, которые в 2015 г. решением Государственного совета России принято предоставлять в обмен на инвестиционные обязательства — 20% этих ресурсов (строительство новых судов рыбопромыслового флота на отечественных верфях и организация новейших рыбоперерабатывающих производств на российском берегу).

Древесины заготавливается на Дальнем Востоке порядка 100 млн м³, при этом в аренду переданы лесные участки с объемом заготовки древесины немногим более 20 млн м³, а для более полного освоения лесных ресурсов требуются инвестиции в обмен на лесные участки на льготных условиях.

Следует отметить и то, что представителям бизнес-сообщества могут предоставляться ценные месторождения россыпного и рудного золота, платины, титана, олова, редкоземельных металлов, железной руды, угля и углеродов⁴. В соответствии со ст. 13.1 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» (в ред. от 3 июля 2016 г. № 279-ФЗ)⁵ 19 августа 2016 г. Амурнедра провели 13 аукционов по участкам россыпного золота. Так, были проданы участки с запасами золота от 200 кг до 600 кг в верхнем течении реки Ольга и бассейнах ручьев Покосный, Развальный, Крестовый в Магдагачинском районе, в бассейне реки Олонгро в Тындинском районе и т.д. Право недропользования возникло у таких компаний, как: «Юсмо», «Азимут», «ИНСТЕП» и «Лапри Майнинг»⁶. Закономерный интерес вызывает у инвесторов инфраструктурная поддержка проектов Российским государством и другие стимулирующие факторы. При этом необходимо подчеркнуть, что, начиная с 2012 г., национальная золотодобывающая отрасль значительно увеличила объемы добычи в Сибири и Дальнем Востоке (90% от всей добычи российского золота)⁷.

Отметим, что к настоящему времени в Российской Федерации уже разработаны и приняты нормативные правовые акты, направленные на социально-экономическое развитие Дальнего Востока в аспекте сохранения окружающей среды и рационального природопользования в Российской Федерации. Так, согласно нормам Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (в ред. от 3 июля 2016 г. № 252-ФЗ)⁸ механизмом развития Дальнего Востока по пути глобализации, конкурентноспособности и взаимодействия со странами АТР в регионе должны создаваться территории опережающего развития (далее — ТОР). Законодатель определяет ТОР как экономические зоны, на которых в соответствии с решением Правительства РФ установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности. ТОР будет создаваться на 70 лет с возможностью продления данного срока. На сегодняшний день на Дальнем Востоке создано 13 таких территорий, в которых планируется к реализации около 140 крупных инвестиционных проектов. Особый режим предусматривает для инвесторов льготные ставки платы за пользование недвижимостью управляющей компании территории, приоритетное подключение к объектам инфраструктуры, применение процедуры свободной таможенной зоны, освобождение от налогов на имущество организаций, земельного налога и др. Резидентами территории могут быть индивидуальные предприниматели и юридические лица, являющиеся коммерческими организациями (кроме унитарных предприятий), заключившие соглашение об осуществлении деятельности на территории и включенные в реестр резидентов. Также разработана и реализуется Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Байкальского региона⁹, включающая десятки крупных инвестиционных проектов.

Значимость Дальневосточного региона для укрепления стратегических, политических и социально-экономических позиций в АТР отмечается во всем мировом сообществе. Действительно, российский Дальний Восток занимает уникальное географическое и экономическое положение, которое имеет для Российской Федерации огромное геополитическое значение. Территориальными «соседями» России являются Китай, Япония, США. Транспортные системы железнодорожных магистралей (Транссибирской и Байкало-Амурской) напрямую соединяются с дальневосточными портами. Северный морской путь проходит

вдоль берегов Дальнего Востока. Заинтересованность в сотрудничестве с Россией стран АТР, таких как Сингапур, Малайзия, Китай, Япония, Корея объясняется не только географическим положением Дальнего Востока, но и богатством его минерально-сырьевой базы, а также перспективами научно-технического и оборонного потенциалов.

Т.Л. Сербичева справедливо отмечает, что территориально выгодное положение Дальнего Востока России к странам АТР предопределяет перспективы успешной экономической интеграции, эффективного сотрудничества со странами АТР. Особое место в этом ряду стран принадлежит Китаю, исторически являющемуся нашим стратегическим, политическим и экономическим партнером¹⁰.

Важно отметить, что российско-китайские отношения являются одним из центральных мест во внешней политике обеих стран. Их контакты наглядно демонстрируют реальность устойчивого и многовекторного развития в сложившихся геополитических условиях. Китай — крупнейшая держава АТР. Ему принадлежит ведущее место среди стран со стремительно развивающейся экономикой. Он располагает огромными трудовыми и природными ресурсами, планомерно проводит эффективную социально-экономическую политику. Предпосылкой развития экономики и новой экологической политики стал XXII съезд Коммунистической партии Китая (1982 г.), на котором была принята стратегия модернизации общества, состоящая из трех этапов:

I этап — увеличение валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в целях роста благосостояния народа к 2000 г. Следует отметить, что этот этап был завершен досрочно к 1995 г.;

II этап — к 2021 г. повысить социально-экономический уровень Китая в соответствии с международными параметрами до показателя среднеразвитых стран;

III этап — к 2049 г. Китай должен стать передовым и высокоразвитым государством¹¹.

Ряд специалистов отмечают, что развитие новой экологической политики Китая поддерживается всей мощью финансовых и административных ресурсов страны. Так, в настоящее время активно ведется реализация намеченных экологических преобразований, в частности: ликвидация части устаревших производств; модернизация и реконструкция действующих предприятий; проведение мероприятий по восстановлению лесов, охране атмосферного воздуха, обеспечению качества питьевой воды и т.п.; увеличение инвестиций в развитие альтернативной энергетики до 61 млрд долл; привлечение общественности к решению проблем охраны окружающей среды.

Важнейшим направлением в природоохранной сфере Китая стала принятая в 2013 г. программа сокращения избыточных производственных мощностей¹².

Заслуживает внимания активная деятельность китайских ученых в области охраны окружающей среды. Тем не менее, отмечают негативные тенденции наших партнеров по планированию и реализации проектов строительства «предприятий-загрязнителей» на граничащих с Российской Федерацией территориях, которые приводят к дополнительной экологической нагрузке на окружающую среду территорий российского Дальнего Востока.

В этой связи следует отметить, что в годы перехода к рыночным отношениям в экономике нашей страны дальневосточные регионы оказались «заложниками» масштабной деятельности по экспорту природных ресурсов. Экспорт нефти и газа осуществлялся в сопредельные страны, приоритет среди которых при-

надлежал Китаю. В настоящее время, которое можно определить как время экологической значимости дальневосточных природных ресурсов Российской Федерации следует отказаться от сложившейся системы «природные ресурсы Дальнего Востока — для развития экономик стран АТР».

На площадках второго Восточного экономического форума отмечалось, что в АТР наблюдается увеличение спроса на энергию. Среди стран-участниц форума возникла тенденция диверсификации сложившихся схем поставок энергии. Российский Дальний Восток обладает уникальными природными преимуществами, которые могут быть использованы в разработке и реализации многосторонних энергетических проектов. Наиболее перспективным является проект создания международного энергетического кольца Россия — Япония — Корея — Китай — Монголия, который потребует объединенных инвестиционных вложений. В ближайшее время планируется создание сети газопроводов и высокотехнологичных энергетических мостов, которые позволят объединить сетевые комплексы стран АТР.

Нет сомнения, что сотрудничество России и Китая в области экспорта электроэнергии в настоящее время является одним из значимых направлений экономического сотрудничества двух государств. Предполагается, что к 2025 г. рост спроса Китая на энергоресурсы увеличится на 2,6 % против 1,4 %¹³. Поэтому Россия для Китая остается выгодным партнером в энергетическом сотрудничестве. Однако в целях охраны окружающей среды и рационального природопользования следует обратиться к требованиям определения экологической эффективности намечаемой экономической деятельности на территории Дальнего Востока. Охрана окружающей среды при реализации инвестиционных проектов обеспечивается путем осуществления заложенных в проекты технических и технологических решений, которые соответствуют современным международным и национальным стандартам. Так, в зависимости от объемов поставок электроэнергии из России в Китай экспортное производство может производиться за счет использования избыточных мощностей электростанций, работа которых рассчитана на внутреннее потребление. Другой вариант экспорта предусматривает строительство новых электростанций, рассчитанных исключительно на внешнее потребление. Например, в Амурской области расположены три межгосударственные линии электропередачи, ориентированные на китайского потребителя: «Благовещенская — Хэйхэ», «Благовещенская — Айгунь», «Амурская — Хэйхэ»¹⁴. В этом случае потребуются дополнительное строительство линий электропередач, которые потеряют экономическую значимость, если не будет устойчивого спроса на электроэнергию со стороны Китая. Их переключение на других потребителей региона технологически невозможно. Такой проект будет носить весьма сомнительные перспективы как с экономической, так и с экологической точки зрения.

Экономисты подсчитали, что экспорт газа в Китай более выгоден, чем строительство новых электростанций и линейных объектов для передачи электроэнергии. По мнению Е. Симонова, отдельные энергетические проекты приведут к экспансии экологических проблем на территории России, поскольку строительство новых ГЭС на реках российского Дальнего Востока очень выгодно для Китая, но не безопасно для окружающей среды нашей страны. Рассматриваемый проект строительства 9-ти ГЭС на притоках Амура предоставит Китаю к 2030 г. 60 млрд кВт-ч в год. Это поможет китайской стороне снизить загрязнение воздуха в своей стране за счет вывода из эксплуатации старых ТЭЦ и предотвращения

строительства новых угольных ТЭЦ. Однако перед Российской Федерацией встанут серьезные экологические проблемы, поскольку строительство плотин, водохранилищ и вспомогательных гидросооружений нанесет непоправимый экологический ущерб приграничным с Китаем территориям. Экосистемы дальневосточных рек подвергнутся вредному воздействию ГЭС из-за залповых сливов воды по руслам рек для снижения пиковых нагрузок, нарушений температурного режима вод и др.¹⁵

На основании изложенного можно сделать вывод, что современная экономика России выходит на новый уровень «импортера-экспортера» передовых технологий, параллельно отказываясь от примитивной торговли природными ресурсами. Поэтому сотрудничество России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях глобальной конкуренции в энергетической сфере должно основываться на сотрудничестве в развитии и внедрении инновационных технологий, строительстве объектов электроэнергетики на территории других стран, применении российскими специалистами передовых логистических методик при реализации международных энергетических проектов и гармонизации российского и международного экологического законодательства. Это позволит создать инновационный и эффективный энергетический сектор Дальнего Востока, соответствующий потребностям развивающейся экономики региона и международным интересам России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 21, ст. 3088.

² См.: *Кривошапка И.* Дальневосточные контрасты: от надежд к реальным предпочтениям // Эффективное антикризисное управление. 2015. № 4 (91). С. 8-15.

³ См.: Информация о Форуме. URL: <https://forumvostok.ru/o-forume> (дата обращения: 01.09.2016).

⁴ См.: Деловая программа II Восточного экономического форума (г. Владивосток, 2–3 сентября 2016 г.). URL: <https://forumvostok.ru/uchastnikam/delovaya-programma> (дата обращения: 01.09.2016).

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 10, ст. 823; 2016. № 27, ч. I, ст. 4212.

⁶ См.: Одиннадцать участков золота в Приамурье продано 19 августа. URL: <http://nedradv.ru> (дата обращения: 04.09.2016).

⁷ См.: *Самсонов Н.Ю., Дудкин Н.В.* Золотодобыча в России: куда движемся? // ЭКО. 2013. № 11 (473). С. 159.

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1, ч. I, ст. 26; 2016. № 27, ч. I, ст. 4183.

⁹ См.: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18, ч. I, ст. 2154.

¹⁰ См.: *Сербичева Т.Л.* Анализ внешнеэкономической деятельности Амурской области в условиях преодоления экономического кризиса // Вопросы экономики и права. 2015. № 2. С. 101–104.

¹¹ См.: *Карелина Е.А.* Ретроспективные тенденции развития экономики Китайской Народной Республики в XX в. как основополагающая база макроэкономического роста страны // Вопросы экономики и права. 2015. № 1. С. 55–57.

¹² См.: *Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А.* Экологическая составляющая экономического развития: приграничные регионы России и Китая // ЭКО. 2014. № 6 (480). С. 5–23.

¹³ См.: *Демина О.В.* Энергетическая сфера Азии: экспорт электроэнергии из России в Китай // ЭКО. 2014. № 6. С. 56–63.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: *Симонов Е.* Россия превращается в энергетический придаток Китая // Экология и право. 2013. № 5 (53). С. 20-21.

Д.А. Агапов, О.Ю. Ганюхина

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫХ ОРГАНИЗМОВ В РОССИИ

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования оборота и потребления генетически модифицированных организмов.

Ключевые слова: генетически модифицированные организмы; охрана здоровья; пищевые продукты; генно-инженерная деятельность.

D.A. Agapov, O.Yu. Ganyuhina

SOME ASPECTS OF THE MODERN LEGAL REGULATION OF GENETICALLY MODIFIED ORGANISMS OF RUSSIA

This article describes the issues of legal regulation of the trafficking and consumption of genetically modified organisms.

Keywords. Genetically modified objects; health protection; food materials; genetic engineering activity.

Впервые о генетически модифицированных организмах (ГМО)¹ и ГМ-продукции в России заговорили не так давно, в конце 90 — начале 2000-х гг. Данное понятие очень быстро прижилось в умах простых обывателей и стало для всех весьма привычным. ГМ-продукты успели занять свое место на прилавках наших магазинов и практически вытеснили всю иную, привычную нам «натуральную» продукцию. Однако существование ГМО и продуктов их содержащих породило множество серьезных проблем правового и этического характера. Сам термин «генетически модифицированный организм», как правило, используется только в узком смысле: ГМО — организм, модернизированный путем генной инженерии. Между тем это не совсем так. Человек еще с незапамятных времен занимался целенаправленным селекционным отбором представителей животного и растительного мира, улучшая необходимые характеристики того или иного вида, что также служит причиной изменения генов и соответственно является генной модификацией в широком смысле.

Конечно, селекция представляет собой самый медленный способ изменения характеристик вида, но, тем не менее, человек с момента возникновения земледелия и животноводства отбирал только лучшие сорта и виды, ухаживал, скрещивал и оставлял то, что ему было необходимо.

Помимо селекционного отбора, человечество столкнулось с естественными мутациями², происходящими в природной среде. Механизм природной мутации в растительном мире прост: растения склонны к изменениям генотипа в зави-

© Агапов Дмитрий Александрович, 2016
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: agapovda@mail.ru

© Ганюхина Оксана Юрьевна, 2016
Кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: gouoksana@yandex.ru

симости от условий внешней среды. Этот процесс является одним из методов защиты от климатических явлений природы, животных и вредителей. В процессе эволюции растения также скрещиваются со своими же видами, но при этом могут меняться внешне. Путем мутации и скрещивания возникают новые виды. Чуть сложнее, но по тем же природным законам происходит мутация и в животном мире.

На протяжении длительного времени отрицалась сама возможность искусственных, целенаправленных мутаций под действием каких-либо антропогенных факторов. Однако уже в 1694 г. вероятность этого процесса под влиянием человека предположил немецкий ученый Р. Камерариус³, а в 1717 г. английский садовод Т. Фэйрчайлд⁴ воплотил эту идею в жизнь, создав первую искусственную гибридизацию гвоздик⁵.

Серьезной проблемой искусственной гибридизации являлось отсутствие естественного потомства среди представителей гибридных особей. Эту проблему впервые удалось решить Г.Д. Карпеченко⁶ с гибридом, полученным путем скрещивания капусты с редькой. Оба вида относятся к семейству крестоцветных, но принадлежат к разным родам и имеют по 18 хромосом. Гибрид, получивший название Рафанобрассика, был получен в результате удвоения числа хромосом, но сохранил способность к размножению с устойчивым сохранением своих признаков⁷. Данный метод гибридизации стал называться «метод Карпеченко».

Впоследствии было установлено, что подход с изменением числа хромосом не всегда дает положительные результаты в растительном мире, а в животном мире, как правило, носит летальный характер.

В XX в. искусственная гибридизация достигла невиданных ранее высот. Уже в 1907 г. были получены зубробизоны, чьи потомки до сих пор существуют в естественных условиях на Кавказе⁸. Позже получен еще один новый гибрид — мул. В 1971 г. их уже насчитывалось свыше 14 млн голов⁹.

Несомненный успех искусственной гибридизации предопределил дальнейшую серьезную работу в данном направлении ведущих специалистов во всем мире. С середины XX в. стали обсуждать уже не скрещивание двух ДНК, а возможность рекомбинации и подмены генов представителей разных видов. Первый по-настоящему генно-модифицированный организм был создан талантливым биохимиком П. Бергом¹⁰. К началу 70-х гг. прошлого века он научился пересаживать фрагменты ДНК из одной бактерии в другую, а его коллеги из Стэнфорда в 1972 г. получили первую в мире рекомбинантную ДНК (р-ДНК). К 1975 г. благодаря открытию П. Берга ученые смогли уже заниматься генной инженерией растений. Данное событие потрясло весь научный мир и на Асиломарской конференции в 1975 г. впервые был озвучен термин «генно-модифицированный организм» совместно с вопросами этики, морали и права. В 1980 году П. Берг получил Нобелевскую премию и тут все и началось...

Корпорация «Монсанто» потратила миллионы долларов на модификацию вначале сои, а затем хлопка и кукурузы. Данные виды культур давали огромные урожаи при минимальных затратах и начали приносить прибыль в миллиарды долларов. Они стали произрастать даже в неблагоприятных для них ранее климатических зонах и почвах и не были подвержены естественным вредителям растений.

В конце 90-х гг. прошлого века удалось получить генетически модифицированных животных. Первым видом стала рыбка Glofish¹¹, выведенная доктором

Чжияюань Гун совместно с коллегами из Национального Сингапурского университета. Благодаря геному медузы рыбка обрела способность к флуоресценции.

В настоящее время уже никто не отрицает тот факт, что генная инженерия может сослужить очень хорошую службу человечеству, серьезно способствуя развитию сельского хозяйства, животноводства, медицины, здравоохранения. ГМО зарекомендовали себя как средство, помогающее добиться желаемого результата при помощи внедрения заранее определенных генов.

Проблемы экологической безопасности, связанные с глобальным экологическим кризисом в совокупности с перенаселением планеты, вносят свои коррективы в средства, способы и методы ведения сельского хозяйства. Подходя к критической отметке в 9 млрд чел. на Земле, потребность населения в пище резко возрастает. ГМО могут стать единственным цивилизованным способом выхода сразу из двух кризисов, позволяя получать больше пищи с меньшими затратами и сохраняя природу.

Однако несмотря на удачные примеры, в соответствии с действующими рекомендациями Международной организации экономического сотрудничества и развития (ВОЗ, ФАО, ОЭСР) и российским законодательством в данной области пищевая продукция, содержащая ГМО, относится к т.н. категории «новой пищи» и подлежит обязательной оценке и последующему мониторингу за ее оборотом.

В России законодательная база в отношении ГМО и ГМ-продукции начала зарождаться с середины 90-х гг. В 1996 г. был принят Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» (в ред. от 3 июля 2016 г.)¹², урегулировавший некоторые вопросы деятельности российских генных инженеров. Данным Законом предусматриваются базовые положения нормативно-правового регулирования указанных отношений, возникающих, прежде всего, в области самой генно-инженерной деятельности; правовые механизмы, обеспечивающие конституционные права граждан на безопасность окружающей среды в процессе как осуществления вышеобозначенной деятельности, так и ее результатов; правовые основы сотрудничества Российской Федерации с другими государствами в области генной инженерии; соответствующие условия для дальнейшего развития приоритетных направлений в данной области исследований.

После утверждения соответствующих программ и закупки лабораторий по выявлению ГМО-продукции в 2007 г. поправка к СанПиН 2.3.2.1078-01 «Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов»¹³ ввела в оборот маркировку «Не содержит ГМО». Тогда же в КоАП РФ появилась ст. 14.8, предусматривающая штраф за непредставление необходимой и достоверной информации о товаре потребителю.

В 2014 г. вступило в силу Постановление Правительства РФ от 23 сентября 2013 г. № 839 «О государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы» (вместе с «Правилами государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы») (в ред. от 16 июня 2014 г.)¹⁴, позволяющее использование при ведении сельского хозяйства разрешенные к обороту ГМ-культуры.

В настоящее время приняты комплексные программы в области ГМО и продукции; разработана программа развития биотехнологий. После принятия изменений в Федеральном законе «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» и Постановлении Правительства РФ № 839 Правительство утвердило план мероприятий («дорожную карту») «Развитие биотехнологий и генной инженерии»¹⁵. Данное распоряжение определило рамки бюджета, направленного на соответствующее развитие генной инженерии и биотехнологий в России, что должно положительно сказаться на приросте ВВП уже в 2018 г. Планируется также принятие и других значимых актов, относящихся к периоду 2020–2030 гг. Так, Минэкономразвития России уже принял Комплексную программу развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года, которая опирается на уже действующее законодательство¹⁶.

Таким образом, российское законодательство в области ГМО и ГМ-продукции, конечно, не совершенно. Однако серьезные попытки урегулирования данной области уже заметны.

Помимо экологических и продовольственных проблем, ГМ-продукция и ГМО связаны с морально-этическими. С другой стороны, благодаря использованию ГМО в медицине удалось обнаружить и привить гены, способные защитить потомство от многих тяжелых заболеваний: от ВИЧ, диабета, бесплодия и т.д.

Законодательство в сфере ГМО далеко неоднородно. Многие нормы являются предметом смежного регулирования гражданско-правового и экологического законодательства и порой находятся за пределами принципов морали.

В Российской Федерации нет комплексного акта в сфере ГМО. Многие сферы, посвященные безопасности исследований, а также предупреждению проникновения ГМ-растений в естественную среду, остались незамеченными законодателем, а эти проблемы являются очень важными. Возможно, комплексные программы восполнят этот пробел.

¹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Генетически_модифицированный_организм (дата обращения: 10.09.2016).

² URL: http://www.chemport.ru/data/chemipedia/article_2280.html (дата обращения: 10.09.2016).

³ См.: Камерариус (Camerarius) Рудольф Якоб (1665–1721) — немецкий ботаник, профессор Тюбингенского университета и директор университетского ботанического сада (1688) // Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. М., 1953. Т. 19. С. 127.

⁴ См.: Томас Фэйрчайлд (англ. Thomas Fairchild; 1667–1729) — британский садовод, первый в истории создавший межвидовой гибрид растений. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фэйрчайлд_Томас (дата обращения: 10.09.2016).

⁵ См.: Щербакова А.А. История ботаники в России до 60-х годов XIX века (додарвиновский период). Новосибирск, 1979.

⁶ См.: Карпеченко Георгий Дмитриевич (1899–1941) — советский ученый-генетик. Заведующий отделом генетики Всесоюзного института растениеводства, заведующий кафедрой генетики растений Ленинградского государственного университета, профессор. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Карпеченко_Георгий_Дмитриевич (дата обращения: 10.09.2016).

⁷ См.: Вилли К. Биология. М., 1964.

⁸ См.: Смирин В.М., Смирин Ю.М. Звери в природе / отв. ред. Т.Н. Дунаева. М., 1991.

⁹ Мул. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мул> (дата обращения: 10.09.2016).

¹⁰ Пол Наим Берг (1926 – по н.в.) — американский биохимик, почётный профессор Стэнфордского университета, лауреат Нобелевской премии по химии. URL: <http://n-t.ru/nl/hm/berg.htm> (дата обращения: 10.09.2016).

¹¹ Glofish (в пер. с англ.) — запатентованный коммерческий бренд, под которым продаются генетически модифицированные флуоресцирующие рыбки.

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 28, ст. 3348; 2016. № 27, ч. II, ст. 4291.

¹³ См.: СанПиН 2.3.2.1078-01 «Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов». URL: <http://top.rbc.ru/economics/01/09/2007/115772.shtml> (дата обращения: 10.09.2016).

¹⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 39, ст. 4991; 2014. № 25, ст. 3317.

¹⁵ См.: Распоряжение Правительства РФ от 18 июля 2013 г. № 1247-р «Об утверждении плана мероприятий („дорожной карты”) „Развитие биотехнологий и геномной инженерии”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30, ч. II, ст. 4155.

¹⁶ См.: ВП-П8-2322. Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Правительством РФ 24 апреля 2012 г. № 1853п-П8). URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/development/doc20120427_06 (дата обращения: 10.09.2016).

А.Н. Устинова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В КОНТЕКСТЕ ТРЕБОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В статье рассматриваются требования к восстановлению лесов, принятые на международном уровне. Исследуется правовое регулирование и проблемы, возникающие в процессе реализации обязательных мер по восстановлению лесов на территории России.

Ключевые слова: лесовосстановление, обезлесение, перевод земель лесного фонда, управление лесным хозяйством.

A.N. Ustinova

LEGAL REGULATION OF THE RESTORATION OF NATURAL RESOURCES IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL LAW REQUIREMENTS

This article discusses the requirements for reforestation, taken at the international level. We investigate the legal regulation and the problems arising in the implementation of the mandatory measures to restore forests on the territory of Russia.

Keywords: reforestation, deforestation, land transfer of forest, forest management.

Леса покрывают почти 31% поверхности суши Земли, занимают центральное место в процессе углеродного обмена между земными экосистемами и атмосферой. В связи с тем, что лес представляет собой природный ресурс, исключительно важный для всей планеты, именно на международном уровне пытаются найти пути решения проблем лесной отрасли. Одной из таких проблем является обезлесение.

Несмотря на негативные явления и процессы, происходящие в лесном секторе многих государств и ведущие к обезлесению (пожары, загрязнения, незаконная вырубка лесов, болезни леса и т.д.), впервые за многие годы в 2015 г. Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО) был сделан обнадеживающий вывод: за последние 25 лет темпы чистого глобального обезлесения замедлились более чем на 50%. В частности, по мнению экспертов ФАО, это произошло потому, что все больше стран совершенствуют методы управления лесным хозяйством и это часто делается в рамках законодательства¹.

Национальное законодательство в области сохранения лесов должно руководствоваться нормами и принципами международного права. На международном уровне подписано множество не имеющих обязательной силы документов, в

© Устинова Анна Николаевна, 2016
Аспирант кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия), e-mail: andriyanova.aniuta@yandex.ru

которых заявляется о необходимости остановить тенденцию к сокращению лесов посредством обеспечения неистощительного ведения лесного хозяйства, включая меры защиты, восстановления, облесения, лесовозобновления. Например, в Нью-Йоркской декларации по лесам, принятой 23 сентября 2014 г. в Нью-Йорке на Саммите по климату, содержится обещание к 2020 г. наполовину сократить потери лесов и к 2030 г. остановить эту тенденцию, в т.ч. с помощью лесонасаждений. В принятой Декларации содержится призыв к восстановлению более 350 млн га лесов и лесонасаждений².

Комплекс мер по борьбе с обезлесением, который должен выполняться правительствами на соответствующем уровне при поддержке региональных, субрегиональных и международных организаций, содержится в «Повестке дня на XXI век», принятой Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.)³.

Мы проанализировали список мер, обозначенных к исполнению 24 года назад с тем, чтобы установить уровень выполнения предписанных мер Россией.

1. К одному из основных мероприятий в этой области отнесено укрепление административных структур и механизмов, включая обеспечение надлежащей укомплектованности штатов и распределение обязанностей, децентрализацию процесса принятия решений и т.д.

Прошедший период в России характеризуется долгой административной реформой, результаты которой в некоторых случаях оказались плачевными для леса. Так, признанной опасностью для леса являются пожары. В контексте нашей темы эта опасность выражается в долгом и более дорогом процессе восстановления лесов после пожаров, чем после незаконной вырубki. Итогом административной реформы стало разрушение централизованной Государственной лесной охраны, специализированной службы, отвечающей за охрану лесов и передачей функции по тушению лесных пожаров субъектам РФ. Однако органы исполнительной власти продемонстрировали неприспособленность к оперативному разрешению проблем с лесными пожарами⁴. Проведение реформы в органах управления лесным хозяйством оказалось недостаточно обеспечено правовой поддержкой, в результате сложившаяся система управления лесами вопреки целям реформы работала неэффективно. Сначала было ликвидировано Министерство лесного хозяйства, затем была образована и снова ликвидирована Федеральная служба лесного хозяйства с передачей ее функций Министерству природных ресурсов в виде образования Департамента лесного фонда. Далее Департамент был преобразован в Государственную лесную службу с усеченными функциями как на федеральном, так и на региональном уровне, поскольку она находилась в составе объединенного управления всеми природными ресурсами. С 2004 г. произошло расщепление самого государственного управления лесами на три независимые и самостоятельные ветви по всей вертикали — нормативно-регулятивную (Министерство природных ресурсов), надзорную (Федеральная служба по надзору в сфере природопользования) и управления лесным фондом (Федеральное агентство лесного хозяйства)⁵. Федеральное агентство лесного хозяйства находится в ведении Министерства природных ресурсов РФ.

Таким образом, формально первое требование «Повестки дня на XXI век», несмотря на отдельные негативные последствия, выполнено, административное реформирование привело к децентрализации отрасли.

2. К основным мероприятиям по борьбе с обезлесением «Повесткой дня на XXI век» также отнесены: стимулирование разработки надлежащего законодательства и других мер в качестве основы для борьбы с бесконтрольным переходом к другим видам землепользования.

Указанная мера в достаточном объеме реализована в российском законодательстве.

В соответствии со ст. 3 Лесного кодекса РФ лесное законодательство регулирует лесные отношения. Имущественные отношения, связанные с оборотом лесных участков, лесных насаждений, древесины и иных добытых лесных ресурсов, регулируются гражданским законодательством, а также Земельным кодексом РФ (далее — ЗК РФ). Так, переход земель лесного фонда в иные категории осуществляется в соответствии с нормами ЗК РФ. Согласно ст. 101 все земли лесного фонда делятся на две основные группы:

лесные земли — это земли, покрытые лесной растительностью, и земли, не покрытые ею, но предназначенные для ее восстановления (вырубки, гари, погибшие древостои, редины, пустыри, прогалины, площади, занятые питомниками, несомкнувшимися лесными культурами, и иные);

нелесные земли — это земли, предназначенные для ведения лесного хозяйства), в т.ч. земли, предназначенные для нужд лесного хозяйства (земли, занятые просеками, дорогами, сельскохозяйственными угодьями, и другие земли), а также иные земли, расположенные в границах лесного фонда (земли, занятые болотами, каменистыми россыпями, и другие не удобные для использования земли).

В соответствии со ст. 11 Федерального закона от 21 декабря 2004 г. «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую»⁶ перевод земель лесного фонда, занятых защитными лесами, или земельных участков в составе таких земель в земли других категорий разрешается в следующих случаях:

- 1) организации особо охраняемых природных территорий;
- 2) установления или изменения границы населенного пункта;
- 3) размещения объектов государственного или муниципального значения при отсутствии других вариантов возможного размещения этих объектов;
- 4) создания туристско-рекреационных особых экономических зон.

В федеральном законодательстве нет как определения объектов государственного и муниципального значения, так и их перечня. Вместе с тем к объектам государственного и муниципального значения однозначно следует отнести следующие: федеральные энергетические системы и энергетические системы регионального значения; атомной энергии; обороны и безопасности; федерального транспорта, путей сообщения, информатики и связи, а также транспорта, путей сообщения, информатики и связи регионального значения; обеспечивающие космическую деятельность; обеспечивающие статус и защиту Государственной границы Российской Федерации; линейные — федерального и регионального значения, обеспечивающие деятельность субъектов естественных монополий; электро-, газо-, тепло- и водоснабжения муниципального значения; автомобильные дороги общего пользования в границах населенных пунктов и между населенными пунктами, мосты и иные транспортные инженерные сооружения местного значения в границах населенных пунктов и вне границ населенных пунктов; объекты здравоохранения, культуры и искусства, социального, коммунально-бытового обслуживания и т.д.⁷.

Перевод земель лесного фонда в земли других категорий осуществляется в соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 8 ЗК РФ, с учетом требований охраны окружающей среды, установленных федеральными законами только по решению Правительства РФ. Сама процедура ввиду значимости земель лесного фонда является достаточно сложной в целях недопущения бесконтрольного перевода и потери таких земель. Так, изначально документацию готовит орган исполнительной власти субъекта РФ, осуществляющий переданные полномочия Российской Федерации в области лесных отношений. Он обеспечивает выбор участка земель лесного фонда и проведение процедур согласования в случаях, предусмотренных федеральными законами, затем представляет документацию в Федеральное агентство лесного хозяйства; агентство осуществляет ее рассмотрение и направляет в Министерство сельского хозяйства РФ, которое готовит проект акта Правительства РФ о переводе и вносит его в Правительство РФ с приложением документации о переводе⁸.

3. Главным мероприятием по борьбе с обезлесением является восстановление лесов, что подтверждается стратегическими национальными документами. Так, Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года подчеркивает необходимость максимального использования естественной восстановительной способности лесов и увеличения объемов мероприятий по содействию естественному возобновлению⁹.

В Российской Федерации лесовосстановление осуществляется путем естественного, искусственного или комбинированного способов, которые определяются в зависимости от наличия в лесах подроста и молодняка. Естественное восстановление лесов осуществляется за счет мер содействия лесовосстановлению путем сохранения подроста лесных древесных пород при проведении рубок лесных насаждений, минерализации почвы, огораживании и т.п. Искусственное восстановление происходит путем создания лесных культур: посадки сеянцев, саженцев, черенков или посева семян лесных растений. Комбинированное восстановление лесов осуществляется за счет сочетания естественного и искусственного лесовосстановления.

Таким образом, в российском законодательстве созданы отвечающие международным требованиям условия для борьбы с обезлесением. На современном этапе уже можно положительно оценить усилия: по данным Федерального агентства лесного хозяйства о ходе выполнения лесовосстановительных работ по состоянию на 1 августа 2016 г. искусственное лесовосстановление выполнено на площади 151,0 тыс. га (91,0% от годового планового объема (166 тыс. га)) на территории 73 субъектов РФ¹⁰. К сожалению, в лесном хозяйстве остались проблемы, связанные с различными аспектами восстановления лесов. Например, остается нерешенным вопрос финансирования, который в России возлагается на плечи государства и арендаторов, вопрос об отсутствии материально-технической базы, специалистов по посадке и уходу за лесами. Однако приведенные сведения о выполнении мероприятий дают основание полагать, что со временем разрешатся и эти вопросы, и объемы лесовосстановления будут превышать объемы обезлесения, чем Россия внесет значимый вклад в дело сбережения и приумножения лесов.

¹ См.: Глобальное обезлесение замедляется вследствие улучшения управления лесами. URL: <http://www.fao.org/news/story/ru/item/327426/icode/> (дата обращения: 05.07.2016).

² См.: Делегаты климатического Саммита приняли Нью-Йоркскую декларацию по лесам. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=22336#.V83WRPmLTGg> (дата обращения: 05.07.2016).

³ См.: Повестка дня на XXI век: принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21 (дата обращения: 05.07.2016).

⁴ См.: *Борисов А.М.* Реформирование системы органов исполнительной власти и новая схема государственного территориального управления // *Административное и муниципальное право.* 2012. № 9. С. 33–37.

⁵ См.: *Моисеев Н.А.* Реформы в лесоправлении // *Лесное хозяйство.* 2005. № 3. С. 5.

⁶ См.: Федеральный закон от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (в ред. от 1 мая 2016 г.) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2004. № 52, ч. 1, ст. 5276; 2016. № 18, ст. 2495.

⁷ См.: *Анисимов А.П., Шульга А.Е., Ефременко О.В., Бирюкова Т.А.* Комментарий к Федеральному закону от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (постатейный). 2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Постановление Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 48 «О составе и порядке подготовки документации о переводе земель лесного фонда в земли иных (других) категорий» (в ред. от 29 декабря 2008 г.) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2006. № 6, ст. 703; 2009. № 3, ст. 384.

⁹ См.: Приказ Минпромторга РФ № 248, Минсельхоза РФ № 482 от 31 октября 2008 г. «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Справка о выполнении лесовосстановительных мероприятий субъектами Российской Федерации в 2016 году (по состоянию на 1 июля 2016 года). URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru/activity/seedfarm/stat/6> (дата обращения: 15.08.2016).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.Ф. Бичехвост

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В РАННЕМ ХРИСТИАНСТВЕ

В статье выявляются политические, социальные и идеологические причины возникновения христианства, определяются его хронологические рамки. На основании анализа Ветхого (Старого) и Нового Заветов выделяется ряд проблем, которые составили основное содержание политической концепции раннего христианского вероучения.

Ключевые слова: история политических учений, раннее христианство, политические представления раннего христианства, Библия, Ветхий (Старый) и Новый Завет.

A.F. Bichekhvost

POLITICAL VIEWS IN EARLY CHRISTIANITY

The article revealed the political, social and ideological reasons for the rise of Christianity to define its chronological framework. Based on the analysis of the Old and New Testaments highlighted a number of issues that were the main content of the political conception of the early Christian creeds.

Keywords: history of political doctrines, early Christianity, political views of early Christianity, the Bible, the Old and the New Testament.

Неотъемлемой частью истории политических учений по праву считается политическая догматика христианства — крупнейшей мировой монотеистической религии, отразившей многие актуальные для своего времени проблемы политического характера: о свободе и равенстве, мессианстве и эсхатологии, государстве, правлении и др.

Вступление человечества в христианскую эпоху стало поистине революционным событием в истории цивилизации. По словам К. Маркса, появление христианской религии означало крах античного миропорядка. Как новая религия и новое мировоззрение христианство вызвало радикальные перемены в осмыслении человеком своего места в мире и отношения к Богу. В отличие от античного язычества новая религия выдвинула идею трансцендентности Бога: в противовес греко-латинскому натурализму оно поместило Бога не просто вне видимой природы, но и над ней. И природа, и человек оказались сопричастны Богу. Эта идея способствовала формированию принципиально иного духовного климата, атмосферы общества, прямым следствием чего стали изменения в политическом мышлении эпохи¹.

© Бичехвост Александр Федорович, 2016

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии (Саратовская государственная юридическая академия)

Как отмечала профессор И.С. Свенцицкая, для того чтобы понять причины возникновения христианского вероучения, его эволюцию, формы организации его сторонников, необходимо хорошо представлять время и место исторического действия, социальную среду и духовный климат, в котором жили первые христиане, психологию людей, проповедовавших новое учение и принимавших его.

Появлению веры, превратившейся за короткое время во влиятельную мировую религию, способствовали политические, социальные, экономические и морально-нравственные факторы. На Аппенинском полуострове I век н.э. был временем становления новой политической формы — империи, выработки системы стабильных отношений между Римом и провинциями; этот век характеризовался поисками и в области экономической (переход к более широкому использованию труда арендаторов-колонов вместо рабов), и в области духовной. Вся совокупность разноплановых процессов, происходивших в тот период, способствовала появлению, а затем и распространению христианства на территории Римской империи².

Римская империя периода возникновения христианства переживала острейший политический, экономический, социальный и духовно-нравственный кризис.

Ощущение безысходности было распространено в самых разных слоях населения. В христианские общины вступали многие представители римской аристократии, разочаровавшиеся в традиционной римской религии и старых богах. Однако интерес к новой религии проявлялся, прежде всего, в социальных низах. Христианство появилось и возникло в первую очередь как религия рабов, угнетенных, религия, защищавшая права обездоленных, несчастных: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»³.

На первый план верующими выдвигались проблемы мировоззренческого, морально-нравственного характера о смысле жизни, причинах жизненных удач и неудач, справедливости или несправедливости существующего миропорядка, способах спасения, избавления от страданий и смерти. Христианство отвечало на многие из этих вопросов, что способствовало быстрому распространению новой христианской идеологии.

Выражением системного кризиса Римской империи стали движение покоренных народов против метрополии, активизация выступлений рабов против завоевателей. Покоренные Римом народы при малейшей возможности стремились освободиться от власти римлян. Социальный протест угнетенных масс нуждался в идеологии, которая объединила бы различные слои зависимого населения, дала ему в руки мощное духовное оружие, которое могло бы сплотить их в борьбе против господства Рима. Такой идеологией и стало христианство.

История христианства подразделяется на три периода, в рамках каждого из которых выделяются менее крупные. В соответствии с наиболее распространенной версией периодизации древняя история христианства пришлась на период с I по VII в., когда, начиная с правления императора Нерона (37–68 гг.), первые христиане подвергались гонениям, формировались и утверждались христианские каноны, активно проходили богословские дискуссии.

За короткое время новая религия сумела стать влиятельной духовно-политической силой, завоевать авторитет и подавить другие религиозные взгляды и сформировать собственные догматы и представления. Становление христианского учения и христианских организаций проходило не только в оже-

сточенной борьбе с внешними силами, но, прежде всего, и во внутренней борьбе в процессе приспособления христианства к окружающему миру.

Исследователи выделяют ряд проблем, составивших основное содержание ранней политической концепции христианского учения и, прежде всего, идею свободы и равенства людей, которая по праву относится к числу важнейших политических идей христианства.

Христианское вероучение гласило, что все люди равны перед Богом. Вероятнее всего, идеи о равенстве перед Господом Богом христиане позаимствовали у римлянина Сенеки. Согласно христианским заповедям земные жители имели право на счастье и свободу, которые они приобретут в загробной жизни. В христианстве картина загробной жизни с присущей ей равенством выглядела для низов общества гораздо привлекательнее, чем в любой другой религии. Только христианство признавало раба равным со всеми другими людьми перед Богом. Идея равенства людей в загробном мире обеспечила огромную популярность христианства как религиозной идеологии. Признание идеи равенства всех людей, пусть даже в потустороннем мире, наряду с другими идеями христианского религиозного учения предопределило быструю его победу над остальными верованиями.

Важное место в христианской философско-политической концепции занимало учение о человеческой душе. Христианство учило любить в человеке не его внешние атрибуты, не показные достоинства, а душу. На заре становления христианства это была поистине революционная идея.

Согласно христианским догматам душа — сверхъестественная часть человека. В отличие от тела она не подчиняется законам природы. По христианским канонам душа каждого человека сотворена Богом и являлась бессмертной. Христианство очистило душу, показало ее бесконечность в своей красоте, ее самоценность. И раб, и простолюдин могли рассчитывать в будущем на духовную свободу, на особое духовное состояние.

Христианское учение о душе стало новым словом в философской концепции человека. У человека появилась независимая сфера — душа, и, таким образом, христианство расширяло сферу автономии личности. Теперь человек не принадлежал всецело государству, как настаивала греко-римская традиция.

В тесной связи с идеями равенства и свободы, учением о душе и автономности личности в христианском учении находились идеи мессианства и эсхатологии. Мессианство — религиозное учение о пришествии божьего посланца (мессии), призванного установить справедливый и угодный Богу порядок на земле. В христианской традиции мессия являлся посланником небес. В иудейской традиции под мессией подразумевался идеальный земной царь, правящий по воле Бога.

Христианство утверждало, что после чудесного появления мессии установится царство праведности и справедливости бытия. Со временем понимание термина «мессия» расширилось до философского и общественно-политического учения об особой роли какого-либо народа в судьбах человечества.

В рамках учения о мессии христианство выдвинуло идею об ожидаемом втором приходе спасителя, каким должен стать Иисус Христос (Христос по-гречески — мессия, что в переводе с древнееврейского означает «помазанник» божий, «освободитель»). Согласно Евангелиям церковный суд обвинил Иисуса Христа в богохульстве и приговорил его к смертной казни. Богохульство увидели в том, что Христос называл себя «мессией» и «сыном божьим».

В чем заключался социальный смысл прихода мессии? На этот вопрос историк И.Д. Амусин отвечал: «...Ожидание мессии является не только религиозно-мифологической идеей. Социальный смысл мессианских чаяний заключается в жажде перемен, мечте о переустройстве мира. В то же время это является свидетельством отчаяния, вызванного сознанием невозможности только своими силами искоренить зло и социальную справедливость на земле»⁴.

Что же касается христианской идеи эсхатологии, заметим, что эсхатология (от гр. — последний) есть религиозное учение о конечных судьбах мира и человека. Эсхатология в христианстве связывалась с историческим процессом. Христианство трактовало исторический процесс как линейную последовательность событий, которая имеет начало и конец, зависимую от Бога. Другими словами, исторический процесс рассматривался как проявление «промысла божьего». Такое толкование его служило на ранних этапах становления христианства обоснованием неизбежности гибели Римской империи. Христианство ожидало гибели Рима. В самой ранней части Нового Завета под названием «Апокалипсис» (что означает «откровение») содержалась суровая критика Рима, который был назван «великой блудницей», гниющим и смердящим царством зла и порока, которому суждена гибель⁵.

Согласно христианским взглядам исторический процесс завершается осуществлением высшей цели Творца. Но цель Бога не просто уничтожение зла; мир будет очищен для нового творения, в котором воцарится гармония между Богом и людьми, между человеком и природой.

В соответствии с предшествовавшими философскими и духовными традициями, заложенными в период Древнего мира и Античности, христианство не прошло мимо проблемы государства. Христианское учение отразило идею предназначения государства, признавало за ним положительную роль. Первыми идеологами христианства проводилась мысль о возможности союза государства и церкви, которая в последующем обрела зримые черты в учениях средневековых схоластов, особенно в христианском учении, распространяемом в Византии. Церковь не считала грехом повиноваться государственной власти, признавала ее компетенцию до тех пор, пока она не затрагивала христианской совести. Такая позиция базировалась на учении христианства о том, что внутренний мир человека, спасение его души не зависят от государства или форм государственного устройства, а полностью входят в компетенцию церкви.

На практике первый союз между государством и христианской церковью был официально закреплен первым Никейским собором в 325 г. Христианство стало государственной религией. Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона.

В Библии можно найти ссылку на еще одну политическую проблему — желательный характер межнациональных отношений в государстве и роль государственного правителя в поддержании национального мира. Библия обращалась к членам государственной организации со словами: «Во множестве народа — величие царя, а при малолюдстве народа беда государю»⁶. Поэтому «пришельца, поселившегося у вас», не притесняйте и не угнетайте. Да будет он для вас «то же, что туземец ваш; любите его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской»⁷. Причем и для пришельца, и для коренного жителя согласно догматам христианства должны действовать один устав и один суд. В указанных

словах Священного Писания просматривается идея равенства всех народов и всех социальных групп, независимо от их национальной принадлежности.

Особое место в христианской догматике занимало учение об отношении к власти, хотя оно носило общий характер и не содержало прямых указаний верующим.

В раннем христианстве обосновывались принцип лояльности и принцип покорности существующей власти. В Евангелиях с изложением жизни Иисуса Христа впервые появилось указание на необходимость прощать властям, терпеть от них любые страдания в земной жизни, проявлять покорность судьбе, проповедовалась идея непротивления злу насилием. Кротость, безоговорочное повиновение граждан государственной власти, рабов — господам послужили составными частями социального учения христианства. «Вы же, рабы, повинуйтесь своим господам, как образу бога, по совести и со страхом»⁸, — наставляло христианское учение.

Таким образом, являясь мощным идеологическим средством воздействия на массы, выступая с проповедью равенства людей перед Богом, необходимости подчинения государственной власти, христианство в определенной степени объективно выражало и отстаивало интересы господствовавших слоев общества. Не случайно из гонимой религии в последующем оно превращается в религию, официально провозглашенную и поддерживаемую государством, где существовало социальное неравенство.

В то же время в христианской политической концепции наряду с обоснованием идеи покорности и подчинения государственной власти затрагивалась проблема политической обязанности — следует ли подчиняться распоряжениям властей, если они не справедливы? Да, учило христианство, повиноваться надо, но не беспредельно. Если повеление противоречит вере, то оно не связывает христианина никакими обязательствами. Христианская идеология позволяла оправдывать тиранубийство. Подобные утверждения содержались в философско-религиозно-политических текстах Древнего Востока

Не обошло вниманием христианское учение и отношение к царским особам, государственным руководителям. Христианская церковь именем Бога требовала от своих последователей быть покорными всяческому человеческому начальству, повиноваться ему не только из-за страха наказания, но и по совести, ибо начальник есть божий слуга. «Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым, — наставляло Первое Соборное послание Святого Апостола Петра. — Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо»⁹.

В Библии содержалось указание, как узнать избранного Богом руководителя. Такой руководитель должен четко выполнять божественный закон, действовать от имени Бога, выполнять данные обещания, заботиться о простых людях, ни в коем случае не становиться на путь стяжательства. В Библии сказано: «Поставь над собою царя, которого избере... Бог твой... Только чтобы он не умножал себе коней, ...жен, серебра и золота... Он... должен списать для себя список закона сего» и стараться «исполнять все слова... и постановления», здесь изложенные, «чтобы не надмевалось сердце его перед» подчиненными «и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его...»¹⁰.

В главной священной книге христиан говорилось о путях приобретения политического авторитета: «Кто хочет быть первым, тот должен быть всем слуга», «Милостью он поддерживает престол свой»¹¹. И если царю удастся выполнить библейские предписания, то реализуются высшие цели политического руководства — умножится число разумных граждан в государстве и благосостояние народа, так как «мудрый правитель научит народ свой, и правление разумного будет благоустроено»¹². От людей требовалось признавать в качестве политических руководителей только лиц, способных правильно предвидеть результаты собственных поступков и поведения своих подчиненных. «Каков правитель народа, таковы и служащие при нем; и каков начальствующий над городом, таковы и все живущие в нем, — наставляла Библия. — Царь ненаученный погубит народ свой, а при благоразумии сильных устроится город»¹³.

Ранние идеи христианства оказали огромное воздействие на человечество. Содержащиеся в Библии политические идеи послужили конструктивным элементом многих классических учений о политике и государстве. И хотя отдельные положения христианства не выглядят чисто политическими, в целом сила их воздействия на общество и государство носила беспрецедентный характер, оказалась беспримечательной. История человеческой цивилизации после победы христианства и его идей стала качественно иной. В своем дальнейшем развитии христианство разделилось на множество конфессий, но каждая опиралась на наследство, полученное от общего христианского вероучения, возникшего на переломном этапе развития человеческой цивилизации.

¹ См.: *Свенцицкая И.С.* Раннее христианство: страницы истории. М., 1989. С. 2.

² См.: Там же.

³ Библия. Новый Завет. Евангелие от Матфея, 5:3.

⁴ Цит. по: Античное христианство. URL: <http://supreme-yoga.ru/christianity/antich.php> (дата обращения: 15.10.2016).

⁵ См.: Библия. Новый Завет. Откровение Ионна Богослова (Апокалипсис), 18:2.

⁶ Библия. Ветхий Завет. Книга Притчей Соломоновых, 14.

⁷ Библия. Ветхий Завет. Левит, 19:34.

⁸ Цит. по: *Ранович А.Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Ran/14.php (дата обращения: 17.10.2016).

⁹ Библия. Новый Завет. Первое Соборное послание Святого Апостола Петра, 2:19.

¹⁰ Библия. Ветхий Завет. Второзаконие, 17:20.

¹¹ Библия. Ветхий Завет. Книга Притчей Соломоновых, 20:28.

¹² Библия. Ветхий Завет. Книга Премудрости Иисуса, Сына Сирахова, 10:1.

¹³ Там же, 10: 2, 10:3.

И.Н. Коновалов

НОВЫЙ ЭТАП АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)

В статье исследуется новый этап антинаркотической политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и их легализации на региональном уровне.

Ключевые слова: антинаркотическая политика, регион, наркоагрессия, наркотический лоббизм, неправительственные и некоммерческие организации.

I.N. Konovalov

NEW STAGE OF COUNTER-NARCOTICS POLICY
IN MODERN RUSSIA (REGIONAL ASPECTS)

Article is devoted to a research of a new stage of counter-narcotics policy in the sphere of counteraction to drug trafficking and their legalization at the regional level.

Keywords: counter-narcotics policy, region, narcoaggression, narcotic lobbyism, non-governmental and non-profit organizations.

Новый этап противодействия наркоагрессии и наркотическому лоббизму в стране находит свое реальное выражение в государственных национальных программах, выполнение которых будет способствовать сокращению числа наркозависимых. Среди них: «Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года»; «Государственная программа реабилитации и ресоциализации наркозависимых лиц, рассчитанная до 2020 года»; «Стратегия по формированию здорового образа жизни на период до 2020 года»; «Концепция государственной семейной политики до 2025 года» и др.

Проблема незаконного оборота наркотиков в России в последние годы значительно обострилась и оказывает возрастающее негативное влияние на общественную жизнь, экономику, политику, правопорядок, здоровье нации, затрагивает практически все сферы жизнедеятельности государства и общества. По экспертным оценкам, прозвучавшим на заседании президиума Госсовета 17 июня 2015 г., в стране употребляют наркотики 7,3 млн граждан, регулярно 2 млн чел. Потери от наркомании в 1,5 раза превышают бюджет минобороны – до 1,5 трлн руб. в год, а затраты на борьбу с ней составили 96 млрд руб.¹

По мнению Президента России В.В. Путина, который открывал работу президиума Госсовета: «ситуация с наркотизацией страны остается непростой. Не прекращаются попытки распространения наркотиков в регионах РФ, в том числе героина, поставляемого из Афганистана. Ряд государств начали настоящую кампанию по легализации отдельных видов наркотиков, так называемых легких наркотиков. Мы, безусловно, выступаем против таких подходов, и эту точку зрения необходимо активнее продвигать на всех международных площадках»².

Следует учитывать, что наркоагрессия как самый доходный преступно-организованный бизнес, не только свободно преодолевает границы государств и любые запреты, но и проводит наступательную политику, направленную на легализацию наркотиков и пропаганду наркотической субкультуры.

Все это свидетельствует о несовместимости целей государства и наркобизнеса и отражает состояние их глубокого противостояния. Вместе с тем используемые в настоящее время формы и методы противодействия наркотизации общества недостаточно эффективны. В этой связи пришло время перевести антинаркотическую политику в новое качественное состояние, вовлекая в противодействие наркотизации все имеющиеся силы и ресурсы: от соответствующих государственных органов до институтов гражданского общества и конкретного человека.

По мнению специалиста в сфере антинаркотической политики Н.А. Фроловой, инструментом, провоцирующим усиление наркотической угрозы, является деятельность наркотического лобби, открыто рекламирующего философию наркомании, призывающего к прекращению финансирования «войны наркотикам», стремясь к достижению следующих целей:

узаконить и финансировать программы обмена шприцев и средств контрацепции;

на основании уважения права выбора, принятия самостоятельных решений человеком, отказаться от системы принудительного лечения от наркозависимости и включить в лечебную программу заместительную терапию;

декриминализовать потребление наркотиков, отменив наиболее жесткие меры уголовного преследования;

легализовать, как в ряде европейских стран (Голландия, Великобритания, Швейцария, Португалия) и штатов США (Колорадо, Вашингтон), легкие наркотики и их производные³.

В сложной антинаркотической работе мощный потенциал имеет региональный ресурс самоорганизации общественной жизни в лице различных движений, родительских, волонтерских организаций, объединенных целью борьбы с немедицинским потреблением наркотиков. В этой связи заслуживает внимания региональная практика профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, употребляющих наркотические средства и психотропные вещества — Карельскими региональными организациями, гг. Петрозаводска, Великого Новгорода, Саратова⁴.

Сложившаяся наркоситуация требует решительных и активных действий в организации противодействия злоупотребления наркотическими средствами и психоактивными веществами. Только научно обоснованная антинаркотическая политика способна остановить волну наркоэкспансии, захлестнувшую Россию.

Отмеченный тезис приобретает особую значимость в современных условиях, когда в ряде регионов России наблюдаются попытки неправительственных и некоммерческих организаций вывести проблему наркотиков и СПИДа из сферы правоприменительной в сферу здравоохранения. Так, проводником либеральной наркополитики и ее последствий в России выступает Некоммерческое партнерство по поддержке социально-профилактических программ в сфере общественного здоровья «Эсверо», финансируемое Глобальным фондом для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией, Фондом Сороса⁵, Агентством по международному развитию Госдепартамента США. В 2014 г. ее программа «Поддержка доступа к профилактике и лечению ВИЧ-инфекции путем развития услуг среди потребителей инъекционных наркотиков в Российской Федерации» реализовывалась в 31 российском городе, клиентами низкопороговых проектов стали 52 632 потребителя инъекционных наркотиков⁶.

В Саратовской области филиалом «Эсверо» являлась закрытая ныне Саратовская региональная общественная организация «Социум». Она длительное время (с 1998 г.) осуществляла реализацию проектов по снижению темпов роста распространения ВИЧ/СПИДа в гг. Саратове, Балаково, Энгельсе через организацию аутрич-работы в среде потребителей инъекционных наркотиков. За период проведения проектов «Социум» получил порядка 100 000 шприцев и 10 000 презервативов, которые были реализованы (бесплатная раздача) среди потребителей наркотиков и групп риска.

В инструкции по технике безопасности работы аутрич-работников и волонтеров, составленной в соответствии с проектом CITYWIDE (Нью-Йорк), в разделе „Как не надо работать” указывается: «Не пытайтесь навязать людям идею о необходимости прохождения лечения от наркозависимости. Наша задача — это

помощь и поддержка тем людям, которые употребляют наркотики, а не попытка что-то навязать».

В другом источнике говорится: «Твоя задача не в том, чтобы убедить их бросить наркотики. Уважай право другого делать свой выбор и принимать самостоятельные решения. Снижение вреда — это когда уважается достоинство и права каждого человека»⁷.

Приведенное высказывание свидетельствует о различных подходах к осуществлению политики в области контроля над наркотиками и сопровождающими их заболеваниями. При этом деятельность вышеназванных организаций вступает в противоречие с государственной политикой в сфере профилактики наркомании и СПИДа.

В чем его суть? Среди множества методов профилактики наркомании и СПИДа можно выделить два основных направления. Первое — реализует Минздравсоцразвития России, его отстаивают службы по контролю за наркотиками и огромное количество общественных организаций. Сторонники этого направления считают человека существом разумным и прагматичным, поэтому в условиях повышенной опасности предлагают людям отказаться от стереотипов сексуальной революции в пользу семейных ценностей, добиваются полного освобождения страдающих от наркотической зависимости.

Идеи второго направления проводят в жизнь Глобальный фонд по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией, Фонд Сороса и для России — Агентство по международному развитию Госдепартамента США. Оно базируется на принципах идеологии, которую иногда относят к последней версии либерализма, правильнее ее назвать постлиберализмом. Для данной идеологии в контексте наркозависимости характерна максимализация прав людей, входящих в т.н. уязвимую группу (наркоманы, сексуальные меньшинства, проститутки). Сторонники указанного направления исходят из того, что большинство наркоманов не желают избавляться от наркозависимости, соответственно необходимо обеспечить им возможность употреблять наркотики и не заражаться при этом СПИДом. Поэтому выделяются большие деньги на программы «снижения вреда» — бесплатной раздачи презервативов, одноразовых шприцев и программы заместительной терапии.

Итак, налицо противоречие не только методологий, но и идеологий. С одной стороны, попытки призвать население к здоровому образу жизни, полному отказу от наркотиков, апелирование к традиционным семейным ценностям. А с другой, пропаганда «снижения вреда», по сути, косвенная, но поддержка наркотической субкультуры. Получается, что борьба международных фондов с наркоманией и эпидемией СПИДа — это всего лишь ширма для продвижения собственных интересов на еще «не освоенные» территории.

¹ См.: Зелье вне закона // Российская газета. 2015. 18 июня.

² См.: Там же.

³ См.: Фролова Н.А. Государство и институты гражданского общества как субъекты антинаркотической политики: отечественный и зарубежный опыт // Антинаркотическая политика в современной России: цели, средства, результаты / [С.Б. Суоров, А.В. Малько, И.Н. Коновалов и др.]; под ред. А.В. Малько, И.Н. Коновалова. Саратов, 2013. С. 52.

⁴ См.: Коновалов И.Н. Методические рекомендации для комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав по организации межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, употребляющих наркотические средства и психотропные вещества, алкогольную и спиртосодержащую продукцию. Саратов, 2015. С. 29–40; Про-

хорова М. Карельская региональная общественная организация «Матери против наркотиков» — участник взаимодействия общества с властью. URL: www.ecad.ru (дата обращения: 11.09.2015).

⁵ В начале 90-х гг. XX в. миллиардер Джордж Сорос выделяет движению легализации огромные денежные средства, инвестируя создание Фонда по вопросам наркополитики (DPF). Он является крупным спонсором усилий по смягчению законов, направленных против наркотиков, стратегии введения легального потребления марихуаны как лекарства в т.н. «медицинских целях», а по сути нового легального бизнеса.

⁶ Официальный сайт НП «Эсверо». URL: <http://programma.x-pdf.ru/16politologiya/157404-1-esvero-otchet-2013-2014-moskva-nekommercheskoe-partnerstvo-podderzhke-socialno-profilakticheskikh-programm-sfere-obschestv.php> (дата обращения: 15.10.2016).

⁷ В Саратове суд признал иноагентом организацию, раздававшую шприцы и презервативы // Православие и мир. 2016. 20 апр.; Владимир Познер высказался в защиту признанной «иностранным агентом» саратовской НКО // Свободные новости. 2016. 17 мая; Энгельсская прокуратура потребовала от организации, финансируемой Госдепом США, объявить себя иностранным агентом. URL: <http://nversia.ru/news/view/id/83464> (дата обращения: 07.04.2016).

В.Н. Купин

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ И МИГРАЦИОННЫХ УГРОЗ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье освещаются некоторые аспекты глобальных геополитических тенденций; даются оценки изменений в конфигурации международных отношений, проблем демографических вызовов и трансграничных миграционных угроз, анализу причин повышения напряженности в современном мире и мерам по обеспечению глобальной и национальной безопасности, а также особой роли России в этом процессе.

Ключевые слова: мировая система, демографические вызовы, миграционные угрозы, многополярность, трансграничные геополитические процессы, миропорядок, глобальность, однополярность, международная напряженность, гегемония, безопасность.

V.N. Kupin

GEOPOLITICAL FACTOR OF MODERN DEMOGRAPHIC CHALLENGES AND THREATS TO GLOBAL MIGRATION AND NATIONAL SECURITY

Article is devoted to some aspects of the global geopolitical trends, assessment of changes in the configuration of international relations, problems of demographic challenges and threats of cross-border migration, the analysis of the causes of increasing tension in the modern world and measures to ensure global and national security, as well as Russia's special role in this process.

Keywords: world, demographic challenges, migration threats, multipolarity, transboundary geopolitical processes, world order, global, unipolarity, international tensions, hegemony, safety.

В сложной мозаике глобальных демографических и миграционных процессов современности все отчетливее вырисовывается ярко выраженная геополитическая составляющая. Причем тесное переплетение геополитики с демографическими и миграционными процессами, требует особой методологии в их оценке. Основы такой методологии были заложены французской геополитической школой «поссибилизма» (Ля Блаш¹) и отечественной теорией «географического индивидуума» (П.Н. Савицкий²). В противовес немецкой классической геополитической

© Купин Виктор Николаевич, 2016

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии (Саратовская государственная юридическая академия), Почетный работник высшей школы РФ; e-mail: kupin_viktor@mail.ru

литике данная методология стала рассматривать человека в качестве активного фактора, способного коренным образом поменять вектор и динамику исторического развития стран и народов планеты. Новые демографические вызовы, с которыми столкнулось человечество, лишним раз подтверждают актуальность этой геополитической методологии поиска адекватного ответа в оценке их природы и возможностей переходить в реальные угрозы национальной и глобальной безопасности. На теоретико-методологических аспектах данной проблемы остановимся подробнее.

Демография и миграция как взаимосвязанные процессы поступательного роста народонаселения и его динамики в геопространстве в основе своей детерминированы объективными законами. Однако по мере общественного развития на них наложился целый ряд искусственно созданных факторов, стимулирующих резкое повышение демографической и миграционной динамики в тех или иных регионах мира. В наши дни возникла ситуация т.н. «демографического взрыва», смысл которого состоит в стремительном, но неравномерном росте народонаселения. В развитых странах, как правило, этот прирост минимален либо его почти нет. Зато численность «третьего мира», несмотря на серьезные меры на государственном уровне по сдерживанию рождаемости, например, в Китае и в Индии, продолжает расти. В начале XXI в. народонаселение мира ежегодно увеличивалось примерно на 90,1 млн чел. Однако сохраняется тенденция к усилению демографической чересполосицы в географическом пространстве. Так, на 7% суши живет 70% человечества³. Сегодня человечеству, численность которого перевалила за 7 млрд, уже брошен глобальный демографический вызов. Он связан с тем, что в прошлом веке началась новая демографическая революция, длящаяся и поныне, тесно связанная с промышленной революцией, которая предопределила структуру мировой экономики и мирового рынка. Преодоление высокого уровня смертности, повышение экономической ценности человека, а в конце XX столетия и резкое снижение рождаемости в развитых странах стали определяющими факторами современной демографической революции. Демографические процессы, включаясь в общую структуру социальных и геополитических факторов, оказывают существенное воздействие на архитектуру современного миропорядка. Специалисты полагают, что население Земли должно быть в прямо пропорциональной связи с возможностями планеты.

Одна из острейших и самых значимых глобальных проблем современности в связи с неустойчивостью демографической ситуации заключается в преодолении отсталости большей части человечества. Отсталость — результат пересечения и теснейшего взаимодействия многих социальных проблем. Одни из них имеют глубокие исторические корни, другие стали следствием глобальной геополитики Запада последних десятилетий.

Так, в 1975–2000 гг. из 2,2 млрд чел. прироста населения около 90,5%, т.е. 2 млрд, приходилось на развивающиеся страны⁴. Сложившийся демографический дисбаланс в мировом пространстве состоит в том, что прирост населения в развитых странах незначителен, а в развивающихся — чрезвычайно высок. При этом подавляющее большинство населения развивающихся стран не имеет нормальных условий жизни. Экономика развивающихся стран сильно отстает от уровня производства развитых стран и сократить разрыв пока не удастся. На Всемирном саммите по устойчивому развитию, который прошел под эгидой ООН в Йоханнесбурге в сентябре 2002 г., спустя 10 лет после аналогичной конференции

в Рио-де-Жанейро, отмечалось, что на долю 15% населения, живущих в странах с высоким доходом, приходится 56% мирового потребления. В то же время беднейшие 40% населения Земли потребляют лишь 11% от общего объема. Налицо проблема разумного ограничения и перераспределения мировых ресурсов, ибо, как подсчитала ООН, чтобы выровнять уровень жизни в мире по высокой планке, необходимо еще 2,6 таких планет, как Земля. Получается, что из 7 млрд землян примерно 500 млн чел. живут в достатке, остальные 6,5 млрд — в бедности⁵. Следует отметить, что неравномерность в соотношении территориально-пространственных и социально-демографических факторов активно генерирует новые и обостряет старые противоречия.

Многие из этих противоречий носят исторический характер, являясь наследием колониального прошлого, которые по-прежнему выражаются в неэквивалентности экономических отношений между развитыми и развивающимися странами, бывшими метрополиями и их колониями. В этой связи следует обратить внимание и на такой фактор, как полная зависимость развивающихся стран от конъюнктуры мирового рынка. Например, несмотря на то, что некоторые из этих стран обладают огромными запасами нефти, резкое снижение цены на энергоносители наносит огромный ущерб экономическому потенциалу развивающихся стран. Вследствие этого еще быстрее растет их долг развитым государствам и снижается социально-культурный уровень жизни населения. Ответом на данный вызов является расширение потоков мигрантов, вектор которых устремлен на богатые, но пространственно перенаселенные мегаполисы развитых стран. При этом упорядочить или как-то регулировать многомиллионные миграционные потоки становится все более проблематично. Внутри огромной людской лавины, стремительно надвигающейся с «Бедного Юга» на «Богатый Север», все труднее отделить легальных от нелегальных мигрантов, законопослушных людей имеющих цель найти работу, от людей с криминальным прошлым, скрывающимся от правосудия, всякого рода экстремистов и потенциальных террористов.

Кроме того, относительно высокие социальные нормы для мигрантов, установленные во многих странах Запада для привлечения дешевой рабочей силы, транспарентный пограничный режим, преследующий ту же цель, тиражируемые СМИ в ярких красках виртуальные образы и ценности западного «общества потребления», добавляют новые волны в миграционные потоки, устремленные к эпицентру «красивой жизни». В результате внутри западного мира возникают целые анклавные этнокультурной, межконфессиональной и социально-политической напряженности. Одновременно развиваются глобальные геополитические разломы по линиям «Север — Юг», «Запад — Восток». Тенденция к усилению конфронтации и противостояния, прежде всего, «богатого Севера» и «бедного Юга» уже ведет к хаосу в международных отношениях и наносит значительный ущерб глобальной безопасности. Европа уже в полной мере ощутила на себе удары растущих миграционных потоков, ввергающих ее в перманентный социально-политический и этнокультурный кризис. В условиях целостного, взаимозависимого мира и возросшей доступности современного, в т.ч. ядерного оружия, эти процессы могут иметь трагические последствия для многих стран и даже для всего человечества. Россия по своему геополитическому положению также находится в зоне высоких миграционных рисков. Оценивая геополитический контекст миграционных рисков и угроз, следует отметить их особую сложность как по происхождению и адресности, так и по смешанности содержания, к тому

же часто имеющие многовекторную, трудно предсказуемую динамику развития. Вот почему миграционные угрозы целесообразно рассматривать как особый тип трансграничных угроз, требующий объединения усилий национальных и международных институтов обеспечения безопасности⁶. Мониторинг такого рода сложных угроз должен опираться на знание их характерных признаков. К основным из них можно отнести следующие:

во-первых, трансграничные угрозы потенциально способны нанести ущерб от двух до нескольких государств, имеющих между собой транспарентные пограничные отношения;

во-вторых, трансграничные угрозы по своему происхождению могут возникать в одном государстве с обязательным распространением в пространство других;

в-третьих, трансграничные угрозы могут возникать одновременно в нескольких государствах на основе сетевого принципа коммуникаций;

в-четвертых, трансграничные угрозы чаще всего возникают в сопредельных государствах с повышенной степенью социальной энтропии;

в-пятых, источник трансграничных угроз может находиться за пределами пространств их возникновения;

в-шестых, трансграничные угрозы имеют более высокую вероятность возникновения и обострения с разнородной геополитической, этнокультурной и конфессиональной средой пространств сопредельных государств.

Таким образом, понятие «трансграничная угроза» можно сформулировать следующим образом: это совокупность условий и факторов объективного и субъективного характера, действующих на территории нескольких государств, представляющих форму опасности национальным интересам, направленных как против конкретного объекта, так и против группы объектов: государств, регионов и мира в целом.

Другим важным аспектом современных миграционных угроз является их тесная, причинно-следственная связь с глобальной геополитикой Запада и, прежде всего, США. В последние годы они активно занимаются геополитическим инжинирингом, цель которого остановить набирающий силу процесс декомпозиции глобальной системы миропорядка с безраздельным американским доминированием. Для реализации такой геополитики используются самые разнообразные средства. Одним из самых угрозоемким средством достижения геополитических целей и в XXI в. продолжает оставаться война в самом широком, технологически насыщенном ее проявлении. Беспрецедентен диапазон современной войны, развязанной Западом — от информационной, идеологической, гибридной до террористической и реальной кровопролитной, с миллионами человеческих жертв, разрушениями жилища, экономики, коммуникаций, памятников культуры. Отсюда и стремительно растущие потоки беженцев, порождающие все новые миграционные угрозы. Кроме того, неуправляемые и неконтролируемые миграционные процессы служат питательной средой для возникновения других видов угроз и, прежде всего, наиболее острой угрозы современности — угрозы международного терроризма. Эта глобальная угроза, как показывает опыт последних лет, требует совместных комплексных мер от всего мирового сообщества.

¹ Blache Vidal de la. *La Geographie Humaine*. Paris, 1921.

² См.: *Савицкий П.Н.* *Континент Евразия*. М., 1997.

³ См.: *Население Земли*. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 16.09.2016).

⁴См.: Уткин А.И. Миропорядок XXI века. М., 2001. С. 113–114.

⁵См.: Российская газета. 2002. 3 сент.

⁶См.: Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ). URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 16.09.2016); Трансграничные вызовы национальному государству / под ред. С. Панарина. СПб., 2015.

В.А. Труханов

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В статье анализируется региональная политика с точки зрения участия в нем субъектов регионального политического процесса. Особое внимание уделяется принципу ответственности, которым должны руководствоваться все субъекты региональной политики.

Ключевые слова: региональный политический процесс, политическая ответственность, гражданское общество, субъекты гражданского общества, региональная политика.

V.A. Trukhanov

RESPONSIBILITY OF SUBJECTS OF REGIONAL POLITICAL PROCESS

In article the regional policy from the point of view of participation of subjects in it of regional political process is analyzed. The special attention is paid to the principle of responsibility by which all subjects of regional policy shall be guided.

Keywords: regional political process, political responsibility, civil society, subjects of civil society, regional policy.

Понятие «гражданское общество» сконцентрировало в себе такие важные для граждан идеалы, как политическая и экономическая свобода, отсутствие нелегитимного насилия и тотального контроля со стороны государственной власти. Однако принцип свободы без принципа ответственности, способен привести к анархии в худшем ее смысле, поэтому ответственность субъектов регионального политического процесса есть обязательное условие политической и социальной стабильности в регионе.

Ответственность — понятие философско-социологическое, отражающее сущность отношений между личностью и обществом с точки зрения вполне осознанного осуществления ими своих функций и предъявляемых к ним взаимных требований. Обратившись к социологической энциклопедии, мы найдем там, что ответственность — это качество социального субъекта, организующее его социальные взаимодействия на основе сознательного творческого осуществления предъявляемых требований¹. К таким субъектам, функционирующим в сфере гражданского общества, политическая наука относит различные социальные общности, в т.ч. элиту. В политическом пространстве региона это будет региональная элита. Структура региональной элиты не однородна, что обусловлено властными отношениями. Данный момент следует пояснить, т.к. политическая власть всегда организована, сплочена и крайне редко добровольно уступает свои

© Труханов Виктор Александрович, 2016
Доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: truhanov_viktor@mail.ru

позиции тем, кого принято называть «наши оппоненты», в политической науке их принято называть «контрэлита». В качестве такой контрэлиты или оппонентов властной элиты мы выделяем тех, кто находится у «руля» институтов гражданского общества. Для краткости назовем их субъектами гражданского общества.

Важно отметить, что современной властной региональной элите присуща инерционность советской авторитарной политической культуры, что проявляется как в свойственных ей фобиях, так и в стиле политической деятельности. Например, страх перед «цветными революциями», инициаторами которых и активными участниками вполне могут быть субъекты гражданского общества. А отсюда запретительный характер в деятельности некоторых некоммерческих организаций и отсутствие диалога с ними. Это наиболее отчетливо проявляется на региональном уровне, где элитарность слабо соотносится с принципом ответственности.

Также необходимо напомнить, что особенность современного российского политического процесса заключается в том, что на формирование региональной элиты в постсоветский период существенное влияние оказывали деструктивные социальные и экономические факторы и можно с уверенностью констатировать, что сейчас в региональной элите присутствуют представители криминально-олигархических группировок. Такую элиту даже центральная власть в лице В.В. Путина называет полукриминальной². Естественно, что никакого принципа ответственности она не придерживается.

Кроме того, как показывает политическая практика, современное время в большинстве своем выдвигает в политическую элиту людей достаточно осторожных, сторонящихся публичной политики, общающихся с электоратом в основном с экрана телевизора в виде монолога или на заранее подготовленных площадках, уходящих от диалога, что в целом порождает феномен неответственности.

Фактор, способный реализовать принцип ответственности в деятельности как властной элиты, так и субъектов гражданского общества, это развитое гражданское общество в регионе в том его содержании, которое разрабатывается в западной политической мысли. Это значит, что гражданское общество — это система самоорганизующихся посреднических групп, которые относительно независимы как от органов государственной власти, так и от внесударственных единиц производства и воспроизводства; способны планировать и осуществлять коллективные акции по защите и достижению своих интересов или устремлений; не стремясь при этом подменять ни государственные структуры, ни частных производителей или же принимать на себя функции по управлению государством; согласны действовать в рамках сложившихся правовых норм. Социальная сущность гражданского общества — быть прослойкой, амортизировать взаимодействие между властью и народом, правительством и людьми³. Кроме того, среди определяющих черт современного гражданского общества можно выделить формирование среди его членов прочных образцов поведения, среди которых важное место занимает чувство ответственности, солидарности, взаимного уважения и доверия.

Таким образом, реализация принципа ответственности в деятельности субъектов гражданского общества, в частности региональной элиты, предполагает поступательное формирование ответственной политической культуры у данных субъектов, а также в общем повышения уровня политической культуры у населения.

Успешная деятельность ответственной региональной политической элиты в современной политической ситуации состоит в формировании таких открытых институциональных механизмов, которые бы позволяли гражданам принимать активное участие в политической жизни не от выборов и до выборов, а постоянно. Такие механизмы участия граждан позволяют обеспечить политическую и социальную стабильность в регионе. Это дает гражданам уверенность в своей сопричастности к судьбе своего региона. Выполнение данных требований позволяет политической элите выводить политические процессы в регионе на оптимальный режим, выдерживать наиболее прагматичный, сбалансированный, поступательный курс политических преобразований. Нарушение равновесия указанных требований влечет кризисные явления, а в конечном итоге — провал политического курса.

Ответственность региональной политической элиты закрепляется контролем со стороны гражданского общества. С одной стороны, механизмы контроля гражданского общества за политической элитой должны быть направлены на постоянную и широкую общественную экспертизу действий элиты, при необходимости — на их корректировку. С другой стороны, действия элиты должны вписываться в контекст гражданской ответственности, патриотизма, системы национальных интересов и приоритетов конкретной страны и региона, конкретного социума. Иными словами, действия элиты в современных условиях должны быть, помимо всего прочего, соотношены с общепризнанными ценностями и целями развития конкретного общества и региона. Основной путь закрепления принципа ответственности политической элиты в регионе лежит в создании механизма непрерывного контроля со стороны институтов гражданского общества.

¹ См.: Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003. С. 129.

² Владимир Путин в прямом эфире ответил на вопросы россиян. URL: <http://www.1tv.ru/news/polit/194158> (дата обращения: 10.04.2016).

³ См.: Труханов В.А. Ответственность политической элиты в практике взаимодействия государства и гражданского общества: региональный аспект // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2010. Вып. 4. Т. 10.

О.С. Родионова, Л.П. Шишканова, М.Г. Калинина

К ВОПРОСУ О РАБОТЕ НАД ЛЕКСИКОЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК)

В статье рассматриваются особенности немецкой лексики в рамках программы дополнительного образования при подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации. Обсуждаются некоторые аспекты работы над лексикой на разных этапах обучения.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, межкультурная компетенция, словообразовательные модели, техники контроля, термин, юридическая терминология.

O.S. Rodionova, L.P. Shishkanova, M.G. Kalinina

THE PROBLEM OF STUDUING GERMAN LEXICON WHEN TEACHING TRANSLATORS IN THE SPHERE OF PROFESSIONAL COMMUNICATION (THE GERMAN LANGUAGE)

The article deals with the study of the German vocabulary in the realization of the program of additional training of translators in the sphere of professional communication. We discuss aspects of work on vocabulary at different stages of learning.

Keywords: professional communication, intercultural competence, word-formation models, techniques of control, the term, legal terminology.

Подготовка обучающихся по дополнительной программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», владеющих знаниями специфики иноязычной специальной терминологии¹, политической и правовой систем стран изучаемых иностранных языков, основ судебной практики и юридической техники, становится актуальной научно-образовательной задачей, что подразумевает большое разнообразие в выборе учебного материала, методических приемов и педагогических решений, способствующих не только углублению и расширению речевых умений и навыков, связанных с изучением немецкого языка как

© Родионова Ольга Сергеевна, 2016

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: rodionovakdf@yandex.ru

© Шишканова Людмила Петровна, 2016

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: shishkanovalp@mail.ru

© Калинина Марина Георгиевна, 2016

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: mara1976.01@mail.ru

основного иностранного языка, но и интеграции в образовательную практику в расширенном варианте коммуникативного компонента².

Развитие межкультурной компетенции — одно из приоритетных направлений учебной деятельности. Межкультурная компетенция понимается не как самостоятельная сфера, а как умение обучающихся соединить социокультурную, профессиональную и стратегическую компетенции с деятельностными факторами их личностного становления³. Данный подход определяет конкретные формы реализации образовательных задач и принципы, основанные на традициях культурной вариативности. Основным является принцип «диалога культур» как философии взаимоотношений между культурами в современных культурных сообществах, который находит свое выражение в изучении культурного своеобразия народа⁴.

Введение обучающихся в мир культуры страны изучаемого языка — важнейшая задача преподавателя. В связи с этим процесс обучения иностранному языку с первых занятий мы строим как диалог культур (национальной и иноязычной). Это осуществляется за счет приобщения к «микросреде» культуры, что способствует познанию чужой культуры, позволяет получить представление об этических и нравственных нормах поведения, принятых в инокультурном социуме, о моделях социальных ситуаций и типичных сценариях взаимодействия, развивает память и стимулирует познавательную деятельность, расширяя диапазон поиска информации, необходимой для будущего специалиста⁵. Это касается и изучения иностранной лексики, которое предполагает усвоение обучающимися лексических единиц с учетом специфики культуры их значений и употреблений. Рекомендуется осуществлять введение иноязычной лексики двумя фазами. Первая фаза — идентификация предмета; вторая фаза — связь предмета с культурой изучаемой страны. В первой фазе обучающиеся знакомятся с техниками, дающими понятие о предмете (денотативное значение слова). *Eis* — замершая вода. *Heizung* — источник тепла. Во второй фазе значения новых слов расширяются путем встраивания их в иностранные культурные контексты. На начальных этапах занятия обе фазы рекомендуется отделять друг от друга, и только когда обучающийся может понять, что «фаза показа» (то, о чем идет речь) служит основой для «фазы объяснения».

Объяснения новых слов можно вводить через синонимы, антонимы, дословный перевод⁶, словосочетания, идиомы, парафразы, мимику, жесты, ассоциации, картинки, фотографии, видеоматериалы. Вообще наглядность на начальном этапе выполняет своеобразную функцию стимула, способствует восприятию иноязычной речи, а также созданию смысловых образов, присущих носителям данного языка. Все средства наглядности помогают осуществить эффект присутствия в какой-то конкретной ситуации общения и помогают сохранить в памяти обучающихся тот смысл, который им необходимо воспринять.

Но поймет ли обучающийся культурно ориентированное объяснение? Как можно это проконтролировать? Имеется множество причин, объясняющих, что обучающиеся поняли что-то неправильно. Для контроля понимания необходимо знать истоки этих причин. Обучающиеся могут понять объяснение слишком узко — конкретизировать или в широком смысле генерализировать, или вообще понять значение слова неправильно. Многие ошибки возникают из буквального применения объяснений учителя. Поэтому при семантизации

значений слов необходимо заранее учитывать все возможные интерференции. Для этого существуют различные техники контроля:

1) ассоциации, актуализируемые с помощью вопросов (Что приходит вам в голову, когда вы слышите слово «*Kantine*»? Попробуйте представить «*Kantine*» в Германии и быстро ответьте);

2) функциональное сравнение, уточняемое с помощью вопросов и заданий, направленных на активизацию экспланаторных умений (Для чего используется «*Markt*» в вашей стране? Назовите его основные функции);

3) подбор антонимов с объяснением семантических различий (Назовите тему, которая могла бы быть противоположной теме «*Autofahren*»).

Распределяя лексику по этапам обучения, целесообразно на первоначальном этапе больше внимания уделять общеупотребительной лексике, а также отводить значительное место интернациональным словам. Слова и словосочетания, встречающиеся в текстах, а также образцы диалогов могут быть даны для прослушивания в звукозаписи для лучшего усвоения произношения новых терминов. Необходимо постоянно обращать внимание обучающихся на словообразовательные модели, чтобы закрепить навыки понимания слов на словообразовательном уровне. Упражнения, направленные на словообразовательный анализ, должны занимать одно из центральных мест в методике преподавания иностранного языка. Цель этих упражнений — значительно обогатить словарный запас обучающихся без специального заучивания новых слов, подготовить их к беспереводному чтению литературы на иностранном языке. Выполнение упражнений на словообразование способствует активизации учебной деятельности и вызывает интерес у обучающихся, поскольку слова, значение которых раскрывается путем словообразовательного анализа, запоминаются быстрее, чем при эквивалентном переводе.

Необходимость рассматривать немецкий язык в контексте постоянного взаимодействия с такими сферами «культуры норм», как мораль, политика, идеология, открывает новые возможности для изучения немецкого языка как языка представителей группы людей, имеющих профессиональные интересы, общие для представителей русскоязычного профессионального социума. Язык для специальных целей является не только языком особой прагматики, но и языком науки, выполняющим когнитивную функцию, что требует знаний с позиций: а) его семантики; б) его стилевой принадлежности; в) его тематического содержания и внутреннего смысла⁷. Таким образом, в процессе преподавания немецкого языка мы ставим задачи развития не только иноязычной лингвистической компетенции, но и ситуативной трансформации полученных знаний, позволяющих расширить пространство использования специальной и профессионально окрашенной информации.

Овладение юридической терминологической лексикой происходит на среднем этапе обучения, когда у обучающихся сформированы основные лексические навыки. Право является высокоорганизованной системой, состоящей из подсистем, в которую входят различные отрасли. В терминосистеме права существуют как общеправовые, так и отраслевые термины⁸. Общеправовые термины имеют отношение ко всей системе права. Они часто выступают и в роли свободных терминоэлементов при формировании отраслевых терминов. Именно такие термины и должны входить в терминологический минимум, подлежащий усвоению на

начальном этапе обучения профессиональному общению. Отраслевые термины усваиваются на следующем этапе изучения иностранного языка.

Проведенные нами исследования юридической терминологии позволили выделить общеправовые термины, образующие наиболее объемные терминологические гнезда и терминологические ряды. Например, *Recht, Gesetz, Gericht, Person*. По нашим данным, основополагающий термин правовой системы *Recht* способен образовать терминологическое гнездо в количестве 567 единиц. Знание одного этого термина достаточно, чтобы сделать доступным понимание свыше полутысячи терминологических единиц.

Говоря о работе с терминами, следует помнить, что они в подавляющем большинстве представлены именами существительными. Таким образом, упражнения, направленные на введение и закрепление терминологической лексики, должны строиться с учетом словообразовательных способов именно имен существительных.

Хотя термины и представлены в основном универбами, работа с этими лексическими единицами имеет ряд особенностей. Так, поскольку терминам не свойственна синонимичность, то упражнение на подбор или замену синонимов к выделенному термину не имеет смысла. А вот задание на соединение нескольких слов (терминов) в сложное слово (термин) является ценным, т.к. словосложение — один из наиболее распространенных способов терминообразования в немецком языке. Кроме того, именно словосложение позволяет показать соотношение родовых и видовых понятий, отразить иерархию отношений в терминосистеме. Так, знакомя обучающихся с родовым термином *Gesetz*, необходимо сразу же изучить видовые термины: *Grundgesetz, Bundesgesetz, Landesgesetz, Verfassungsgesetz, Bundesverfassungsgesetz* и т.д.

При отсутствии возможности использовать иллюстративный материал для семантизации значения терминов работу по их семантизации можно интенсифицировать с помощью интерактивной доски. Используя ее, можно организовать интерактивные виды работ с терминами, активизировать работу обучающихся, привлечь и поддерживать их внимание на протяжении достаточно длительного времени. Интерактивная доска позволяет использовать такой интерактивный способ презентации, как игры с терминами. Среди них живой интерес обучающихся вызывают кроссворды. При решении кроссворда одновременно происходит усвоение самого термина и его дефиниции. Другой подход заключается в задании обучающимся самим составить кроссворд с использованием терминов определенной тематики. При контроле усвоения терминов предлагается игра «Угадай термин». В определенное количество клеточек с данной первой и последней буквами следует вписать требуемый термин. Конечно, кроссворды можно заполнить и на обычной доске, но интерактивная доска позволяет преподавателю значительно экономить время занятий, подготовив заранее несколько вариантов и быстро продемонстрировать правильный графический образ термина.

При введении новых терминов с помощью интерактивной доски можно наглядно продемонстрировать процесс терминообразования, присоединяя к основе терминологические элементы (суффиксы или приставки). При знакомстве обучающихся с новым термином, образованным путем словосложения, появляется возможность показать соотношение родовых и видовых понятий, используя игру под названием *Igel*, когда в центре доски пишется термин, а вокруг него записываются все возможные сочетания данного термина с другими. Особое внимание следует

уделить упражнениям на соотнесение термина и понятия, т.к. выражение понятия — это основная функция термина. Преподаватель дает несколько дефиниций, а обучающиеся должны соотнести их с данными терминами. Введение элемента соревновательности при работе с изучением терминов включает в себя следующие задания: кто больше назовет терминов на определенную тему, кто быстрее заполнит кроссворд и т.д. Такие виды работы, как правило, заметно повышают активность обучающихся. Интерактивная доска позволяет удачно сочетать групповую и индивидуальную работу, более объективно оценить навыки владения лексическим материалом, повысить интерес обучающихся за счет новизны представленного материала и работы с ним, в результате чего значительно повышается мотивация в изучении иностранного языка.

Полученные обучающимися знания в профессионально ориентированных ситуациях ведут к овладению дополнительными профессиональными знаниями об иноязычной правовой культуре⁹, позволяют приобретать бесценный опыт межкультурного общения на немецком языке, знание которого является важным фактором интеграции будущих специалистов в европейское сообщество и их профессиональной востребованности в условиях глобализации.

¹ См.: *Хижняк С.П.* Саратовская терминологическая школа профессора Л.И. Баранниковой // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. № 1 (25). С. 62.

² См.: *Родионова О.С., Абрамова Н.В., Калинина М.Г.* Обучение разным видам иноязычной речевой деятельности (на материале немецкого юридического и делового дискурсов) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 207-212; *Родионова О.С.* К вопросу о привлечении внимания студентов к изучению немецкого языка // Язык и мир изучаемого языка. 2013. № 4. С. 171-173.

³ См.: *Хижняк С.П.* Межкультурная профессиональная коммуникация юристов в лингводидактическом освещении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15. № 2. С. 105-109; *Его же.* Правовая картина мира как основа изучения специфики правовой культуры разных стран и иностранных языков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 212-216.

⁴ См.: *Родионова О.С., Абрамова Н.В.* Формирование мотивации изучения немецкого языка в юридическом вузе // Innovations and modern technologies in the education system. Materials of the IV international scientific conference (February 20-21, 2014). Prague: Vedesko vydavatel'ske centrum «Sociosfera - CZ», 2014. P. 92-97.

⁵ См.: *Саковец С.А.* Совместная познавательная деятельность обучающихся на занятиях по немецкому языку // Лингвометодические аспекты преподавания иностранного языка в вузе: межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 2015. Вып. 10. С. 80-86.

⁶ См.: *Шишканова Л.П.* К вопросу о синонимии в терминологии // Язык и мир изучаемого языка. 2013. № 4. С. 83-85.

⁷ См.: *Родионова О.С.* Языковая реализация смысловых отношений в тексте // Лингвометодические аспекты преподавания иностранного языка в вузе: межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 2014. Вып. 9. С. 44-47.

⁸ См.: *Шишканова Л.П.* Формирование немецкой юридической терминологии. Саратов, 2008.

⁹ См.: *Родионова О.С.* Преподавание немецкого языка для специальных и профессиональных целей (из опыта работы) // Лингвометодические аспекты преподавания иностранного языка в вузе: межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 2013. Вып. 7. С. 98-100.

В.Н. Денисов, Т.В. Кирюшкина

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ЦЕЛИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В статье рассматриваются современные составляющие педагогической технологии, ориентированной на достижение коммуникативной направленности процесса обучения иностранному языку в вузе.

Ключевые слова: педагогическая технология, коммуникативный подход, типизированная ситуация, кейс-метод, рефлексия.

V.N. Denisov, T.V. Kiryushkina

COMPLEX APPROACH TO ATTAINING THE COMMUNICATIVE AIM OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN A NON-LINGUISTIC HIGHER SCHOOL

The article deals with modern components of pedagogic technologies aimed at attaining communicative approach to the process of teaching foreign languages in higher school.

Keywords: pedagogic technology, communicative approach, typical situation, case-study, reflexing.

В современном мире стремительного расширения международных связей в различных областях человеческой деятельности овладение иностранными языками, в первую очередь языками международного общения, стало важнейшей задачей отечественного образования. В силу этого формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции стало одной из основных целей обучения иностранным языкам¹. Коммуникация является основным средством развития речевого взаимодействия. Модель реального речевого взаимодействия, реализуемая в процессе обучения, включает следующие основные параметры: мотивацию, информативность, новизну, ситуативность, функциональность, характер взаимодействия коммуникантов и систему речевых средств. Все это позволяет в процессе обучения создать условия общения, адекватные реальным². Процесс обучения в соответствии с требованиями овладения основами профессиональной иноязычной коммуникации и компетенции должен быть организован таким образом, чтобы основные его качества были подобны естественному процессу общения, речевому взаимодействию. Педагогические технологии формирования такой коммуникативной компетенции предполагают использование следующих составляющих: типизированные ситуации, кейс-метод, метод развития критического мышления в процессе работы с текстовыми материалами³. Новизна процесса обучения выражается в постоянном комбинировании страноведческого и лингвистического материала, который

© Денисов Вячеслав Николаевич, 2016
Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, теоретической и прикладной лингвистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: dslava171@gmail.com

© Кирюшкина Татьяна Владимировна, 2016
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, теоретической и прикладной лингвистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: tatkir1954@bk.ru

отбирается с учетом его общекультурного и профессионального назначения, а также познавательных потребностей студентов⁴.

Типизированные ситуации служат основой формирования навыков социально-статусных, деятельностных и нравственных взаимоотношений субъектов общения. Типизированную ситуацию можно представить как совокупность наиболее распространенных социально-культурных и физических элементов, которые оказывают типизированное воздействие на субъект и определяют его типизированное речевое поведение. Речевое взаимодействие участников общения закономерно обусловлено типизированными внешними условиями речевой ситуации: а) под воздействием внешних параметров типизированной ситуации речевое взаимодействие и речевое поведение коммуникантов формирует их определенные ожидания; б) распределение ситуативных ролей между коммуникантами безоговорочно (при этом обязательно выделяется т.н. «полновластный распорядитель»); участники ситуации не могут обмениваться ролями; в) каждый участник общения обязан придерживаться обозначенной ситуативной роли, т.е. совершать речевые поступки, социально закрепленные за данной ролью; г) выбор конкретной речевой реакции, возникающей в ответ на типизированные ситуационные стимулы обуславливает как выбор самого речевого акта, так и языковых средств для его оформления.

Типизированная ситуация обладает следующими характерными чертами: 1) постоянность ситуативной рамки; 2) строгость распределения ситуативных ролей; 3) определенность порядка подчинения в отношениях между субъектами ситуации; 4) безоговорочность социальных конвенций в отношении речевого поведения в пределах заданной речевой ситуации. Типизированное поведение формируется на основе таких социальных процессов, как формирование привычки и закрепление ее в форме социальных конвенций.

Ситуации, связанные с привычными, часто повторяющимися фрагментами жизни человека, можно считать типизированными. Таковыми могут быть любые бытовые ситуации, например, посещение кафе, покупка товара в магазине, взаимодействие студента и преподавателя, судьи и участников судебного процесса, тюремного охранника и заключенного и т.п. Временная протяженность для осуществления речевого взаимодействия разных типизированных ситуаций может быть различна. Одни требуют значительного запаса времени, другие реализуются в условиях минимального временного отрезка, например, просьба передать что-нибудь:

– Would you mind passing the salad, please?

– Oh, yes, of course. Here it is.

Кейс-метод (Case study) как педагогическая технология стал применяться в начале XX в. Это интерактивный метод обучения. Студенты воспринимают его как игру, способствующую усвоению теоретического материала и овладению практическими навыками, поэтому он быстро завоевал позитивное отношение со стороны студентов. Кейс-метод основан на всестороннем анализе в процессе открытых обсуждений предложенных деловых ситуаций и задач. Студенты осмысливают описанную преподавателем реальную жизненную ситуацию и находят ее оптимальное решение. При этом сама проблема не должна иметь однозначных решений. Применение этого метода обучения помогает решать целый ряд образовательных задач. В процессе актуализации заданных ситуаций студенты, кроме практических, овладевают многими другими навыками,

необходимыми им в профессиональной деятельности. Следует отметить, что поиск оптимального решения ситуации оказывает воздействие на профессионализацию студентов, способствует их взрослению, формированию интереса к учебе, социальных навыков. Кейс-метод характеризуется высоким уровнем технологизации и оптимизации и методологическим насыщением. Данный метод позволяет применять разнообразные формы обучения.

Инновационный характер роли преподавателя выражается в его образе мышления, особой парадигме, позволяющей по-иному думать и действовать, развивать свой творческий потенциал. Это роль наблюдателя, но с активной позицией, способствующей раскрепощению преподавателя, формированию прогрессивного стиля мышления и мотивации педагогической деятельности. Важную роль кейс-метод играет и в широкой демократизации и модернизации учебного процесса.

Кейс — это некая ролевая система. Роль представляет собой совокупность требований, предъявляемых к лицам с определенными социальными позициями. При наличии значительной концентрации ролей в кейсе кейс-метод превращается в его крайнюю ролевую форму — игровой метод обучения, предполагающий сочетание игры с тонкой технологией интеллектуального развития и тотальной системой контроля. Действия в кейсе могут быть представлены в описании и тогда необходимо их осмыслить, учитывая последствия и эффективность. В других вариантах они предлагаются как способ разрешения ситуации. Но и в том и в другом случаях вырабатывается модель практического действия, что является эффективным средством формирования и развития профессионализма обучаемых. По степени воздействия указанных источников можно выделить следующие классы кейсов: практические кейсы, в которых описаны реальные жизненные ситуации, требующие оптимального решения; обучающие кейсы, нацеленные непосредственно на обучение; научно-исследовательские кейсы, предполагающие осуществление исследовательской деятельности.

Метод развития критического мышления в процессе работы с текстом основан на творческом сотрудничестве студента и преподавателя. Цель данного метода — развитие творческого потенциала исследователя. Он рассчитан не на запоминание материала, а на развитие аналитического подхода к поиску решения поставленной проблемы, в процессе которого студенты учатся сотрудничать и работать в группе, систематизировать информацию и самостоятельно принимать решение. Метод позволяет повысить интерес учащихся к процессу обучения, развить способности к самостоятельной работе с полученной информацией, сформировать коммуникативные навыки. В качестве содержательной основы данного метода могут служить тексты различного содержания: информационные, повествовательные, проблемные. Метод включает три основных этапа: вызов, осмысление, рефлексия. На этапе вызова студент анализирует собственные знания по изучаемому вопросу (делает предположения), проводит систематизацию информации до ее изучения, определяет личную цель рассмотрения данной темы.

На этапе осмысления происходит непосредственное восприятие новой информации. Студенты знакомятся с текстом, используя предложенные преподавателем активные методы чтения, а также перевода⁵ с опорой на знание языковых свойств терминологических единиц разного типа⁶. По мере осмысления новой

информации студенты делают пометки на полях, формируют собственное мнение, продолжая активно конструировать цели изучения проблемы.

На этапе рефлексии происходит целостное осмысление полученной информации путем соотнесения «новой информации» со «старой», вырабатывается собственное отношение к изучаемому материалу. Студенты выделяют информацию, наиболее значимую для понимания сути изучаемой проблемы и для реализации поставленной ранее собственной цели. Следует подчеркнуть, что на этом этапе новые идеи и информация выражаются своими словами, причинно-следственные связи выстраиваются самостоятельно. Важно, чтобы в процессе рефлексии студенты самостоятельно проанализировали стадию изучения материала, собственные мыслительные операции.

Рассмотренные аспекты педагогической технологии являются общими для любой профессиональной ориентации преподавания иностранного языка, но их конкретное наполнение зависит от направления подготовки обучающихся.

¹ См.: *Хижняк С.П.* Межкультурная профессиональная коммуникация юристов: теоретические основы. Саратов, 2014; *Его же.* Правовая картина мира как основа изучения специфики правовой культуры разных стран и иностранных языков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5. С. 212–216.

² *Хижняк С.П.* Межкультурная профессиональная коммуникация юристов в лингводидактическом освещении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Вып. 2. С. 105–109.

³ См.: *Варшамова Н.Л.* Особенности формирования письменной коммуникативной компетенции в рамках профессионально-ориентированной программы обучения английскому языку // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 233–238; *Яшина Е.В.* Особенности обучения студентов-юристов профессионально ориентированному (юридическому) английскому языку как второму, в рамках программы высшего образования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 233–238.

⁴ См.: *Кирюшкина Т.В.* Некоторые особенности проявления языковых свойств структурно и структурно-семантически преобразованных фразеологических единиц (на материале русского, английского и немецкого языков) // Язык и мир изучаемого языка. 2012. № 3. С. 41–59.

⁵ См.: *Калмазова Н.А.* Предпереводческий анализ юридических текстов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5. С. 226–230; *Кирюшкина Т.В.* К вопросу о переводе фразеологических лакун с русского языка на английский и немецкий языки // Язык и мир изучаемого языка. 2013. № 4. С. 86–94.

⁶ *Хижняк С.П.* Саратовская терминологическая школа профессора Л.И. Баранниковой // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. № 1 (25). С. 63.

А.Л. Игнаткина

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье исследуется взаимосвязь культурных, социальных и лингвистических факторов, оказывающих влияние на формирование терминологического аппарата политической сферы. Рассматриваются исторические периоды развития англоязычной общественно-политической терминологии.

Ключевые слова: политика, политический дискурс, термин, репрезентация, коннотация, исторические этапы.

© Игнаткина Анастасия Львовна, 2016

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, теоретической и прикладной лингвистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nignatkina@rambler.ru

A.L. Ignatkina

LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS OF ENGLISH
POLITICAL TERMINOLOGY FORMATION

The paper presents an effort to put together social, cultural and linguistic factors, which appeared to be crucial for the formation of English political terms. The historical periods of English political terminology development are being dwelled upon.

Keywords: politics, political discourse, term, representation, connotation, historical period.

В любом языке лексический ярус является наиболее гибким, чувствительным к изменениям. Процесс трансформации лексического пространства почти непрерывен — в этом и заключается связь языковой системы с другими сферами общественной жизни (политической, социально-экономической, государственной). Наиболее типичными путями образования общественно-политических терминов являются: переосмысление отдельных слов, устойчивых сочетаний нефразеологического характера, а также фразеологических единиц, не имеющих прототипа в виде переменного словосочетания. Известно также, что терминологический аппарат наук, изучающих те или иные социальные явления, обладает специфическим свойством — способностью к легкой популяризации¹. Общественно-политическая терминология, благодаря наличию указанных черт и свойств, представляет определенный интерес как предмет исследования лингвокультурного направления.

Прежде чем приступить к анализу языкового материала, необходимо обозначить границы понимания такого многоуровневого и неоднородного пласта лексики, как общественно-политическая терминология. В данной статье под термином *общественно-политическая терминология* (далее — ОПТ) мы понимаем тематическое объединение общеупотребительных слов и словосочетаний (единиц) устойчивого и фразеологического характера (далее — ФЕ), которые должны быть понятны большинству носителей языка, и которые с семантической точки зрения могут рассматриваться как социально-оценочные номинации. Информативный компонент ОПТ реализуется посредством экспликации в значении термина социальной позиции или ценностной установки. Этот пласт лексики отграничен от политологической терминологии, которая в полной мере известна только специалистам и используется только в специальных текстах, ориентированных на специалистов по политологии².

Поскольку номинативные единицы ОПТ выступают как мыслительные модели для восприятия мира, призванные служить социально-политической концептуализации действительности, данный пласт лексики представляет собой особый канал для создания в массовом сознании соответствующей картины мира. В лингвистике доказано, что за любой номинацией, образованной на основе какого-либо тропа, стоят заранее известные носителям языка концептуальные конструкты³. Это значит, что образы, послужившие базой для репрезентации знаний о различных фрагментах политической картины мира, находятся в постоянной корреляции с жизненной средой, жизненным опытом и культурой народа. Такие репрезентации несут в себе т.н. «следы» от всего познанного человеком — начиная от зрительных и акустических впечатлений до репрезентаций концептуального плана, которые образуются под воздействием услышанного, увиденного или прочитанного. Например, номинация *stalking*

horse (букв. заслонная лошадь) ‘a candidate put forward in an election to conceal an anonymous person’s potential candidacy’⁴ (кандидат «для отвода глаз», кандидат-прикрытие) связана с природно-географическими и бытовыми особенностями США. В исконном значении она употреблялась в среде охотников, обитавших на Великих равнинах, где из-за скудной растительности во время охоты на бизона своих коней охотники использовали для маскировки. Номинация *flip-flop* (букв. сальто-мортале) имеет значение ‘a sudden reversal of opinion or policy by a politician, usually running for office’ (внезапная перемена во взглядах политика, обычно претендующего на государственную должность) построена на образе акробата, совершающего ловкие и неожиданные трюки. Признак, положенный в основу наименования номинации *dog-whistle* (букв. свист-сигнал, на который отзывается собака) ‘a type of political speech using code words that appear to mean one thing to the general population but have a different meaning for a targeted part of the audience’⁵ (политическая речь, в которую заложены скрытые от широкой публики, но понятные целевой аудитории, значения и смыслы) объясняется акустическими впечатлениями; концепт-сценарий, представленный номинацией *fence mending* (букв. починка забора) ‘after making an unpopular vote or taking an unpopular action, lawmakers will often need to return to their districts in an attempt to “mend fences” with constituents’⁶ (восстановление имиджа политика (партии) в избирательном округе) связан с бытовыми реалиями. Эти и множество других примеров (*shield laws* — законы США, определяющие право журналистов не раскрывать источник информации; *Lady Bird bill* (= *Highway beautification Act of 1965*) — федеральный закон США, контролирующей размещение рекламы за пределами промышленных и торговых зон; *whispering campaign* — подспудно проводимая пропаганда; *short-gun interview* — краткое интервью, проводимое без предварительного согласования и др.)⁷ подтверждают, насколько важна роль образов, «мыслительных картинок», «сколков с действительности»⁸ для отражения фрагментов политической картины мира и передачи основных черт именуемых явлений и их существенных характеристик.

Англоязычный терминологический аппарат политической сферы представляет собой динамичное языковое явление, находящееся в стадии активного развития. Рассмотрим основные исторические этапы и лингвокультурные аспекты формирования англоязычной ОПТ.

Золотым веком американской политической терминологии считается XIX век. В этот период возникло большинство номинаций, актуальных и по сей день. Среди них можно назвать термины *left, right, center; spoils system; lobbyist; split ticket; party ticket; dyed-in-the-wool, office seeker, dark horse, lame duck, slate, standard-bearer, gag rule, straw vote, party machine, filibuster, slush fund, gubernatorial, junket, bandwagon, landslide, to dodge the issue, to electioneer, to campaign, to gerrymander, to be in cahoots with, to logroll, to stump, to muckrake, to mend fences, to whitewash, to keep the ball rolling*⁹ и др. Пути и источники их возникновения неоднозначны.

Происхождение термина *to keep the ball rolling* (вести длительную широко-масштабную предвыборную агитацию населения) относится к 1840 г. Во время предвыборной кампании в поддержку кандидата в президенты Уильяма Френсиса Харрисона был придуман оригинальный агитационный ход: по улицам американских городов катили огромный кожаный мяч, на котором был написан лозунг “*Keep the ball rolling!*”¹⁰. В состав британской ОПТ входят семантические

корреляты, находящиеся с данной ФЕ в отношениях синонимии. Это фразеологическое сочетание *traveling campaign* (букв. путешествующая кампания)¹¹.

Некоторые термины были заимствованы из других лингвокультур. Так, термины *left, right, center* (левые, правые, центристы) пришли в американский политический язык приблизительно в 1840 г. из Великобритании, куда, в свою очередь, они попали из Франции. Данные термины использовались для обозначения расположения мест депутатов Французского Национального Собрания, где традиционно депутаты с более радикальными политическими взглядами занимали места слева от президента, а представители консервативно настроенного духовенства располагались справа.

Из Великобритании пришли термины *dark horse* (букв. тёмная лошадка) ‘a little-known politician who emerges to win a primary election and capture his party’s nomination’¹² (кандидат на выборную должность, выдвижение которого было неожиданностью) и *lame duck* (букв. хромота утка) ‘a public official still in office after the election but before the inauguration of his or her successor’¹³ (непереизбранный государственный деятель). В лингвокультуре-источнике они не имели соотнесенности с политическим дискурсом. Автором выражения *dark horse* является Б. Дизраэли, употребивший его в своем романе *The Young Duke* (1831 г.) в контексте скачек в значении ‘никому не известный ранее соперник, который неожиданно показывает высокие результаты’¹⁴. В 1860-е гг. в Америке это выражение стало использоваться в политическом дискурсе. Термин *lame duck* пришел в Америку из среды Лондонской биржи, где он употреблялся в значении ‘биржевой банкрот’. Какое-то время исконное значение сохранялось, однако к середине XIX в. термин проник в сферу политики. Интересно отметить, что номинация вернулась в Великобританию уже в статусе политического термина, но с дополнительной отрицательной коннотацией ‘one that is weak or that falls behind in ability or achievement’ (слабый соперник). К этому же периоду относятся и приведенные выше номинации *fence mending* (1879 г.) и *flip-flop* (1888 г.), которые были впервые произнесены политиками и запомнились благодаря удачному образу или остроумному сравнению.

В первой половине XX в. языковое творчество в сфере политической лексики и фразеологии шло не так интенсивно. К периоду начала 1900 гг. можно отнести такие номинации, как *smoke-filled room, grass roots, pork barrel, square deal, new deal, keynote speech, off the record, egghead, brain trust*, а также слова, образованные при помощи суффикса — *gate* (*Koreagate, Quakergate, Irangate, Watergate*).

Например, номинация *pork barrel* (букв. бочка со свининой) восходит к 1800 г. В XX в. слово *pork* входит в лексикон политиков как сленговое обозначение избития (любого рода), происхождение которого вызывает подозрения. В начале XX в. в процессе дальнейшей фразеологизации значения слова *pork* за словосочетанием *pork barrel* закрепляется значение ‘a bill or project requiring considerable government spending in a locality to the benefit of the legislator’s constituents who live there’¹⁵ (законодательное утверждение программ государственного финансирования отдельных регионов с целью повышения популярности политика, избиратели которого проживают в данном регионе).

Вторая половина XX в. ознаменована новым всплеском терминотворчества. Нестабильная политическая обстановка на мировой арене и необходимость урегулирования возникающих конфликтов привели к возникновению ряда терминов, в основе которых лежат военная и дипломатическая метафоры: *gue-*

*rilla strategy, offensive strategy, defensive strategy, push strategy, pull strategy, strategic withdrawal, search-and-destroy mission, clean bombing, dollar diplomacy, give-and-take policy, good-neighbor policy, kid-glove diplomacy, big-tent policy*¹⁶. Возникло немало номинаций и сугубо фразеологического характера. Например, ФЕ *long hot summer* (букв. долгое жаркое лето) возникла в 1966 г. во время небывалого подъема борьбы афро-американцев за свои гражданские права и стала употребляться как эвфемизм слова *riots* (волнения, бунты). ФЕ *straw man* (букв. соломенное чучело) имеет нетерминологическое значение 'мнимая сила; подставное лицо'. Политическое значение термина *straw man* следующее: 'подставной кандидат, кандидатура которого выдвигается на выборах, с целью отвлечь внимание от другого кандидата и тем самым расколоть политическую оппозицию'¹⁷.

В последнее время в политическом лексиконе США появилось много новых слов и ФЕ, для которых все так же характерны метафоричность и прецедентность. Данная особенность политических терминов обусловлена спецификой политической коммуникацией: образность, обилие метафор, установка на языковую игру и эмоциональное воздействие на адресата — наиболее существенные черты современной политической коммуникации¹⁸. Источником происхождения новых номинаций часто является реальная ситуация, как, например, термина *full Ginsburg* 'an appearance by one person on all five major Sunday-morning interview shows on the same day: *This Week* on ABC, *Face the Nation* on CBS, *Meet the Press* on NBC, *State of the Union* on CNN and *Fox News Sunday*'¹⁹ (появление публичной личности в один и тот же день в пяти главных воскресных телевизионных шоу). Данный термин связан с именем Уильяма Гинзбурга, адвоката Моника Левински, который стал первым человеком, оказавшимся в такой ситуации 1 февраля 1998 г. Термин *bed-wetting* (мед. энурез) 'someone who expresses doubt or excessive worry about a political outcome'²⁰ имеет источником прецедентный текст²¹ — высказывание в 2008 г. Дэвида Плүффэ, авторитетного политического обозревателя, по поводу политических рисков: "No bed-wetting. This will be a tough election for our party and for many Republican incumbents as well. Instead of fearing what may happen, let's prove that we have more than just the brains to govern — that we have the guts to govern. Let's fight like hell, not because we want to preserve our status, but because we sincerely believe too many everyday Americans will continue to lose if Republicans and special interests win"²².

Новые номинации нередко вытесняют общепринятую политическую лексику. Например, словосочетание *agonizing reappraisal* (мучительная переоценка) все чаще фигурирует в политическом дискурсе вместо привычного *change of mind* (изменение намерений); слово *fringe* или словосочетание *lunatic fringe* (безумствующие крайние) в политическом языке все чаще употребляются вместо традиционного термина *extremists* (экстремисты)²³.

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод, что роль экстралингвистических факторов в процессе формирования ОПТ действительно велика. Стремление к новизне, умышленная попытка политических деятелей «затемнить» свои мысли (проявление эвфемистических тенденций) и, наконец, сенсационный стиль политических речей отдельных ораторов — все это не может не порождать обилия новообразований в области политической лексики. Своеобразие политических институтов, избирательных кампаний, процессов формирования внеш-

ней политики, политических традиций и общественно-политической практики людей находит отражение в ОПТ.

¹ Danilov K.V., Maksimova S.Yu., Matsyupa K.V. Universal constituents of the concept “lawyer” in the minds of laumen // Последние тенденции в области науки и технологий управления. 2015. № 1. С. 63.

² См.: Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М., 2008. С. 90.

³ См.: Игнаткина А.Л. Социокультурные факторы образования термина public relations // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2007. № 6 (58). С. 229–233.

⁴ Taegan Goddard’s Political Dictionary. URL: <http://politicaldictionary.com/words/stalking-horse/> (дата обращения: 22.01.2016).

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ См.: Иванова К.А. Англо-русский и русско-английский словарь по рекламе и PR. СПб., 2004.

⁸ См.: Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 52–57.

⁹ Bryson B., Mirrow W. Made in America. An Informal History of English Language in the United States. By Bill Bryson, William Mirrow and Comp., Inc. New York, 1994.

¹⁰ Ibid. P. 289.

¹¹ Media and Elections. Collection Media. Council of Europe Publishing, June 1999. P. 50.

¹² Taegan Goddard’s Political Dictionary. URL: <http://politicaldictionary.com/words/dark-horse/> (дата обращения: 22.01.2016).

¹³ The Essential Law Dictionary. Sphinx Publishing, An imprint of Sourcebooks, Inc. Amy Hackney Blackwell. 2008. URL: <http://law.academic.ru/12162/> (дата обращения 22.01.2016).

¹⁴ Bryson B., Mirrow W. Op. cit. P. 289.

¹⁵ Ibid. P. 292.

¹⁶ Safire W. Safire’s New Political Dictionary. Random House, New York, 1993. URL: <http://www.thefreelibrary.com/Safire%27s+New+Political+Dictionary.-a015368650> (дата обращения: 22.01.2016).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ См.: Игнаткина А.Л. Когнитивная интерпретация приемов интертекстуальности в современном российском политическом дискурсе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 206.

¹⁹ Taegan Goddard’s Political Dictionary. URL: <http://politicaldictionary.com/words/full-ginsburg/> (дата обращения: 22.01.2016).

²⁰ Ibid.

²¹ Zeleny Jeff. Bill Clinton Arrives to Calm Democratic ‘Bed-Wetting’. ABC News, February 5, 2014. URL: <http://abcnews.go.com/blogs/politics/2014/02/bill-clinton-arrives-to-calm-democratic-bed-wetting/> (дата обращения: 22.01.2016).

²² Plouffe David. November doesn’t need to be a nightmare for Democrats. The Washington Post Sunday, January 24, 2010. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/01/22/AR2010012204216.html> (дата обращения: 22.01.2016).

²³ См.: Гарнов К.Д., Иноземцева Н.Г. Англо-русский политический словарь. «Руссо», 2005, АВВУ Software. АВВУ Lingvo x3. Многоязычная версия (150 словарей).

С.Ю. Максимова

ОСОБЕННОСТИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АФРОАМЕРИКАНСКОМ СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОМ ДИАЛЕКТЕ

В статье исследуются характерные особенности отрицательных конструкций в афроамериканском социально-этническом диалекте (ААСЭД). Рассмотрена глагольная система данного языкового образования, поскольку именно в ней проявляются как наиболее существенные отличия от других англо-американских диалектов, так и их близость к родственным ему англокреольским языкам.

Ключевые слова: двойное многократное отрицание, отрицательное согласование, отрицательная инверсия, креольский язык, вариантность, отрицательная постпозиция.

© Максимова Светлана Юрьевна, 2016

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, теоретической и прикладной лингвистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: svetlana_maksimova2010@mail.ru

S.Yu. Maksimova

FEATURES OF NEGATION IN AFRICAN AMERICAN
VERNACULAR ENGLISH

The article deals with essential features of negation in African American Vernacular English (AAVE). Verbal system of AAVE is studied because it demonstrates striking differences between AAVE and other British and American dialects and indicates its closeness to nearly related English Creoles.

Keywords: double and multiple negation, negative concord, negative inversion Creole languages, grammatical structures, variability, negative postponing.

Исследование особенностей отрицательных конструкций, используемых носителями афроамериканского социально-этнического диалекта (далее — ААСЭД), занимает важное место в исследованиях, посвященных его генезису. В плане сравнения особенностей этих форм с отрицательными конструкциями стандартного английского языка (далее — СтАЯ) можно отметить значительные отличия, вызванные, вероятно, различными факторами, в т.ч. субстратным влиянием исторически взаимосвязанных явлений. Как известно, в разноструктурных языках отрицательное согласование реализуется с помощью разных правил синтаксического построения. Языковые знания образуют информационный поток, в котором языковые и неязыковые знания взаимозависимы¹. В ряде языков (русском, например) при наличии отрицания местоимения и союзы в рамках предложения заменяются на отрицательные формы, причем часто формируется множественное отрицание. В других языках, в т.ч. в СтАЯ, множественное отрицание недопустимо (Ср.: **I don't hear nothing > I don't hear anything*).

В ААСЭД распространено наличие двойного или множественного пре- и поствербального отрицания с использованием отрицательных местоимений. Так, носители ААСЭД используют отрицание *ain'(t)* как общий семантико-синтаксический оператор вместо стандартных форм *am not, isn't, aren't, hasn't, haven't* и *didn't*, например, *He ain' do it* вместо *He didn't do it*. Кроме того, *ain't but u don't but* могут использоваться в значении *only*: *He ain't but fourteen years old* (СтАЯ: *He is only fourteen years old*)². Отрицание при этом может быть двойное и многократное. Ср.: — *I ain't see nothin' like dat no place* (СтАЯ: *I didn't see anything like that anywhere*)³.

Как справедливо отмечает Дж. Рикфорд, анализируемая грамматическая особенность характеризует не только ААСЭД. Она проявляется и в разных американских диалектах, а также в речи недостаточно образованных американцев европейского происхождения. Эта особенность характеризует речь афроамериканцев в самых различных ситуациях общения⁴. Некоторые ученые связывают наличие двойного (многократного) отрицания с теорией креольского происхождения ААСЭД, т.к. уже на начальных этапах его становления заметны способы выражения отрицания с помощью формы *ain't*, отрицательного согласования, отрицательной инверсии (*wasn't nothing ever said > nothing wasn't ever said*) и отрицательной постпозиции. Характерное для языков Африки двойное отрицание, видимо, было подвержено рецепции ААСЭД согласно общим тенденциям формирования национальных идиомов английского языка⁵.

К источникам субстратного воздействия двойного отрицания относят язык киконго, в котором существует пара *ke...ko* (например, *ke besumba ko* «они не

покупают»), язык эве, а также ряд языков группы ква. Большое количество носителей указанных языков прибыли в Америку в эпоху работорговли⁶. Рассматриваемый тип отрицания характерен для ряда креольских языков и считается креольской универсалией⁷. В ААСЭД можно выделить четыре разновидности таких отрицаний: 1) отрицательная постпозиция; 2) (единичный семантико-синтаксический оператор, *ain't*); 3) отрицательная инверсия; 4) согласование отрицаний. Рассмотрение формальных особенностей таких конструкций и их функционирования в определенном грамматическом окружении позволит выявить факторы, обуславливающие их вариативность и степень релевантности указанных факторов для грамматики ААСЭД.

Например, использование *ain't* в качестве средства формирования отрицательных предложений не ограничено только сферой ААСЭД. Оно рассматривается как нестандартное, но может окказионально использоваться в бытовом дискурсе даже образованных людей⁸ для создания юмористического контекста, например, оно неприемлемо в официальном общении. В исследованиях отмечается, что детерминация языковой структуры структурой социальной опосредована промежуточными звеньями, в частности возрастной категорией говорящего. Часто отклонения в использовании грамматических форм характеризуют речь подростков. С возрастом использование норм СтАЯ становится преобладающим⁹.

Некоторые лингвисты полагают, что форма *ain't* в ААСЭД — универсальная грамматическая форма отрицательных конструкций, которая по своим грамматическим характеристикам схожа с превербальными отрицательными конструкциями англокреольских языков. Другие авторы не согласны с этим мнением и считают, что форма *ain't* возможна только в отрицательных конструкциях настоящего времени, поскольку она не может быть темпорально и аспектуально нейтральной. В этом случае усматривается сходство этой формы с южными диалектами США (далее — ЮД США) в плане формирования вариантов конструкций с использованием вспомогательных глаголов *have+not* и *be+not*¹⁰.

Проанализируем отрицательные конструкции англокреольских языков Тринидада (далее — КЯ Тринидада) и Ямайки (далее — КЯ Ямайки) для выявления темпорально-аспектуальных характеристик превербальных отрицательных форм *no* и *eh*, используемых в отрицательных конструкциях в этих коммуникативных системах: КЯ Ямайки: *Jan no waan go* (СтАЯ: *John does not want to go*)¹¹; КЯ Тринидада: *The man eh a thief* (СтАЯ: *The man isn't a thief*); *The girl eh crying* (СтАЯ: *The girl isn't crying*); *The girl eh know* (СтАЯ: *The girl doesn't know*); *The girl eh lie* (СтАЯ: *The girl didn't lie*)¹². Как показывают приведенные примеры, формы *no* и *eh* используются в конструкциях настоящего и прошедшего времени непродолженного и продолженного вида. Следовательно, формы *no* и *eh* в КЯ Ямайки и КЯ Тринидада темпорально и аспектуально нейтральны.

Функциональное сходство грамматической формы *ain't* в ААСЭД с превербальными отрицательными конструкциями креольских языков приводит некоторых языковедов к выводу о том, что в ААСЭД форма *ain't* также темпорально и аспектуально нейтральна и должна употребляться, как и превербальная отрицательная форма *eh* КЯ Тринидада, во всех темпоральных и аспектуальных конструкциях, а также может функционировать в качестве универсальной грамматической формы при образовании отрицательных конструкций для замещения вспомогательных глаголов в конструкциях *be+not*, *have+not*, *do+not* в СтАЯ.

Для проверки достоверности этого положения необходимо: 1) проанализировать вариативность грамматической формы *ain't*, т.е. выяснить, альтернативом какой отрицательной грамматической конструкции СтАЯ (*be+not*, *have+not*, *do+not*) может быть форма *ain't*; 2) выявить особенности функционирования данного феномена с помощью сравнения отрицательных конструкций в ААСЭД как раннего, так и современного периода с отрицательными конструкциями ЮД США и креольских языков.

Рассмотрим следующие отрицательные предложения ААСЭД с грамматической формой *ain't*: *I ain't neber been in no tr'uble in mah life, I ain't been in no lawsuits, I ain't neber been no witness* (СтАЯ: *I have never been in any troubles in my life, and I have never been in any lawsuits, I have never been a witness*); *Niggaz still playa hatin, but Dre ain't changed* (СтАЯ: *Niggaz still play hating, but Dre have not changed*). Анализ 162 отрицательных конструкций с грамматической формой *ain't* в настоящем времени перфектной фазы непродолженного вида позволяет сделать вывод о том, что грамматическая форма *ain't* — альтернатива вспомогательного глагола СтАЯ *have+not*, указывающего на перфектную фазу. В 64% случаев *ain't* по своему значению приближается к *have not*. Результаты исследований отрицательных конструкций других нестандартных форм английского языка свидетельствуют о том, что варьирование грамматических форм *ain't* и *have+not* отмечается не только в раннеанглийских вариантах английского языка (Yorkshire, Nottingham, Warwick, Hereford, Suffolk, Kent, Surrey, Sussex, Hampshire), но и в современном ЮД США. Ср.: Британский диалект: *What do you expect, you ain't been round here, have you?*¹³; КЯ Тринидада: *I ain't been 'ere*¹⁴; ЮД США: *I sent her a wedding present twice and I ain't never heard from it*¹⁵.

На основе сравнения проблем функционирования отрицательной грамматической формы *ain't* в перфектной фазе непродолженного вида настоящего времени в ААСЭД, ЮД США; КЯ Тринидада; ААСЭД раннего периода (далее — ААСЭД_{рп}), а также в ААСЭД современного периода мы выяснили, что форма *ain't* — наиболее распространенное явление в КЯ Тринидада и ААСЭД_{рп} (100% и 90% соответственно), но ее употребление в перфектной фазе непродолженного вида настоящего времени в ААСЭД современного периода сократилось до 64%. В ЮД США использование *ain't* встречается лишь в 31% случаев.

Таким образом, на раннем этапе развития ААСЭД грамматическая форма *ain't* демонстрировала сходство с превербальными отрицательными формами креольских языков, т.е. в 90% употреблений она является нейтральной в плане выражения признаков темпоральности и аспектуальности, что подтверждает гипотезу креольского происхождения ААСЭД. Снижение частоты употребления этой формы до 64% в ААСЭД современного периода вполне закономерно в рамках процесса его декреолизации. Однако следует обратить внимание на то, что частота использования формы *ain't* в этом диалекте в 2 раза выше, чем в ЮД США, что, видимо, является результатом отсутствия интенсивных языковых контактов представителей афроамериканского населения с американцами европейского происхождения и препятствием эффективного усвоения «престижных» форм речи афроамериканцами.

¹ См.: Ильичева Е.Г. Когнитивные основы структурирования гипотаксисных отношений в английском языке // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2010. № 2 (14); *Ее же*. Особенности конструирования гипотаксисных отношений (на материале английского языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2010. № 1.

² *Rickford J.R.* African American Vernacular English: Features, Evolution, Educational Implications. Oxford, 1999. P. 198.

³ *Whatley E.* Language Among Black Americans // *Language in the USA*. Cambridge, 1990. P. 92-107.

⁴ *Rickford J.R.* Op. cit.

⁵ См.: *Хижняк С.П.* Английский как «мировой» язык: на пути к наднациональному идиому // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. Пенза, 2013. № 3.

⁶ *Holm J.* Popular Brazilian Portuguese: a semi-creole // *Actas do colóquio sobre "crioulos de base lexical portuguesa"*. Lisbon, 1992. P. 37-66.

⁷ *Bickerton D.* Roots of language. Massachusetts, 1981. P. 351.

⁸ *Danilov K.V., Maksimova S.Yu., Matsyupa K.V.* Universal constituents of the concept "lawyer" in the minds of laymen // *Последние тенденции в области науки и технологий управления*. 2015. № 1. С. 63-68.

⁹ *Wolfram W., Fasold R.* The study of social dialects in American English. Englewood Cliffs NJ, 1974. P. 230.

¹⁰ *Howe D., Walker J.* Negating the Creole-Origins Hypothesis: Evidence from Early African American English. University of British Columbia University of Ottawa, 2003.

¹¹ *Holm J.* Pidgins and Creoles. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

¹² *Winford D.* Predication in Caribbean English Creoles. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 1993.

¹³ *Cheshire J.* Variation in an English dialect: A sociolinguistic study. Cambridge, 1982.

¹⁴ *Christian D.* Variation and change in geographically isolated communities: Appalachian English and Ozark English. Tuscaloosa, 1988.

¹⁵ *Feagin C.* Variation and Change in Alabama English: A Sociolinguistic Study of the White Community. Washington D.C., 1979.

Ю.А. Кузнецова

КОНЦЕПТ *WITNESS* ПРИ ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ: ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ОБЩЕЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И ПОДЪЯЗЫКЕ ПРАВА

В статье рассматриваются признаки английского концепта *witness*. Исследуются обстоятельства, при которых разные стороны данного концепта репрезентируются в общелитературном языке и юридической терминологии.

Ключевые слова: концепт, общелитературный подъязык, юридическая терминология, концептуальный признак, словарная дефиниция, устойчивые сочетания.

Yu.A. Kuznetsova

THE CONCEPT *WITNESS* DENOTING PERSONS: SPECIFICS OF REPRESENTATION IN THE SUBLANGUAGE OF LAW AND IN THE COMMON LITERARY LANGUAGE

The article studies characteristics of the English concept *witness*. It is examined how different aspects of the concept are represented in the common literary language and in legal terminology.

Keywords: concept, common literary language, legal terminology, conceptual characteristic, word definition, set expressions.

Концепт — это ментальная мыслительная сущность, которая может репрезентироваться в языке. Концепты могут быть научными, связанными с научными понятиями, и бытовыми, опирающимися на бытовые понятия¹. В данной статье предпринята попытка исследования концепта *witness* при обозначении лиц в английском языке. При этом изучаются особенности репрезентации концепта в

© Кузнецова Юлия Александровна, 2016

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, теоретической и прикладной лингвистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kuznetsova.julya@mail.ru

общелитературном подъязыке и специальном подъязыке права. Для исследования данного концепта, во-первых, понятийные признаки концепта выделяются на основе сравнительного анализа дефиниций ключевой единицы концепта, репрезентирующей его в общелитературном языке и в терминологии². Для выявления дополнительных системных и ассоциативных признаков концепта анализируются особенности употребления ключевой единицы концепта в устойчивых сочетаниях. Актуальность данного концепта для различных областей жизнедеятельности человека и частота обращения к понятию, выражаемому концептом, изучаются с помощью словарных контекстов употребления основной единицы, объективизирующей концепт в языке, и ее синонимов.

Между общелитературным языком и специальным подъязыком нет непреходимых границ. Напротив, наблюдается постоянный двусторонний обмен единицами: слова общего языка могут входить в терминосистему той или иной науки — терминологизироваться и, наоборот, термины могут расширять сферу своего использования, входить в общелитературный язык и, таким образом, детерминологизироваться³. При этом слово остается термином в терминологической системе. При переходе слова из одной подсистемы языка в другую часто наблюдаются различные изменения в его семантике⁴. Слово теряет часть своих значений или приобретает новые, его значения сужаются или расширяются, специализируются или упрощаются⁵.

Слово *witness* появилось в английском языке еще в древнеанглийскую эпоху и было образовано морфологическим способом от глагола *witan* со значением “*to see, to know*”. Слово общего языка *witness* вошло в английскую юридическую терминологию с сохранением основного значения слова-нетермина. Проанализируем, каким образом изменялось значение слова при его терминологизации.

В современном английском языке у этого слова выделяется несколько значений. Мы остановимся только на тех, которые связаны с именованьем лиц. Так, в словаре Oxford Dictionary of English в качестве первого значения этого слова мы находим “*a person who sees an event, typically a crime or accident, take place*” («*тот, кто лично присутствовал при каком-либо событии, чаще преступлении или происшествии*»). Типичные примеры, которые иллюстрируют значение этого слова в словаре, помогают лучше понять значение слова в лексической системе языка. Они подробнее раскрывают природу события, которое мог наблюдать свидетель. Так, мы находим следующие два примера словоупотребления “*police are appealing for witnesses to the accident*” («*полиция обращается к свидетелям данного происшествия*») и “*I was witness to one of the most amazing comebacks in sprinting history*” («*Я стал свидетелем самого изумительного возвращения в истории спринта*»)⁶. Эти примеры показывают, что речь может идти о любом необычном, выдающемся событии, необязательно связанном с нарушением закона и последующим полицейским или судебным разбирательством.

В юридической терминологии первое значение слова общелитературного языка *witness* подвергнуто сужению. В словаре Webster’s Dictionary of the Law находим следующее определение термина *witness*: 1) “*a person who has seen or heard something relevant to a case or an investigation*” («*тот, кто видел или слышал что-то, имеющее отношение к судебному делу или расследованию*»⁷). Таким образом, контексты, в которых употребляется термин *witness*, ограничиваются теми, которые связаны с судебным разбирательством или расследованием.

О том, насколько концепт *witness* актуален не только для юристов в их профессиональной деятельности, но и для неспециалистов в их повседневной жизни, можно судить по таким косвенным данным, как контексты, в которых слово *witness* используется в словарных иллюстративных примерах. Онлайн словарь Oxford Advanced Learner's Dictionary дает достаточно много примеров предложений со словом *witness* в каждом его значении. При этом можно заметить, что только в первом значении “*a person who sees an event, typically a crime or accident, take place*” («*тот, кто наблюдал какое-то событие, обычно преступление или несчастный случай*»), в одном контексте из пяти, указанных в словаре, описывается ситуация, не имеющая отношения к юридической деятельности (мы приводили этот пример выше). В остальных предложениях слово *witness* употребляется в контекстах, связанных с судебным разбирательством или следствием. Специализированные научные контексты, предлагаемые в данном словаре, можно проиллюстрировать следующим примером: *This normally takes the form of two witnesses to the crime or one witness and corroborating evidence, usually in the form of forensic evidence* («*при этом обычно требуются два свидетеля преступления или один свидетель и дополнительные доказательства, обычно данные судебной экспертизы*»⁸). Следовательно, можно сделать вывод о том, что данное слово в первом значении достаточно редко используется не в качестве юридического термина.

Показателен тот факт, что слово *witness* в значении “*a person who has seen or heard something relevant to a case or an investigation*” имеет множество синонимов в общелитературном языке. В словаре Oxford Advanced Learner's Dictionary приводятся следующие синонимы: *observer, onlooker, looker-on, eyewitness, spectator, viewer, watcher; bystander, passer-by; (North American) earwitness*. Наличие большого количества синонимов в общелитературном языке может указывать на то, что данное понятие является актуальным и часто встречающимся в повседневной жизни, однако часто в соответствующих ситуациях может использоваться другая лексическая единица, а не слово *witness*.

Второе и третье значения слова общего языка и юридического термина совпадают. В словаре Oxford Dictionary of English слово *witness* также обозначает «*того, кто под присягой дает показания в суде или полиции*» (“*a person giving sworn testimony to a court of law or the police*”) и «*того, кто присутствует при подписании документа и сам подписывает его в подтверждение этого факта*» (“*person who is present at the signing of a document and signs it themselves to confirm this*”). Похожие определения мы встречаем в словаре Random House Webster's Dictionary of the law: 2) “*a person who testifies in a legal or legislative proceeding*” («*тот, кто дает показания во время судебного или законодательского процесса*»); 3) “*a person who formally observes the execution of a document, especially a will, and signs it as evidence that it was duly executed*” («*тот, кто официально наблюдает за составлением какого-либо документа, обычно завещания, и подписывает его в подтверждение того, что он был составлен надлежащим образом*»). Можно заметить, что в последнем определении более точно называются правовые действия и их цели.

Второе и третье значения слова *witness* иллюстрируются в онлайн словаре Oxford Advanced Learner's Dictionary только юридическими контекстами, что указывает на терминологическое использование данного слова. При этом слово *witness* во втором значении имеет несколько синонимов: *attestor, testifier, deponent*. Однако все они являются юридическими терминами с еще более узкой

сферой использования, а не словами общелитературного языка. Таким образом, можно заключить, что во втором и третьем значениях слово *witness* используется только как юридический термин, достаточно хорошо известный не только юристам, но и неспециалистам.

В американском варианте английского языка, как отмечается в словаре New Oxford American Dictionary, слово *witness* приобрело также дополнительное значение “*a member of the Jehovah’s Witnesses*” («член религиозной организации Свидетели Иеговы»)⁹. Данная организация зародилась в США и благодаря миссионерской деятельности ее сторонников это учение распространилось по многим странам мира. Однако идеологическим центром данной религиозной организации продолжают оставаться именно США. Данное значение слова общего языка осталось невостребованным в юридической терминологии.

Изучение особенностей употребления слова *witness* в устойчивых сочетаниях показывает, что все они носят терминологический характер. В юридической терминологии термин *witness* включен в иерархическую систему, которая отражает классификацию свидетелей. В этой классификации термин *witness* является гиперонимом, или родовым термином, связанным с гипонимами, или видовыми терминами. Данные родовидовые отношения зафиксированы в юридических словарях. Так, в праве классификация свидетелей осуществляется по разным основаниям. Наиболее важные из них следующие: 1) сторона, вызвавшая свидетеля, 2) цель, с которой был вызван свидетель. В зависимости от стороны, вызвавшей свидетеля, выделяются *defence witness* или *witness for the defence* (свидетель защиты) и *prosecution witness* или *witness for the prosecution* (свидетель обвинения). Цель, с которой был вызван свидетель, определяет подразделение свидетелей на 1) *eye-witness* или *witness of material fact* (свидетель-очевидец); 2) *expert witness* (свидетель-эксперт); 3) *character witness* (свидетель, дающий показания о чьей-либо репутации, моральном облике и т.д.). В праве используются и другие классификации свидетелей, которые также находят отражение в появлении многочисленных устойчивых сочетаний терминологического характера.

Таким образом, концепт *witness* в английском языке относится в основном к научным концептам, известным не только юристам, но и неспециалистам. При этом одно из наиболее поздно возникших значений слова общелитературного языка (“*a member of the Jehovah’s Witnesses*”) осталось невостребованным терминологией. Слово общелитературного языка при терминологизации приобрело строгую связь с научным понятием, точность значения, вступило в системные отношения с другими терминами данной науки.

¹ См.: Хижняк С.П. Когнитивная проблематика в общей теории термина. Саратов, 2016. С. 52; Игнаткина А.Л. Когнитивная интерпретация приемов интертекстуальности в современном российском политическом дискурсе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 206–212.

² См.: Кузнецова Ю.А. Репрезентация концепта «пенитенциарные учреждения» в терминологии и профессиональной лексике английского языка // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2013. № 4. С. 61–66; Ее же. Особенности репрезентации концепта *victim* в специальном подязыке права и общелитературном подязыке // Приволжский научный вестник. 2015. № 4–2 (44). С. 22–26.

³ См.: Данилов К.В. Концепт смертная казнь в библейском тексте, британской, американской и русской культуре // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 221–225.

⁴ См.: Кузнецова Ю.А. О денотативной соотнесенности юридических терминов и профессионализмов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 221–225.

⁵ См.: Анисимова Ю.А. Соотношение юридических терминов и профессионализмов в лексической системе английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. С. 18.

⁶ Oxford Dictionary of English. London, 2010. P. 548.

⁷ Clapp J.E. Webster’s Dictionary of the Law. New York: Random House Inc. 2000. P. 464.

⁸ Oxford Advanced Learner’s Dictionary. URL: www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english (дата обращения: 30.01.2016).

⁹ New Oxford American Dictionary, 3rd Edition London, 2010. P. 567.

Е.Г. Ильичева

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ СВЯЗИ КОМПОНЕНТОВ В ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

В статье рассматриваются основные принципы дифференциации поли-предикативных конструкций. Особое внимание уделяется изучению различных точек зрения по спорным теоретическим вопросам. На основе анализа типа связи между компонентами полипредикативных синтаксических единиц построена классификация.

Ключевые слова: полипредикативные синтаксические единицы, гипотаксисные отношения, разграничение паратаксиса и гипотаксиса.

E.G. Pyicheva

TO THE ISSUE OF CONNECTION TYPE IN POLYPREDICATIVE SYNTACTIC UNITS

The article concerns the basic principles of polypredicative constructions' differentiation. Special attention is given to the study of different points of view on controversial theoretical issues. Based on the analysis of connection type in polypredicative syntactic units the classification is constructed.

Keywords: polypredicative syntactic units, hypotactic relations, parataxis and hypotaxis distinction.

При анализе полипредикативных синтаксических единиц наиболее актуальной до настоящего времени является проблема разграничения гипотаксиса и паратаксиса. Термин «полипредикативная синтаксическая единица» (далее — ПСЕ) описывает все «полипредикативные синтаксические единицы, независимо от типа синтаксической связи их компонентов и характера предикативной схемы каждого из них»¹.

Согласно мнению некоторых лингвистов, паратаксис выражает общую связь явлений или событий, гипотаксис указывает на тип отношений между ними². Приведенные семантические различия, однако, слишком генерализированы и потому не могут быть приняты в качестве основания для дифференциации ПСЕ. Большинство лингвистов в качестве основного средства связи и выражения отношений между соединяемыми предикативными единицами рассматривают союз. Общее грамматическое значение подчинительных союзов состоит в «выражении подчиненности одной из связываемых предикативных единиц другой»³. Что касается сочинительных союзов, таким значением является «выражение одинаковой отнесенности двух сочетаемых предикативных единиц к третьей»⁴.

Несмотря на обилие научных трудов по данной проблеме, вопрос принадлежности того или иного союза к группе союзов — подчинительных или сочинительных — до настоящего времени вызывает споры. Необходимо подчеркнуть, что при определении типа союза важным оказывается не только его грамматическое значение, но и соотнесение семантики соединяемых предика-

© Ильичева Елена Геннадьевна, 2016
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, теоретической и прикладной лингвистики (Саратовская государственная юридическая академия)

тивных единиц. Действительно, нельзя не учитывать тот факт, что экстралингвистические факторы так же важны в языке, как и лингвистические⁵, а «объем неязыковых знаний, включаемых в высказывание, определяется интенцией говорящего и знаниями слушающего»⁶.

При более подробном анализе критериев разграничения сочинительных и подчинительных союзов некоторые лингвисты указывают на обратимость (необратимость) предикативных единиц⁷. Так, при изменении порядка следования компонентов ПСЕ и сохранении сочинительным союзом своей позиции смысл всей ПСЕ не меняется. Необратимость компонентов ПСЕ с подчинительной связью компонентов обусловлена как нарушением логической последовательности изложения, так и грамматическим признаком включения такого союза в один из компонентов.

Однако возможность обратимости компонентов ПСЕ с сочинением также недопустима в ряде случаев, т.к. в процессе трансформации нарушается логическая последовательность описываемых автором событий или явлений, например: *They stopped to look at the engine and Simon fell out of the boat* [English Course] → **Simon fell out of the boat and they stopped to look at the engine*.

Е.Н. Ширяев указывает на тот факт, что «сочинительные союзы связывают предикативные единицы, находящиеся в одинаковых отношениях к другим предикативным единицам», в то время как «подчинительные союзы связывают такие предикативные единицы, которые по отношению друг к другу, а следовательно, и по отношению к другим предикативным единицам находятся не в одинаковых отношениях»⁸. Данный критерий релевантен для многокомпонентных ПСЕ, однако определить тип союза в бипредикативной синтаксической единице, руководствуясь данным критерием, невозможно.

Все вышеизложенное свидетельствует об отсутствии теоретически безупречных формальных оснований дифференциации сочинительных и подчинительных союзов. Сочинительные и подчинительные союзы обычно задаются стандартным списком, который в разных нормативных грамматиках английского языка фактически совпадает.

Дискуссионен лишь лингвистический статус союза 'for'. Некоторые лингвисты включают его в группу сочинительных⁹, другие — подчинительных¹⁰, вследствие чего возникает закономерный вопрос о необходимости обоснования подобной точки зрения. Тот факт, что значение союза 'for' объясняется в словарях современного английского языка с помощью подчинительного союза 'because', свидетельствует о его близости к группе подчинительных союзов. Однако иллюстративные примеры показывают, что предикативные единицы, вводимые союзом 'for' в отличие от предикативных единиц, вводимых союзом 'because', как правило, отделяются от предшествующей предикативной единицы запятой, что, несомненно, свидетельствует о большей самостоятельности предикативных единиц с союзом 'for'. Ср.: *I asked her to stay to tea, for I had something to tell her* [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English]; *The old lady does not go out in the winter, for she feels the cold a great deal* [Longman Dictionary of Contemporary English]. Последнее положение вызывает ряд возражений. Во-первых, пунктуационный критерий не позволяет однозначно определить характер отношений между предикативными единицами. Во-вторых, касается он только двух союзов — 'for' и 'because'. Вследствие этого целесообразнее союз 'for' считать союзом с синкретичным значением.

Разграничение сочинения и подчинения затрудняется также тем, что в некоторых случаях имеет место языковая компрессия, в результате которой возникают бессоюзные ПСЕ. Традиционно такие синтаксические единицы считаются разновидностью ПСЕ с сочинением и подчинением, в которых соответствующий союз опущен¹¹. Данная точка зрения является спорной, т.к. контекст не всегда однозначно подсказывает, какой именно союз следует использовать.

Как основание для разграничения ПСЕ с подчинением и сочинением считаем необходимым использовать не формальный, а функциональный критерий, который, во-первых, позволяет учитывать не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы; во-вторых, дает возможность дифференцировать ПСЕ, избежав недочетов, описанных выше. Как функционально неравноценные квалифицируем те компоненты ПСЕ, которые имеют в своем составе эксплицитный или имплицитный сигнал связанного функционирования. Ср.: *If I go to bed late, I find it hard to get up in the morning* [Longman Dictionary of Contemporary English]; *I know she's difficult* [Aycbourn A.] → *I know that she's difficult*.

Формальным показателем функциональной равноценности сочиненных ПСЕ является наличие или недвусмысленная возможность введения между ними одинарного сочинительного союза, который является показателем того, что соединяемые им предикативные единицы не пересекаются ни в содержательном, ни в функциональном, ни в предикативном плане. Ср.: *We'll drop you, and I'll go on to my club* [Galsworthy J.]; *I raise my arms to help her: her arms fall* [Joyce J.] → *I raise my arms to help her and her arms fall*.

Бессоюзные ПСЕ, допускающие введение как подчинительной, так и сочинительной скрепы, относим к синкретичным ПСЕ, например: *They make a noise, they scratch about* [Hill S.] → *They make a noise because they scratch about; They make a noise and they scratch about*.

Существуют также грамматически и функционально нечленимые ПСЕ, в которых либо присутствует коррелятивная скрепа, либо одна предикативная единица функционирует в качестве главного члена другой предикативной единицы. Ср.: *It was so warm a day that we decided to go to the sea* [Swan M.]; *The trouble with this job is that the pay is too low* [Longman Dictionary of Contemporary English].

В перспективе представляется интересным сопоставить закономерности функционирования всех выделенных типов полипредикативных синтаксических единиц в разных видах речи на материале нескольких языков.

¹ Ильичева Е.Г. Структурные и прагматические особенности английских предикативных комплексов и их функционирование. Саратов, 2012. С. 12.

² См.: Левицкий Ю.А. Проблемы сочинения. Пермь, 1980. С. 18.

³ См.: Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986. С. 20.

⁴ Nesfield J.C. English Grammar Past and Present. L., 1924. P. 96; Левицкий Ю.А. Указ. раб. С. 70.

⁵ См.: Максимова С.Ю. К вопросу о теоретических основах языковых контактов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5. С. 227.

⁶ Ильичева Е.Г. Особенности конструирования гипотаксисных отношений (на материале английского языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2010. № 1. С. 125.

⁷ См.: Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 462.

⁸ См.: Ширяев Е.Н. Указ. раб. С. 18–20.

⁹ Poutsma H. A Grammar of Late Modern English. Groningen, 1905. P. 354; Onions C.T. Modern English Syntax. L., 1980. P. 14.

¹⁰ Opdycke J.B. Harper's English Grammar. N.Y., 1965. P. 200–201; Kобрina N.A., Korneeva E.A., Ossovskaya M.I., Guzeyeva K.A. An English Grammar. Syntax. M., 1986. С. 112.

¹¹ См.: Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Grammar of Contemporary English. L., 1972. P. 227.

Е.В. Волгина

ГЕНДЕРНАЯ МЕТАФОРА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье рассматривается гендерная метафора как один из важных источников формирования правовой терминологии. Формулируется вывод, согласно которому метафорическая сущность гендерной категоризации более отчетливо выражается в том, что неодушевленные предметы и явления могут соотноситься в сознании с мужским и женским началом.

Ключевые слова: гендер, метафора, юридическая терминология.

E. V. Volgina

GENDER METAPHOR IN LEGAL TERMINOLOGY

The article deals with the role of gender metaphor in formation of legal terminology. The author arrives at the conclusion that the metaphorical nature of gender categorization is more clearly reflected in the fact that inanimate objects and phenomena relate to the masculine and feminine origin.

Keywords: gender, metaphor, legal terminology.

Современное толкование роли метафоры в процессе номинации сводится к тому, что она является когнитивным механизмом, при помощи которого абстрактные понятия переосмысливаются в терминах более конкретных. Другими словами, метафора — это один из основополагающих приемов познания и концептуализации действительности¹. Метафоры позволяют выявлять соответствия между различными предметами и явлениями, предоставляя возможность применить знания и опыт, полученные в одной области, для решения проблем в другой области, при этом, не увеличивая количества единиц выражения и их синтаксическую сложность². Метафоры используются для описания любого явления, включая политические, экономические и правовые процессы³. В их основу кладутся хорошо известные концепты, существующие в сознании носителей языка.

Необходимость в метафоре возникает тогда, когда важно при назывании чего-то «установить определенные отношения между тем фрагментом действительности, которому мы хотим дать название, и тем, с которым мы его сравниваем»⁴. Метафора способна как реализовывать данную функцию, так и существенно менять способы восприятия и понимания действительности⁵. Она интерпретирует область абстрактного опыта в терминах физического, телесного опыта, и языковые реализации телесной метафоры пропитывают весь язык. Большинство метафор относится к сфере гендерных отношений, ролей, идентичностей. Наличие двух видов людей (мужчин и женщин) определило название философских категорий мужественности и женственности, составив основу сравнения для метафоры, характеризующей стереотипы простого сознания и широко используемой в отношении объектов, напрямую не связанных с полом («женский цвет», «пиво с мужским характером»).

© Волгина Елена Валерьевна, 2016

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, теоретической и прикладной лингвистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kinswoman@ramblrh.ru

Характеристики «мужское» и «женское» могут быть отделены от явлений, которые имеют реальные гендерные различия, и перенесены на другие предметы. В научной литературе это явление получило название «**метафорического рода**». Термин *гендер* определяется как «система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка»⁶. Таким образом, метафорическая сущность гендерной категоризации более отчетливо выражается в том, что неодушевленные предметы и явления могут соотноситься в сознании с мужским и женским началом. Этот феномен интересно рассмотреть на материале английского языка, лишённого формально-грамматических характеристик рода. Имеют место различные критерии гендерных импликаций. Приписывание слову гендерных характеристик носит относительный характер и определяется сравнением двух единиц. В самих словах (предметах) нет никаких ингерентно присущих ему мужских или женских свойств.

А.П. Чудинов предлагает следующее понимание метафоры: «Метафорическая модель — это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов (слотов, концептов) одной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы (сферы-мишени)»⁷.

Различные правовые явления интерпретируются в терминах гендерных отношений. Гендерный стереотип, связанный с поведением, кладется в основу юридических понятий. Таким образом, *сферой-источником* становятся семейные отношения (родитель-ребенок, братья-сестры, муж-жена), романтические отношения, мужская солидарность, братство, материнство, мужские (женские) профессии, гендерный статус, религиозные гендерные образы. Правовая понятийная область является *сферой-мишенью* для гендерной метафоризации.

В результате проведенного анализа англо-американской правовой терминологии на предмет гендерной метафоры были выделены следующие понятийные правовые области: вид ущерба, соглашения, контракты, государственные должности, правовые профессии, юридические документы, юридические организации, правовые отношения, виды законов, виды преступлений, массовые мероприятия (митинг, протест и т.д.), виды компаний, судебные дела, отношения между группами людей (криминальные группировки, дипломатические отношения) и др.

Термины, гендерно-маркированные на языковом уровне, эксплицируют гендерный характер ассоциативной связи, игру значениями: *mother of parliaments* — «родоначальница парламентов», «прародительница парламентов» (установившееся в буржуазной политической литературе описание английского парламента (*the British Parliament at Westminster*)); *gentleman's agreement/contract* — *an agreement secured only by the honor of the parties* (метафора, берущая истоки в старом обычае кодекса чести); *Father of the House* — старейший член палаты — *the MP who has been an MP for the longest time without a break (also smb used to refer to the oldest peer in the House of Lords)*, (метафора, отсылающая к роли отца); *Father of the bar* — *старший баррист* (мужчина в семье играет главенствующую роль, что находит отражение в номинации); *merchantman* (на уровне морфологии) — торговое судно (*a ship used in commerce*); *President's*

official family — чиновники исполнительного ведомства президента (в основе номинации характер отношений между членами президентской команды).

Различные правовые явления могут интерпретироваться в терминах гендерных отношений: *ship's husband* — генеральный агент судовладельцев по ведению дел, связанных с судном (роль мужа, ведущего дела в семье); *parent legislation* — законодательство, являющееся источником действующего или нового законодательства (в основе метафоры роль родителей-родоначальников); *parent case* — руководящее судебное решение, решение-прецедент, судебный прецедент; *parent application* — первоначальная, основная, исходная заявка; *parent company* — материнская компания; *parent case* — руководящее судебное решение, решение-прецедент, судебный прецедент; *parent body* — вышестоящий орган; *parent chamber* — основная (по отношению к комитету палаты) палата парламента; *parent state* — государство, из которого выделяется другое государство; *fraternal society* — общество взаимного страхования (в основе ассоциации лежит представление о характере отношений между братьями); *family of trademarks* — «семейство» товарных знаков, имеющих общий различительный признак; *grandfather rights* — «дедовские», исконные права; *grandchild* — «внучатая заявка», заявка в частичное продолжение заявки, поданной в частичное продолжение; *affiliated company* — дочерняя компания (где *affiliated* означает связанный с какой-л. другой организацией и занимающий обычно зависимое или подчиненное положение). *Paternity* в авторском праве имеет следующее значение: «*the moral right of a copyright holder to be identified as the creator of the work*» (в основе лежит сравнение с отцом, который имеет моральное право давать имя своему ребенку); *fruit of the poisonous tree* — плоды ядовитого дерева (доказательства, полученные с нарушением прав личности, гарантированных конституцией).

Таким образом, основу номинации составляет один релевантный признак, по которому воспроизводится вся совокупность обозначаемого явления. В этом заключается принцип языкового кодирования информации. Декодирование признаков происходит лингвистически при помощи уточнений и пояснений разного типа. В отношении предмета это — атрибутивная и бытийная характеристика, в отношении процесса — развертывание процессуальной формулы: источник процесса — направленность процесса — качественная и количественная характеристики процесса⁸. Учитывая масштабы метафорической номинации как одного из продуктивных процессов порождения языковых единиц в современной речевой деятельности, следует признать гендерную метафору одним из важных источников формирования правовой терминологии⁹.

¹ См.: Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): учебно-методическое пособие. М., 2003. С. 46.

² См.: Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания 1979. № 1. С. 101.

³ См.: Хижняк С.П. Когнитивная проблематика в общей теории термина. Саратов, 2016; *Его же*. Когнитивные проблемы терминоведения // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2015. № 7. С. 48–51; *Его же*. Когнитивные проблемы терминоведения // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2015. № 7. С. 143.

⁴ Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981. С. 108.

⁵ MacCormac E.R. A cognitive theory of metaphor. Cambridge; London: Cambridge Univ Press, 1985.

⁶ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 161.

⁷ Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. 2003. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm> (дата обращения: 20.01.2016).

⁸ См.: Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 125.

⁹ См.: Волгина Е.В. Роль гендерной метафоры в формировании юридических понятий // Инновации в современной филологии и методике преподавания иностранных языков в высшей школе. Саратов, 2014. С. 76.

РЕЦЕНЗИИ

Е.В. Колесников, И.Н. Плотникова

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

Красс В.И. Конституционализация права: основы теории. – М.: Норма: Инфра-М, 2016. – 240 с.

E.V. Kolesnikov, I.N. Plotnikova

REVIEW OF THE MONOGRAPH:

Krass V.I. Constitutionalization of Law: theory basics. – М.: Norma: Infra-M, 2016. – 240 p.

Научные публикации известного конституционалиста, доктора юридических наук профессора Владимира Ивановича Красса (г. Тверь, Тверской госуниверситет) всегда вызывают большой интерес и полемику. Не со всеми авторскими суждениями можно согласиться¹. Но знать его позицию необходимо для осмысления и более глубокого понимания ряда сложных, актуальных и противоречивых проблем современного конституционного права.

Рецензируемая монография — одно из первых фундаментальных, целостных исследований, посвященных феномену конституционализации права. обстоятельно проанализированы основные положения общей теории конституционализации права, классификация, состав и механизм конституционализации. Большое внимание уделено данным вопросам в контексте осуществления российского федерализма, процесса глобализации, проблем дискриминации и дифференциации.

Работа включает введение, два раздела, объединяющих шесть глав, и заключение.

В первом разделе рассматриваются философия и теория конституционализации современных национальных правовых систем, гносеология, аксиология и техника конституционализации, ее понятие, стадии, объект и предмет, федеративные уровни конституционализации. Справедливо отмечено, что идея конституционализма остается преимущественно гипотетической и лишь отчасти конструктивно соотносится с реалиями и «качеством» правопорядка в Российской Федерации. Одной из причин является догматическая инерционность рос-

© Колесников Евгений Викторович, 2016

Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kmp@sgar.ru

© Плотникова Инна Николаевна, 2016

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: innap17@mail.ru

сийской юридической науки, пока не готовой консолидированно решать задачи по реализации огромного и далеко не исчерпанного потенциала Конституции РФ (с. 8).

Практический конституционализм определен как *непрерывное становление*, процесс постепенного обретения конституционного качества — и национальным сознанием, и осмысленно-деятельной социальной практикой. Представляется обоснованной критика российской законотворческой практики, которая отмечена претензиями на творческую *самостоятельность* в смысле независимости от правоповедения. Его услугами можно воспользоваться в рамках стратегии политического прагматизма и конформизма. Юридическая наука все более склоняется к «вынужденной» собственной актуальной несостоятельности (с. 10–11). Корни многих научных проблем (а следовательно, и практики) сокрыты в отсутствии общепризнанной правовой теории, а такой сегодня может быть только конституционная теория права.

Под конституционализацией В.И. Крусс понимает суверенный процесс институционального и нормативного усовершенствования государства и права, соответствующий национальной конституционной модели (в широком значении). Объект конституционализации — правовая система общества в единстве ее компонентов: *правового сознания, системы права и юридической практики* (с. 16).

Одной из главных идей, к которой автор обращается неоднократно, является идеология прав и свобод человека как высшей ценности, связь анализируемого феномена с актуальным значением прав человека, базовыми (фундаментальными) принципами их опосредования (с. 73). На особое место среди основ конституционного строя (с учетом ряда положений Конституции РФ) правомерно поставлены права и свободы человека и гражданина, а также конституционные обязанности (с. 17). Исключительно с учетом конституционного содержания прав человека могут вырабатываться юридические конструкции и режимы опосредованного правопользования как особой формы реализации права, а отраслевые права всегда необходимо воспринимать в качестве конкретизации охватывающих их прав человека (с. 19).

В монографии подчеркивается роль конституционного правосудия в обеспечении процесса конституционализации. При этом констатируется, что не может (не вправе) кто-либо, кроме Конституционного Суда РФ, решать либо «предрешать» вопрос о конституционности тех или иных правовых установлений, содержание которых всегда предопределено на фундаментальном уровне. Показано, что конституционализация невозможна без научного признания соответствующих ресурсов судебной власти и практического утверждения конституционно-судебного творчества, не сводимого к банальной рецепции англосаксонского прецедентного права (с. 48). Концепт конституционализации предполагает, что актуальное правотворчество во всех его формах и результатах должно постоянно подтверждать свою конституционность (легитимность), нормативные правовые акты должны иметь конституционный смысл безотносительно к их виду и месту в своей системе (с. 51).

Анализируя сложные философские вопросы темы, автор делает вывод, что аксиология конституционализации должна развивать представление об основных правах и свободах как блага — возможности, данного человеку для целей обретения исключительно непротивоправных благ, какие он сам полагает важными (ценностно актуальными) в своей жизнедеятельности, и лишь в той мере, в

какой устремленность к ним (благам) соответствует общепризнанным стандартам прав человека, уровню политического, социально-экономического и культурного развития государства его проживания, а также социальной (общенародной) заинтересованности в сохранении и приумножении иных базовых ценностей (с. 68). Данное суждение представляется верным, но, полагаем, что с определенной оговоркой — если имеется в виду демократическая государственность.

Сущность конституционализации, по утверждению автора, имманентно связана с ее восприятием как процесса надлежащего качественного *объективирования* и *оформления* национальной правовой материи во всех официально признанных и допустимых для нее неодинаковых и разнообразных формах (с. 74).

В гл. 3 исследованы состав и механизм конституционализации, роль Конституционного Суда РФ, определяемая его возможностями и значением в охране и осуществлении конституционных установлений. Как показано, наиболее последовательно данный Суд обеспечивает конституционализацию базовых принципов посредством их актуальной интерпретации (с. 95).

Глава 4 посвящена проблемам конституционализации в контексте российского федерализма. Выделены федеративные уровни конституционализации, параметры субфедерального участия в актуально-необходимом восприятии базовых установлений. Обосновано суждение о том, что осмысленное с учетом требований ч. 2 ст. 15 Основного Закона участие российских субъектов в данном процессе позволяет им минимизировать издержки федеральных законодательных ошибок и содействовать их исправлению (с. 145).

В гл. 5 и 6 обсуждаются вопросы конституционализации и международного правопорядка, конституционализации национального права в реалиях глобализации, связанных с проблемами дискриминации и дифференциации. Логичны и обоснованы положения о том, что адекватно понятое и воспринятое верховенство Конституции РФ ведет к необходимости признания того обстоятельства, что и позитивное право, содействуя становлению конституционного правопорядка, призвано обеспечивать не только права человека, но и другие идеалы, принципы, цели и ценности, включая комплексную безопасность и нравственность. При этом решения Конституционного Суда РФ подтверждают принципиальную пригодность конституционного текста для соответствующих интерпретационных выводов (с. 166).

Представляет интерес определение объективных предпосылок конституционализации суверенитета. Прежде всего, включение политически суверенного государства в трансгосударственный юридический контекст (верховенство права, международное признание неотчуждаемых прав и свобод человека, принципов и стандартов их обеспечения) посредством акта национального конституирования.

Значительное внимание обращено на проблему отстаивания Россией своей конституционной независимости в контексте коллизий установлений Конституционного Суда РФ, с одной стороны, и правовых позиций Европейского суда по правам человека по вопросам сущности, актуально-допусти-мых ограничениях и приемлемости моделей регулирования прав человека, — с другой (с. 172).

Вместе с тем рецензируемая работа не лишена ряда недостатков и спорных моментов. Так, не убедительно положение о необходимости «кардинального переосмысления предмета отрасли конституционного права» (с. 16). В действительности, необходимо лишь уточнить предмет данной отрасли (к примеру, место и роль судебной власти, ее конституционные основы).

Не бесспорным является вывод о том, что «одной из предпосылок конституционализации выступает теоретико-правовой отказ от глубоко укоренившихся в отечественном правоведении стереотипов необходимого внутреннего разделения систем права на относительно самостоятельные сложные элементы (отрасли)» (с. 43). Автором не приводятся достаточных обоснований в защиту этого тезиса. К тому же современная конституционализация и правовая реальность выше-сказанное не подтверждают.

Дискуссионным представляется суждение о том, что пользование соматическими правами (права на искусственное репродуктивное, прерывание беременности, трансплантацию органов) допустимо трактовать только как злоупотребление правом (с. 197). Требуются дополнительные аргументы и, возможно, широкое общественное обсуждение этой сложной и деликатной проблемы.

Не всегда обосновано, на наш взгляд, увлечение автора иностранными терминами и понятиями, преимущественно из философии, политологии, социологии: «отраслевая (институциональная) автаркия», «апологетика принципа верификации», «интенция конституционной консолидации», «метапрескрипции» (с. 11, 12, 21, 194 и др.).

Обобщая сказанное, следует отметить, что рецензируемый труд вносит значительный вклад в развитие отечественного правоведения. Работу отличают комплексный характер, глубокий и всесторонний анализ феномена конституционализации, оригинальные авторские подходы к сложным научным проблемам, широкое использование разнообразных литературных источников, материалов правоприменительной практики. Несомненно, что монография будет интересна широкому кругу научных работников, преподавателей вузов, специалистов в сфере политики и права.

¹См.: Колесников Е.В., Плотникова И.Н. Рецензия на монографию: Крусс В.И. Право на предпринимательскую деятельность — конституционное полномочие личности / отв. ред. С.А. Авакьян (М.: Юристъ, 2003. — 672 с.) // Известия вузов. Правоведение. 2004. № 3. С. 240–243.

В.С. Хижняк, М.Н. Лядащева-Ильичева

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

Кодан С.В., Февралёв С.А. Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII—начало XX в.)». – М.: Юрлитинформ, 2014. – 288 с.

V.S. Khizhnyak, M. N. Lyadascheva-Plicheva

BOOK REVIEW:

Kodan S.V., Fevraleyev S. A. Local law of national regions of Russian Empire (the second part of XVII-the beginning of the XX century). – М.: Yurlitinform, 2015. – 288 p.

Рецензируемая монография, представляет научный интерес в первую очередь для специалистов в теории и истории государства и права, а также для исследователей истории местного законодательства. Монографическое исследование носит комплексный и историко-теоретический характер, а также является продолжением многолетних научных изысканий авторов по истории общегосударственного и местного права Российской империи¹.

Монографическое исследование проблем формирования, развития и трансформации местного права национальных регионов Российской империи во второй половине XVII — начала XX в. определяется новизной подхода, методологически обоснованными широкими хронологическими, территориальными рамками и источниками исследования.

Монография носит концептуальный характер, т.к. в ее основу положен политико-юридический научный критерий развития местного права национальных регионов в Российской империи, что позволило провести реконструкцию процесса и динамику правового развития местного права регионов в составе империи.

Местное право рассматривается в качестве политико-правового явления имперского периода развития России в XVII — начале XX в. в контексте трех взаимосвязанных проблем: изучения политических и идеологических предпосылок формирования и становления местного права как составной части российской имперской системы права, анализа его юридической природы и определения правовых характеристик местных правовых систем отдельных национальных регионов Российской империи².

Историография данной проблемы и содержание работы свидетельствуют об ее научной новизне и существенном вкладе авторов в теоретическое осмысление особенностей и закономерностей формирования, развития и трансформации местного права. Авторы проанализировали основные теоретико-методологические

© Хижняк Вероника Сергеевна, 2016

Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: veronika_h@mail.ru

© Лядащева-Ильичева Марина Николаевна, 2016

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ljad-il@yandex.ru

проблемы исследования местного права, изученные или поставленные в дореволюционной, советской и современной научной юридической литературе.

Особенности международного и внутригосударственного права, развития российской государственности и системы права определяют методологию юридической науки и потребности переосмысления государственно-правового опыта в регулировании общественных отношений в многонациональном Российском государстве второй половины XVII — начала XX в. Результаты подобных исследований призваны способствовать выявлению особенностей и закономерностей развития общегосударственного и местного права в их соотношении и дальнейшему развитию внутригосударственного права в целом.

Россия рассматривается авторами как полиэтничный социум, формировавшийся народами и государственной властью на основе сохранения многообразия в религии, особенностях управления, местных законов и обычного права. Соответственно исследование особенностей и закономерностей формирования, развития и трансформации местного права определили широкий спектр источников: нормативно-правовые источники, (международно-правовые акты, правовые акты российской верховной власти), судебные решения и интерпретационная практика Правительствующего Сената. Международно-правовые акты, общероссийские и местные правовые акты рассматриваются как источники обособленных партикулярных правовых систем в каждом национальном регионе.

Исследование общегосударственного и местного права в их соотношении и историческом развитии потребовали от авторов разработки соответствующих методологических основ. Монографическое исследование является удачным примером применения диалектического, историко-правового, сравнительно-исторического, сравнительно-правового, формально-логического и системного методов.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XVII — начала XX в. И все же авторы обратились к истокам и основным тенденциям российского партикуляризма и зарождению местного права в России (X — первая половина XVII в.).

Особый интерес вызывают истоки и особенности формирования и развития двухуровневой системы права: общегосударственного и местного. Исследование состоит из введения, трех глав и заключения:

Глава 1. Истоки правового партикуляризма и политико-юридическая природа местного права национальных регионов в составе Российской империи (вторая половина XVII — начало XX в.).

Глава 2. Интеграция, развитие и унификация местного права в административно-автономистских образованиях Российской империи (вторая половина XVII — начало XX в.).

Глава 3. Интеграция и трансформация местных систем права национально-автономистских образований Российской империи (XIX — начало XX в.).

Результаты комплексного политико-юридического исследования расширяют существующие представления о юридической природе и особенностях формирования, развития и трансформации местного права в национальных регионах в рамках партикулярных систем права и системы права Российской империи второй половине XVII — начале XX в.

Особый интерес для исследователя истории российского права представляют теоретические выводы. В частности, идея о том, что «местное право представляло совокупность относительно обоснованных партикулярных систем права, представленных действующими в отношении населения присоединенных к Российскому государству территорий и санкционированными российской властью источниками партикулярного права, ранее сложившимися в национальных регионах в период их вхождения в другие государства или наличия у них собственной государственности и правового регулирования»³.

Авторы определили место и роль местного права в политике, идеологии и деятельности российской верховной власти, дали оценку процессов развития и трансформации местного права административно-автономных образований, которые первыми вошли в состав Российского государства в период его формирования как империи и которые подверглись наибольшей унификации во второй половине XVII — начале XX в.; дали оценку процесса развития трансформации местных систем права национально-автономных образований, сложившихся и охватывающих основные сферы правового регулирования в национальных регионах до вхождения их в состав Российской империи.

В политико-юридическом исследовании, проведенном авторами, получил теоретическое осмысление процесс формирования и развития Российского государства и систематизации общего и местного права, что имеет существенное значение для историко-правовой и сравнительно-правовой науки. Системность обусловлена социальными и территориальными рамками исследования. Так, в монографии рассмотрены местные системы права в таких национальных регионах Российской империи, как Малороссия, Белоруссия, Литва, Остзейская губерния, Грузия и Закавказье, Великое княжество Финляндское, Бессарабия и Царство Польское. Приводятся факты, свидетельствующие о том, что российская власть в рассматриваемый период принимала все меры для сохранения как источников местного права, так и его определенной обособленности, хотя последняя согласно их выводам была в большей степени характерна для Великого Княжества Финляндского. Эти факты свидетельствуют об уважении самобытности народов, населявших Российскую империю в период с XVII до начала XX в.⁴

В работе уделено внимание и вопросу о международно-правовом оформлении включения национально-автономных образований в состав Российской империи. Авторы ссылаются на соответствующие международные договоры. Для российской внешней политики того периода было характерно строгое следование такому принципу международного права, как принцип добросовестного соблюдения международных договоров, что подчеркивает тот факт, что включение национально-автономных образований в состав Российской империи также осуществлялось с его соблюдением.

Таким образом, в анализируемой монографии С.В. Кодана и С.А. Февралёва освещен широкий спектр вопросов, связанных с зарождением, развитием, интеграцией и трансформацией местного права национальных регионов в составе Российской империи. На наш взгляд, данная работа будет интересна не только специалистам в области истории права или сравнительного правоведения, но и теоретикам, конституционалистам и международникам.

³ См.: *Кодан С.В., Февралёв С.А.* Местное право Великого княжества Финляндского в правовой системе Российской империи: интеграция, источники, трансформация (1808–1917 гг.) // *Юридические исследования.* 2013. № 3. С. 258–317; *Их же.* Формирование и развитие местного права в Бессарабии в

составе Российской империи (1812–1917 гг.) // *Юридические исследования*. 2013. № 4. С. 230–285; *Их же*. Состояние, развитие и унификация местного права Малороссии и Западных губерний (вторая половина XVII — первая половина XIX в.) // *Юридические исследования*. 2013. № 5. С. 268–295; *Их же*. Местное гражданское право Грузии в правовом регулировании на Кавказе (1800–1850-е гг.) // *Юридические исследования*. 2013. № 6. С. 197–219.

²См.: *Кодан С.В., Февралёв С.А.* Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII — начало XXв.). М., 2014. С. 10–11.

³Там же. С. 231.

⁴См.: Там же. С. 231–243.

ПЕРСОНАЛИИ

К ЮБИЛЕЮ ВЛАДИСЛАВА ИГОРЕВИЧА ПОРОХА

TO THE BIRTH ANNIVERSARY OF VLADISLAV IGOREVICH POROKH

С января 1974 г. Владислав Игоревич Порох работал доцентом, а с 1999 г. по настоящее время он — профессор кафедры политологии Саратовской государственной юридической академии. В 1973 г. им была защищена кандидатская диссертация на тему «Общественно-политическая и литературно-издательская деятельность И.С. Аксакова в годы первой революционной ситуации». В 1999 г. защитил докторскую диссертацию на тему «М.И. Семевский в общественной жизни России в 60-е — начале 90-х годов XIX века». Сфера его научных интересов — история России XIX в., а в последнее время — политические процессы в современной России. В.И. Порох опубликовал свыше 50 научных работ, издал 3 монографии, последнюю в 2014 г. «И.С. Аксаков в борьбе за свободу слова и печати». В.И. Порох принимает активное участие в конференциях и конгрессах, проходящих в России и СНГ, является членом научного политологического общества.

Трудовая деятельность Владислава Игоревича отмечена наградами, он — ветеран труда, Почетный работник высшего образования РФ, награжден Почетной грамотой губернатора за длительную и безупречную работу.

Своим добросовестным трудом В. И. Порох снискал высокий авторитет в Саратовской государственной юридической академии и в коллективе кафедры политологии. Профессорско-преподавательский состав, Совет ветеранов, друзья и студенты искренне и от всей души желают ему здоровья, благополучия, успехов в воспитании молодого поколения и научной работе.

*А.И. Демидов,
доктор философских наук,
профессор, заведующий кафедрой политологии
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ИНФОРМАЦИЯ

В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ

IN DISSERTATION COUNCILS

В сентябре 2016 г. в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» защищены диссертации:

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

26 сентября 2016 года — **Бурдановой Анной Сергеевной** на тему «Конституционное право на свободное занятие предпринимательской деятельностью по российскому и немецкому праву (сравнительно-правовой анализ)».

Специальность 12.00.02 — конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Г.Н. Комкова.

26 сентября 2016 года — **Сорокиным Романом Сергеевичем** на тему «Увольнение с государственной службы как мера противодействия коррупции».

Специальность 12.00.14 — административное право, административный процесс.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Э.Г. Липатов.

27 сентября 2016 года — **Исаенковым Александром Андреевичем** на тему «Иммунитеты в гражданском процессуальном праве России».

Специальность 12.00.15 — гражданский процесс, арбитражный процесс.

Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент Т.М. Цепкова.

27 сентября 2016 года — **Мухаметовым Артуром Камильевичем** на тему «Процессуальные особенности рассмотрения споров, возникающих из экологических правоотношений».

Специальность 12.00.15 — гражданский процесс, арбитражный процесс.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Д.Х. Валеев.

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

Журнал «Вестник Саратовской государственной юридической академии» включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ; зарегистрирован в качестве реферируемого подписного федерального издания, в связи с чем повышаются требования, предъявляемые к статьям и материалам.

1. Для оптимизации редакционно-издательской подготовки редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1. Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см; сноски концевые автоматические, кегль 12, шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты и телефон для связи (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, телефон для связи (все параметры обязательны).

1.4. Выписка из решения заседания кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию рукописи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем.

1.5. Внешняя рецензия специалиста в данной научной сфере, имеющего ученую степень (из другого вуза или от практического работника), подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

1.6. Отзыв научного руководителя (для аспирантов, адъюнктов и соискателей).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться: а) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); б) названием; в) местом работы автора (авторов); г) электронным адресом автора (авторов); д) краткой аннотацией содержания рукописи (3–4 строчки, не должны повторять название); е) списком ключевых слов или словосочетаний (5–7).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

Оформление рисунков: а) все надписи на рисунках должны читаться; б) графики и диаграммы должны быть оформлены с учетом особенности черно-белой печати; цветные рисунки исключаются; в) графики и диаграммы должны читаться отдельно от текста, поэтому они должны иметь название и (при необходимости) единицы измерения.

Рисунки и таблицы должны иметь название и ссылку в тексте.

5. Сноски в тексте должны быть концевыми и проставлены автоматически. Они оформляются следующим образом:

а) для монографий: фамилия и инициалы автора (курсивом), название книги, место издания и год издания: Куликов А.Н. Египет: боги и герои. Тверь, 1995;

б) для статей в сборниках и периодике: фамилия и инициалы автора (курсивом), название статьи; далее (после двух косых черточек) — название сборника или журнала, место издания и год издания (для периодических изданий — год издания и номер): Дубашинский И.А. Свифт // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971. С. 706–710.

в) для ссылок на электронный ресурс: фамилия и инициалы автора (курсивом), название статьи; далее (после URL) — адрес электронного ресурса в Интернете, в скобках — после слов «дата обращения:» дата обращения автора статьи к этому ресурсу: Артамонова Е. Новый Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: статус прокурора. URL: www.srbpravo.ru (дата обращения: 23.01.2009); Хужокова И.М. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации». Подготовлен для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2006; Типовые правила внутреннего контроля в кредитной организации: утверждены Комитетом АРБ по вопросам ПОД/ФТ, протокол заседания Комитета № 21 от 17 июня 2009 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 и по адресу: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru

3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, просим автора поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте СГЮА по адресу: <http://www.ssla.ru/show!phtml?vestnik-public>

7. Плата с аспирантов и адъюнктов за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.